

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

модели и стратегии

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПОЛИТОЛОГИИ

В.С. Шмаков, Н.Д. Вавилина, В.Ю. Дунаев

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА: МОДЕЛИ И СТРАТЕГИИ

Новосибирск
2007

УДК 316.334.3
ББК 66.033.11
С 692

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 05-06-80164)
и Президиума Сибирского отделения РАН (Интеграционный проект № 7.7).

Редакционная коллегия:

Чл.-корр. РАН В.И. Бойко, к.филос.н. О.В. Нечипоренко,
М.Р. Зазулина, В.В. Самсонов

Рецензенты:

доктор философских наук профессор В.С. Диев
доктор философских наук, профессор В.В. Мархинин
доктор философских наук, профессор В.Д. Курганская

Шмаков В.С., Вавилина Н.Д., Дунаев В.Ю.

**С 692 Социальная политика: модели и стратегии / Под ред. чл.-корр. РАН
В.И. Бойко — Новосибирск: Параллель, 2007. — 448 с.**

ISBN 978-5-98901-006-6

Данная монография является комплексной работой, посвященной теоретическим вопросам развития социальной политики в условиях современного трансформирующегося общества. В рамках монографии, помимо анализа базовых понятий и общих оснований исследований социальной политики (в том числе ее понятия, сущности, субъектно-объектной структуры, типологии и динамики) и социального управления, освещаются теоретические аспекты молодежной, демографической, семейной политики, проблемы социального неравенства, борьбы с бедностью, социально-трудового партнерства. Особое внимание уделено влиянию на теорию и практику социального реформирования глобализационных процессов. Теоретические разработки авторов открывают перспективу широкого сопоставления материала и сравнительного анализа стратегий реформирования социальной политики.

Книга рассчитана на специалистов и широкий круг читателей, интересующихся проблемами социального развития современного мира.

ISBN 978-5-98901-006-6

© Шмаков В.С., Вавилина Н.Д., Дунаев В.Ю., 2007
© Институт философии и права СО РАН, 2007

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящее издание подготовлено в рамках исследования проблем реформирования социальной сферы современной России. Объектом монографии является социальная политика, а непосредственный предмет работы составляют теоретические основания исследований социальной политики. Актуальность обращения к этой теме определяется тем фактом, что развитие социальной сферы, социальная защита и предупреждение социальных рисков являются важнейшими, приоритетными направлениями трансформации российского общества.

Переход к рыночной организации экономики и реформирование социально-политической сферы общества невозможны без анализа социальных процессов, социальных аспектов трансформации, а также определения оптимальных методов их регулирования. Не случайно многие исследователи отмечают, что цивилизованный переход к рынку предполагает приоритетность решения социальных проблем¹. Игнорирование социальных аспектов в осуществлении экономических преобразований нередко называется в качестве одного из недостатков политики реформ.

Конституция Российской Федерации провозглашает социально ориентированное государство, и социальная политика объективно выходит сегодня на первый план в деятельности органов государственной власти и местного самоуправления. В настоящее время продолжается формирование социальной политики как социального института — и на федеральном, и на региональном и локальном уровнях: происходят процессы разработки целостной идеологии социальной политики демократического государства, становления нормативной и ценностной базы социальной политики, складываются ее организационные структуры, в сознании населения создается комплекс специфических представлений относительно социальной политики и приоритетных направлений социального развития. Крайне сложно происходит движение от патерналистской-уравнительной социально-экономической системы социализма

к рыночному социальному государству, граждане которого не просто наделены социальными правами и обязанностями, но и сами являются активными участниками социального процесса и во многом разделяют социальную ответственность наравне с государством.

Становление и формирование целостной модели социальной политики в постсоветском обществе происходят крайне сложно, противоречиво, что обусловлено и недостаточной ресурсной базой, и отсутствием опыта управления социальным развитием в условиях плюралистического порядка рыночного общества, и сложившимися стереотипами массового сознания.

Для оптимизации управления социальной сферы необходимы и практические действия, и социологическая рефлексия теоретических оснований социальной политики в современном мире. Существует насущная проблема систематической разработки теории социальной политики. К сожалению, злободневным остается высказанное В. Зомбартом еще в самом начале XX в. утверждение, что «в настоящее время считается позволительным написать целую книгу о “социальной политике”, не отдавши себе отчета, какое точное понятие соответствует этим словам»².

Исследования теоретических оснований социальной политики относятся к теоретической социологии, которая, в отличие от эмпирической социологии, не апеллирует непосредственно к социальным фактам, будучи направлена на выявление законов жизни общества и выдвижение концептуальных объяснительных схем. Как известно, каждый из этих двух типов знания имеет свои исследовательские методы, процедуры, критерии надежности и объективности, обладает собственной логикой развития.

Методологической основой исследования послужила совокупность взглядов российских и зарубежных исследователей на проблемы общества и социальных институтов (Э. Дюркгейм, М. Вебер, Т. Парсонс, Д. Норт и др.), роль социальной справедливости в политике (И. Хабермас) и др.; в первую очередь классическая социология, современные теории социального государства, глобализации, системный и структурно-функциональный анализ, методология социального анализа экономических явлений и демографических процессов и теория социальной работы.

Необходимо заметить, что сама по себе проблематика социальной политики занимает отнюдь не центральное место в структуре социологического знания и не является самостоятельной подотраслью социологической науки, т. е. самостоятельной научной дисциплиной. Как правило,

социальная политика в несистематизированном виде входит в различные разделы социологической и экономической теории.

Как и теоретическая социология вообще, исследования социальной политики возникли в Западной Европе, прежде всего во Франции, Англии, Германии. Их проблематика нередко представляет актуальный интерес для социологов современной России. Важны и теоретико-методологические подходы, и характер изучаемых проблем и объектов, адекватность различных теоретических схем для современности, но в данной работе акцент делается на тех аспектах, которые наиболее близки интересам российских социологов в наше время. Особый интерес представляют классические теоретически ориентированные исследования XX столетия, современные исследования глобализации.

В последние десятилетия новые независимые государства, образовавшиеся на постсоветском пространстве, переживают этап системной трансформации, сопровождающийся не только созидательными, но и разрушительными процессами. Системная трансформация ставит общество перед трудностями социального, экономического и культурного характера, изменяет цели, средства и способы функционирования социальной системы, приводя ее в особое состояние, формируя специфические сознание и поведение людей, специфические социальные адаптационные реакции, сопровождаясь появлением новых социальных феноменов.

Все эти процессы актуализировали изучение трансформационных изменений и привлекли внимание к проблеме разработки методологии этих исследований. Очевидно, что такая методология должна быть комплексной и междисциплинарной. Конечный выбор методов исследования и принципов их сочетания детерминирован исследовательскими целями и задачами. В результате такого подхода к исследованию обнаруживаются и новые пересечения различных методологических парадигм.

Достаточно перспективным в качестве общего методологического основания исследований постсоветских обществ оказывается модернизационная парадигма. Рассмотрение процессов социально-экономической адаптации постсоветских обществ к происходящим изменениям в рамках теории модернизации позволяет обнаружить внутреннюю логику их развития, определить мировой контекст, задаваемый процессами глобализации, и дать комплексную характеристику происходящих в них процессов.

Анализ общественного развития в рамках традиционного цивилизационного подхода и предлагаемой им дихотомии «вызов/ответ» позволяет

интерпретировать развитие любого общества с точки зрения вызовов, с которыми сталкиваются сегодня постсоветские общества: это, прежде всего, глобальные вызовы Запада, предстающие как вызовы современности прошлому и определяющие то внешнее воздействие, которое способно создать в постсоветских странах внутренний импульс собственного развития. С такой точки зрения «догоняющая» модернизация является ответом постсоветских обществ на влияние глобализирующегося мира. Ответ, с одной стороны, выражается в стремлении этих обществ измениться в сторону приближения своей экономики, политики, культуры к западному миру, а с другой стороны, он обусловлен всей спецификой цивилизационного, социокультурного развития постсоветских государств.

Рассуждая о новых независимых государствах, стоит заметить, что все они к моменту образования уже имели специфический модернизационный опыт — речь идет об опыте, полученном в «советский» период их развития. Интерпретация советского опыта как «модернизационного» оправдана схожестью двух «альтернативных» моделей развития — капиталистического мира Запада и «социалистического лагеря»: несмотря на существующие между ними политические различия, их сутью являются индустриализация и создание индустриальной культуры, обеспечивающие условия для повышения уровня жизни людей и их благосостояния, основанные на ярко выраженном стремлении к рационализации.

Модернизационное развитие «догоняющего» типа в силу ряда причин оказалось преобладающей стратегией развития большинства постсоветских государств, однако конечная цель модернизационных реформ — создание механизмов рыночной экономики и демократически-правовой государственности — не была полностью достигнута, и это является важным для понимания специфики трансформационных процессов в постсоветских государствах. Уже к середине 1990-х гг. наметились первые признаки формирования типологически своеобразных, устоявшихся режимов, по своему характеру являющихся квазирыночными и квазидемократическими, что, в свою очередь, обусловило специфические черты в формировании стратегий социальной адаптации населения постсоветских государств.

Применение методологической схемы, предлагаемой цивилизационным подходом к процессам, происходящим внутри трансформирующихся обществ, позволяет в качестве «вызова» интерпретировать политику, проводимую государством, т. е. собственно модернизационные реформы, а в качестве «ответа» — модели социально-экономического поведе-

ния, вырабатываемые населением в процессе адаптации к реформам. В целом модернизационные изменения в постсоветских государствах определяются двумя основными факторами: во-первых, общими закономерностями трансформации традиционных национальных обществ в условиях возрастающего воздействия современной индустриальной культуры, во-вторых, влиянием формирующихся рыночных отношений, обуславливающих радикальное преобразование сложившегося образа жизни населения. В результате эти модернизационные изменения являются крайне противоречивыми и имеют нелинейный характер. В то же время модернизационные процессы инерционны и, следовательно, модернизация сама по себе не гарантирует движения общества к сплоченности и интеграции.

Виток модернизации, который постсоветские государства переживают в последние десятилетия, имеет свою специфику: во-первых, он проходит в условиях развала мировой социалистической системы и, соответственно, утраты привычных идентификаций и схем поведения, а во-вторых, он осуществляется в контексте общемирового глобального сдвига, предопределяющего односторонность тенденций экономического и политического развития стран. Именно процессы глобализации во многом определяют сегодня стратегии и модели социально-политического и экономического развития постсоветских обществ. Под влиянием современной теории глобалистики сами понятия «цивилизация» и «модернизация» претерпевают изменения и интерпретируются по-новому. В результате постепенного сближения этих подходов развитие современного мира все чаще понимается как движение в направлении единства мировой цивилизации. Под воздействием глобализации меняются роль государства в жизни общества, набор и объем его социальных функций, идеология, формы и методы социальной политики.

Таким образом, теоретические основания исследований социальной политики в настоящем издании анализируются во взаимосвязи с процессами модернизации и глобализации, определяющих социальную жизнь постсоветских обществ и всего мира.

Описанные выше теоретико-методологические подходы в сочетании с социально-философским анализом объекта социальной политики — общества, и технологий управления социальной сферой позволяют провести исследование сущности и содержания социальной политики в современных условиях, прояснить базовые понятия теории социальной политики, выявить основные направления государственной социальной

политики и процесс становления социальной политики в современных условиях, взаимосвязь данного явления с общецивилизационными процессами.

В работе также обосновано наличие переходных моделей социальной политики, специфика которых определяется большим или меньшим наличием элементов «дориночных» или рыночных механизмов, неизбежность развития и противоречий социальной политики, включающей как субсидиарные, так и патерналистские элементы. Подобный подход кажется нам весьма своевременным в изучении современных тенденций развития социальной политики.

Примечания

1 См.: *Сурков К.* Новые подходы к социальной политике // *Человек и труд*. — 1999. — № 11. — С. 12.

2 Цит. по: *Константинова Л. В.* К понятию «социальная политика» в современной общественной теории // *Научно-практический журнал Северо-Западной Академии государственной службы*. — 2005. — № 2. — С. 111.

Глава 1. Социальная политика как конструирование «хорошего общества»: принципы и технологии

1.1. Социальная реальность как предметная область социальной политики

Вряд ли у кого-либо вызовет принципиальные возражения тезис о том, что главной задачей социальной политики является гуманизация социальных условий повседневной жизни людей. Споры и дискуссии начинаются вместе с вопросами о том, какое содержание должно нести в себе понятие гуманизации социальных структур и институтов, какие концепции и программы, методы и формы, модели и пути решения этой задачи являются оптимальными по отношению к данному конкретному обществу. В свою очередь, особенности постановки и решения такого рода вопросов очевидным образом определены тем, какого рода теоретический базис закладывается в основу анализа и интерпретации социальной реальности.

Рассматривая проблемы социальной политики, мы неизбежно сталкиваемся с вопросами о сущности и особенностях, законах и структурах социальной реальности, о специфике социальных понятий и теорий, о соотношении ценностных и фактических суждений в социодискурсе, — словом — с предметной областью социальной онтологии и эпистемологии. Но сама связь политики и онтологии выступает в современном (постиндустриальном, информационно-коммуникативном) обществе в существенно преобразованном виде по сравнению с прежними типами социальности (традиционной, индустриальной). Господство релятивистских подходов к социальной реальности является не столько следствием их якобы интеллектуального, концептуально-методологического превосходства над субстанциалистскими концепциями, сколько отражением особенностей процесса глобализации.

Дело в том, что онтологическая структура общества многослойна и разнокачественна. В социальной динамике постиндустриальной эпохи решающую роль начинают играть информационно-коммуникативные се-

ти и выстраивающиеся на их основе политические технологии, направленные на конструирование социальной реальности и программирование ее трансформаций. В соответствии с этими тенденциями конструктивистская (релятивистская) парадигма социодискурса вытесняет эссенциалистские (субстанциалистские) модели социальной онтологии.

С учетом подобного рода изменений, происходящих в предметном поле и концептуально-методологическом аппарате современной социальной теории, стратегию решения основной задачи социальной политики можно сформулировать в следующей редакции: преобразование («конструирование») социальной реальности в соответствии с нормативно-декриптивным комплексом представлений о «хорошем обществе». При ориентации социальной политики на конструирование «хорошего общества» ее проблемно-смысловое содержание ставится в непосредственную связь как с выбором и использованием технологий и методов политического управления социальными процессами, так и с фундаментальными мировоззренческими, концептуальными, методологическими проблемами социальной теории.

Концепт «хорошее общество» достаточно широко употребляется в современной западной социологии, а в последние годы стал использоваться и в работах российских авторов. В монографии, посвященной обсуждению проблемы «хорошего», «приемлемого для жизни» общества, отмечается: применение концепта «хорошее общество» несет в себе проектное начало, направленное на преобразование социальной реальности, при этом таким образом, что философские и научные знания работают совместно с вненаучным обыденным и специализированным знанием¹. Меж- и метадисциплинарный характер проблемы «хорошего общества» следует уже из полисемантичности и контекстуальности значений самого этого словосочетания. «Хорошее общество» очевидным образом не является ни научным термином или понятием, ни философской идеей или категорией. Не вполне релевантно отнесение его к сфере представлений обыденного сознания, так же как не совсем корректно использование в отношении «хорошего общества» определения «концепт», следуем ли мы современной терминологии или средневековой традиции. В современном словоупотреблении *концепция* понимается в контексте теоретического знания *в отличие* от обыденного сознания. В средневековом мышлении концепт означает способ артикуляции смыслов в пространстве речи и души *в отличие* от понятия как объективно-идеального единства предметного многообразия в пространстве языка и теории. «Хорошее общество» совмещает в себе все эти различные и противопоставленные друг другу формы и контексты.

В дальнейшем мы будем пользоваться разными терминологическими формами для обозначения «хорошего общества» с учетом условности его понятийного статуса и в зависимости от тех смысловых акцентов, которые *ad hoc* представляются наиболее значимыми.

В строгом смысле слова «хорошее общество» вообще нельзя считать термином. Термин предполагает жестко определенное значение того или иного слова. Между тем в словосочетании «хорошее общество» подразумевается конгломерат неопределенного множества характеристик и признаков, наборы и сочетания которых варьируются в зависимости от столь же множественных контекстов. Так, например, в англоязычной литературе «Good Society» имеет широкий спектр значений уже благодаря чрезвычайной многозначности слова «Good», зафиксированной в словарях: *то, что много выше среднего, достигшее высокого уровня, приятное, имеющее желаемые качества, находящееся в отличном состоянии, прекрасное, целостное, соответствующее высокому качеству или стандарту, разумное, подходящее, способное производить желаемый результат или создавать желаемые условия, удобное, честное, морально правильное, соответствующее правилам, счастливое, приятное, привлекательное, здоровое, неиспорченное, надежное, успешное, желанное, приемлемое, правильное и т. д.*²

Если перейти к содержательным аспектам проблемы, то очевидными представляются как относительность (культурно-историческая, социально-психологическая, этносоциальная, классовая, идеологическая, конфессиональная и т. д. обусловленность) субъективных (индивидуальных и коллективных) представлений о том, какое общество следует считать хорошим, так и существование эмпирически фиксируемых индикаторов (демографические показатели, уровень занятости, доход на душу населения, стоимость и доступность образовательных услуг и т. д.), позволяющих объективно судить о качестве социальной реальности того или иного общества. При этом односторонний акцент как на контекстуально-ситуационном характере феноменологии «хорошего общества», так и на его «эмпирически очевидных» признаках и критериях заводит социальную политику в теоретический тупик и предreshает социальную деструктивность практических попыток конструирования «хорошего общества».

«Эмпирически очевидные», «объективные» критерии качества социума на деле всегда опосредованы социокультурными контекстами. Для одних, достаточно многочисленных в ряде стран, групп населения теократическое или этнократическое общество является не просто хорошим, а единственно приемлемым вариантом социального устройства. Для других групп населения жизнь в обществе такого типа становится тяжелей-

шим испытанием. Для западного либерализма очевидной является безальтернативность правового государства, в котором законы и судебные процедуры являются универсальным средством обеспечения социального порядка и разрешения спорных вопросов, а государственный патернализм воспринимается как архаический, варварский вид тоталитаризма: «*Правление отеческое (imperium paternale)...* есть величайший *деспотизм*, какой только можно себе представить»³. В «хороших» традиционалистских обществах обязательна метаправовая инстанция поддержки и восстановления социальной справедливости в лице мудрого и справедливого правителя, «Царя-батюшки». В Китае, Японии и ряде других стран дальневосточного региона считается, что конституционно-правовое ограничение государственной власти не имеет нормативного значения, а организация социального бытия на основе механизмов правовой регуляции свидетельствует о варварском характере общества. Человек не должен настаивать на своих правах — это *недостойное* поведение. Добропорядочный гражданин «хорошего общества» должен исключать любые правовые притязания и всячески избегать обращения к правосудию, руководствуясь стремлением к гуманности, справедливости, социальной гармонии и миру. «Конечно, могут существовать законы как средство устрашения или как какая-то модель. Но они создаются не для того, чтобы применяться, и к тем, кто хочет строить свою жизнь, руководствуясь ими и игнорируя приличия и правила хорошего поведения, не испытывают ничего, кроме презрения»⁴.

Выделение эмпирических индикаторов качества жизни и состояния общества, кроме всего прочего, проблематично постольку, поскольку факторы, расцениваемые как объективно позитивные, зачастую связаны причинной и функциональной зависимостью со столь же объективно негативными характеристиками. Более того. На тех структурных уровнях социальной онтологии, на которых общество выступает как органическая целостность, вообще невозможна сепарация его «хороших» и «плохих» сторон. Поэтому, не имея ничего против исследований, в которых проводятся сравнения и определяются рейтинги «хороших обществ» на основе унифицированного набора эмпирических признаков, факторов, показателей и т. д.⁵, следует отдавать себе отчет в условности подобного рода сравнений и в недопустимости замены ими теоретического анализа. На этом обстоятельстве следует особо заострить внимание в контексте проблемы построения моделей «хорошего общества» и их практической реализации посредством проведения соответствующей социальной политики.

«Тема «хорошего общества» возникает как эмпирическая и нормативная попытка «сконструировать» социум на основе конвергенции лучших черт,

присущих разным обществам», при этом подобного рода модели строятся «во многом в пику теоретическим представлениям» и в связи «с исчерпанием доверия к радикальным проектам, будь они неолиберальными, коммунистическими или какими-либо еще»⁶. Однако дело в том, что, *во-первых*, условием практической реализации такого метода моделирования «хорошего общества» является бесструктурность, онтологическая аморфность реконструируемого общества. Если же этот метод применяется не к абстрактному «обществу вообще», которое как раз и имеют в виду все «радикальные проекты», а к любому реальному, здесь и сейчас существующему обществу, то он ничем не отличается от «эмпирической и нормативной» попытки конструирования «хорошего жениха» Агафьей Тихоновной из гоголевской «Женитьбы» и имеет такой же практический смысл:

«Никанор Иванович недурен, хотя, конечно, худошав; Иван Кузьмич тоже недурен. Да если сказать правду, Иван Павлович тоже... Если бы губы Никанора Ивановича да приставить к носу Ивана Кузьмича, да взять сколько-нибудь развязности, какая у Балтазара Балтазарыча, да, пожалуй, прибавить к этому еще дородности Ивана Павловича — я бы тогда тотчас же решилась».

«Немецкий порядок недурен, хотя, конечно, излишне педантичен; американское общество тоже недурно... Если бы западную демократию да приставить к православной духовности, да взять сколько-нибудь трудолюбия, какое у японцев, да, пожалуй, прибавить к этому еще социального государства, которое у скандинавов, — тотчас образовалось бы и у нас хорошее общество».

Во-вторых, выделение «лучших черт, присущих разным обществам» предполагает представление о том, какие же черты являются действительно лучшими, т. е. наличие не просто нормативной — эмпирической или идеально-типической в веберовском смысле, — а идеально-нормативной модели общества. Концептуально-методологические различия моделей «идеального» и «хорошего» общества, радикально-утопических и умеренно-реформистских социальных проектов действительно существуют и были осознаны еще в социальной мысли древности. Если Платон ставит вопрос об *идеальном, совершенном, образцово устроенном* и т. д. государстве, то Аристотель поднимает проблему *оптимального* или даже *приемлемого* устройства государства. Причем ставиться и решаться эта проблема должна применительно не к абстрактной модели государства вообще, а к конкретным условиям той или иной страны, к той житейской обстановке, в которой живет большинство людей.

В основу анализа и интерпретации социальной реальности могут быть заложены как отдельные концепции, так и исследовательские программы. Исследовательской программой, как правило, не только допускается, но и предписывается интегрирование различных, в том числе разнопорядковых и даже взаимоисключающих, концепций и парадигм, их использование на разных стадиях исследования и для разработки его отдельных этапов. В рамках одной из наиболее перспективных, на наш взгляд, исследовательских программ, направленных на решение комплекса проблем, тематизированных под рубрикой «Социальная онтология и социальная политика», дисциплинарным пространством размещения отправного пункта анализа онтологических оснований социальной рефлексии становится не социальная философия в традиционной ее форме, а социология знания в том виде, какой она получила у Питера Бергера и Томаса Лукмана. Социология знания объявляет, что она лишена онтологических амбиций: вопросы относительно предельного смысла понятий «реальность» и «знание» задаются на освященной веками интеллектуальной территории философии. Вместе с тем социология знания имеет дело с проблемами социальной относительности «реальности» и «знания», с теми процессами, с помощью которых некая система «знания» становится социально признанной в качестве «реальности» в том или ином обществе. Одним словом, *«социология знания имеет дело с анализом социального конструирования реальности»*⁷.

Ее предметом являются не теоретические идеи, научные, мифологические, философские интерпретации мира, а все то, что считается знанием, признанным в качестве реальности, в данном обществе, в повседневной, до- и внетеоретической жизни. Структуры обыденного мышления в повседневной жизни имеют большее право на онтологический смысл, чем теоретические интерпретации и идеи людей, профессионально занятых конструированием мировоззрений и онтологических определений. Такое понимание задач социологии знания предложил еще Альфред Шюц: «Все типизации обыденного мышления сами являются интегральными элементами конкретно-исторического и социально-культурного жизненного мира (*Lebenswelt*), в рамках которого они считаются само собой разумеющимися и социально признанными. Их структура определяет социальное распределение знания, его относительность и соответствие конкретному социальному окружению конкретной группы в конкретной исторической ситуации»⁸. В аналогичном направлении развивает понимание предмета социальной онтологии Д. Лукач: «... онтологическое рассмотрение общественного бытия невозможно, если мы не будем искать его исходный пункт в элементарных фактах повседневной жизни человека»⁹.

Социология знания, согласно замыслу ее создателей, призвана ответить на ключевой вопрос современной социологии: **как человек создает социальную реальность и как эта реальность создает человека?** Очевидно, что в такой формулировке своего предмета эта дисциплина должна разрабатываться не только как контекстуально-ситуационная феноменология социального бытия, но и как его онтология, единый массив теоретической аргументации которой вырастает из анализа реальности повседневной жизни и знания, возникающего в рамках «естественной установки».

Насколько оправданна и методологически легитимна такая программа? Двойственный характер общества: объективная фактичность и совокупность субъективных значений, — определяет реальность повседневной жизни. «Повседневная жизнь представляет собой реальность, которая интерпретируется людьми»¹⁰, и именно объективацией этих процессов интерпретации конструируется повседневный интерсубъективный мир. Поэтому смысловые структуры реальности раскрываются в детальном феноменологическом анализе естественной установки повседневного сознания. При этом «феноменологический анализ повседневной жизни, или, скорее, даже ее субъективного восприятия, воздерживается от причинных и генетических гипотез так же, как и от утверждений относительно онтологического статуса анализируемых феноменов»¹¹. Таким образом, при обращении к интерпретациям повседневной реальности учитывается их «само собой разумеющийся» характер, но «в рамках феноменологических скобок»¹². Социология знания, унаследовав от Маркса наиболее глубокую формулировку как своих основных понятий, так и центральной проблемы¹³ — взаимосвязи мышления с социальным контекстом, — раскрывает механизмы производства социальных определений реальности повседневной жизни.

Итак, предметом онтологического анализа в социологии знания становится процесс (внутренняя структура) *производства — распределения — обмена — потребления* социальных определений реальности. Кратко рассмотрим основные особенности этого процесса.

Я сознаю мир как состоящий из многих реальностей. Но реальностью по преимуществу, самоочевидной реальностью является реальность повседневной жизни. Я знаю, что существует постоянное соответствие между моими значениями и значениями других людей, т. е. общее понимание. Повседневное знание — это знание, которое я разделяю с другими людьми в привычной, самоочевидной обыденности повседневной жизни. «Первейшее и наиважнейшее свойство повседневности — это ее общественный, коллективный характер, предполагающий постоянную коммуникацию»¹⁴.

Социальный мир конструируется взаимодействием людей, происходящим по общим для всех и специфическим для отдельных групп правилам. Реальность повседневной жизни имеет само собой разумеющийся характер, существует как самоочевидная и непродолимая фактичность. Повседневность естественна и органична, незаметна как воздух, которым дышишь. Переход от естественной установки к теоретической, эстетической и религиозный опыт могут поставить ее под сомнение. Но из других реальностей сознание возвращается к естественной установке как из экскурсии.

В повседневной жизни существует множество правил и стереотипов, которые «известны всем»: «Это знание фоновое, латентное, но оно составляет саму живую ткань повседневности, является предпосылкой успешных контактов, как бы “подстилагет” все рационально сформулированные и ясно осмысленные послания людей друг другу... Общезначимые нерелексивные знания и установки, свойственные повседневности, являются незримой системой координат, которая никогда не выпускает индивида из своих крепких объятий, направляет его изнутри и корректирует его поведение с помощью разнообразных форм внешнего контроля»¹⁵. Одна из особенностей реальности повседневной жизни — ее интерсубъективность. То есть это знание, что мир повседневной жизни разделяется мной с другими. Повседневность есть поле коммуникации, по которому продвигаются с помощью коллективно вырабатываемых интерпретаций, и общественное мнение, действительно, есть то, «вокруг чего вертится мир» (А.С. Пушкин) повседневности. Вместе с тем важная черта опыта повседневности — его субъектоцентризм, Я-центризм. Хотя повседневность способна возникать лишь в обществе и культуре, «моя субъективность — центр моей повседневности... социокультурные контексты скорее функциональны для жизни внутреннего мира, чем онтологичны»¹⁶.

Наиболее важной, базовой является такая форма социального взаимодействия, которая происходит в ситуации лицом-к-лицу. Восприятие других людей в ситуации **лицом-к-лицу**, в живом настоящем здесь-и-теперь — прототип социального взаимодействия. Таким образом, ситуация взаимодействия лицом-к-лицу методологически играет роль «клеточки» социального мира.

Здесь лежит огромный проблемный пласт, для разработки которого следует не только обратиться к феноменологическим штудиям Гуссерля, но и вернуться к основательно забытым и дружно игнорируемым современными авторами разработкам диалектико-логических принципов построения научной теории. В частности, к такому методологическому принципу как выделение «клеточки», или «начала» теоретического восхожде-

ния от абстрактного к конкретному. Такой клеточкой для «Капитала» является прямой обмен $T — T$. И так же как тайна всякой формы стоимости заключена в простой форме стоимости, так же все типы и разновидности социальных взаимодействий, вплоть до высших форм их институционализации в государстве и «ослепительных» форм их символизации в онтологических универсалиях и метапарадигмах, являются развитием и трансформацией этого элементарного и наиболее сложного для понимания акта взаимодействия лицом-к-лицу. Формат настоящей работы не позволяет детально обосновать ни концептуально-методологические основания гомологии этих структур, ни их специфические отличия. Мы вынуждены ограничиться тезисом о наличии такой гомологии, оставив доказательства для последующих публикаций.

Никакая другая форма социальной взаимосвязи не может с такой полнотой воспроизвести *взаимность* актов самовыражения, экспрессивности, реальное взаимодействие субъективностей, взаимообмен значениями, дорефлексивное и понимание на уровне глубинного общения и т.д. Социальный характер моей собственной личности обнаруживается лишь в моем отношении к другому. В то же время социальность образуется человеческими межсубъектными взаимодействиями, выраженными в особой «предметности», которая в своей осязательной натуральной форме представляет социальное отношение как таковое.

На наш взгляд, методологическое, логико-герменевтическое средоточие проблемы применения онтологического подхода к социальным феноменам и структурам находится в сфере аналитики инверсий и трансформаций смыслового поля социального бытия, создающегося перемежающимся ритмом, синкопами взаимоотношения и взаимоотрицания ценностно-смысловых диспозиций [(я — ты — мы) — они]. Для предварительного наброска этой смысловой модели целесообразно обратиться к разработке проблем социальной онтологии С.Л. Франком. На основе своих феноменологических исследований С.Л. Франк пришел к выводу, что для категориальной формы откровения духовной реальности язык не нашел соответствующей словесной формы. Здесь встает та практически не преодолимая трудность, что все слова, употребляемые для обозначения бытия и его форм, имеют предметный смысл. «Философы, говорящие о каком-то “я”, которое будто бы “есть”, уже в грамматической ложности предложения, в котором личное местоимение первого лица согласуется с глагольной формой *третьего* лица, обнаруживают неадекватность своей мысли самой реальности»¹⁷. Точно так же, произнося: «он есть», мы погружаем личность другого в безлично-предметную стихию. Но — добавляет С.Л. Франк —

любая, даже самая беглая встреча с живым человеческим взглядом сразу же в корне уничтожает эту предметную установку, переносит нас в совершенно иную плоскость бытия, в которой эта установка совершенно невозможна.

В отношении к «ты» реальность «я» переживается одновременно как уникальное самобытие в его первичной непосредственности и вместе с тем как частный момент тождественного ему по составу и характеру бытия более широкого целого. Отношение к «ты» как иному, чуждому, но вместе с тем онтологически тождественному мне бытию, или как к личности, является не познавательным, но непосредственно-бытийным трансцендированием «я» к подлинной, в себе и для себя сущей реальности и обретение в ней онтологической опоры. Эта реальность в предметном мире, в том числе и в мире содержаний сознания, аналитически не заключена, и в отношении нее не имеют силы логико-семантические различия, формулируемые в категориальных определениях и соответствующих им грамматических конструкциях.

Отношение «я — ты», взятое в определении его единства, представлено понятием «мы». «Мы» есть не просто обозначение отношения общения, но реальность *sui generis*, но реальность в высшей степени парадоксально-антиномичная. Здесь обнаруживается, что мое самобытие основано на моем соучастии в бытии, которое не есть я сам, но лишь это бытие-общение и есть целое. Вместе с тем я отделяю мое самобытие как непроницаемое для других внутреннее средоточие моей личности и противопоставляю его сфере бытия «мы» как сфере социально-оформленного «я». Единство «мы» есть отношение «я — ты», взятое как целое, и я сознаю себя лишь внутри этого отношения, но в то же время бытие «мы» имеет неудержимую тенденцию отчуждаться от меня, вращаться в предметный мир, выступать навстречу мне как внешняя, безличная, сама по себе сущая реальность — извне определять меня. Поэтому социально-историческая реальность обладает для человека всей жуткостью и иррациональностью, присущей стихийно-космическому началу бытия. Вместе с тем бытие «мы» в форме «оно» есть рациональное единство совместной жизни, предметно осуществленное в абстрактной определенности закона, правопорядка, дисциплины, норм общежития.

Опредмеченными формами «мы» не затрагивается существо социальной реальности. Металогическая структура «мы» делает ее недоступной любым формам предметно-объективирующего познания, и именно поэтому «лишь через посредство интеллектуального осознания реальности в бытии “мы” — лишь в форме, которую мы могли бы назвать социоморфизмом, — возможна истинная онтология»¹⁸. Предметом этой онтологии яв-

ляется социальная реальность как предметно развернутое, в том числе и в форме самоотчуждения, богатство человеческих сущностных сил.

Признавая, что грамматической формой самооткровения духовно-онтологического начала социальности и интеграции индивидов в сообщество является местоимение «мы», нельзя не видеть, что неразрывно связанная с «мы» ценностно-смысловая диспозиция «мы — они» является универсальной формой наиболее трагических, бесчеловечных способов деонтологизации социального бытия. Описания различных народов в средневековых текстах строятся следующим образом: «В центре располагается некоторое нормальное “мы”, которому противопоставлены другие народы как парадигматический набор аномалий»¹⁹. Новая и новейшая история дают множество примеров практической реализации этого типа мышления, воспроизводящего неустранимую амбивалентность ценностно-смысловой модальности социальной онтологии.

Взаимодействие лицом-к-лицу является непосредственной формой социального отношения, но даже в ситуации лицом-к-лицу я постигаю другого и определяю свои действия посредством схем типизации, содержащихся в реальности повседневной жизни. Эти схемы взаимны. Типизации другого подвергаются вмешательству с моей стороны, как и наоборот. Чем дальше типизации социального взаимодействия удалены от ситуации здесь-и-сейчас, лицом-к-лицу, тем более они анонимны. «В повседневности наши представления о мире неизбежно типизированы. Мы пользуемся клише, стереотипами, ориентируемся на общепризнанные и общепонятные нормы. Это приводит хаос взаимодействий в систему». Типизация и стереотипизация есть логика и сама реальность повседневности. «Повседневность — это сфера согласованных действий, такого поведения, где все взаимосвязаны друг с другом и интерпретируют мир вместе... Таким образом, повседневность не только тесно связывает людей и стереотипизирует их мир, но и утверждает их фундаментальное онтологическое равенство»²⁰. Вместе с тем повседневность есть реальность нивелирующего, насильственно обезличивающего нас мира, принуждающего следовать личным структурам порядка.

Социальная структура как элемент реальности повседневной жизни — это вся сумма типизаций (от уникальных, персонифицированных до совершенно анонимных) и созданных с их помощью повторяющихся образцов взаимодействия. *Онтологический аспект социальной структуры — это, прежде всего, схема производства типизаций.*

Объективация субъективности проявляется в продуктах человеческой деятельности, что выводит межсубъектное взаимодействие из ситуации

лицом-к-лицу, из непосредственного здесь-и-сейчас. Реальность повседневной жизни возможна лишь благодаря таким объективациям, в том числе в знаках и знаковых системах. Ситуации лицом-к-лицу составляют пеструю мозаику единичных и случайных, разнородных и разрозненных событий. Кажется, что их типизации также являются случайными, из которых каждая исключает все остальные и которые в совокупности образуют незавершенный бесконечный ряд особенных типизаций — ряд, который всегда может быть продолжен включением в него новой ситуации, требующей нового вида типизации.

В соответствии с выводами социологии знания, многообразие естественных установок или качественное различие отдельных пространственных и временных зон повседневности интегрируется, сводится к общему для них характеру социальной реальности вообще на основе символа. Символ соединяет различные зоны реальности, со-возможные миры (Лейбниц) социальной онтологии, перемещая отвлеченные реальности и их семантические поля в порядки повседневной жизни. В то же время *символ — это общественное отношение самих людей, всеобщая форма социальности как таковой, принимающее в их глазах форму отношения между зонами реальности*. Грандиозные системы символических представлений возвышаются над реальностью повседневной жизни, и вместе с тем символы превращаются в ее объективно существующие элементы, представляющие огромную важность для социального конструирования реальности, включая в этот процесс также модальные или контингентные онтологии.

Истоки любого институционального социального порядка, как это следует из изложенного выше, находятся в типизации совершаемых действий. *Взаимная типизация опривыченных действий и есть институт*. В основе институционализации лежит объективированная человеческая деятельность. С этого этапа можно говорить о социальном мире в собственном смысле слова, в то же время становление социального мира на этой стадии принимает форму реификации, овеществления социальной реальности. Институты закрепляются и постепенно воспринимаются как имеющие свою собственную реальность, социальные учреждения воспринимаются как данные, объективные, самоочевидные, становятся непрозрачными. Индивид уже может не понимать цели и смысла реальности институтов. «Реифицированный мир, по определению, мир дегуманизированный. Он воспринимается человеком как чуждая фактичность... вроде природных явлений, следствий космических законов или проявлений божественной воли»²¹. При этом следует учесть, что реификация — это столько же объек-

тивный процесс, сколько и модальность сознания, в том числе и прежде всего его естественной установки.

Институциональный мир воспринимается в качестве объективной реальности, фактичности. Институты осуществляют социальный контроль и выполняют регулятивные функции даже независимо от того, созданы ли механизмы санкций. «Общество ждет от людей поведения определенного типа, предлагает социальные роли и конкретные, санкционированные способы их выполнения»²². Но при том, что институт приобретает онтологический статус, ему требуется легитимация, т. е. объяснение и оправдание, социальное признание данного института, отличное от ссылки на первоначальный смысл института и реконструкцию специфики конкретных процессов, в контексте которых он возник. Легитимация — смысловая объективация второго порядка. Легитимация создает новые значения, служащие для интеграции тех значений, которые уже свойственны институциональным процессам. Легитимация оправдывает институциональный порядок, придавая когнитивную обоснованность и нормативный характер его практическим императивам²³. Теоретически сложные легитимации социальных институтов являются сравнительно поздним феноменом. Первоначально легитимация институциональных порядков происходит на дотеоретическом уровне. Создается массив знания, поддерживающего соответствующие данному институту предсказуемые и контролируемые правила поведения и роли в сфере институционализированного порядка. Это институционализированное знание объективировано как совокупность общепринятых, само собой разумеющихся истин относительно реальности на основе механизма седиментации (осаждения) институционального знания в виде традиции как социального запаса знания.

Ролевые типологии — коррелируют институционализированного поведения. Роли дают возможность существования институтам в живом опыте индивидов. Роли предполагают социальное распределение запаса знания, прежде всего на общее и специфически ролевое. На основе этого распределения возникают макроскопические смысловые универсумы, или «подуниверсумы» знаний, имеющих характер объективной реальности для отдельных социальных групп. Легитимация институтов производится также на уровне экспертного знания, и, наконец, высший уровень легитимации институционального порядка и социального опыта в его целостности образуют символические универсумы. Символический универсум имеет теоретический характер, возникает в процессе субъективной рефлексии, конструируется с помощью социальных объективаций ее результатов. Поэтому теоретизирование по поводу символического универсума — это

легитимация в квадрате. Но каждый может жить в этом универсуме в естественной установке, без теоретической рефлексии, воспринимая его как самоочевидную реальность.

Символический универсум в выше приведенном смысле символа возводит легитимность институционального порядка к реальностям, трансцендентным повседневной жизни. Высший модус символического универсума образуют онтологические метапарадигмы: миры Логоса, Дао, Брахмана-Атмана, легитимирующие целые культурно-цивилизационные миры. В свою очередь, есть различные уровни и культурно-исторически развитые формы легитимации символических универсумов. Концептуальными механизмами поддержания универсума являются мифология, теология, философия, наука. Скажем, социальная роль философии как механизма легитимации выявляется при распределении знания на обыденное и экспертное: Профан не знает, как концептуально поддерживается универсум, но он знает, кого следует считать специалистом по этой проблеме. Х. Ортега-и-Гассет был с этой точки зрения не вполне прав, вкладывая иронию в свои определения философа как «специалиста по универсуму», «эксперта в сфере бесконечного».

Участие мировоззренческих систем в структурировании социальных взаимодействий является не факультативным, но определяющим. Г.К. Честертон в предисловии к своей книге очерков «Еретики» пишет: глупо, конечно, если философы сжигают других философов за то, что им не удастся выработать общую теорию Вселенной. Но есть идея, которая еще абсурднее и непрактичнее, чем сжигание человека за его философию. Это ставшая универсальной в XX столетии привычка утверждать, что философия ничего не значит. «Есть люди — и я из их числа, — которые думают, что самое важное, т. е. практически важное в человеке — это его мировоззрение. Я думаю, что для хозяйки, имеющей в виду жилья, важно знать размеры его дохода, но еще важнее знать его философию. Я думаю, что для полководца, собирающегося дать сражение неприятелю, важно знать численность его, но еще важнее для него знать философию неприятеля. И я думаю также, что вопрос совсем не в том, оказывает ли мировоззрение влияние на дела, а в том, может ли, в конце концов, что-нибудь другое оказывать на них влияние»²⁴.

Социальная реализация претензии на экспертизу конечных определений реальности как таковой не только привела к появлению постоянного персонала по легитимации поддержания универсума, но и породила конфликт между соперничающими группами универсальных экспертов. Наряду с «официально утвержденными» возникают девиантные версии сим-

политического универсума, множатся группы носителей альтернативных определений реальности, являющих не только теоретическую угрозу символическому универсуму, но и практическую угрозу социальному порядку.

На этой стадии анализа диалектики процесса социального конструирования реальности проблематика социальной онтологии переводится в модальность социально-политического дискурса и социальной политики в собственном смысле слова. Основными операциями конструирования повседневности являются типизация — институционализация — легитимация — символизация. Соответственно концептуальная машинерия поддержки социального порядка заключается в применении концептуальных механизмов интеграции индивидов и групп в рамки типизированных и институционализированных определений реальности.

В столкновении альтернативных символических универсумов заключается проблема власти: какое из определений реальности победит в обществе. Соперничающие определения реальности находят подкрепление в группах интересов. Теми, кто определяет реальность, оказываются конкретные индивиды и группы. Чтобы понять социальную организацию, важно переформулировать вопросы об исторически наличных концептуализациях реальности с метафизического «что говорится» на социологически конкретное «кто говорит», кто дает социальное определение реальности. *Сами же по себе, вне жизни конкретных социально-исторических индивидов, символические универсумы не имеют никакого онтологического статуса.*

«Интеллектуал» является контрэкспертом в деле определения реальности. У него отсутствует теоретическая интеграция в универсум его общества, что выражается в его социальной маргинальности. Подобно «официальному» эксперту, он делает проект общества в целом. Но если первый делает это в соответствии с институциональными программами и его проект служит их теоретической легитимации, то проект интеллектуала существует в институциональном вакууме, его социальная объективация происходит в подобществе таких же интеллектуалов²⁵, создающих на основе этого контропределения реальности свою контркультуру. Эти контропределения зачастую выражают, по броскому названию книги Н.И. Полторацкой, лишь «меланхолию мандаринов», социально детерминированную иллюзию социальной недетерминированности мировоззренческих позиций.

Фундаментальные дилеммы и стратегические конфликты общества связаны с изменением его системной рациональности, перестройкой интегральной внутренней динамики его развития и воспроизводства на уровне социальной объективации новых мировоззренческих парадигм в качестве естественных установок повседневности. И именно эта энергия лич-

ных, групповых и корпоративных связей — локальных, по большей части стихийно сложившихся стратегий противодействия кризису власти на уровне повседневного действия, не представленного в социальных институтах, порождает такие определения реальности, которые имеют «потенциал самоосуществления»²⁶.

1.2. Идеологическое кодирование социальной онтологии

Своеобразие ландшафта концептуально-методологического поля современной социальной философии во многом определяется попытками сочетать универсалистские и феноменологические модели социальной онтологии; синтезировать эпистемологические полюсы идиографического и номотетического знания; ввести в единый контекст когнитивные и оценочные компоненты базовых структур социальной рефлексии. Здесь мы обсудим гипотетическую возможность решения этой задачи на основе использования логико-семантической конструкции особого типа — идеологической матрицы.

В XX столетии социально-гуманитарные дисциплины, в том числе и философия, претерпели радикальную трансформацию, во многом инициированную обращением к методам структурной лингвистики. Лингвистический поворот в современной социальной теории основывается на представлении о том, что язык является порождающей моделью (парадигмой) всех существующих социальных институтов и социокультурных норм. Концепция лингвистической относительности Э. Сепира и Б. Ли Уорфа фиксирует типологическую гомогенность языковых структур, семантических полей и социокультурных норм. Язык есть «дом бытия» (М. Хайдеггер), «всеобъемлющая предвосхищающая истолкованность мира» (Г.-Г. Гадамер) и вместе с тем модель всех существующих социальных институтов (Р. Барт). «Слова и ярлыки, которыми мы пользуемся, определяют и создают наш социальный мир. Это определение реальности направляет наши мысли, наши чувства, наше воображение и таким образом влияет на наше поведение»²⁷.

Поскольку «власть вписана в язык» (Р. Барт), то соответственно определена и роль идеологии в конструировании социального мира, в формировании контекста социальной концептуальности. С точки зрения либерального западного мышления, любая идеология является мышлением на службе политической власти, обеспечивая управление, опирающееся на рациональные информационно-коммуникативные технологии (что отличает идеологию от мифа, догмы, религиозной веры) и не прибегающее

к физическому насилию. В то же время главная цель идеологии — не нахождение истины, но побуждение к коллективному действию, победа и доминирование в противостоянии социальных и политических сил, для чего идеология склонна выдавать себя за науку, за самоочевидность здравого смысла, за систему моральных и культурных норм и ценностей массового сознания и т. д.

Идеологию следует отличать от пропаганды. Пропаганда — важнейший инструмент политики, основанный на использовании средств массовой коммуникации в целях контроля над сознанием в интересах власти. Задачей пропаганды является распространение идеологии, ее внедрение в массовое сознание, оправдание конкретных действий власти, в то время как идеология легализует и легитимизирует само ее существование. Соответственно, методы пропаганды сводятся к набору способов преподнесения сообщений, интерпретаций, комментариев и т. д., а идеологическая речь представляет собой код (матрицу, схему), по которому эти информационные массивы строятся.

Вслед за Н. Луманом под кодом мы будем понимать такую структуру, которая *«для каждого произвольного элемента в пределах своей области релевантности может найти и упорядочить другой дополнительный элемент»*²⁸. Коммуникативный код комбинирования символов может быть неявным, скрытым за эксплицитным высказыванием. Реальная сила идеологических кодов заключается в способности стусеваться, выглядеть естественно, незаметно, срастаясь со здравым смыслом и ценностями массового сознания: *«Природа идеологии состоит в сокрытии ею собственной идеологической природы»*²⁹. Идеологическое воздействие тем более эффективно, чем больше оно дает адресатам ощущение личной свободы, кажущейся возможности спонтанного отклика.

Конечно, идеология не обязательно ложна, но любая идеология всегда тенденциозна. В этом смысле Дж. Оруэлл утверждал, что всякая идеология лжет даже тогда, когда говорит правду. Но нельзя расценивать идеологию как априорно репрессивный по отношению к массовому и индивидуальному сознанию механизм, достойный только осуждения. Идеологические коды занимают особое место в технологиях социального конструирования реальности. Идеология видит свое призвание в том, чтобы управлять социальными отношениями и процессами, организовывая людей в сообщества, подчиненные определенным идеям. Обладающие свойствами кода структуры играют определяющую роль в выстраивании социальных систем коммуникации, производя внутрисистемные распределения возможностей и сопряжения универсальности и спецификации. «Основополагающие коды лю-

бой культуры, управляющие ее языком, ее схемами восприятия, ее обменами, ее формами выражения и воспроизведения, ее ценностями, иерархией ее практик, сразу же определяют для каждого человека эмпирические порядки, с которыми он будет иметь дело и в которых он будет ориентироваться»³⁰.

В предшествующие социально-исторические эпохи подобного рода коды генерировались системами мифа и религии, философии и искусства. Сегодня реальная возможность указывать людям, каким они должны видеть социальный мир и как им следует себя вести, локализована по преимуществу в поле политики. Именно политические понятия, на основе присвоенного себе права на конституирующую номинацию, программируют социокультурную динамику: политическая легитимация — «дело слов» (П. Бурдье), искусство актуализации вербальных ресурсов. В то же время в современных сложных, высоко дифференцированных, «комплексных» обществах власть не может институционализироваться без универсалистского кода», или генерализированных правил применения политических понятий в условиях, когда «политика более не легитимируется истиной»³¹. Проблема кода и правил применения социально-политических понятий неизбежно встает и перед социальной политикой, решающей задачи конструирования «хорошего общества».

Из проведенного выше анализа понятийно-терминологического статуса концепта «хорошего общества» можно сделать следующие выводы:

- термин «хорошее общество» относится к концептуальным средствам, соединяющим представления повседневности с научными и философскими идеями в пространстве дискурса как социально обусловленной системы организации дискуссии (обсуждения социально значимой проблемы);
- научно-философский статус и практический смысл термин «хорошее общество» приобретает в контексте социального конструирования реальности;
- разного рода теоретические обоснования и практические модели конструирования «хорошего общества» объединяет то, что все они противостоят проектам построения «идеального общества» в рамках методологической дилеммы «контекстуальность — универсальность»: «Универсалистские идеи сегодня находятся в постоянной конкуренции с контекстуалистскими»³²;
- в многообразии толкований «хорошего общества» должен быть представлен широкий спектр нормативно-ценностных и когнитивно-теоретических аспектов, включая полярные трактовки и оценки.

Подобного рода особенности концепта «хорошего общества», научное осмысление которых является непременным условием действенности соци-

альной политики, направленной на практическую реализацию модели «хорошего общества», разделяются им с классом важнейших социально-политических понятий. Например, такой же нормативно-дескриптивный характер, как понятие «хорошего общества», имеет понятие права. Э.Ю. Соловьев отмечает: «Определение права, по строгому счету, является не теоретическим (типа “А есть В”), а нормативно-теоретическим (типа “А должно мыслиться как В”))»³³. Если сугубо теоретические определения выступают как нейтрально-классификационные, то в нормативно-теоретических образованиях происходит смешение *должного с социально целесообразным*.

В современной гуманитарной теории развивается концепция «сущностной оспариваемости» (essential contestability) социально-политических понятий. Указывается на нормативно-ценностную природу критериев «правильного» определения таких понятий как *справедливость, свобода, власть, демократия* и т. д., поскольку выражение некоей ценности есть неотъемлемая часть самого понятия. «Идеологический элемент как бы непосредственно “встроен” в содержание последнего, что обрекает на неудачу любые попытки дать ему “объективное” определение»³⁴. По мнению цитированного автора, сами понятия не должны определяться в позитивном или негативном ракурсе: оценочные суждения допустимы только к конкретным ситуациям. Исходя из этого, предлагается использовать эпистемологический принцип освобождения социальной онтологии от ценностных характеристик.

Со времен Вебера сохраняется установка на разграничение дескриптивного и нормативного элементов понятия³⁵. На деле эта установка порождает поиски схем «одухотворения» социально-политической действительности, с одной стороны, и манипулятивные политические технологии, с другой. Проекция мировоззренчески нагруженных коннотаций (экспрессивно-оценочных слоев семантики политической лексики) на означаемое (предметно-денотативную сферу) социодискурса создает универсальную транзитивность оценочных характеристик и предметных определений³⁶. Эпистемологический принцип освобождения социальной рефлексии от ценностных характеристик приводит к тотальной деонтологизации социально-исторического бытия и столь же тотальной идеологизации экзистенциально-смысловой сферы человеческого существования.

Требование элиминировать аксиологические, субъективно-оценочные параметры из анализа социальной реальности вытекает из определенного понимания самой онтологии. Согласно Сартру, человеческая реальность не может достичь *в-себе*, не теряя *для-себя*. Поэтому ценность, приходящая

в мир посредством рефлексивного сознания человека, не имеет бытия в качестве реальности: «Ее бытие — быть ценностью, то есть не быть бытием»³⁷.

В формуле Сартра резюмируется разрыв постклассической философии с традицией, согласно которой онтология, в изначальном значении этого философского понятия, есть не учение о бытии, а учение о *совершенном* бытии и поэтому деонтологически-аксиологическая модальность атрибутивна для онтологических суждений. Платоновское Благо — тождество абсолютной реальности и абсолютной ценности, причем абсолютной реальностью Благо становится в силу своей абсолютной ценности, и v.v. Согласно Августину, все, что есть, и в той мере, в какой оно есть, причастно Благу. Для Григория Нисского бытие — полнота благ, *summum bonum*. По Фоме Аквинскому, сущее и благое суть понятия взаимозаменяемые. В.С. Соловьев в полном согласии с классической традицией метафизики указывает: «Идеей вообще мы называем то, что само по себе достойно быть»³⁸ и т. д. и т. п. Словом, в классической метафизике выполняется принцип: *ens realissimum* есть в то же время *ens perfectissimum* — сущее наиреальнейшее есть сущее наисовершеннейшее.

Положение о том, что смысл онтологических концептов создается в области взаимоопределения ценностных и предметных утверждений, сохраняет силу и по отношению к социальной онтологии. Социальные системы являются такими системами, нормативно-ценностные представления о которых становятся элементом и порождающей структурой их собственной динамики. Поэтому мы имеем право предположить, что «идеологический элемент», т. е. ценностная модальность как неотъемлемая часть самого понятия, является формальным признаком, если не конститутивным свойством, объединяющим категории социокультурной рефлексии и категории онтологии.

В онтологических суждениях решающую роль играет схематизм как правило упорядочивания, способ связывания многообразия в единство. Согласно Канту, рассудок не производит схемы (схемы — трансцендентальный продукт и как бы анаграмма чистой способности воображения), но действует ими, применяя их в соответствии с формой целого, представленной в идеях. Онтологические схемы позволяют человеку видеть нечто и ставить его в осмысленную связь. «Онтологическое познание является схемообразующим»³⁹, — интерпретирует Хайдеггер Канта. Разумеется, мы не обязаны признавать достоинства онтологической универсальности за теми или иными постулатами относительно природы и специфики категориального схематизма. В данном случае нами методологически прини-

мается сам принцип представления правила синтеза многообразного как схемы онтологических суждений.

Как было установлено выше, в понятиях онтологии, в том числе и социальной онтологии как теоретического фундамента социальной политики, должны каким-то образом совмещаться ценностные и предметные определения. Таким образом, к условиям возможности онтологических суждений относится выполнение требования: трансцендентальный схематизм чистых рассудочных понятий должен быть синтезирован со схематизмом «духовной схемы» личности и человеческих общностей, или *ordo amoris* М. Шелера, — т.е. столь же формальными связями (иерархиями, порядками) между самими ценностями, которые существуют независимо от того, имеют ли они эмпирически наличное бытие или не имеют. В этом случае матрицами построения онтологических систем являются схемы взаимоотношения ценностных рангов и степеней реальности по правилам некоей логико-смысловой структуры, управляющей как категориальной разметкой поля сходств и различий, так и распределением их в соответствии с ценностными иерархиями.

Гипотетически постулированная нами структура в своей методологической функции, т. е. на метауровне рассуждения, реализуется как совокупность рефлексивных процедур формирования смысла онтологических высказываний, автономных по отношению к их содержательным определениям. Описание этих процедур может производиться на ином языке, нежели описание содержания, т. е. на уровне метаязыка — в данном случае языка вторичных моделирующих систем.

Согласно Ю.М. Лотману, под вторичными моделирующими системами имеются в виду такие семиотические системы, с помощью которых строятся модели мира или его фрагментов. При этом необходимо избегать ловушки — ситуации, когда особенности синтезированных в соответствии с законами этой топологии метатеоретических символов и идей, конструкций и процедур воспринимаются как имманентные структуры предмета, становятся тем «общим освещением» (К. Маркс), которое модифицирует все цвета онтологического спектра согласно своей собственной мере. «Фундаментальным положением логики является то, что язык объекта и язык описания (метаязык) составляют две иерархически различные ступени научного описания, смешение которых недопустимо: язык объекта не может выступать в качестве собственного метаязыка»⁴⁰. По этой причине в язык метатеоретического дискурса не допускаются трансцендентные сущности, даже если он и создается для их описания. В противном случае использование метатеоретических схем было бы аналогично действиям

повара, готовящего блюдо по некоему рецепту и добавляющему бумажку с этим рецептом в кастрюлю. Кроме того, при разделении языка-объекта и метаязыка вступают в силу скептический троп взаимодоказуемости, или принцип онтологической относительности У. Куайна: оперирование схематизмом требует метаязыка с его собственным схематизмом и т. д. Отношение метаязыка и языка-объекта в социально-гуманитарных науках становится чрезвычайно сложным и напряженным⁴¹.

Метатеоретические модели должны строиться с учетом того, что онтологические абстракции включают в себе предпосылки своего понимания, т. е. неявно полагают формы рефлексивности или схемы смыслообразования. Пытаться строить онтологию вне этих схем — противоположная крайность, аналогичная попытке писать картину на сюжет битвы негров в туннеле, как ехидно советовал импрессионистам один из их критиков. Экспозицией этих форм, сведением их связей и переходов, структур и элементов, взятых уже не в качестве трансцендентных сущностей, но конститутивно-конструктивных планов, в доступные обзору типологические схемы и упорядоченные классификационные ряды, создается метрика метатеоретического пространства.

Метаописания, выявляя порождающие модели установления тождеств и различий, присущие конфигурациям эпистем и системам позитивностей (М. Фуко) культурных кодов, теоретически переупорядочивая социальное бытие, вместе с тем внедряются в реальный социально-исторический процесс. Дискурсы — это практика, систематически формирующая объекты, о которых они говорят (М. Фуко). Поэтому способом дедукции и анализа предположенных нами особенностей социальных понятий сможет служить одновременное обращение к классическим формам осмысления логико-семантической структуры онтологических гармоний и к особенностям имманентной аксиоматики (кода, схематизма, матрицы) социально-политических понятий, позволяющим им выполнять социально-конструктивную функцию. Общей рубрикой, под которую подпадают столь различные типы интеллектуальной деятельности, является идеология.

Онтология Платона в буквальном смысле слова есть идеология — учение о логосе идей-эйдосов. При этом следует обратить внимание на примечательную логико-семантическую особенность онтологических универсалий: согласно Аристотелю, необходимо развести область доказательства, где одно приписывается другому, и определения, где нечто относится только к себе самому. Онтологические категории должны быть определяемыми, но недоказуемыми, при этом условием возможности определения становится самоотношение онтологического первоначала. Таким образом,

абсолютное в платоновско-аристотелевской онтологии понято как система его самоотношений, выражаемых в определениях идеи. Но это значит, что в онтологических порядках субстанции как бытия через само себя, *causa sui*, имманентно заключена контингентность как бытие через отношение⁴².

Принимаются ли те или иные онтологические, ценностно-смысловые начала спонтанно или задаются определениями, они превращаются в недоказуемые постулаты-матрицы (согласно Аристотелю, требовать доказательства для определений — «невежество»), а опирающееся на них как на трансцендентные сущности или трансцендентальные схемы логически последовательное мышление становится рационально-дискурсивным, диалектическим, спекулятивным и вместе с тем программированным.

Матрицами построения онтологических систем являются схемы взаимоотношения ценностных рангов и степеней реальности. Но если в эту матрицу попадает «вирус», превращающий взаимоотношение ценностных и предметных модальностей онтологических концептов в *quid pro quo*, то происходит *идеологическое кодирование онтологии*. Обнаружить этот «вирус», продолжая компьютерные аналогии, можно с помощью программ, разработанных в русле идеолингвистики. Концептуальные модели семиотических структур отбора и актуализации ценностей, предложенные идеолингвистикой для изучения взаимоотношения идеологии и языка, могут использоваться как метаязык тестирования социодискурса на предмет присутствия в нем идеологически-манипулятивных кодов и одновременно как метаязык экспликации логико-семантической структуры онтологических сверхпарадигм.

В работах последних лет по социолингвистике явственно прослеживается перенос интереса к языковым процессам, идущим «снизу вверх», к процессам сознательного воздействия на язык «сверху», со стороны институтов политического управления. Лингвистика вступает в многосторонние связи с теорией идеологии, политологией, социологией и теорией управления, что приводит не только к междисциплинарному синтезу, но и к образованию новой науки — идеолингвистики.

Метод анализа идеологии в рамках коннотативной лингвистики разработал и применил Р. Барт. Под идеологизацией Р. Барт понимает процесс подстановки аксиологической и деонтической модальности суждений под их предметные референты. *Коннотацией* называется экспрессивно-оценочный слой языка в отличие от *денотации*, указывающей на предметно-понятийный компонент. Знаки *денотативной* системы, в свою очередь, служат означающими коннотативных означаемых, или идеологического плана речи. Таким образом, в идеологическом языке под предметно-поя-

тийный слой подводится ценностный, который не только проявляется, но и активно формирует предметно-денотативную среду.

Отношение между коннотацией и денотатом аналогично описанному Марксом отношению между производством и потреблением: «Каждое из них есть не только непосредственно другое и не только опосредствует другое, но каждое из них, совершаясь, создает другое, создает себя как другое»⁴³. Так же как потребление завершает акт производства, придавая его продукту законченность через уничтожение его самостоятельно-вещной формы, так и предметное значение, денотация как таковая в итоге оказывается лишь «последней из возможных коннотаций» (Р. Барт).

Коннотативное означаемое, в отличие от денотата, не нуждается ни в каком окказиональном контексте или дискурсивной синтагме — это смысл, принявший театральную позу, или смысл, выставленный в витрине⁴⁴. Послушаем опять Маркса: «И если ясно, что производство доставляет потреблению предмет в его внешней форме, то столь же ясно, что потребление полагает предмет производства *идеально*, как внутренний образ, как потребность, как влечение и как цель»⁴⁵.

Соотношение коннотации и денотации, как и соотношение экономических и социально-философских категорий, определяется тем отношением, в которое их ставит современный тип социально-исторического бытия, «причем это отношение прямо противоположно тому, который представляется естественным или соответствует последовательности исторического развития»⁴⁶. Как отмечал К. Маркс, именно форма распределения является наиболее точным выражением, в котором фиксируются обуславливающие его факторы производства. По отношению же к отдельному индивиду распределение выступает как общественный закон. Поэтому классики (Рикардо) рассматривали распределение как единственный и подлинный предмет политической экономии. Также и структура означающих рассматривается как наиболее точное выражение социальной онтологии, т. е. социальных структур и институтов, поэтому социальный семиозис становится подлинным предметом анализа и осмысления социальной онтологии в рамках постклассического социодискурса (Фуко, Бодрийяр).

Чтобы обозначить коннотативные означаемые, нужен особый метаязык. Описание этого метаязыка проводится в реферативном обзоре М.Н. Эпштейна, за которым мы и последуем (в том числе используя приводимые автором примеры) для изложения сути и конструктивных особенностей металингвистической модели лексических структур идеологии.

Идеологизация речи происходит уже на уровне лексики при использовании класса слов, называемых прагемами — словами, указывающими на

определенное явление и одновременно выражающими его позитивную или негативную оценку. Есть слова, предметные по своему лексическому значению и приобретающие оценочный смысл лишь в контексте своего употребления; есть слова сугубо оценочные, обретающие объект оценки только в контексте, и есть слова предметно-оценочные, совмещающие в своем лексическом значении оба компонента. Предметное и оценочное значение в них слиты и уже не зависят от контекста⁴⁷. Такие слова, как «примиренчество», «самоуправство», «матерый», «миролюбие», «содружество», «сговор» и т. д. сами по себе могут употребляться как законченные (но со свернутой субъектно-предикатной формой) суждения, самостоятельные информационно-коммуникативные единицы, в которых смысл для своей экспликации уже не нуждается в форме предложения. Если суждение развернуто в предложение, расчленено на субъект (подлежащее) и предикат (сказуемое), то такая структура суждения позволяет оспорить его, не согласиться с приписыванием данному субъекту данного предиката. Прагмема же представляет собой суждение, свернутое в одно слово, где субъект и предикат не отчленены друг от друга. Такого рода имплицитные суждения придают идеологическим высказываниям видимость убедительности, неоспоримости, очевидности⁴⁸.

Отношения тождества и противоположности (или расширительно понимаемой синонимии и антонимии) пронизывают всю систему языка. «Имена, “нарезающие” ломтики смысла, — вроде слов “мы — они”, “черное — белое”, “богатый — бедный”, “свободный — тоталитарный”, “мужской — женский”, — служат для того, чтобы расфасовывать мир в аккуратную небольшую тару, и предлагают набор вариантов действий, которые следует предпринимать»⁴⁹. Однако поскольку прагмемы обладают двойным, оценочно-предметным значением, то и все отношения между ними удваиваются. На место антонимии и синонимии встают отношения четырех типов:

1. Полная антонимия, противопоставленность как предметных, так и оценочных значений — отношение *контрарности*. Контрарными являются такие пары прагмем, как, например:

миролюбие — агрессивность
коллективизм — индивидуализм
новаторство — эпигонство
сплочение — раскол

2. Предметная синонимия (сходство) при оценочной антонимии — отношение *конверсивности*:

миролюбие — примиренчество
свобода — вседозволенность

патриотизм — национализм

сподвижник — приспешник

Отношение конверсии может создаваться и терминологическими играми с ценностными аспектами понятий-прагмем. Термин «национализм» имеет негативную ценностную окраску. Но она может быть конверсивно обращена с помощью уточняющих определений. С. Хантингтон отмечает: «Исследователи, как правило, выделяют два типа национализма и национальной идентичности, причем дают им различные названия: гражданский и этнический, или политический и культурный, или революционный и трайбалистский, или либеральный и органически-мистический, или гражданско-территориальный и этнико-генеалогический, — или просто патриотизм и национализм. В каждой паре первый ее член рассматривается как “хороший”, а второй — как “плохой”»⁵⁰.

В отношении конверсии могут находиться целые фразы, противопологающие попарно входящие в них прагмемы. Сравним два высказывания, передающие одну и ту же в предметном отношении информацию, но нацеленные на создание прямо противоположного отношения читающего (слушающего) к сообщаемой информации:

<i>многоопытный</i>	•	<i>прожженный</i>
<i>политик</i>	•	<i>политикан</i>
<i>заключил договор</i>	•	<i>вступил в сговор</i>
<i>с полевым командиром</i>	•	<i>с главарем</i>
<i>повстанческого</i>	•	<i>бандитской</i>
<i>отряда</i>	•	<i>шайки</i>

Фразеология газетно-журнальной публицистики, язык деклараций и программ политических партий и общественных движений, обыденный язык «самоочевидностей» массового сознания, да и тексты многочисленных теоретических исследований пронизаны подобного рода лексико-идеологическими перекодировками информации как простейшим, но чрезвычайно действенным средством управления сознанием.

3. Предметная антонимия, оценочная синонимия — отношение *коррелятивности*. Этот тип отношения противоположен конверсии — слова имеют противоположные предметные значения, но тождественные оценочные:

миролюбие — непримиримость

обелять — очернять

скупой — мот

Если благодаря использованию конверсивного типа отношений *одно и то же явление* может оцениваться *противоположным* образом, то при использовании корреляции *противоположные* явления могут оцениваться *одинаково*.

4. Синонимия, тождественность (близкое сходство) как предметных, так и оценочных значений — отношение взаимозаменяемости или *субституции*. Примерами этого отношения могут быть такие словарные ряды:

дисциплина — организованность — сознательность

анархия — стихийность — распущенность — вседозволенность

Контрарность, конверсия, корреляция как типы отношения между прагмемами существуют не изолированно, но образуют целостную четырехэлементную структуру (тетраду), которая схематично может быть изображена в виде квадрата, пересеченного диагоналями⁵¹. По горизонтали между элементами тетрады осуществляются отношения конверсии, по вертикали — корреляции, по диагонали — контрарности. Преобразуясь через набор определенных правил, некое понятие, событие, явление (обозначим его «А») может быть передано четырьмя лексически различными способами, или трансформироваться в систему четырех прагмем на основе того, что денотативное дуальное членение: $[+A, -A]$ интегрируется с коннотативной дистрибуцией: $[+(+A), +(-A), -(+A), -(-A)]$.

Пусть «А» обозначает «стремление к миру». Тогда возможны следующие идеологически значимые преобразования «А»:

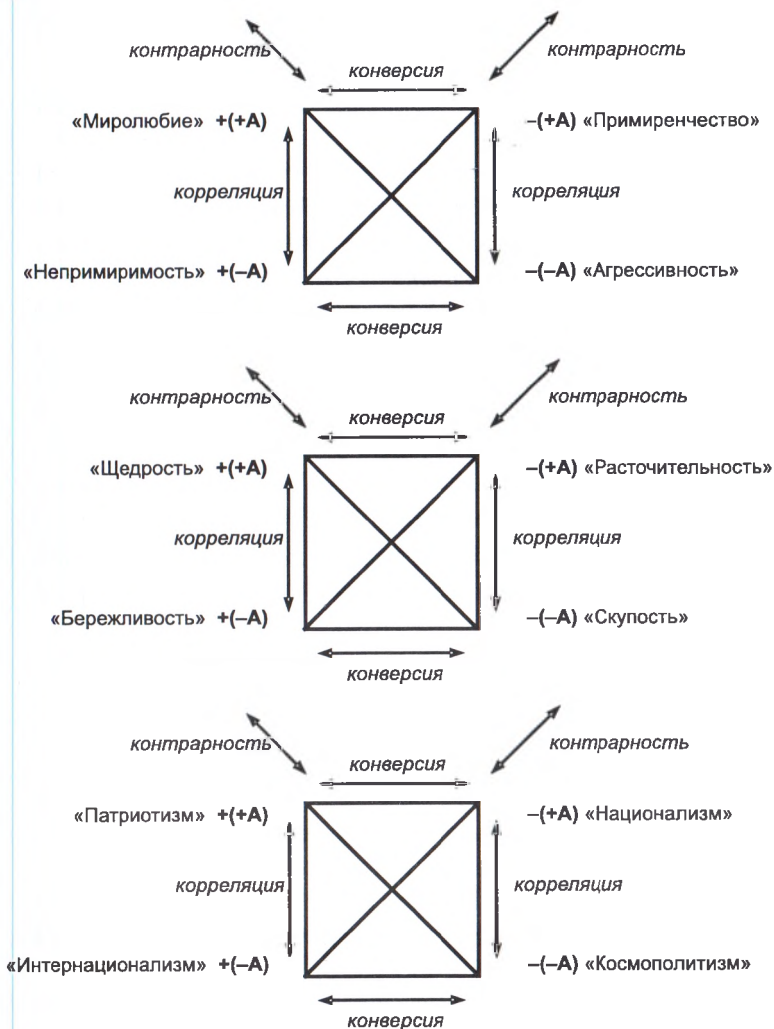
- «А» трактуется говорящим (источником информации) как нечто положительное, желательное, должное, и тогда ему присваивается имя «миролюбие», несущее позитивный идеологический смысл: $+A$.

- «А» трактуется говорящим как нечто отрицательное, вредное, несвоевременное, и ему присваивается имя «примиренчество», несущее негативный смысл: $-A$.

- « $-A$ » (т. е. «отсутствие стремления к миру») трактуется говорящим как нечто желательное, должное, своевременное, и ему присваивается имя «непримиримость», несущее позитивный идеологический смысл: $+(-A)$.

- « $-A$ » трактуется говорящим как нечто губительное, вредное, бессмысленное, и ему присваивается имя «агрессивность», несущее идеологически негативный смысл: $-(-A)$.

Аналогичные преобразования можно производить над множеством прагмем, связывая их в тетраду по единому алгоритму. Эта схема наглядно демонстрирует логико-семантическую структуру диспозиций идеологически обработанной информации.

Идеологическая тетрада представляет собой целостное смысловое образование. Каждый элемент одновременно входит во все перечисленные типы отношений прагмем, и его значение определяется этими отношениями. В этих преобразованиях, происходящих в соответствии с логикой особого типа — назовем ее *идео-логикой*, — легитимируются и интегрируются логические операции, выполняемые в соответствии с принципами различных логических систем, что обеспечивает тетраде квазилогическую неуязвимость:

- закону противоречия формальной логики соответствует контрарная связь, или противопоставление прагмем;
- закону единства противоположностей диалектической логики — коррелятивная связь, или объединение прагмем между собой;
- принципам релятивистской логики, утверждающей зависимость логических определений от системы отсчета, соответствует конверсивная связь прагмем, при которой они меняются местами.

В рамках идео-логики легитимны все логические операции, выполняемые внутри разных логик, поскольку они образуют три типа отношений элементов в тетраде, обеспечивая их круговую и перекрестную предметно-оценочную перекодировку. «Знаменательно, что по количеству элементов, а следовательно, по разнообразию связей между ними, тетрада превосходит двухэлементные и трехэлементные структуры — диады и триады, которыми оперирует и формальная, и диалектическая логика; а своей четкой организованностью отличается от аморфных структур с потенциально неопределенным числом элементов, которыми оперирует релятивистское мышление»⁵².

Необходимо отметить, что лексическая тетрада — отнюдь не произвольная и искусственная идеологическая конструкция, предназначенная для управления (в том числе и недобросовестного манипулирования) массовым сознанием. В лексической тетраде находят себе абстрактно-схематичное, но вместе с тем адекватное выражение универсальные логические механизмы и смысловые структуры мышления, объективные закономерности функционирования социальной реальности. Некоторое представление об этой стороне проблемы (до сих пор не ставшей предметом исследований не только в отечественной, но и в мировой социально-гуманитарной науке) дает материал следующих подразделов книги.

1.3. Логико-семантическая матрица онтологических парадигм

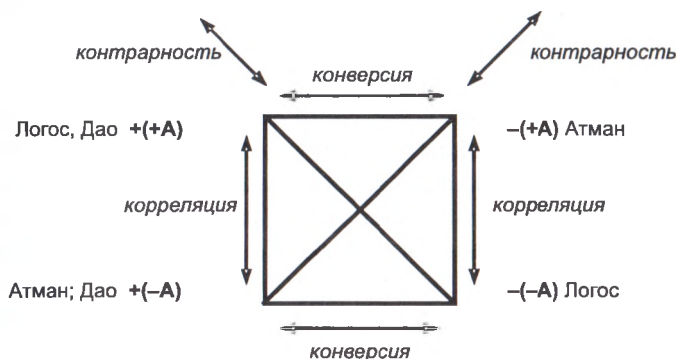
Конечно, в идео-логике следует усматривать не универсальную грамматику как способ исчерпывающей кодификации бытия вообще и социального бытия в частности, но метаязык, релевантный альтернативно-проблемному характеру социального бытия и обладающий достаточно серьезным потенциалом нормализации классификационных систем социальной онтологии. Ю.М. Лотман отмечает: «Аппарат описания топологических свойств фигур и траекторий может быть использован в качестве метаязыка при изучении типологии культуры»⁵³. Можно предположить, что особенности трансформационной матрицы идеологии могут стать основанием для достаточно нетрадиционного подхода к анализу традиционных онто-

логических систем, типологически характеризующих выстраивающиеся на их основе культуры.

Согласно А.А. Хамидову, с начала «осевого времени» в Древнем Китае, Древней Индии и Древней Греции сложилось три философских «сверхпарадигмы» учения о мире, в основании которых лежат три типа решения вопроса о понимании Бытия и его соотношения с Небытием. Западная философия Логоса изначально исходит из презумпции онтологической самодостаточности Бытия, Небытие же не обладает никакими положительными атрибутами. Для философии Брахмана—Атмана мир Небытия не только первичен, но и обладает абсолютной положительной ценностью, а мир Бытия наделен абсолютной отрицательной ценностью: «...можно сказать, что в философии Брахмана и в философии Логоса в целом ценностные знаки («плюс» и «минус») распределены между Небытием и Бытием *противоположно*»⁵⁴. Для философии Дао Бытие также обладает положительной ценностью, хотя и заведомо меньшей, чем Небытие. Таким образом, в плане ценностного отношения к Бытию и Небытию философия Логоса и философия Атмана занимают противоположные позиции, а философия Дао — срединную позицию.

В целом же, делает вывод автор, выделенные философские парадигмы ориентируют человека в его бытии в мире, в том числе и в мире социальном, несовместимым образом. Поскольку же мир един по своей глубинной сущности, то каждая из этих трех сверхпарадигм «неполна, односторонняя, частична и в силу этого в конечном счете — превратна». В этой связи ставится задача выработки целостной Онтологии как единого («нежесткого») основания, на котором могло бы произрасти многообразие онтологий.

Попробуем отразить распределение онтологических сверхпарадигм и оппозитивных отношений между ними с помощью идеологической тетрады.

В предложенной А.А. Хамидовым схеме логико-семантическое соотношение философско-онтологических принципов выступает в двух модальностях:

1. *Дихотомия* Западной философии, исходящей из онтологической самодостаточности Бытия, пусть даже и включающего в свой состав Ничто, и Восточной философии, утверждающей сущностную и исконную первичность сферы Небытия. В этом отношении Абсолют гипотетической интегральной философии есть, как минимум, *двуединство* Бытия и Небытия.

2. *Трихотомия* философии Логоса, философии Атмана и философии Дао. «В своем проявленном существовании Абсолют, как минимум, есть *триединство* Дао, Логоса и Атмана»⁵⁵.

На схеме воспроизведены три онтологических «сверхпарадигмы», отмеченные А.А. Хамидовым, но, как сказал бы Джон Ди: «По иероглифическим причинам Троицу можно по праву истолковать и как четверицу»⁵⁶, все возможные комбинации и метатезы элементов которой «целиком и полностью» определяют онтологию земного, небесного и наднебесного миров. Идео-логическая тетрада восстанавливает герметическую традицию, связывающую структуру онтологической целостности не с бинарными оппозициями или трихотомиями, а с четверицей.

Согласно К.Г. Юнгу, тройственность — искусственная схема порядка, тогда как «Четверица (Quaternität) есть архетип, встречающийся практически повсюду. Она есть логическая предпосылка всякого целостного суждения»⁵⁷. *Четверица* обладает вселенским значением как самая древняя из известных космологических схем целостности, базовая схема членения мировоззренческих позиций. Но тетраметрия обычно замаскирована под *триаду*, «точно так же, как и христианская Троица, которая может сохраняться как таковая только посредством исключения четвертого действующего лица божественной пьесы»⁵⁸. С психологической точки зрения, полагает Юнг, совокупность становится осознанной и дифференцированной тогда, когда она принимает архетипическую форму quaternio.

Классическим *естественным* символом самости выступает фигура, топологически идентичная тетраде, — четырехчастная мандала, спонтанно продуцируемая бессознательным. Объектом моделирования в символе мандалы являются космологические начала-первоэлементы вселенной, соотношенные с высшими сакральными ценностями. В их единстве они символизируются четырьмя махараджами или четырьмя дхьяни-буддами. Принцип мандалы равно универсален применительно к макро- и к микро-косму. Мандала — это модель-схема как вселенной, так и достижения интегральной целостности сознания в ритуале и медитации. Кроме того,

одним из значений слова «мандала» является «общество», и социальная структура также осмыслялась по принципу мандалы. Согласно Порфирию, Х внутри круга — египетский знак мировой души, и эта же фигура — иероглиф, обозначающий «город». В Платоновском «Критии» столица Атлантиды имеет структуру мандалы.

Мифологически-числовая символика онтологических построений издревле связывает единство Тожественного и Иного с загадочной структурой взаимопричастности троичности и четверичности целого. Юнг отмечает: «Всегда, даже во времена безусловной веры в Троицу, велся поиск утраченного *четвертого*» как мостика, связывающего реального человека, несущего бремя реальности мира сего, с небесной Троицей⁵⁹. Единое должно раскрыться в ценностно-смысловых противоположностях как в равной мере реальных онтологических началах, чтобы разрешиться в единство полностью развернувшегося принципа. В структуре онтологической гармонии Платона задействованы четверка субстанций и троякая процедура соединения элементов⁶⁰. В Средние века мы также встречаем *quator elementa* и *tria regimena*. Логическим следствием подобных представлений становилась замена канонической формулы Троицы еретической схемой Четверицы.

В религиозно-мифологических и умозрительно-логических конструкциях дилемма триады и тетрады выступает в пестром многообразии форм⁶¹. К.Г. Юнг предупреждает: «При попытке сделать шаг от трех к четырем наталкиваются на нечто чуждое и неожиданное для мысли, нечто тяжелое, косное и ограниченное, и это нечто невозможно ни преуменьшить, ни изгнать никакими заклятиями, вроде «*mē on*» или «*privatio boni*»⁶². В нашем случае шаг от трех к четырем означает, что в силу конструктивных особенностей идеологической тетрады должна быть заполнена оставшаяся вакантной коррелятивная оппозиция $[-(+A) : -(-A)]$, не представленная в классификации онтологических учений А.А. Хамидовым. Эта оппозиция выражается прагмемой «нигилизм» как чуждого для метафизики признания ничтожности или отрицания бытия и смысла сверхчувственного вообще — идеалов и норм, ценностей и целей. Но вместе с тем «в ницшевском смысле» нигилизм «со-обуславливает закономерность принципиальных метафизических позиций и их взаимоотношения. Принципиальные метафизические позиции, в свою очередь, суть почва и область того, что нам известно в качестве мировой истории, особенно истории Запада»⁶³.

Как поясняет Хайдеггер, переоценка ценностей означает не просто заступание новых ценностей на место прежних, но такое положение дел, при котором лишается корней сама потребность в сверхчувственных ценностях. Таким образом, переоценкой ценностей как признанием безвластия

всего сверхчувственного требуется новое определение сущего в его целом. Мир становления становится единственным действительным миром, он более не является проходным двором в некую потусторонность, но он лишен всякой цели и ценности. Отсюда нигилизм — это чувство безысходности обесмысленной действительности, невозможности интерпретировать совокупность существования в категориях цели, единства, истины, которыми мы вкладывали в мир ценность и смысл. Одним из следствий девальвации инстанции сверхчувственных ценностей стало замещение идеально-трансцендентных моделей общества концепциями утилитарно-прагматического характера, наподобие концепций «хорошего общества».

Вместе с онтологически верховными ценностями падает и место, особая позиция в структуре тетрады, куда можно было бы поместить новые ценности. Поэтому полагание ценностей и само их существо должны стать другими. «Ведь то, для чего новые ценности должны быть ценностями, после падения потусторонности уже не посюсторонность»⁶⁴. Вместе с падением потусторонности (трансцендентности) падает и посюсторонность (имманентность). Их место заступает односторонность — как топологическая модель свертывания тетрады в корреляцию $[-(+A) : -(-A)]$ может рассматриваться, например, та же лента Мебиуса.

В то же время Хайдеггер обращает внимание на то, что Ницше «внезапно» именует верховные ценности категориями. Это доказывает, что мысль Ницше движется в колее метафизики, в круге того, что уже было сказано в истории метафизики, пусть и на ее пределе, хотя он себя и именует «анти-метафизиком». Действительно, объединение ценностей с категориями как родами бытия по схеме коррелятивной оппозиции $[-(+A) : -(-A)]$ соответствует внеонтологическому (доонтологическому или постонтологическому) уровню философской рефлексии. Доонтологический тип синтеза можно обозначить понятием *Архэ* как натурфилософского принципа учений о бытии, ценностно нейтрального и не связанного с различием имманентного и трансцендентного. Пост- или метаонтологическому типу синтеза можно атрибутировать введенное стоиками понятие *Лектона* как такой логической конструкции, которая выше бытия и небытия, признает их ничтожность перед лицом трансценденции к метаонтологии Сверхсущего. Таким образом, роль «строптивного четвертого» заключается как в восполнении модальностей онтологии до целостности, так и в переводе их на метауровень анализа. Кратко проанализируем действие этого схематизма.

Доонтологические типы учений о первоэлементах («arche») или стихиях («stoicheia») бытия можно рассматривать по критерию либо ценностной нейтральности, либо ценностной амбивалентности онтологических начал.

Например, пустота не вносит самостоятельного ценностного принципа в натурфилософский атомизм, оперирующий атомами и пустотой как денотатами, в отличие от натурфилософии Инь-Ян, рассматривающей первоэлементы в коннотативно-денотативной модальности. Демокрит, так же как и Протагор, мог сказать, что бытие есть, а небытия вовсе нет. Атомы и пустота в равной мере принадлежат бытию как конструктивные принципы структурирования протагоровского «Великого кома». Великая Пустота-Шуньята $+(-A)$ и мир проявленного бытия $+(+A)$ даосизма — семантически совершенно иной тип концептуализации, чем пустота и атомы.

Великая Пустота — символ всеединства мироздания, в котором с онтологической непреложностью исполняются философские истины и экзистенциальные смыслы. Китайские художники «усвоили настолько обостренное сознание значимости отсутствующего, что пустоты в их картинах стали красноречивее устойчивых форм»⁶⁵. Ясно, что именно таким, а не демокритовским пониманием пустоты могут быть вдохновлены следующие строки:

*И по комнате точно шаман кружа,
Я наматываю как клубок
На себя пустоту ее, чтоб душа
Знала что-то, что знает Бог*
(И. Бродский)

Вместе с тем, очевидно, что денотативная онтология Демокрита включает в себя и уровень скрытой коннотативной кодировки, проникающей в умопостигаемую реальность атомов и пустоты с помощью некоего «незаконнорожденного умозаключения» (Платон). Совместно обладающие безотносительной онтологической реальностью $(+A)$ атомы и пустота есть умопостигаемые начала чувственно воспринимаемой, но онтологически призрачной $(-A)$, а потому и онтологически обесцененной $-(-A)$ реальности⁶⁶.

Основные трансформационные модели онтологии Логоса представлены в метафизике Платона. Задача Платона — найти Логос для сущности бытия, т. е. философски обосновать онтологическую сверхпарадигму элеатов, вмешаться в «борьбу гигантов из-за спора друг с другом о бытии» («Софист») и выступить в ней арбитром. Но в процессе своего обоснования онтология Логоса преобразуется в нечто иное, растягивается между своим дологическим и металогическим полюсами. С одной стороны, материя как нижняя граница бытия — «темный и трудный для понимания» вид сущего, до которого мы доходим с помощью некоего «незаконнорожденного умозаключения». Она «грезится», ее существование «почти невероятно», но необходимо («Тимей»). Chora как место рождения, обитель бытия,

дающая в себе место космосу, вечна, нерушима, но вместе с тем невосприимчива и немыслима. С другой стороны, Благо как бытие, определенное в отношении своей сущности, не только пронизывает и связывает воедино все уровни бытия, не только является верхней границей бытия, но и трансцендирует за его границы как сверхбытийное единство. Сверхсущее благо — за пределами существования, превышая его достоинством и силой («Государство»).

Благо как сверхсущее свободно не только от природной необходимости стихий-первозлементов натурфилософии, но и от духовно-идеальных сущностей метафизики. В восьми гипотезах «Парменида», ставших основанием всей классической онтологии Запада, воспроизведена идеологическая структура взаимоотношений онтологических сверхпарадигм, причем эта структура описывается на метаонтологическом уровне и языком, свободным от онтологических утверждений. Положенное абсолютно, или, на метауровне рассуждения, «единое никак не причастно бытию»⁶⁷. Остается лишь логическая форма взаимоотношения единого и иного, «иррелевантная» содержательной диалектике бытия и небытия и руководствующаяся исключительно внутрисистемными критериями⁶⁸.

Перевод онтологии Логоса на метаязык Лектона и Хоры с использованием позиции $[-(+A) : -(-A)]$ в качестве плацдарма открыл возможность использования всех типологически различных в тетраде модальностей онтологии. Опробованные уже в древности, в современной философии они перешли из разряда маргинальных ересей во вполне уважаемую дискурсию.

Отказ от презумпции логоцентризма, от прочного и устойчивого логоса бытия характеризует постметафизическое мышление. В «Тезтете» Платон излагает взгляды «каких-то людей», полагающих, что первозлементы не имеют логоса и им даже нельзя приписать бытие или небытие, так как они просты, а потому не поддаются определению. Стоики развивают теорию «лектона» как аксиологически нейтральной, квазибытийной реальности (не относящейся ни к бытию, ни к небытию, ни к истине, ни ко лжи, ни к «да», ни к «нет»), или замкнутого на себя самого смысла, вместе с тем сообщающего реальности ее формальную структуру. Скептическое «эпохе» открывает внедискурсивную реальность, находящуюся вне противоположности бытия и ничто, или экзистенцию, в которой совпадает жизнь и смысл на основе освобождения от универсальности Логоса.

Если обратиться к некоторым особенностям взаимоотношения основных онтологических учений, то можно обратить внимание на следующее. Для философии Дао онтологическая гармония — это «динамическое

равновесие противоположностей, для философии Логоса это — *динамизм «борьбы»* противоположностей⁶⁹, т. е. отношение противоположностей понимается этими учениями, соответственно, как *корреляция и контрарность*. Никлас Луман отмечает, что в дальневосточных культурах «конфликты и чреватые конфликтами бинарные схематизмы дискредитировались морально»⁷⁰. Стратегия, отвечающая неисчерпаемой бесконечности Дао, состоит в том, чтобы всячески избегать предвзятости, заранее установленных правил, проецирования на реальность категорических, а потому односторонних определений, в том числе трансцендентных, идеально-надситуативных парадигм поведения и мышления. Заняв же определенную позицию, абстрагируя нечто в качестве «сущности» и «истины», мы тем самым определяем наше особенное «я» и закрываем для него все иные возможности. Даосский мудрец не дает себя связать никакой конечной определенностью, ограничивающей и исключаящей все иные. Его действия разворачиваются без того, чтобы что-то одно исключало другое, поэтому он действует без усилий и ограничений, открыт всем возможностям. В китайской традиции эта полнота и ясность созерцания зияющего пространства, реальности всего сущего за пределами всякого видения носила имя «Великого созерцания» — *да гуань*. В этой всеохватности более нет взаимоисключающих точек зрения, не возникает оппозиции «да» и «нет», из которой вырастают односторонние пристрастия и на основе которой ведутся философские диспуты представителями «ста школ». Но на уровне всеохватного видения, соответствующего спонтанной, имманентной логике вещей, любой тезис вводится в бесконечность возможностей своего доказательства и опровержения.

Для философии Брахмана—Атмана, также мыслящей противоречия контрарно, но вместе с тем и контрарно по отношению к философии Логоса, а потому фиксирующей контрарность в модусе антагонизма (система кармических зависимостей ставит человека в отношение антагонизма к миру бытия) — онтологическая гармония заключается в статическом *избавлении* от противоположностей. Но Брахман есть в то же время *Rita* — прочный порядок, истина, правильное устройство, закономерное течение, путь, которому в ведических гимнах следуют боги. Таким образом, в формуле *Rita—Брахман—Атман* проявляется близость индийской онтологической сверхпарадигмы как к Логосу, так и к Дао.

В онтологической сверхпарадигме западной философии инобытие как относительное небытие (ибо элеаты наложили запрет на полагание Ничто как сущего) является способом существования бытия, началом его структурирования. Вместе с тем небытие (*инёе*) есть онтологическое место *лжи*

и экзистенциального страха. Ужас Паскаля перед бесконечностью пустых космических пространств является архетипической фигурой для онтологической сверхпарадигмы Логоса: «Чрезвычайно мало людей способно смириться с бессмысленностью существования, то есть с тем фактом, что вселенная в целом слепа к нашим самым сокровенным надеждам и самым мрачным опасениям»⁷¹. Но в это число людей попадают, например, все последователи даосизма, для которого именно неантропоморфность Неба является залогом возможности внести смысл в человеческое существование. Вместе с тем атрибутивная для онтологии Логоса и невозможная для онтологии Дао и Брахмана негативная оценка небытия, ужас перед Ничто могли выражаться во внешне аналогичной процедуре придания Ничто онтологического статуса Первоначала и Истины через инверсию канонической схемы. В рамках такой инверсии разрабатывается идея об укорененной в Ничто свободе самоопределения такого бытия, которое, по гениальной формуле Достоевского, *только тогда и есть*, когда ему грозит *небытие*⁷².

Вообще следует отметить, что на доонтологическом и метаонтологическом уровне «все традиции становятся удивительно похожими друг на друга» (Ф. Жюльен). Так, например, мистика не скована культурой, эпохой, онтологическими сверхпарадигмами. «Экстатическое прозрение всеединства выводит за рамки всякой культуры»⁷³ с присущими им особенностями мировоззренческих схем и символов, точно так же, как нивелируются различия и свободно конвертируются онтологические позиции в движении по тетраде.

В гностицизме Василида Первоначало как «Преждесущее Ничто» или «истинное Не-Сущее» возвышается над противоположностью бытия — небытия. Миф о творении обращен радикально: Не-сущий Бог из абсолютного ничто (*ouk on*) сотворил не-сущий мир. Задолго до объявленной Ницше смерти Бога он уже выведен за скобки текста Библии. *Мир создан Словом, причем говорящего не было*⁷⁴. Отсутствие у Логоса Бога-отца ставит его в параллель с «незаконнорожденным рассуждением», *logismo polho*, которое приводит к Хоре Платона. Это рассуждение не основано ни на каузальности, ни на телеологии, но самодвижение Хоры является самодостаточной процедурой смыслопорождения, структурно аналогичного неантропоморфности космогонического процесса самоорганизации в даосизме. Вместе с тем эта «безличная продуктивность» (Ю. Кристева) креативного слова-текста подготовила почву для сугубо семиотической интерпретации текста бытия — у такого текста «нет записи об Отцовстве» (Р. Барт), — без необходимости выхода к трансцендентальному означаемому. Самоотнесенность Слова, очищенного от грамматической фигуры «примыслен-

ного субъекта» в безличных процессах, означает, что для онтологических концептов становится излишней эманативная или креативная трансцендентность основополагающего (абсолютного, трансцендентального) Субъекта, а на смену ей приходит нелинейная, принципиально вероятностная логика Логоса по модели «сада расходящихся тропок» Борхеса, или «каскада бифуркаций» в синергетике.

Философские универсумы Логоса, Дао, Атмана, Лектона — это системы, характеризующиеся различием онтологических постулатов и экзистенциальных стратегий, во взаимоотражении которых конденсируются параллельные духовно-интеллектуальные миры *Philosophia Universalis*, и в то же время нечто из каждой системы принципиально не попадает в поле зрения других. Когерентность и вместе с тем несводимость друг к другу принципиальных онтологических метапарадигм и процедур смыслополагания, кодированных в идеологической тетраде, служит указанием для компаративистских исследований в социокультурной области. Каждый из четырех типов онтологии становится основанием смыслообразующих метанарраций для соответствующих цивилизационно-культурных типов.

Вместе с тем так же, как абсолютизация той или иной онтологической метапарадигмы закрывает путь к интегральному осмыслению онтологии, так и самоопределение в ценностно-нормативных контекстах и логико-семантических структурах рациональности, присущих локальным культурам, не является гарантией онтологической доброкачественности и экзистенциальной подлинности выбора.

О. Шпенглер считал, что внутренняя жизнь каждой культуры-монады построена по типу музыкальной темы с вариациями, в основе которых — специфический для каждой культуры прасимвол. Именно эта метаструктура социальности (морфология культуры) обеспечивает высшее духовно-онтологическое единство всех элементов социокультурного целого и дает возможность его интерпретации. В сакральных символах мы соотносим вещи с их духовно-онтологическими истоками и поэтому читаем высшее выражение смысла. В символе предметность получает сверхценность, более высокую степень реальности. «Символическая образность есть нечто вроде музыки на текст логически сформулированных догм»⁷⁵. Но символ имеет тенденцию превращаться в нечто механическое, захватывать мышление, как сорняк, если символизация покидает сферу сакрального и переходит в области эстетического или нравственного. Тогда неизбежно происходит инверсия и высшее становится знаком-симулякром низшего.

Так же как непосредственное наложение друг на друга различных музыкальных тем в попытках интегрировать их может породить только како-

фонию, так же как непосредственное сравнение онтологических сверхпарадигм делает их непроницаемыми друг для друга, так и сопоставление локальных культур-монад лишает смысла и идею диалога культур, и представление о культурно-историческом процессе как взаимосвязанном целом, развивающемся на едином интегративном основании. Применение конструктивно-аналитических процедур, вытекающих из логико-семантических принципов идео-логики, дает общее направление для вычленения, сопоставления и интерпретации основных социокультурных прасимволов или архетипов (музыкальных тем) в их специфическом своеобразии и вместе с тем как элементов единого полифонического целого.

1.4. Принципы трансформации социальной онтологии

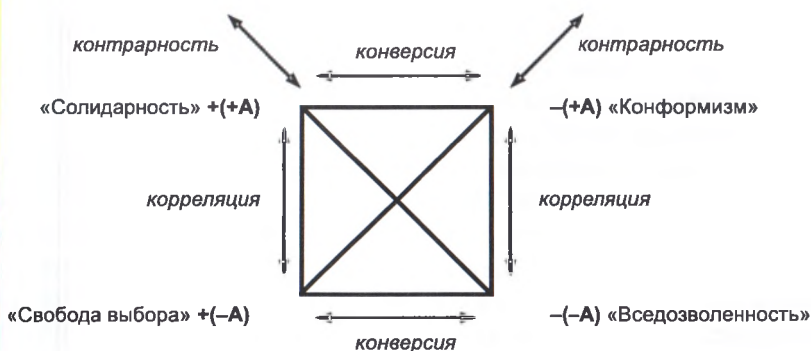
В качестве основания дедукции логико-семантических схем или матриц онтологических модальностей социодискурса мы можем рассматривать аналитику типологически различных способов соотнесения единого и многого, целого и части. Логико-семантическая структура онтологической гармонии единства и многообразия в классической философии выражена идеей всеединства. С.Л. Франк определяет всеединство как «единство единства и многообразия, — такое единство, которое не только объемлет в себе все свои части и точки, но так их внутренне пронизывает, что вместе с тем содержится как целое в каждой своей части и точке»⁷⁶.

Конструктивно-организационные принципы положительного всеединства определены В.С. Соловьевым тремя критериями отношения частей друг к другу и к целому: 1) структурные элементы взаимно полагают себя один в другом, солидарны между собою; 2) они не исключают целого, а утверждают свое частное бытие на единой основе; 3) единая основа не поглощает части, а, раскрывая себя в них, дает им полный простор в себе. Таковы структурные схемы Добра, Истины, Красоты. Соответственно, и деонтологизация может быть сведена к троякому нарушению взаимной солидарности и равновесия частей и целого: 1) частный элемент утверждает себя в своей особости, стремясь исключить или подавить чужое бытие; 2) единичные элементы порознь или вместе хотят стать на место целого, отрицают его самостоятельное единство, а через то и общую связь между собою; 3) во имя единства теснится и упраздняется свобода частного бытия. «Все это: и исключительное самоутверждение (эгоизм), и анархический партикуляризм, и деспотическое объединение мы должны признать злом»⁷⁷ в нравственной сфере, ложью в теоретической сфере, и безобразием в эстетической сфере.

В идеологической тетраде объединены отмеченные В.С. Соловьевым схемы структурирования и деструкции всеединства. В социально-политической риторике субститутами категорий единое и многое, целое и часть, общее и отдельное могут служить наборы прагмем, символизирующих принципы социального порядка и индивидуальной свободы:

+(+A) «Порядок» «Единое» «Общее» «Целое»	-(+A) «Порядок» «Единое» «Общее» «Целое»	+(-A) «Свобода» «Многое» «Отдельное» «Часть»	-(-A) «Свобода» «Многое» «Отдельное» «Часть»
Единство	Тоталитаризм	Соревновательность	Стихийность
Сплоченность	Соглашательство	Свобода выбора	Субъективизм
Солидарность	Конформизм	Инициативность	Индивидуализм
Согласие	Обезличивание	Независимость	Конфронтация
Порядок	Унификация	Плюрализм	Дезинтеграция
Дисциплина	Авторитаризм	Автономия	Вседозволенность
Консолидация	Насилие	Открытость	Распущенность
Организованность	Принуждение	Самоуправление	Анархия

По правилам идео-логики прагматическое использование этих противоположно направленных тенденций структурирования социального целого будет происходить как процесс интеграции этих прагмем, обозначающих примат целого $\pm(+A)$, или примат единичного $\pm(-A)$, в тетраду в соответствии с общим алгоритмом построения идеологической тетрады.

Идео-логика решает проблему структуры соотношения единого и многого совсем в иной плоскости, чем метафизика и трансцендентализм. Идео-логика рассчитана не на сверхвременной, сверхисторический континуум, а на оперативное действие внутри меняющейся конфигурации исторических сил, решая задачу их прогрессирующей тотализации. М.Н. Эп-

штейн подробно описывает стратегию и методику использования тетрады в идеологических спорах: «Тетрада формулирует оптимальную стратегию поведения в ситуациях конфликта, показывает, как нужно применять словесные оценки, чтобы ослаблять конфликтующие стороны посредством их же силы и укреплять себя, “играя” на их противоречиях»⁷⁸. Но сама структура идео-логики как схемы интеграции и размежевания императивов социальных позиций и действий не обуславливается, а лишь актуализируется ее политико-идеологическим использованием в качестве механизма управления социальными процессами, конструирования социальной реальности. Первостепенна значимость идео-логики как логики дискурса относительно равно значимых ценностей, разрешение которых возможно не на пути переопределения понятий и их ценностных коннотаций, но по установлению их роли в конкретно-исторической ситуации. Социальная философия, владеющая идео-логикой как методом, оперирует не абсолютными масштабами, но теми специфическими (одновременно социально-типическими) конфигурациями социального бытия, которые привели к акцентированию одних нормативно-ценностных систем, отодвинули на второй план другие, дезавуировали третьи.

Идео-логикой преодолевается фундаментальный предрассудок социальной философии: убеждение в том, что анализ социально-исторической реальности с точки зрения общих законов и упорядочение ее посредством понятий — совершенно иная мыслительная процедура, чем анализ конкретной ситуации в ее собственных, уникальных смысловых конstellациях. Особенность социальной онтологии в том, что она имеет предметом характеризующиеся определенными правилами ситуации взаимодействия индивидов и групп. Эти правила могут раскрываться, а ситуации могут быть типологически нормализованы через движение их круговой и перекрестной перекодировки, семантических трансформаций и переходов по логике упорядоченной структуры соотношения прагмем.

Для описания схематизма структурирования и функционирования социальных диспозиций французской постструктуралистской социологией применяется понятие габитуса. По определению П. Бурдьё, габитусы — это «системы устойчивых и переносимых диспозиций, структурированные структуры, предрасположенные функционировать как структурирующие структуры, т. е. как принципы, порождающие и организующие практики и представления, которые могут быть объективно адаптированными к их цели, однако не предполагающие осознанную направленность на нее». Именно на основе коллективно-бессознательных схем габитуса, а не «целерационального выбора»⁷⁹ формируется единое смысловое поле

социальности и преодолеваются «обычные предрасположенности, в которые мы обычно замкнуты: детерминизм и свобода, предустановленность и творчество, сознание и бессознательное, индивид и общество»⁸⁰.

Понятие габитуса, как и все диспозиционные концепты, предполагает отказ от субстанциалистской парадигмы онтологии. Н. Гартман утверждает: в динамических образованиях, в том числе и в онтологических порядках человеческого общества, «действует иной способ сохранения, чем субстанциальность: сохранение через внутреннее равновесие, регулирование, самодеятельное воссоздание или даже самодеятельное превращение. В отличие от субсистенции его можно назвать консистенцией. Ее результатом является хотя и не вечная, но достаточно долгая длительность для того, чтобы придать образованиям свойство быть носителями изменяющихся состояний (акциденций)»⁸¹. Принцип консистенции или контингентности, онтологизируя выраженные в идеях отношения («образования») в качестве несубстанциального абсолюта социально-исторических структур и процессов, тем самым превращает социальную онтологию в метаязык описания особого класса *систем с интегральным внутренним знанием*, или рефлексивно самоотнесенных целостностей. То есть целостностей, в которых актами их рефлексивного моделирования создаются и трансформируются онтологические структуры.

Личностно-социальное целое предстает не в виде всеобъемлющего телеологического синтеза или линейной ценностной перспективы, но как подвижный синтез и замена своих опорных элементов, переопределения своего собственного определяющего основания. Устойчивость же социальной системы определена специфическими особенностями (сформированными и детерминированными, прежде всего, культурно-историческим процессом) *диспозиционного* схематизма (в том числе когнитивного и мотивационного) структурирования социальных связей. Примером реализации такого подхода является развитие Г.С. Батищевым, в опоре на тексты Маркса, концепции непериодизирующей типологии социальных связей⁸². Эту концепцию мы, в свою очередь, постараемся представить в качестве примера демонстрации возможностей и границ применимости идеологии в разработке проблем социальной онтологии.

В социальной философии представлены концепции, дифференцирующие социальные системы по критерию противопоставления атомистических и органических модальностей социальной связи: *Gemeinschaft* (общество) и *Gesellschaft* (сообщество) Ф. Тенниса, традиционное и открытое общество К. Поппера, макроэтика расширенного порядка взаимодействия

и микроэтика солидарности малых групп Ф. Хайека и т. д. Каждому из этих типов обществ соответствует и особый тип культуры.

Г.С. Батищев показывает, что в социальной философии К. Маркса социал-органические и атомистические типы социальных связей рассматриваются, в свою очередь, в двух подтипах каждая: закрытых, замкнутых и открытых, разомкнутых, а структурно-онтологические различия четырех модальностей социальных систем строятся вокруг векторов ценностных устремлений. При этом возникает типология, наглядно демонстрирующая и теоретически преодолевающая односторонность как либеральных, так и консервативных концепций общества и культуры.

Социал-органические связи — связи не-свободной сопринадлежности индивидов Целому (+А).

Замкнутая модальность этого типа связей $-(+A)$ характеризуется гетерономией индивидов как акциденций или составных частей, снимающих с себя ответственность за движение субстанциального целого и утрачивающих субъектные атрибуты. Она описывается Г.С. Батищевым прагмемами из колонки «**—единое**»: *мертвящий традиционализм, онтологическое иждивенчество, стереотипность, трафаретность и т. д.* Различаются две внешне противоположные, но по существу идентичные формы гетерономии индивидов в системах замкнутых органических связей: а) покорность, квиетизм и б) формально-исполнительская суэта.

Однако нельзя считать, будто бы социал-органические связи не оставляют места для субъектности индивида. Самостоятельность, сознательно-критическая оценка здесь сохраняются, но включаются в более широкую сферу несвободы как принципиально над-индивидуальной сферы высших смыслов и ценностей, универсальных принципов и норм. Так возникают социал-органические разомкнутые связи $+(+A)$ — связи сопринадлежности индивидов, раскрытые навстречу абсолютному онтологическому содержанию наиболее фундаментальных уровней бытия, в которые субъект включается на до-деятельностном, не распределенном уровне личностной организации.

Атомистические связи (—А) раздробляют целое на такие части, каждая из которых притязает быть внутри себя онтологически самодовлеющим целым.

При открытом типе атомистических связей $+(—A)$ своемерие и своецентризм (прагмемы колонки «**—многое**») обращены индивидом только внутрь его субъектного мира. Уход из актуального межличностного общения, замыкание в «Святое одиночество» (Рильке) своего субъектного мира, требующиеся в пограничных ситуациях, в творчестве, подвижничестве

и т. п. формах самоопределения по отношению к высшим ценностям и смыслам, совмещаются с уважением и терпимостью к жизненным кодексам других, предполагают субъектный полицентризм («+многое»).

Как и замкнутые социал-органические связи, замкнутые атомистические связи $-(A)$ выступают в двух формах: а) потребностно-гедонистической и б) ценностно-аскетической. Если самозамыкание индивида происходит в сфере конечных явлений, тогда его требования к миру выступают как потребности. Когда же индивид предпочитает самоутверждаться лишь в сфере высших ценностей посредством их присвоения, тогда он ту же самую по сути позицию претворяет внешне противоположным способом: утилитарные потребности подавляются ради над-утилитарных ценностей, но на деле последним придается конечная, потребностно-подобная форма.

Г.С. Батищев подчеркивает: коварная негативная диалектика механизма социальной регуляции атомистической социальности такова, что, ежечасно аннулируя высокомерный своецентризм каждого атома, утверждает за его спиной неоспоримый своецентризм отчужденной системы как целого». Этот механизм пролагает дорогу господству системы над индивидом именно тем, что поддерживает в индивиде притязание быть господином своей судьбы⁸³. Таким образом, социал-органические и атомистические типы структурирования общества коррелятивно объединяются открытыми $[(+A) : +(-A)]$ и закрытыми $[-(+A) : -(-A)]$ типами социальных взаимодействий.

В этой связи можно рассмотреть вопрос о тенденциях трансформации социальной онтологии в эпоху постмодерна. Согласно Ж. Бодрийяру, общество переходит в состояние массы, состоящей из атомов, настолько разобщенных, что даже манипулирование ими становится невозможным. Согласно М. Маффесоли, эпоха постмодерна характеризуется переходом от общества механической солидарности (*Gesellschaft*) к сообществу органической солидарности (*Gemeinschaft*) — микросоциумов общения, основанных на спонтанной консолидации социальности. С точки зрения принципов разработанной Г.С. Батищевым типологии, две этих противоположные модели объединяет то, что они конструируются в соответствии с логикой социальных связей закрытого типа и семантикой аксиологического релятивизма.

Анализ Г.С. Батищева вскрывает системное многообразие способов деонтологизации социокультурного бытия личности в различных и вместе с тем комплементарных типах социал-органических и социал-атомистических связей. Каждым из проанализированных типов и всеми ими вместе предполагаются духовно-онтологические основы социальности, но внутри этих связей и соответствующих им структур социального бытия они не возникают и возникнуть не могут. В парадигматических рамках этой типо-

логии социум лишь допускает (разомкнутые типы социальной связи) или противодействует (замкнутые типы) актуализации духовного начала, открывающегося человеку через щели и дыры в глухой стене социальности. Из проведенного Г.С. Батишевым анализа непериодической типологии структур социальных взаимодействий следует вывод о внесистемном типе социокультурных связей, онтологически соответствующих принципу свободной индивидуальности.

В идеолингвистике выделяется еще один — рефлексивный уровень идеологической тетрады и соответствующий ему метаязык предикатов, извлеченный из предметного многообразия объектного языка прагмем⁸⁴. Языком-объектом метаоценочного языка выступают сами оценки, входящие в структуру прагмем. Позитивная или негативная оценка какого-либо явления может быть, в свою очередь, оценена позитивно или негативно. На этом уровне идеология как поиск и тематизация ценностей (Р. Барт) реализуется в форме прагматической метатетрады, имеющей следующую структуру:

$$\begin{array}{cc} + [+] & - [+] \\ + [-] & - [-] \end{array}$$

Если тетрада соответствует мандале, то метатетраде можно найти аналог, например, в калачакре — «колесе времени» джайнской мифологии. Здесь нисходящие и восходящие потоки времени делятся на шесть периодов каждый: «хороший — хороший», «хороший», «хороший — плохой», «плохой — хороший», «плохой», «плохой — плохой». Метаязыком прагматической метатетрады разрушается метафизика как язык-объект, а «выпотрошенная форма» (Р. Барт) его концептов в метаидеологической перекодировке симулирует их исходный смысл.

Трансформационная матрица идеологии актуализирована постмодернизмом, обратившим ее собственно идеологические функции — дистрибуцию внереференциальных означающих — на разрушение онтологической семантики. В попытках экзегезы текстов Книги Бытия Августин приходит к заключению: «...если бы я писал книгу высшей непреложности, я предпочел бы написать ее так, чтобы каждый нашел в моих словах отзвук той истины, которая ему доступна; я не вложил бы в них единой отчетливой мысли, исключаяющей все остальные...»⁸⁵. Но поскольку невозможно без плутовства играть «сразу на две структуры» — на ряды означаемых и ряды означающих, то высшая непреложность текста предполагает его независимость от референций. Это обстоятельство в полной мере учитывается постмодернизмом, поставившим себе задачу выразить опыт современной эпохи в виде *метатекстов*, представляющих собой «плюралистически-холистский» синтез, при котором все позиции и альтернативы эксплицитно даны как мо-

менты единого кругового и перекрестного взаимоопределения, свободной игры означающих (в нашей терминологии — элементов идеологической метатетрады). Соответственно, интенция на поиски устойчивой и недвусмысленной нормативности онтологических концептов отнесена постмодернизмом к рецидивам тоталитарного, репрессивного, фундаменталистски-догматического мышления, а реальные референты социально-политических понятий деконструированы и превращены в элементы семиотических систем, подчиняющихся номадической дистрибуции смыслов в «ризоморфных» средах произвольно фрагментированного мира.

В постмодернистской парадигме критика референциальной концепции знака ведет к радикализации традиционного истолкования бытия как текста. «Внетекстовой реальности вообще не существует»⁸⁶, особенностью онтологических суждений является то, что в них некая часть серии означающих просто *притворяется* трансцендентным слоем означаемого. Означающее становится самодостаточной реальностью, поскольку любое означаемое уже изначально поставлено в позицию значащей субституции. «Сингулярный зигзаг» платонизма привел от метафизики субстанций дименсиональной онтологии к метафизике симулякров — «идентичных копий, для которых никогда не существовало оригинала» (Ф. Джеймисон). «Минимум реальности и максимум симуляции — вот чем отныне мы будем довольствоваться в своей жизни»⁸⁷, — утверждает Ж. Бодрийяр, как бы отвечая на риторический вопрос, заданный еще Л. Шестовым: «Может быть, наступила для нас пора проснуться от здравого смысла и на место равной для всех действительности водворить как нашу естественную среду перекрещивающиеся и взаимно друг друга исключаящие иллюзии?»⁸⁸.

В современной культуре между человеком и истиной простирается слой посредников, отодвигающий область непосредственно данного и несомненного в бесконечно отстоящий горизонт. В безреферентном пространстве полярность знака замещается дигитальностью сигнала. Здесь больше нет *терминов* и *детерминированных* позиций, есть только *терминалы*. Больше никакой трансцендентности, но погружение в холодную имманентность нормы и моделей. Все, что нам доступно, — это даже не *тени* и *следы*, но *тени теней*, *следы следов* присутствия бытия, цепь отсрочивающих отсылок. В этих утверждениях, характеризующих программный отказ постметафизики постмодернизма от любых попыток построения онтологии, вместе с тем воспроизведена (и абсолютизирована) объективная тенденция трансформации социокультурной онтологии в современную эпоху.

В классической политической мысли политик выполняет репрезентативные функции. Это соответствует репрезентативной эпистемологии

и димензиональной онтологии как составляющим классического типа метафизической рациональности. В современном мире политик не представляет объективные интересы, а конструирует модель-симуляцию, производит дискурс, соотносящийся с групповыми аффектациями, «машинами желания», занимает топос встречи «соблазнителя» и «соблазняемого». Реальные референты таких понятий, как гражданское общество, правовое государство, неотчуждаемые права человека и т. д., деконструированы и превращены в элементы семиотических систем, расположенные в виртуальном пространстве интертекстуальности. Массовое сознание превращено в полисемантический текст, беззащитный перед произволом интерпретаций, т. е. эффективного манипулирования. Скажем, обездоленную и ограбленную часть населения вы артикулируете как «коммунистический текст», заставляете высказываться о своих проблемах и поруганных правах языком лозунгов марксизма-ленинизма, диктатуре пролетариата и т. п., а действия власти представляете как престижный, социокультурно легитимный демократический текст — «и вы получаете реванш политической технологии над действительностью»⁸⁹.

Как политик освобождается от связи с представительством дифференцированных социальных интересов; как деньги освобождаются от связи с натуральными экономическими показателями — в настоящее время торговля валютой в 80 раз превышает торговлю товарами, — так и гиперпространство сетевых структур информации и время компьютерных сетей, сжатое до мгновения, освобождаются от связи с конфигурациями пространства и ритмом времени реальной жизни⁹⁰. Время как трансцендентальная форма самосознания подчиняется ритмам движения по массиву информации, а человек превращается в номада голых, безландшафтных информационных пространств.

Эпоха глобализации типологически характеризуется универсализацией сетевых структур социальности. Созданные информационными технологиями глобальные сети «составляют новую социальную морфологию наших обществ»⁹¹, сетевые структуры пронизывают социальный мейнстрим, а имманентная аксиоматика сетевой логики становится парадигмой онтологических трансформаций социальной реальности. Структурное тождество и однонаправленность векторов социальной эволюции и развития информационных технологий наделяет качеством субстанциальности мир, сотканный из финансовых потоков, управляемых электронными сетями. Эта новая реальность обладает независимостью от социального контроля, стоит над обществом, над государственными границами и т. д.

Сетевым структурам социальной организации в наибольшей степени соответствует «парадигматическая игра» деконструктивистских стратегий, в которой актуализируется имманентная аксиоматика движения по онтологическим (коннотативно-денотативным) диспозициям идеологической тетрады.

Постмодернизм определен Ж.-Ф. Лиотаром как «недоверие в отношении метарассказов», посредством которых схематизм единства или синтеза многообразия позволял легитимировать и описывать себя в категориях традиционной философской концептуальности. «Принцип универсального метаязыка оказывается замещенным принципом множественности формальных и аксиоматических систем, способных аргументировать денотативные высказывания, причем эти системы описаны хотя и универсальным, но не обоснованным метаязыком»⁹². Сетевая структура социальности находит свое отражение в постмодернистской идеологии децентрализованных структур, а аргументация денотативных высказываний на метаязыке их «парадигматической игры» оказывается конгруэнтной круговому и перекрестному движению по диспозициям идеологической тетрады.

С точки зрения Ж. Деррида, основополагающей эпистемой классической культуры является понятие «бесструктурного центра структуры», создающего сбалансированность и гармонию структур внутри целостной формы, в то время как в самом центре свободная игра и трансформации элементов запрещены. Однако себестоительный смысловой центр — не объективное свойство структуры, а интерпретационная фикция классической (логоцентристской) онтологической парадигмы. Модель структуры, организованной вокруг абсолютного центра, должна быть заменена децентрализованной моделью сосуществования равноправных и равноценных смысловых инстанций в соответствии с семантической матрицей, задающей конфигурации социального поля как сеть связей между его гетерогенными элементами.

Сетевая структура обладает распределенным, децентрализованным ресурсом, что препятствует образованию жесткой иерархии, построенной по принципу допуска к ресурсам. Индивид, получивший доступ к одной из точек сети, автоматически получает возможность доступа ко всей полноте ресурсов. В то же время матрицы идеологической комбинаторики наделяют качеством псевдосубстанциальности тенденции деонтологизации социально-исторического бытия и экзистенциально-смысловой сферы человеческого существования.

Социально обусловленные формы общения должны поддаваться семантизации в терминах герменевтики безотносительных духовно-онтологических реальностей. Однако *деонтологизация* социального мира в настоящее

время является *онтологическим принципом* глобализации. Аморфность и дезинтегрированность социальной онтологии, организованной по принципу сетевых структур, порождает проекты «одухотворения» социально-политической действительности, с одной стороны, и цинично-манипулятивные политические технологии, с другой. Конец эпохи великих *метарассказов* означает понимание того, что ни в одной идеологии нет абсолютного душе- и миропасительного смысла, способного разворачиваться и реализоваться, а потому и пониматься с позиции идеальной заданности. В то же время провал цивилизации к «планетарной гегемонии силы» (А.С. Панарин) во многом объясняется тем, что без великих вдохновляющих идей и вне питающего и порождающего их процесса культурно-исторической преемственности духовных смыслов социальный мир становится *реальностью отрицания собственной духовно-онтологической основы*.

Суть эвристического ответа на кризис гуманитаристики заключается в обретении позиции, с которой становится возможным радикально, — т. е. онтологически, — переосмыслить современную теорию социальной реальности в ее целом. Онтология социального бытия и тенденции ее трансформации остаются наиболее проблематичной областью социально-го познания. Нельзя не согласиться с Ж. Бодрийяром в том, что у нас нет даже слова, чтобы обозначить то, что не сегодня-завтра наследует в наших глазах социальности и социальному. Но понятно, что без разработки понятийного аппарата социальной онтологии лишается смысла всякая теоретическая рефлексия над проблемами социальной политики. В поисках такого рода концептов, как мы попытались показать, достаточно продуктивным может стать обращение социальной философии к онтологическим импликациям логико-семантических схем идеолингвистики.

1.5. Информационно-коммуникативные модели оптимизации взаимодействия государства и гражданского общества

Качество и действенность политического управления является ключевым фактором развития как общества в целом, так и социальной сферы. Институты современного общества являются достаточно гибкими, сложно организованными системами, применение к управлению которыми «жестких» методов административного диктата неизбежно влечет за собой деструктивные социальные последствия. Несоответствие между инертным и бюрократизированным функционированием государственных институтов и потребностями государственного регулирования многообразных социальных процессов является серьезным препятствием для решения зада-

чи усиления социальной направленности реформ и формирования новой социальной политики. Поэтому столь актуальна и необходима *новая философия политического управления*, органически синтезирующая рационально-технологические методы и гуманистические принципы, что открывает реальную возможность повысить рациональность, научную обоснованность, эффективность и вместе с тем обеспечить социальную направленность политического управления.

Для проведения социальной политики необходимы как эффективная социальная технология, так и объективная социальная наука. «Теоретическая социология создает *ресурс возможных описаний общества*»⁹³, которым могут воспользоваться политические технологи для разработки эффективных социальных решений. При этом гипотетически возможен случай, когда социальная онтология не только становится общей теорией, но находит практическое применение в качестве парадигматической модели технологий социального управления.

В условиях проведения структурных реформ для обеспечения стабильности и инновационной самоорганизации социума должна измениться концепция социального управления. Если в устойчивом обществе преобладают процессы, репродуцирующие социальный порядок, то в период реформ на первый план выходят нелинейные связи и отношения, которые резко увеличивают роль случайности, особенно в поле политики. В этих условиях сильные управленческие воздействия на институты гражданского общества со стороны государственного аппарата подавляют творческие новации, закрывают возможности продуктивного развития. Следует применять политические технологии, адекватные процессу социальной самоорганизации и вместе с тем рационально организованному распределению власти, ответственности и контроля по управленческой вертикали.

В постсоветских государствах переход к рыночной экономике, утверждение тенденций демократизации социально-политической сферы, институциональные трансформации социально-политического режима не привели к демонтажу тех организационно-функциональных структур, на основе которых практически всю полноту субъектных параметров социальной организации и ее инновационных изменений аккумулирует в себе административно-управленческий аппарат политической власти. Современный постсоветский социум развивается по модели асимметричного субъектно-объектного взаимодействия политической системы и неполитической сферы — институтов и структур гражданского общества.

Социокультурный контекст демократии или демократическая культура отношений между обществом и государством так и не потеснили tradi-

ционалистских и авторитарных форм легитимации этих отношений, а были ими ассимилированы. Либерально-демократические ценности, принципы и механизмы политического управления в этих условиях воспринимались в той мере и в тех пределах, в которых они укладываются, с одной стороны, в стремление самоотчужденной от гражданского общества финансово-политической элиты к неограниченному и бесконтрольному росту своей власти, а с другой стороны — в стремление индивидов к реализации их утилитарно-прагматических интересов.

Система политического управления постсоветских государств структурно и функционально ориентирована на политические методы и механизмы институционализации дозированных, фрагментированных зон (элементов, сегментов) гражданского общества. Между тем мировой опыт свидетельствует о том, что процессы реформирования социального бытия протекают успешно в случае, если реализуются принципы полисубъектности и полицентричности общества как самоорганизующейся системы. В практическом утверждении этих принципов как организационных начал системы политического управления состоит магистральный путь оптимизации взаимодействия институтов государства и гражданского общества.

«Принцип демократической легитимации сегодня стал практически общепризнанным, фактически сняв все другие типы легитимности с повестки дня»⁹⁴. Этот принцип означает, что ни один индивид и ни одна из групп граждан не обладает монополией на истину и не обладает статусом единственного носителя ценностей. Совокупность различных целей и интересов приводится к наиболее приемлемой для всех компромиссной форме, — по существу, к общественному договору — в процедурах выявления мнения большинства в условиях реальной состязательности политического процесса. Однако вся эта процедурная сторона определяется презумпцией рациональности, разумности суждений и выборов, основой которых могут быть лишь те самые общие социальные цели, ценности, представления об общем благе и справедливости, относительно которых признана невозможность монопольного владения ими. Тем самым в демократических процедурах фактически происходят рационализация и перевод в плоскость политического решения уже сделанного большинством выбора фундаментальных ценностей. *Но тогда сами эти ценности подлежат иной форме легитимации, чем демократические процедуры, основанные на них.* В противном случае демократический принцип легитимации превращается в круг взаимности, замыкается сам на себя.

Уже у Платона не вызывало сомнений, что либерально-демократические ценности в социально поляризованном и раздираемом противоречия-

ми обществе нуждаются для своей защиты в метадемократической инстанции принятия политических решений. В античности именно тираны своей властью учреждали наиболее демократичные режимы. Теоретически президентская форма правления как модель политической организации, включающей в себя «элементы просвещенного авторитаризма»⁹⁵, своим легитимирующим основанием имеет приоритет ценностно-смыслового основания политической консолидации гражданского общества над ее процедурно-правовым механизмом. Однако на практике модель идентитарной демократии может быть реализована в плюралистическом, но не в разделенном, сегментированном обществе. На различии этих определений нужно остановиться подробнее.

Важная проблема, возникающая при анализе политического управления и практических мер по его осуществлению, заключается в релевантном представлении о социальной структуре. В частности, недопустимо механически переносить и некритически использовать понятия, возникшие в иных цивилизационных контекстах. У нас принято считать, что вместе с ниспровержением марксизма-ленинизма как единой и единственной официальной идеологии в обществе утвердился плюрализм. Но вот что замечает по поводу данного понятия Дж. Сартори: понятие плюрализма стали использовать в западной литературе, дабы передать идею об особой социетальной структуре, отражающей совершенно определенные смысловые значения внутренней политики западных демократий. В этом смысле плюралистическим является такое общество, социальные структуры которого определяются рядом принципов: «верой в то, что на всех уровнях должны развиваться всевозможные автономные объединения, что признается все легитимное многообразие интересов и что расхождения во взглядах, отсутствие единомыслия образуют основу гражданственности»⁹⁶.

Очевидно, что при таком определении концепта «плюрализм» большинство постсоветских обществ, характеризующиеся, как и страны западной демократии, высоким уровнем социальной дифференциации, не могут быть отнесены к числу плюралистических. По отношению к современному постсоветскому обществу (это характерно и для России, и для Казахстана, и ряда других постсоветских стран) мы должны говорить о фрагментированном, разделенном, а не плюралистическом обществе. Из этого, разумеется, вытекают и особенности политического управления: одно дело — управлять плюралистическим обществом, и совсем другое — фрагментированным, глубоко разделенным. В плюралистическом обществе дифференциация органически совмещается с интеграцией, во фрагментированном — отсутствует сама основа для интеграционных процессов, если,

опять же, под термином «интеграция» мыслить строго определенное концептуальное содержание, в рамках которого единение и сплоченность социальных субъектов исключают хоть какое-то отношение к принудительно навязываемому единообразию. В плюралистическом обществе, например, невозможно услышать от высокопоставленного государственного чиновника высказывания подобного типа: «Мы можем представить своим гражданам принципиально новую систему ценностей и идеалов, на которую они могут опереться в своей жизни»⁹⁷. Различными в таких обществах оказываются как сами основания легитимности политического управления социальной сферой, так и социально-политические технологии.

Одной из отличительных черт обществ на стадии их посттоталитарной трансформации является вытеснение, замещение формальных институтов управления неформальными правилами. На практике это положение явилось основой возникновения феномена, названного французскими политологами Меркелем и Круассаном «дефектной демократией». В дефектных демократиях «сегменты политических элит сосуществуют с сегментами общества посредством неформальных, но стабильных символическо-клиентелистских связей... В этом случае деформализация принятия политических решений лишает демос его суверенитета, гарантированного представительством»⁹⁸. Процессы стихийного возникновения и целенаправленного конструирования неформальных институтов отвечали доминировавшей идеологии экономического либерализма в ее наиболее вульгарном варианте, предполагавшем минимизацию регулирующих функций государства. Упадок административного потенциала государства, его неспособность эффективно применять формальные институты повлекли за собой усиление произвола власти в ущерб верховенству права. Поэтому для постсоветских социумов актуален призыв: «Верните государство назад» (Т. Скочпол), т. е. вытеснение неформальных институтов из государственно-политической сферы, но с одновременным процессом активизации неформальных институтов в сферах, где именно они обеспечивают стабильность и развитие.

Однако нельзя не принять во внимание целый ряд причин и условий, в силу которых «неформальная институционализация», скорее всего, окажется не временным «дефектом» (в смысле отклонения от «правильного» пути развития), а долгосрочной и принципиальной характеристикой российского политического режима»⁹⁹. Основной структурной особенностью этого режима является существование двойной системы политического управления — официальной (формальной) и «теневой» (неформальной), выражающей корпоративные интересы политической элиты, обеспечение

которых достигается за счет выведения процесса распоряжения ресурсами из-под контроля общества и государства.

Формирование поля неформальных практик («поля терпимых противозаконностей», как его называл М. Фуко) происходит с двух сторон — субъектами политической власти и гражданского общества, но этот процесс происходит асимметрично. «Выработка неформальных практик за пределами сообщества элит (скажем, различного рода экономическими агентами) может рассматриваться как естественная реакция на политику государства, сочетающего бессилие и бездействие с нажимом и произволом»¹⁰⁰. Со стороны же носителей власти неформальные практики, — кроме того, что они воспроизводят на уровне политической системы принципы неполитических форм социального общения, — корректируют, адаптируют к своим собственным целям саму нормативную базу формальных правил и процедур. В результате возникает положение, характеризующееся не столько сосуществованием двух параллельных систем политического управления, или двуслойностью этой системы, сколько тем, что «институты “рационального” управления, говорящие на языке формальной процедуры, есть иллюзорно присутствующий компонент»¹⁰¹. Реальное же осуществление власти происходит в эзотерической, теневой системе неартикулированных правил и практик, само собой разумеющихся (для посвященных) мотивов и смыслов неформального взаимодействия.

Конечно, административно-политическая власть обязана легитимировать собственные структуры и функции, разъяснять и обосновывать принимаемые решения, подтверждая в публичном дискурсе свою приверженность целям общего блага, удовлетворению и согласованию интересов различных социальных групп. Но на деле корпоративный интерес властных институтов заключается как раз в том, чтобы не допускать в свою сферу, в сеть доверительных отношений формальных процедур общественный контроль, чтобы «не дать “рациональной машине” заработать по-настоящему»¹⁰².

Применение методов социальной инженерии к управлению, проектированию и конструированию социально-политических процессов и институтов должно быть, на наш взгляд, опосредствовано критическим преодолением ряда ее собственных основоположений и предпосылок.

Прежде всего, следует избавиться от технократической парадигмы социоинженерной деятельности, согласно которой социальная инженерия вооружает бюрократическую элиту научно обоснованными методами регламентации и контроля человеческого поведения, эффективными средствами манипуляции социальными нормами и институтами. Для адептов технократического подхода идея рационального переустройства общества

неразрывно связана с представлением о социальном бытии как объекте воли и сознания, объекте возможных преобразований на основе конструктивно-созидательной активности субъекта. На практике это означает легализацию права силового воздействия политической элиты как субъекта на социум.

К тем же результатам приводит и противоположная крайность. Принцип невмешательства государства в нравственные основы развития гражданского общества является великим достижением социально-политической мысли Просвещения и основой конституционного права всех демократических государств. Но абсолютизация этого принципа порождает декларативность, абстрактность политической демократии, ее превращение в институционализацию эксклюзивного права властной элиты на политическую самостоятельность.

Социальная инженерия в равной мере должна использоваться как административно-бюрократическими органами центрального и регионального управления, так и институтами гражданского общества: независимыми общественными организациями и самостоятельными группами населения, СМИ, институтами общественного самоуправления и т.д.

Таким образом, можно сформулировать следующие **ограничения** на применение социоинженерных методов к сфере управления социально-политическими процессами:

Во-первых, преобразования социально-политической сферы должны иметь локальный характер. Любые программы широкомасштабных и радикальных преобразований с точки зрения социальной инженерии должны *a priori* расцениваться как имеющие социально деструктивный характер.

Во-вторых, проектирование и изменение социальных систем не может распространяться на долгий срок, но возможно «лишь на один шаг от настоящего» (В.В. Щербина).

В-третьих, как вытекает из предыдущего пункта, применение методов социальной инженерии предполагает эволюционное, поэтапное движение системы от одного состояния к другому и исключается при переходе системы к прямо противоположному типу или модели развития.

В-четвертых, новые социально-политические институты могут создаваться лишь при условии созревания культурных предпосылок и с учетом специфических характеристик массового сознания, прежде всего — особенностей политически-правовых представлений.

Магистральную линию трансформации технологий политического управления в трансформирующемся постсоветском обществе можно определить как переход от **административно-командной модели** тоталитарного

периода через различные формы **авторитарно-бюрократического управления** на стадии модернизации социально-политической системы к либерально-демократическим моделям «политики интересов» как завершающего этапа периода политической трансформации и затем, в идеале, к «постбюрократической», **делиберативной форме демократического самоуправления**. Данные модели не только являются последовательно сменяющимися друг друга этапами эволюции форм политического управления, но сосуществуют как различные принципы и технологии актуально осуществляемого политического процесса. Таким образом, задачей реформирования сферы политического управления является обеспечение повышения удельного веса переговорных, коммуникативно-дискурсивных социальных технологий и снижения роли административно-приказных методов управления социальными процессами.

Такой феномен, как возникновение на основе информационно-коммуникативных технологий массового общества и массового сознания, в отечественной социальной науке долгое время недооценивался и даже игнорировался. Соответственно и теории управления, основанные на классических императивах социальной стратификации (деления общества на классовые, этнические, половозрастные, конфессиональные, социально-демографические и т. д. группы, характеризующиеся общими социально-психологическими характеристиками и руководствующиеся собственными интересами), оставляли без внимания специфику функционирования и изменения массового сознания и методы социально-политического управления, отвечающие особенностям и основным тенденциям трансформации социальной онтологии.

Важнейшей характеристикой современного общества становится степень интенсивности и всеохватности влияния властных институтов на массы: «Чем выше степень этого влияния, чем крепче и объемнее оно, тем эффективнее социальный контроль, устойчивее общество, тем меньше вероятность социальных катаклизмов и революций»¹⁰³. При этом государственное и административное силовое принуждение уступает свою роль основного способа реализации политической власти информационному воздействию на массовое сознание. Управление и контроль над массовым сознанием с помощью информационных технологий становится основным типом осуществления властных функций в демократических обществах в отличие от насилия, подавления, императивного повеления и других форм физического принуждения, на которых основана власть тоталитарных, деспотических режимов. Эти тенденции в изменении основных инсти-

тутов, механизмов, функций, технологий социального управления действенны и в современном обществе.

Любое социальное отношение предполагает информационное взаимодействие. Властные отношения, по определению, асимметричны — в них вовлечены управляющее меньшинство и управляемое большинство. Соответственно, асимметричным становится и информационно-коммуникативное взаимодействие. В учебном пособии по политологии, изданном в ФРГ, утверждается: «Иметь важную информацию значит иметь власть; уметь отличать важную информацию от неважной означает обладать еще большей властью; возможность распространять важную информацию в собственной режиссуре или умалчивать ее означает иметь двойную власть»¹⁰⁴. Именно технологиям «режиссуры» социально-политической информации, а, точнее, алгоритмам создания и использования ее идеологических кодов отводится основное место в современной проблематике социального управления.

Выбор такого варианта анализа проблемы, при котором предметом становятся не отдельные приемы, средства, методы управления, а комплексная технология или система рациональных, синхронизированных и координированных процедур и операций информационно-коммуникативного управления массовым сознанием, был сопряжен со значительными трудностями. Достаточно отметить, что проблемам общего алгоритма, или интегральной технологии управления на основе использования идеологического кода информационно-коммуникативных структур социальных взаимодействий, посвящена на русском языке только одна публикация. Да и в мировой литературе по этой тематике существует не так много работ, причем выполненных в основном в русле идеолингвистических, а не социально-политических или социально-философских исследований. Однако, на наш взгляд данное направление теоретических и практических разработок проблем социального управления является наиболее продуктивным, инновационным, перспективным, в том числе и в нашей стране.

Научно-теоретические и практически-прикладные проблемы управляющих, контролирующих и трансформирующих воздействий на массовое сознание и общественное мнение составляют предмет различного рода концепций информационных, или информационно-коммуникативных технологий политического управления. Следует отметить, что искусство манипулирования информацией и коммуникацией (смысловыми структурами социальных взаимодействий) как технология скрытого управления уходит корнями в глубокую древность. «Искусство составлять поэтапный многошаговый план взаимодействия между людьми со скрытой от посторонних целью, применяя многочисленные хитрости и ловушки для дости-

жения успеха, является с древнейших времен отличительной чертой мышления и поведения китайских государственных деятелей, дипломатов и военных»¹⁰⁵. Приемы этого искусства были описаны, обобщены и представлены в виде рецептов или алгоритмов управления в различных ситуациях в ряде древнекитайских трактатов.

Нельзя не упомянуть социологию управления одного из самых ярких и парадоксальных мыслителей эпохи Возрождения — Никколо Макиавелли. Макиавелли провел различие между наследственной монархией и новым типом правления, при котором власть завоевывается и удерживается в опоре на властные технологии. Его идеи и разработанные им технологии эффективного политического менеджмента сегодня внимательно изучаются философами, социологами, политологами, социальными психологами.

Историческим прототипом современных теорий управления массовым сознанием можно по праву считать учение *французских просветителей* — литераторов и ученых, основавших и институционально оформивших *идеологию* (и создавших само это слово) как «науку о мыслях людей» и методах управления (контроля, программирования) общественным мнением.

Огромную популярность и широкий диапазон применения в современной западной политической теории приобрело учение *Антонио Грамши* о гегемонии как социально-политическом управлении посредством манипуляции сознанием. В соответствии с этим учением, власть господствующего класса держится не только на насилии и принуждении, но и на убеждении, согласии граждан. А. Грамши дает такое определение государства: «Государство — это вся совокупность практической и теоретической деятельности, посредством которой господствующий класс оправдывает и удерживает свое господство, добиваясь при этом активного согласия руководимых»¹⁰⁶. Очевидно, что это определение противостоит как жестко критической формуле В.И. Ленина, согласно которой государство — это машина для подавления одного класса другим, так и прекраснорудно-апологетическим представлениям классического либерализма о том, что демократическое государство — «это такая форма политического устройства, которая позволяет приспособлять правительство к желаниям управляемых без насильственной борьбы»¹⁰⁷. А. Грамши исходит из того, что, осуществляя свою гегемонию, правящая элита не столько *подавляет* общественное мнение или приспособляется к нему, сколько активно *формирует* мнения и настроения массового сознания. Любое правительство, демократическое или авторитарное, держится у власти, опираясь на пропагандистскую машину и технологии информационного управления массовым сознанием. Конечно, тиран повелевает, а не манипулирует, од-

нако, как проницательно заметил Чезаре Беккариа: «Настоящий тиран начинает всегда с того, что поработщает общественное мнение»¹⁰⁸.

Важное место в теории и практике управления массовым сознанием занимают психологические концепции. Пионерами в области исследования психологии массового сознания стали Г. Тард и Г. Ле Бон (в некоторых изданиях — Лебон). С. Московичи назвал (вполне заслужено) Г. Ле Бона «Макиавелли массового общества». Доктрину Ле Бона прилежно изучали и взяли на вооружение многие политики, в том числе и наиболее одиозные. Хотя среди ценителей и последователей Ле Бона были и политики либерально-демократического склада, но «именно диктаторы цезаристского толка поняли его рекомендации буквально и превратили их в жесткие рабочие правила»¹⁰⁹. Муссолини штудировал основные труды Ле Бона и отмечал, что на строительство фашистского режима в Италии его вдохновляют некоторые содержащиеся в них принципы. Наиболее методично базовым идеям воздействия на массы Ле Бона следовали Гитлер и его министр пропаганды Геббельс.

Наиболее последовательно представление о том, что массовое сознание является пассивным объектом внедрения вкусов, настроений, мнений, идей и т. д., проводил Х. Ортега-и-Гассет в своей работе «Восстание масс». Согласно испанскому философу, неприспособленность народа к теоретическому мышлению, логически последовательному рассуждению не дает массовому сознанию возможности принимать разумные решения и составлять правильные мнения. «У большинства людей нет собственного мнения, и надо, чтобы оно входило в них извне под давлением, как смазка в механизм»¹¹⁰. Б.А. Грушин резонно возражает по поводу подобных утверждений: общественное мнение формируется представлениями, как рожденными в сфере обыденного сознания, так и сформулированными в сфере теоретического мышления; включает в себя уровни как общественной психологии, так и идеологии. Поэтому несостоятелен широко распространенный взгляд, согласно которому массовое сознание в целом характеризуется некомпетентными, поверхностными, примитивными, неразвитыми, вульгарными и т. д. представлениями, базирующимися в основном на неосознаваемых импульсах и не проникающими в суть социальных процессов и явлений.

Впоследствии возникли иная психологическая концепция и соответствующая технология управления массовым сознанием, согласно которой объекту внушения предлагаются ряд вариантов объяснения, а искусство внушения состоит в том, чтобы сделать нужный вариант наиболее правдо-

подобным. Для этого аргументы должны быть понятными и убедительными для рационально мыслящего адресата.

Влиятельным направлением разработки технологии управления посредством социального внушения является психоаналитическая доктрина, на основе которой созданы системы методов и приемов воздействия на сферу подсознания, механизмы игры на страстях и массовых инстинктах толпы. Теоретическими источниками психоанализа отношений власти и подчинения стали работы З. Фрейда, К.Г. Юнга, А. Адлера. С 60-х гг. прошлого века социальная психология переходит к масштабным экспериментальным исследованиям по выработке технологий манипулирования сознанием и поведением. Прикладная роль социальной психологии на прошедшей в середине 1990-х годов в США дискуссии была определена следующим образом: «Разработка систематизированных техник формирования образа мыслей и поведения людей в отношении друг друга, то есть разработка поведенческих технологий»¹¹¹.

Социодинамика культуры является областью междисциплинарных исследований, делающих предметом изучения процессы выработки, хранения, передачи и восприятия продуктов культуры — идей, образов, произведений. Прикладная роль социодинамики культуры определена как задача выработки механизмов управления культурой. Главной идеей при этом становится представление всего движения культуры как системы, которой можно управлять и регулировать таким образом, чтобы направлять потребителей культуры к желаемому типу поведения. В современном обществе формирование культурной среды в определенном, заданном направлении обеспечивается, прежде всего, воздействием средств массовой информации. Тем самым культура формируется не как целостный и систематический свод знаний, идей, норм, ценностей и т. д., но как мозаичное знание, состоящее из воспринимаемых почти произвольно фрагментарных сведений, из разрозненных обрывков информации, связанных случайными, возникшими *ad hoc* отношениями. В этом плане информационный механизм формирования культурной среды «массового общества» разительно отличен от того, который предполагается университетской, дисциплинарной парадигмой культурного образования. В настоящее время наиболее влиятельной концепцией социодинамики культуры становится постмодернизм, в частности — принципы генерации и анализа децентрированных структур культурных символов, текстов, знаков.

Для теоретической разработки, внедрения и эффективного применения информационных технологий управления социальной сферой следует

определился со значением основных понятий (терминов, категорий). В рамках настоящей работы нет возможности, да и необходимости проводить специальный критический анализ многообразных дефиниций, представленных в литературе. Достаточно остановиться на тех смысловых, структурных и функциональных аспектах ряда понятий, которые имеют непосредственное отношение к специфике темы.

«Массы», «Массовое сознание». Б.А. Грушин отмечает, что традиционная социальная теория неизменно связывала теоретический анализ общественного сознания с представлением о групповом характере его субъекта — творца и носителя. Например, марксистская концепция основное внимание уделяла классовому сознанию. В современных публикациях приоритет принадлежит исследованиям специфики этнического сознания (национального самосознания). В обоих случаях общество рассматривается как совокупность больших и малых, спонтанно возникших в ходе социально-исторического развития или искусственно конструируемых социальных групп (классов, слоев, страт, этнических, конфессиональных, профессиональных и т. д. общностей), а общественное сознание — как совокупность форм группового сознания в их специфическом отличии от общечеловеческого и индивидуального сознания.

Вместе с тем работы Я. Буркхардта, Г. Тарда, Г. Ле Бона, Ш. Сигеле, Х. Ортега-и-Гассета, С. Московичи обратили внимание социальных исследователей на такие человеческие общности, которые коренным образом отличались от собственно групповых форм социальной организации человеческой жизнедеятельности. К таким *негрупповым формам* человеческих общностей относятся ситуационно возникающие конгломераты индивидов — например, пассажиры самолета, зрители в театре или на стадионе, аудитория различных средств и каналов массовой информации, участники массовых политических, социальных, культурных движений, члены различных ассоциаций и клубов и т. п. В этих общностях, существующих наряду и параллельно с социально-стратификационными членениями общества, объединяются люди различного социального положения, этнической принадлежности, возраста, профессии, образования и т. д.

Возникновение «массового общества» связано с процессами стандартизации взглядов, потребностей, привычек, условий и способов деятельности. В порождении и функционировании массового общества участвуют как стихийные, спонтанные процессы, так и институционализированные, специализированные механизмы, связанные с деятельностью профессионалов — политиков, идеологов, теоретиков, деятелей культуры и т. д.

Согласно Б.А. Грушину, отличительными особенностями масс как особого типа социальных общностей и носителя (субъекта) массового сознания являются следующие:

1) *статистический, несистемный, аморфный характер общности*, выражающийся в том, что она не представляет собой какого-либо целостного образования, отличного от составляющих его элементов;

2) *стохастическая (вероятностная) природа общности*, выражающаяся в том, что вхождение в нее индивидов носит неупорядоченный характер. В результате такая общность является, говоря языком математики, «нечетким множеством», отличается открытыми границами, качественно и количественно не определенным составом;

3) *ситуативный характер существования общности*, выражающийся в том, что она неустойчива, меняется от ситуации к ситуации, возникает и существует *ad hoc*;

4) *выраженная гетерогенность (разнородность) состава общности*, в которой разрушаются границы между всеми социальными, демографическими, политическими, региональными, образовательными и т. д. группами.

На основе выделения этих характерных признаков Б.А. Грушин дает такое общее определение: «...массы — это ситуативно возникающие (существующие) социальные общности, вероятностные по своей природе, гетерогенные по составу и статистические по формам выражения (функционирования)»¹¹². Для образного метафорического описания масс Б.А. Грушин использует такое сравнение: массы — это внеструктурные острова в групповой структуре социума, или общество со сломанными внутренними перегородками. Подобного рода негрупповые типы общностей являются субъектами-носителями особого типа *общественного*, но не *группового* сознания — *массового сознания*, характеризующегося собственными механизмами действия, связанными с явлениями подражания, заражения, внушения и т. д., — и средой формирования особого, чрезвычайно важного социального института — *общественного мнения*.

В силу того обстоятельства, что в современных постсоветских государствах еще не сложилась стабильная саморегулирующаяся система социальной стратификации и соответствующая ей система политических партий и общественных движений, призванных артикулировать, защищать и отчасти формировать дифференцированные интересы конкретных социальных групп и слоев населения, развитие информационных технологий воздействия на массовое сознание приобретает особую важность и актуальность.

«Общественное мнение». В соответствии с постулатами конструктивизма, определяющую роль в процессе социального конструирования

реальности играет формирование типизаций общественного мнения. Х. Ортега-и-Гассет утверждал, что власть означает господство мнений и взглядов, идей и пристрастий, и сила общественного мнения есть главная сила, создающая феномен власти. Насилие же есть лишь суррогат власти общественного мнения. Б.А. Грушин отмечает, что с возникновением массового общества «общественное мнение превращается в постоянно действующий и, главное, действенный элемент жизни современных государств, выступая наряду с “классическими” общностями (группами) в качестве относительно самостоятельного агента, активно участвующего в социальной и политической борьбе, в том числе в процессе выработки и принятия ответственных решений практически на всех уровнях социального управления»¹¹³.

Общественное мнение, целиком принадлежа массовому сознанию, представляет его в наиболее чистом виде. Исследователи общественного мнения обращают внимание на его *неожиданные, парадоксальные* свойства:

- оно противоречиво по своим позициям, сочетает в себе логически несовместимые представления (в любых опросах по любой проблеме одна часть населения высказывается «за», а другая «против»). Таким образом, массовое сознание включает в себя все конкурирующие символические подуниверсумы, о которых пишут П. Бергер и Т. Лукман, и использует их в своей деятельности по конструированию социальной реальности;

- массовое сознание многослойно и «мозаично» (дискретно). Оно представляет собой не систему, но конгломерат элементов, располагающихся как бы на параллельных, не соподчиненных плоскостях;

- чаще всего массовое сознание изменчиво, непостоянно в своих предпочтениях, но вместе с тем проявляет и отчетливую консервативность, сопротивляемость новой информации;

- причины этих изменений трудно уловимы, подчас непредсказуемы.

Ряд такого рода особенностей массового сознания и общественного мнения «доставляет множество хлопот идеологам и политикам, стремящимся овладеть данным феноменом, научиться управлять им в конкретных условиях»¹¹⁴. В то же время пренебрежение политиков и администраторов к настроениям и запросам масс, игнорирование общественного мнения неизбежно оборачивается сбоями в работе механизмов управления: «Весь мировой опыт говорит о том, что государственная политика достигает своих целей только тогда, когда население доверяет власти и видит в государстве защитника и помощника, отстаивающего общенародные интересы»¹¹⁵.

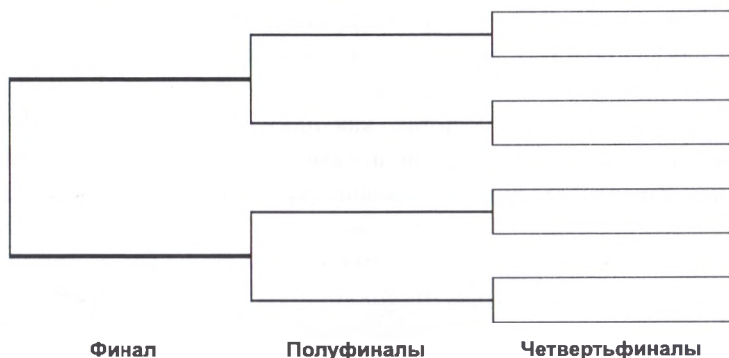
Сочетание спонтанных и институционализированных факторов формирования массового сознания может проявляться в самых разных фор-

мах. Оно может происходить как эластичное взаимодействие, порождая синергетические эффекты (т. е. по модели сложения однонаправленных векторов). Эти факторы могут характеризоваться разнонаправленными, но не противоположными направлениями действия (по модели пересечения линий воздействия). Или же оба фактора могут действовать во взаимоисключающих направлениях (по модели взаимоограничения, взаимоотрицания векторов воздействия). Учет разнообразия и специфики взаимодействия спонтанных и институционализированных форм порождения массового сознания является одной из важнейших проблем в теории и практике управления.

«Информация», «информационное общество». Важнейшим критерием, определяющим границы, содержание и особенности массового сознания, является *диапазон информации, открыто и в массовом масштабе циркулирующей в том или ином обществе*. При этом следует иметь в виду, что не любая информация, в массовом порядке распространяющаяся по каналам СМИ, является массовой информацией в строгом смысле слова. Чтобы стать достоянием и фактором формирования массового сознания, информация должна затрагивать массовые потребности, интересы.

Под информацией в обыденном языке понимается любое сообщение и содержащиеся в нем сведения. Но для разработки и применения технологий информационного управления понятие информации следует использовать в том специальном значении, которое ему было придано в теории информации. Теория информации связывает это понятие с отношением вероятностей, выбором из ряда возможностей, методом бинарных оппозиций и иными способами описания передачи информации. На популярном уровне это можно представить следующим образом. Если существует равная вероятность наступления ряда событий, то информацией является коммуникация, базирующаяся на последовательном двоичном выборе. Простейшей схемой такой последовательности является «олимпийская система» определения победителя. Например, восемь участвующих в турнире команд для определения чемпиона проводят четвертьфинальные, полуфинальные и финальный туры.

Таким образом, если имеется восемь равновероятных исходов (каждая из команд в нашем примере рассматривается как равновероятный с остальными чемпион), то определение одного из них потребует трех операций выбора. Отношение ряда событий к ряду соответствующих им возможностей — это отношение между арифметической и геометрической прогрессиями, причем второй ряд является логарифмом первого. В нашем примере $\text{Log}_2 8 = 3$.

В теории информации единицей информации, или битом (от «binary digit», т. е. «бинарный сигнал»), называют информацию, полученную при выборе из двух равновероятных возможностей. *«Эта “информация” имеет косвенное отношение к собственно содержанию сообщения, к тому, что мы из него узнали. Ведь для теории информации не представляет интереса, о чем говорится в сообщениях: о числах, человеческих именах, лотерейных билетах или графических знаках. В теории информации значимо число выборов для однозначно определенного события. И важны также альтернативы, которые — на уровне источника — представляются как со-возможные. Информация — это не столько то, что говорится, сколько то, что может быть сказано. Информация — это мера возможности выбора»*¹¹⁶. Тем самым понятие информации жестко связывается с механизмом управления. Информация вводится в систему с целью управления ее деятельностью. Все то, что не удовлетворяет этому критерию, с точки зрения кибернетики является не информацией, а «шумом». Хотя, разумеется, в социальных отношениях этот критерий сам становится неопределенным, ситуационным: то, что для одного является информацией, используется для принятия решения, для другого вполне может быть посторонним шумом.

1.6. Особенности современного этапа эволюции технологий власти и социального управления

Власть как объективное отношение (социальный институт, деятельность, структура и т. д.) и сам этот термин многолики и многозначны, имеют и в обыденном языке, и в научном дискурсе множество оттенков и смыслов. В современной литературе выделяются три основных аспекта или три различных трактовки феномена политической власти:

1. *Директивный аспект.* В соответствии с такой трактовкой власть понимается как господство, обеспечивающее выполнение приказа, повеления, распоряжения, директивы. М. Вебер определял власть как монополию легитимного физического насилия, как любую возможность проводить внутри данных социальных отношений собственную волю, независимо от того, на чем такая возможность основана (каковы критерии легитимности власти).

2. *Функциональный аспект.* Понимание власти как способности и умения практически реализовать функцию общественного управления.

3. *Информационно-коммуникативный аспект.* Связан с тем, что власть всегда реализуется через общение, информационное взаимодействие участников властных отношений.

Как правило, *директивный аспект* власти, связанный с силовым принуждением, рассматривается как основополагающий. Соответственно разрабатываются весьма простые силовые модели социального управления.

В противоположность таким моделям сторонники *информационно-коммуникативной трактовки* власти (Т. Парсонс, Ю. Хабермас, Б. Барнс, Т. Болл) решительно отделяют применение принуждающего насилия от сущности политической власти. Ими подчеркивается, что, прибегая к насилию, властный субъект фактически расписывается в своей неспособности осуществлять управленческие функции, добиваться своих целей в условиях конструктивного сотрудничества. На уровне осуществления власти как коммуникативно-информационного взаимодействия нет нужды в насилии как таковом. Реализуются игровые модели управления. «Добровольность становится не вынужденным, а действительным основанием властвования, которое в основе своей начинает опираться на знание о публично согласованных целях и способах их достижения, а также об устойчивых принципах и процедурах действий политических акторов по реализации соответствующих обязательств»¹¹⁷. Власть оборачивается сотрудничеством и при распределении ресурсов, и при согласовании специализированных политических функций. Соответственно возникают сложные системы и изощренные технологии социального управления, полагающиеся на высокие уровни информированности и коммуникативной культуры граждан.

Функциональная трактовка наиболее близка социально-политическим реалиям современности и имеет наибольшее практическое значение. При *функциональной интерпретации* власть рассматривается как сложный комплекс функций социального управления, сочетающий в себе силовые и коммуникативно-информационные технологии; принуждение и убеждение;

принципы взаимодействия, сотрудничества, согласия, компромисса, взаимного учета интересов и жесткого одностороннего воздействия.

С одной стороны, как подчеркивает Э. Гидденс: «Структуры доминирования, встроенные в социальные институты, не следует представлять себе как своего рода перемалывание “послушных тел”, ведущих себя подобно автоматам»¹¹⁸. Власть становится более эффективной, когда она ориентирована на добровольное признание и исполнение своих решений при транспарентности альтернативных вариантов и иных возможностей. В то же время Кант, — чья государственно-правовая теория, по характеристике Э.Ю. Соловьева, впервые и, может быть, лишь однажды в истории политической мысли реализовала основные принципы *радикального либерализма*, — указывал: «Для многих дел, осуществляемых в интересах общества, необходим определенный механизм, при помощи которого члены общества могли бы вести себя лишь пассивно для того, чтобы правительство было в состоянии посредством искусственно создаваемого единодушия направлять их к общественным целям или, по крайней мере, удерживать от разрушения этих целей. Здесь, конечно, не дозволено рассуждать, здесь следует повиноваться»¹¹⁹.

Выделенные три аспекта власти являются вместе с тем последовательными этапами исторической трансформации систем и механизмов политического управления. Известный политический философ Серж Московичи, рассматривая основную линию эволюции систем управления, отмечает: в современном массовом обществе «внешнее подчинение уступает место внутреннему подчинению масс, видимое господство подменяется духовным, незримым господством, от которого невозможно защититься». Новый тип власти использует, прежде всего, средства массовой коммуникации и информации, которые «проникают в закоулки каждого квартала, каждого дома, чтобы запереть людей в клетку заданных сверху образов и внушить им общую для всех картину действительности»¹²⁰. Тем самым радикально изменяются технология управления массовым сознанием и сам принцип образования массовых человеческих общностей. Если традиционные массовые общности, или толпы, образовывались как скопления людей в одном пространстве в одно и то же время, то читатели газет, слушатели радио, зрители телевидения, пользователи Интернета, оставаясь у себя дома и в одиночку реагируя на сообщения газет, радио, телевидения, в то же самое время существуют все вместе как специфическая разновидность виртуальной общности. Индивиды, составляющие аудиторию СМИ, склонны к одним и тем же психологическим состояниям, суждениям и эмоциям, подвержены одним и тем же чувствам ярости и ненависти или

умиления и восторга, «как если бы они все вместе вышли на улицу для массовой манифестации»¹²¹. Можно сказать, что массовое общество реализует два противоположных определения современной эпохи, представленных в названиях книг двух французских авторов: С. Московичи «*Век толп*» и А. Рено «*Эра индивида*».

Влияние на общественное мнение становится основным средством завоевания и удержания власти. Поэтому в отсутствие государственной идеологии, которую в соответствии с либеральными установками заменяет рынок идей, политика превращается в технологию управления массовым сознанием на основе информационного воздействия. Вместе с тем небывалое развитие PR-технологий и других методов манипуляции общественным сознанием ведет к тупикам нового типа тоталитаризма, вырастающего из монополизации политического капитала. Выходом из этого противоречия, когда государственно-политические и административно-управленческие решения, законы, нормативно-правовые акты и т. д. становятся товаром, является, *во-первых*, расширение реального участия масс в разработке и принятии управленческих решений. Власть есть коллективное достояние и важнейший социальный ресурс общества, «поэтому общественный интерес прямо состоит в том, чтобы отстоять *нерыночный* статус политики как сферы, в которой формируются управленческие решения»¹²². *Во-вторых*, социально-политическое воспитание и просвещение, направленное на развитие «способности социального суждения». *В-третьих*, развитие профессиональной компетенции и управленческой культуры политиков и административно-управленческого персонала как культуры социальной коррекции рыночных механизмов и управления социальными взаимодействиями.

Особое внимание в контексте проблем управления социальной сферой необходимо уделить манипуляции массовым сознанием как типу социального управления и технологии осуществления политической власти. С.Г. Кара-Мурза приводит такой пример: вирус, внедряясь в живую клетку, создает в ней «теневое правительство». Его командам отныне подчиняется жизнедеятельность клетки, все ресурсы которой направляются на выполнение команд, записанных во внедренной в нее матрице. «Это — исходный, фундаментальный вариант взаимодействия, при котором один участник жизненной драмы заставляет других действовать в его интересах и по его программе так, что это не распознается жертвами и не вызывает у них сопротивления»¹²³.

В свою очередь, подобный тип взаимодействия лежит в основе всех стратегий управления сознанием и поведением личности, социальных

групп и общества в целом, основанных на использовании информационно-коммуникативных ресурсов. В литературе для многообразных технологий управления сознанием и поведением применяется, как правило, термин «манипуляция». Этот термин имеет негативную окраску. Действительно, управление сознанием предполагает обращение с людьми как объектами воздействия, программирование их мнений, оценок, настроений.

Манипуляция как тип управления и технология осуществления власти имеет ряд *отличительных особенностей*:

- во-первых, управление (манипуляция) сознанием осуществляется не как физическое воздействие (физическое принуждение или угроза его применения) и не как требование, повеление или приказ, но как психическое воздействие на психические же структуры личности: «Только если человек под воздействием полученных сигналов перестраивает свои воззрения, мнения, настроения, цели — и начинает действовать по новой программе, — манипуляция состоялась»¹²⁴;

- во-вторых, управление сознанием предполагает скрытое, косвенное воздействие: ни сам факт такого воздействия, ни истинные намерения субъекта манипулятивных воздействий не должны распознаваться ее объектом. По этому критерию религию в традиционных обществах или официальную идеологию в идеократических (тоталитарных) типах государства нельзя отнести к манипулятивным формам воздействия на сознание, поскольку они открыто декларируют требуемые ими нормы и ценности, представления о социальном благе и о путях его достижения;

- в-третьих, манипуляция общественным сознанием требует специальных, присущих только этому типу управления приемов, методов, средств, технологий;

- в-четвертых, управление общественным сознанием как составная часть технологии власти предполагает взаимодействие. Технологии управления сознанием строятся на обоснованном еще Макиавелли постулате, согласно которому власть держится не только на силе, но и на согласии управляющих и управляемых. В отличие от *обмана*, объектом информационной манипуляции человек выступает лишь в том случае, если он становится соавтором, соучастником проводимых над его сознанием операций;

- в-пятых, манипуляцию характеризует стремление получить односторонние преимущества.

Таким образом, можно сформулировать следующее определение манипуляции сознанием: *манипуляция — способ управления и социального контроля посредством духовного воздействия на людей через программирование их сознания и поведения, направленное на психические структуры*

человека и ставящее целью изменение мнений, ценностно-смысловых представлений, настроений, установок в определенном направлении.

С. Кара-Мурза отмечает: сделав манипуляцию сознанием главной технологией социального управления и контроля, Запад совершил фатальную ошибку и зашел в тупик. Манипуляция сознанием (технологии его программирования) лишает индивида свободы в гораздо большей степени, чем прямое насилие. Ведь объект успешно проведенной манипуляции полностью лишается возможности рационального выбора, т. е. свободы как принципиальной основы западной цивилизации. Однако, на наш взгляд, было бы неверным объявлять все информационные технологии управления массовым сознанием разновидностями манипуляции и оценивать их однозначно негативно. Например, в США глубоко разработаны и широко применяются методы переубеждения («депрограммирования») людей, завербованных в деструктивные культы. Эти технологии направлены на радикальную перестройку сознания и, прежде всего, на восстановление самостоятельного критического мышления путем массированного применения соответствующим образом структурированной информации. С информационной составляющей различных социально и личностно деструктивных систем убеждений и верований необходимо справляться информационными же средствами.

Форма информационного управления массовым сознанием и оценка его как манипуляции зависят от того, какие цели ставит и реально преследует субъект управления и какими принципами руководствуется. Словосочетания «политические технологии», PR-технологии приобрели (и надо сказать — вполне заслуженно) в современном общественном мнении однозначно негативный, одиозный смысл злонамеренной, беззастенчивой, грязной манипуляции общественным сознанием, не брезгующей никакими средствами. В то же время приемы и технологии, применяемые профессионалами от политики и предвыборными штабами, чтобы создать выигрышный имидж кандидата, показать его в наиболее благоприятном свете, могут быть и попыткой честно и объективно информировать избирателей о политической позиции и достоинствах кандидата, представляя эти взгляды как можно яснее, квалифицированнее и в максимально четкой формулировке. В конце концов, каждый стремится показать себя с наилучшей стороны, и почему бы в законности этого желания отказывать политикам? Наконец, разве не является вся мировая литература, искусство, философия, человеческая культура в целом исторически развитой формой управления общественным и индивидуальным сознанием, «технологией» его приобщения к определенным ценностям и нормам, убеждениям и принципам?

Эффективность управленческих технологий зависит от учета специфики воздействий на основные формы массового сознания, на чем необходимо кратко остановиться.

Технологии управления массовым сознанием посредством формирования убеждений. В книге ведущих американских специалистов в области управления массовым сознанием Э. Аронсона и Э. Пратканиса «Эпоха пропаганды: механизмы убеждения, повседневное использование и злоупотребление» анализируется ряд технологий формирования массовых убеждений. Авторы формулируют Четыре стратагемы убеждения (стратагема — военная хитрость, уловка), обеспечивающих максимальную эффективность воздействий на массовую аудиторию:

Во-первых, следует обеспечить благоприятный контекст восприятия информации. Этот процесс авторы называют *предубеждением*: оно заключается в умелой организации обсуждения вопроса, в умелом структурировании или формулировке проблем, чтобы предлагаемое решение выступило в наиболее выигрышном свете. То, как описывается проблема, направляет мысли и канализирует реакции на представляемую информацию: ее получатель принимает навязанное ему определение ситуации.

Во-вторых, следует создать положительный образ источника информации — выполнить стратагему *доверия к источнику*. Источник информации должен выступать внушающим доверие, авторитетным. Известно, что хороший, пользующийся доверием потребителя фирменный знак может стоить больше, чем фабрика, производящая этот продукт¹²⁵.

В-третьих, следует так организовать информационное поле проблемы, чтобы фокусировать внимание и мысли получателей информации именно на том, что нужно агенту убеждения.

В-четвертых, необходимо целенаправленно воздействовать на эмоции аудитории.

В этих стратагемах или принципах воспроизводятся технологии убеждения, восходящие еще к глубокой древности. Аристотель разработал теорию убеждения, выделив в ней три основных аспекта: источник (этос), содержание информации (логос) и эмоции аудитории (пафос) — и подготовил рекомендации по каждому из этих аспектов. Развивая учение Аристотеля, Цицерон выделил следующие задачи оратора: создавать доверие к себе; учить (представлять логичные, разумные доводы); волновать (наполнять аудиторию эмоциями).

Воздействие на логическое и ассоциативное мышление. Решение большинства нравственных дилемм, практических вопросов, жизненных проблем, социально-политических альтернатив, встающих перед массо-

вым сознанием, не укладывается в модели мышления, формализуемые согласно требованиям научной процедуры. Это естественно, поскольку культура, на которую опирается массовое сознание, содержит огромный фонд знаний и информации, которые не могут быть удостоверены научными методами, не отвечают и *не должны отвечать* критериям научности. В то же время люди склонны давать разумные объяснения даже самым иррациональным поступкам, рационально оправдывать и мотивировать самые безрассудные, импульсивные действия. Этой склонностью создается «ловушка рационализации» (Э. Аронсон и Э. Пратканис), в которую попадает человеческое сознание: чтобы не думать о себе как о глупых или безнравственных, мы создаем условия для *умножения* своих глупых или безнравственных действий.

Категориально-логические, рационально-дискурсивные нормы мышления не являются определяющим началом при формировании убеждений в массовом сознании. В этих процессах главенствующая роль принадлежит ассоциативному мышлению. Интеллектуальное усилие, требующееся для последовательного рассуждения, чаще всего подменяется заключениями по ассоциации и аналогии, а мышление в строгих понятиях — мышлением на основе метафор и аллегорий, штампов и стереотипов.

Это обстоятельство в полной мере было использовано пропагандистской машиной нацистской Германии. Но и современные демократические режимы берут на вооружение те же технологические приемы воздействия на массовое сознание. Слово «софистика» стало нарицательным для обозначения недобросовестной, тенденциозной и даже циничной словесной эквилибристики, но греческие софисты настаивали на всестороннем обсуждении проблемы, тщательном взвешивании и аргументации всех «за» и «против», в ходе чего и проявлялось их искусство убеждения, склонения аудитории к той или иной точке зрения, позиции, убеждению, выбору. Современная практика воздействия на массовое сознание ориентирована на гораздо более примитивные и прямолинейные технологии с точки зрения логико-дискурсивных норм мышления. Преобладают приемы манипулирования верованиями и взглядами не с помощью объяснения, а апелляцией к эмоциям и упрощенному мышлению, предпочтение отдается схемам убеждения, в которых используются предубеждения и эмоции, а не информированное обсуждение; яркие образы, а не вдумчивая беседа; произвольные ассоциации, а не аргументированный причинный анализ. Как пишут Эллиот Аронсон и Энтони Пратканис, во многих отношениях все мы в современном мире являемся *когнитивными скупцами*, т. е. постоянно стремимся «сэкономить» свою мыслительную энергию для упроще-

ния сложных проблем. Эта ситуация во многом является результатом «управляемой коммуникации»:

«Не задумываясь, мы принимаем вывод или утверждение не потому, что они серьезно обоснованы, а потому, что те сопровождаются упрощенческими приемами убеждения... Существующее положение дел можно назвать *основной дилеммой современной демократии*. С одной стороны, мы, как общество, ценим убеждение; наш способ правления государством основан на вере, что свобода слова, обсуждение и обмен идеями могут привести к более справедливому и лучшему принятию решения. С другой стороны, как когнитивные скупцы, мы часто не полностью участвуем в этом обсуждении, вместо этого полагаясь не на внимательное и тщательное осмысление и исследование сообщения, а на упрощенные приемы убеждения и ограниченные рассуждения. Процветает обезмысливающая¹²⁶ пропаганда, а не вдумчивое убеждение»¹²⁷.

Поэтому, добавим, достаточно утопичными выглядят проекты перехода к моделям делиберативной демократии, т. е. демократии, основанной на обсуждении проблем всеми заинтересованными сторонами и достижении дискурсивного консенсуса при принятии решений.

Метафоры и аналогии обладают чрезвычайно мощным суггестивным эффектом. Их создание и использование в политической и социальной лексике — одна из основных задач идеологии. Всякая значительная идеология содержит риторические и поэтические моменты, которые могут заморозить даже людей высокой культуры. Метафоры и аналогии, иносказания и аллегории, парадоксы и игра слов выдвигают одни черты предмета на первый план, скрывая при этом другие и обеспечивая тем самым необходимые структуры для придания информации нужного смысла.

Не менее значимыми являются технологии управления сознанием, основанные на использовании *социальных стереотипов*. Стереотипы, или устойчивые, привычные «автоматизмы» мышления, восприятия, оценки, — неотъемлемые компоненты индивидуального и массового сознания.

Метафоры и стереотипы являются полярно противоположными формами мышления и речи. Если метафоры воздействуют на сознание своей неожиданностью, яркостью, броскостью, то стереотипы направляют мышление и восприятие по накатанной колее, воздействуют как раз своей банальностью. Можно указать на контраст между использованием выразительных средств информационно-коммуникативных технологий идеологии, находящейся на службе у власти и у оппозиционной идеологии. Оппозиционная идеология, как правило, использует игру слов, парадоксы, полна иронии и т. д. Официальная идеология, напротив, акцентированно ис-

пользует стереотипы, клише: «Речь упрочившейся власти не нуждается в том, чтобы возбуждать, смешить или вопрошать, — она претендует на самоочевидность»¹²⁸.

Как метафоры и аллегории, так и стереотипы и штампы выступают своеобразными «фильтрами», применение которых является важнейшей процедурой управления информационными потоками. С. Кара-Мурза отмечает: «Для успешной манипуляции общественным мнением необходимо иметь надежную “карту стереотипов” разных групп и слоев населения — весь культурный контекст данного общества»¹²⁹. Такого рода исследования и каталогизация культурных стереотипов составляют особую область социодинамики культуры. Это направление активно разрабатывается, например, американскими учеными (культурологами, социальными психологами), идеологическими ведомствами и спецслужбами с целью воздействия на умонастроения различных социальных групп (особенно интеллигенции) в зарубежных странах в желательном для американской дипломатии ключе¹³⁰.

При управлении на основе информационных технологий, как правило, используются готовые, отложившиеся в массовом сознании стереотипы. Кроме того, для достижения стратегических целей и при реализации долгосрочных программ стереотипы могут целенаправленно насаждаться, создаваться, укореняться. Из новейшей истории можно почерпнуть множество примеров подобного рода целенаправленно сфабрикованных стереотипов — этических, социальных, политических, идеологических¹³¹.

Воздействие на чувства и эмоции. Классическая политическая теория исходила из предпосылки, что политическое управление должно основываться на осознании людьми своих классовых, национальных и других групповых интересов в конкретной ситуации. Поэтому политику следует обращаться к разуму людей для разъяснения реальных проблем и обоснования оптимальности производимого выбора среди возможных решений. Однако уже основоположник разработок технологий управления массовым сознанием Г. Ле Бон указывал, что основное впечатление на массы оказывает не логика речей, не аргументированность доводов и доказательность суждений, но чувственные образы, порождающие эмоции. Практически дословно повторяет тезис Ле Бона Адольф Гитлер в «Mein Kampf»: «Ее [пропаганды] воздействие должно быть нацелено главным образом на эмоции и только в очень ограниченной степени на так называемый интеллект. Нам следует избегать чрезмерных интеллектуальных запросов по отношению к нашему народу. Восприимчивость масс очень ограничена, их интеллект невелик, но способность забывать — огромна. Как следствие этих фактов, вся эффек-

тивная пропаганда должна быть ограничена немногими положениями и бесконечно твердить эти лозунги до тех пор, пока самый последний представитель народа не поймет в них то, что вам требуется»¹³².

Общим принципом современных концепций социодинамики культуры является положение о том, что не логические структуры сообщения, но его эмоциональная ткань в основной степени влияет на формирование общественного мнения. Индивидов убеждают, массу — внушают. Результаты социологических исследований, в том числе проведенных нами, свидетельствуют, что свой политический выбор значительная часть населения нашей страны осуществляет не на основе рациональной оценки программ, решений и действий политических партий и их лидеров, а на эмоциональном, дорефлексивном уровне, руководствуясь безотчетными симпатиями и антипатиями.

Массовые аффекты менее всего поддаются внутреннему самоконтролю, выходят из-под власти рассудка. В массовом сознании особенно легко возбудимы те чувства, которые считаются социально негативными, нравственно предосудительными: страх, зависть, ненависть. Но столь же эффективно общественным мнением можно управлять и посредством использования (эксплуатации) тех чувств, которые выражают традиционные гуманистические, социальные ценности: сострадание, чувство справедливости, неприятие лицемерия, лжи и т. д. «Для манипуляции сознанием годятся любые чувства — если они помогают хоть на время отключить здравый смысл»¹³³.

Воздействие на эмоциональную сферу связано с апелляцией к ценностям. Поскольку ценности, особенно фундаментальные, «витальные», выступают как нечто безусловное, то игра на них может быть особенно эффективной и вместе с тем дезорганизующей рефлексивные, критические структуры сознания. При применении информационных технологий воздействия на массовое сознание следует также учесть и следующее обстоятельство: «Когда мы имеем дело с эмоционально задевающей проблемой, мнения о которой решительно расходятся, практически невозможно составить такое сообщение, которое бы признали справедливым и беспристрастным обе стороны»¹³⁴. Если информация созвучна вашим ценностям, то самая беззастенчивая пропаганда будет восприниматься как «объективная информация». Если же информация неприятна, противоречит верованиям и убеждениям человека, то обычной реакцией является возведение психологического барьера против нее в сознании индивида.

Воздействие на воображение, внимание, память. Г. Ле Бон утверждал: кто владеет искусством производить впечатление на воображение

толпы, тот и обладает искусством ею управлять. «Картинки в наших головах», в основном почерпнутые из масс-медиа, в огромной степени влияют на то, как мы воспринимаем окружающий мир, как определяем структуру жизненных приоритетов, что мы будем говорить и как мы будем поступать в той или иной ситуации. С. Московичи развивает эту идею: энергию, которую массы черпают в своих грезах и иллюзиях, лидеры используют, чтобы нажимать на рычаги управления государством и вести множество людей к рационально определенной цели. В огромной степени мы позволяем своим выдумкам и фантазиям руководить нашими поступками¹³⁵.

Воздействие на подсознание. Еще до возникновения учения З. Фрейда о бессознательном Г. Ле Бон утверждал, что определяющей чертой нашей эпохи служит замена сознательной деятельности индивидов бессознательной деятельностью толпы. С. Московичи отмечает резкую грань, «пропасть», разделяющую две сферы социальной жизни: техническая и экономическая деятельность подчиняется рациональным законам, логическим принципам. Отношения же между людьми отмечены фактором иррациональности. «Власть осуществляется через иррациональное»¹³⁶, обращаясь к самым древним слоям психики. Поэтому руководство людьми, в том числе и политическое управление, должно принимать в расчет рационально не контролируемые страсти и верования.

На формирование социально-политических взглядов и убеждений сильнейшее воздействие оказывают средства массовой информации и другие источники, из которых люди черпают сведения о политических деятелях, фактах и событиях в социально-политической сфере. Кроме того, информационные потоки содержат интерпретации и оценки, степень воздействия которых на массовое сознание трудно переоценить. Так, из результатов социологического исследования, проведенного в рамках проекта Института философии и политологии МОН РК, следует, что основными источниками социально-политической информации для населения Казахстана являются республиканские электронные СМИ — радиовещание и телевидение. Немного уступают им российские радио- и телестанции. Печатными СМИ республики для получения политической информации постоянно или часто пользуется лишь половина респондентов. СМИ дальнего зарубежья, Интернет, научные книги и статьи очень слабо представлены в социально-политическом информационном пространстве казахстанских граждан. Также не столь часто, как это можно было бы предположить заранее, респонденты черпают социально-политическую информацию из разговоров с домашними, с соседями, коллегами по работе, сокурсниками, друзьями.

Таким образом, именно электронные СМИ являются основным информационным каналом для населения, и именно они в определяющей степени формируют общественное мнение о социально-политической сфере жизни общества. Выявленные в социологических исследованиях особенности структурирования информационного пространства необходимо учитывать при разработке стратегии, программ, выборе и применении технологий информационного управления массовым сознанием.

К функциям СМИ, имеющим непосредственное отношение к политической власти и государственному управлению, можно отнести следующие:

- информирование и просвещение населения в вопросах государственной политики, а также сообщение о новых событиях и фактах;
- интерпретация новостей и фактов;
- организация обсуждения общественных проблем и путей их решения;
- осуществление гражданского контроля и наблюдение за действиями органов государственной власти;
- обсуждение и оценка политических, экономических, социальных программ властей и последствий их реализации;
- формирование общественного мнения, пропаганда определенных идей, принципов, ценностей;
- выражение настроений различных социальных групп и общества в целом.

Особое значение деятельность СМИ приобретает в периоды социальных реформ, экономических и политических преобразований. В эти периоды необходима разработка и реализация специальных программ по информационному и социально-психологическому обеспечению реформ. «Эффективная информационная поддержка способствует не только быстрому осуществлению реформ, но и позволяет снизить социальную напряженность в обществе и вовлечь население в процесс реформирования»¹³⁷. В то же время замалчивание или предоставление искаженной информации о происходящих событиях порождает недоверие не только к официальным СМИ, но и к государственным органам власти в целом.

Гласность как принцип политического управления предполагает, что, во-первых, гражданам гарантируется возможность получать исчерпывающую информацию по вопросам, непосредственно затрагивающим их интересы, во-вторых, что сами государственные органы обязаны обеспечить публичность и открытость своей деятельности. В ряде стран действуют государственные информационные службы, отделы по связям с общественностью, пресс-центры, информационно-аналитические центры и т. п. подразделения, в функции которых входит не только сбор и анализ информа-

ции для управленческих институтов и органов политической власти, но и распространение информации о работе центральных органов власти и установление надежных и устойчивых связей с населением. Однако сама подача даже совершенно объективной информации о работе органов власти и их решениях может служить средством формирования общественного мнения в определенном направлении. Геббельс настаивал на том, что «новости должны подаваться так, чтобы они не требовали комментариев, а были сами по себе тенденциозны»¹³⁸, спонтанно и произвольно порождали желательные для власти образы, чувства, суждения. Этот рецепт используется в полной мере современными СМИ. Р. Блюм заметил, что тот, кто в наше время полагает, что политика строится на идеях, наверное, никогда не смотрит телевизор.

Специфика электронных СМИ и восприятия информации массовой аудиторией определяет и соответствующую тактику информационного воздействия, основанную на использовании шоу-публицистики, развлекательно-популистского стиля политических программ: «Язык шоу-публициста прост и раскован, одновременно ироничен, саркастичен, насмешлив и агрессивен по отношению к оппоненту, иной точке зрения... Публика заворуженно следит за таким представлением, в эти мгновения она легковнушаема»¹³⁹. В то же время аналитическая публицистика требует напряжения мысли. Она не «телевизионна». Но применение этих правил имеет оборотную сторону. Информация о сложных, неоднозначных событиях и проблемах требует заинтересованной и понимающей публики. Ориентируясь же на массовую, усредненную аудиторию, журналисты и политические лидеры вынуждены упрощать информацию и упаковывать ее в развлекательные образы, тем самым еще более снижая планку. Результатом может оказаться «демократия без граждан», как назвал одну из своих книг М. Эрдман.

Ж. Бодрийяр утверждает: характерной чертой масс-медиа является то, что они *антикоммуникативны*, если определять коммуникацию как пространство взаимосвязи слова и ответа. Сообщения о событиях принимают абстрактную форму всеобщности общественного мнения и тем самым приобретают политическое измерение: «Нечто оказывается произнесенным, и все делается таким образом, чтобы на эти слова не было получено никакого ответа... Именно на этой абстракции основывается система социального контроля и власти»¹⁴⁰. Поэтому проблема не в «демократизации» содержания масс-медиа, не в установлении «общественного контроля» над ними, не в создании и расширении сети независимых от власти СМИ, но в том, что сама форма (функциональная структура) современных

масс-медиа представляет собой инстанцию реализации и воспроизводства монополии слова, лишь маскирующуюся под коммуникацию.

Масс-медиа осуществляют принудительную социализацию через навязывание моделей и кодов: событие — это не то, что произошло, но то, что преобразовано согласно моделям значимости, коннотативно-денотативным кодам артикуляции, фильтрации и цензуры смысла в масс-медийных сетях. «Точно так же товар — это не то, что производит промышленность, а то, что опосредовано системой абстракций меновой стоимости»¹⁴¹. В информационно-коммуникативных процессах воспроизводится сама схема разделения и искусственного обособления передающей и принимающей инстанций, базовая формула или модель того типа биполярной, не-обоюдной социальной связи, когда один имеет право на выбор кода, другой же обладает лишь «жалкой свободой» (Р. Барт) принять или отвергнуть передаваемые содержания. Выход из ловушки управляемой коммуникации Бодрийяр видит в установлении такого символического пространства информационного взаимодействия, в котором нет ни передатчика, ни приемника, равно как нет и такого «сообщения», или блока информации, которую нужно расшифровать при помощи кода. «Роль символического как раз состоит в разрушении этой однозначности “сообщения”, в восстановлении смысла и одновременном уничтожении инстанции кода»¹⁴².

Принимая стратегию на деконструкцию системы коммуникации, построенной на разделении передатчика и приемника информации и уничтожение дискурсивного кода, нельзя не обратить внимания на то, что подобного рода выход структурно обусловлен демонтажем такой организации социальной системы, при которой она построена на разделении управляющей и управляемой подсистем и политической власти как инстанции и «кода» их связи. Фактически эти два типа разделения есть лишь две стороны или две модальности единой онтологической структуры. Поэтому и эффект «не-коммуникативности» масс-медиа, возникающий вследствие односторонности системы коммуникации, эквивалентен и структурно гомологичен эффекту бюрократизации системы управления.

Условием эффективности управления является то, что управляющая подсистема строится в соответствии с собственной программой и принципами функционирования, которые должны быть отличными, а по ряду параметров и автономными от логики развития управляемой подсистемы. Вместе с тем рассогласование уровней сложности и принципов организации управляющей и управляемой подсистем приводит к бюрократизации системы управления. Бюрократизм возникает при отрыве работников управленческих организаций (канцелярий, администраций и т. п.) от управ-

ляемых ими социальных объектов. В результате происходит подчинение задач управленческих организаций целям собственного воспроизводства, аппаратным и корпоративным интересам. Учреждение становится административно-самодостаточным. Оно поддерживает свое существование за счет документов, которые само себе адресует. «Чиновники создают работу друг для друга» (С.Н. Паркинсон), одновременно интегрируя в отправление своих административных функций и формализуя в соответствии с их кодами механизмы обратной связи, т. е. контроля со стороны управляемой подсистемы (объектов управления).

В современной научной и популярной литературе общепризнанным является положение о том, что преградой действию закона самовозрастания бюрократизма может и должно служить: резкое сокращение функций государства; ограничение круга его задач, сужение осуществляемых полномочий; введение различных форм социального самоуправления, при которых государство лишь координирует взаимодействие этих самоуправляемых систем; развитие хорошо отлаженной системы контроля управляемых («низов») за деятельностью управляющих («верхов»). Однако дело обстоит не так просто.

Бодрийяр отмечает: масс-медиа, наладив различные формы обратной связи, вполне отвечают принципам кибернетического регулирования. Но от внедрения таких форм, в том числе и в области политической коммуникации, обратные связи не становятся *обратимыми*, т. е. сохраняется в неприкосновенности распределение ролей, создающее классическую бюрократическую модель управления. По мнению Бодрийяра, ключ к решению проблемы — процесс непосредственной коммуникации, не проходящий через бюрократические фильтры и делающий ставку не на другой код, а на разрушение всякого кода. Однако подобного рода противодействие манипуляторной практике, фундаментальным структурам и идеологическим кодам власти есть лишь «персонализированное дилетантство, эквивалент воскресного рукоделия на периферии системы», если только та форма коммуникации, когда *«нет более ни передающих, ни принимающих информацию, а есть только люди, отвечающие друг другу»*¹⁴³, не реализуется в таком обществе, в котором больше нет *ни управляющих, ни управляемых*, т. е. *больше нет политического измерения социальной онтологии* вместе с его идеологическими кодами.

Несколько в ином ключе, нежели Бодрийяр, ставит и решает проблему коммуникативного кода власти Никлас Луман. В соответствии с концепцией Н. Лумана, «социальные системы образуются вообще исключительно благодаря коммуникации», а «теория средств коммуникации [выступает]

в качестве основания теории власти»¹⁴⁴. В современном обществе дифференцируются не социальные группы, а типы коммуникаций, в которых участвуют люди. На основе коммуникативных кодов упорядочиваются и конструируются смысловые структуры социального универсума. В соответствии с этим принципом социальной структуризации власть определяется как символически генерализированное средство коммуникации, направленное на решение системно-специфических проблем. Однако, в отличие от Ж. Бодрийяра, Н. Луман определяет коммуникативные коды власти как транзитивные: подчиненные так же манипулируют властью, как и она ими. Властитель используется подчиненным как средство проталкивания нужного ему решения. Поэтому нельзя приписывать власть одному из контрагентов властных отношений: «Власть “есть” управляемая кодом коммуникация»¹⁴⁵, а ее структурным основанием является потребность в символически генерализированных кодах. Таким образом, требование уничтожения инстанции коммуникативного кода власти означает не выход из ловушки управляемой коммуникации, а разрушение онтологического основания самой социальной системы.

1.7. Технология использования идеологических схем в управлении массовым сознанием

Структура идеологической тетрады как схемы смысловой интеграции и размежевания императивов, позиций и действий актуализируется ее политико-идеологическим использованием в качестве информационно-коммуникативного механизма управления социальными процессами, технологии конструирования социальной реальности посредством манипуляции массовым сознанием.

Н. Луман отмечает: в современной демократии «политика более не легитимизируется истиной»¹⁴⁶, а для управления политикой сформировался политический код нового типа в форме дихотомии прогрессивного и консервативного. Сам по себе код лишь принудительно утверждает эту форму дихотомии, не предвещая выбора ни одной из ее сторон, поэтому он выполняет универсальную функцию структурирования политических альтернатив. Можно проследить, удовлетворяет ли идеологическая тетрада требованиям выполнения функций формального устройства для констелляции альтернатив, предъявляемым коммуникативной теорией власти к генерализированным кодам. Рассмотрим в качестве примера две стратегии социально-политического развития:

1. *Курс на построение сильного, социально ответственного государства, на усиление государственного контроля в экономической сфере, на укрепление институтов политической власти и т. д.*

2. *Курс на либерализацию политической системы и экономических порядков, при которой государству отводится роль «ночного сторожа».*

Обе эти стратегии — консервативная и либеральная — используются как инструменты демократической политики и каждая из них имеет значительное число сторонников, каждая представлена в массовом сознании. Вместе с тем, они очевидным образом оппозиционны друг другу. Теоретический анализ призван раскрыть объективное содержание и внутренние противоречия консерватизма и либерализма, критически оценить принципы и идеи этих учений. Но такого рода анализ и сформулированные на его основе выводы не в силах существенным образом повлиять на установки массового сознания, привести его к убежденности в преимуществах той или иной концепции. *Эту задачу должна брать на себя и решать идеология как метод информационно-коммуникативного управления массовым сознанием.*

Обозначим программу (стратегию, тактику, концепцию и т. д.) социального развития, ориентирующуюся на консервативные принципы, как политический курс А, а на либеральные принципы — как курс Б. Эффективность и оправданность выбора той или иной тактики и методов достижения ее целей определяются массой конкретных обстоятельств, особенностями ситуации и т. д., а не абстрактно-общими соображениями (напомним: «Политика более не легитимируется истиной»). Абсолютная шкала ценностей тут не применима. Как указывал (вполне в духе Макиавелли) Хань Фэй-цзы: совершенномудрый правитель «просто действует в соответствии с существующими нравами. Поэтому [его] деятельность исходит из [задач] времени, а [его] средства соответствуют [задачам] деятельности»¹⁴⁷.

Выбор альтернативных версий происходит в ситуации политической борьбы, в которой важно завоевать прочные позиции в массовом сознании, убедить в правильности выбранного курса и тем самым обеспечить не только общественную поддержку, но и саму возможность реализации намеченных программ. Для этого используется широкий арсенал идеологических приемов убеждения. Рассмотрим, какие приемы убеждения и воздействия на массовое сознание вытекают из использования ресурсов тетрады для защиты определенного политического выбора — курса В.

Пусть этот курс, как это обычно и бывает в реальной политической практике, представляет собой определенный компромисс между либеральными и консервативными установками, включает в себя компоненты их

обсех. Очевидно, что такой курс будет подвергнут критике как либералами (за недостаточную либеральность и уступки консерватизму), так и консерваторами (по противоположным основаниям). Результирующей этой критики может стать формирование в массовом сознании граждан, *каких бы политических взглядов ни придерживался тот или иной гражданин*, общего настроения недовольства, убежденности в некомпетентности, беспринципности, беспомощности и т. д. руководства, в пагубности для страны избранного курса. В этой ситуации заведомо проигрышной станет позиция защиты сделанного выбора, опирающаяся на сугубо теоретические аргументы, и вступление в «борьбу на уничтожение», ведущуюся сразу на два фронта — как с консерваторами, так и с либералами. Должна быть реализована иная технология, чем «лобовое столкновение» с противниками. Такая технология и предоставляется методикой использования «идеологической тетрады». Рассмотрим на нашем примере, как осуществляется это управление.

Классический и современный либерализм (неолиберализм) исходят из концепции рационально мыслящего, автономного индивида как самодостаточного субъекта социальных отношений. Социальная организация должна лишь открывать простор для самореализации и свободного выбора. Консерваторы и неоконсерваторы исходят из необходимости общественного принуждения к выбору социально значимых моделей поведения, а также их регламентации в нормах права. Установки либерализма и консерватизма можно свести к следующему различию: либо свобода наиболее гарантирована в условиях твердого порядка (консерватизм), либо порядок в обществе воцаряется тогда, когда в нем существует максимальная свобода (либерализм)¹⁴⁸.

В общем виде, в абстрактной формулировке эта дилемма неразрешима. Но ее теоретическая неразрешимость означает, что решение передвигается в сферу «теоретической практики», т. е. идеологии, которая придает одной из установок более значительную *относительную* ценность, утверждает ее приоритетность в *данной конкретно-исторической ситуации*. В нашем примере «порядок» и «свобода» как фундаментальные ценности консерватизма (А) и либерализма (Б) соответственно при идеологическом использовании языка должны быть, во-первых, использованы как прагмемы, а не только лишь как теоретические понятия, и, во-вторых, представлены соответствующими *наборами, сериями прагмем*, сведенными в таблицу, аналогичную таблице, приведенной в разделе 1.4 настоящей главы, т. е. сериями ± «Порядок» и ± «Свобода».

Обладая набором четырех типов прагмем для двух противоположных программ А и Б, следует применять следующую технологию: в ситуации, требующей усиления А и ослабления Б (т. е. защиты элементов консерватизма в избранном политическом курсе В), используются слова из списков +А и –Б. То есть защита либералами свободы характеризуется как проповедь *вседозволенности, распущенности, безответственности*, ведущих к *стихийности и анархии*. Но если +А, пользуясь эффектом положительной ценности своих прагмем, достигло чрезмерной силы и притязает на доминирование и господство в общественном сознании, следует, дабы, по словам Макиавелли, «обуздать сильных и поощрить слабых», изменить лексический выбор и использовать другую контрарную пару, противопоставляя +Б и –А. В этом случае позиция консерваторов характеризуется как путь, ведущий к реставрации *тоталитарных и авторитарных режимов*, к государственному *насилию и принуждению*, к «введению единомыслия», нарушениям прав личности и т. д.

Повторим еще раз, что речь идет не о теоретической доказательности подобного рода аргументов и не об объективной, надситуативной истинности центристской позиции (курса В в нашем примере). М. Вебер пишет: «Само собой разумеется, что в отдельном случае субъективным долгом практического политика может быть как посредничество между сторонниками противоречивых мнений, так и переход на сторону кого-нибудь из них. Однако с научной “объективностью” это ничего общего не имеет. “Средняя линия” ни на йоту не ближе к научной истине, чем идеалы самых крайних правых или левых партий»¹⁴⁹. Идеологией создается контекст, внутри которого приобретают осмысленность противоборствующие принципы и определяются их конструктивные и деструктивные функции в конкретной ситуации, а владение идео-логикой как методом управления позволяет изнутри интегрировать все основные социальные силы, действующие в данном историческом поле возможностей, и вместе с тем возвыситься над их односторонностью.

Основанная на применении «идеологической тетрады» технология управления рассчитана на оперативное действие внутри меняющейся конфигурации социально-политических сил. Информационно-коммуникативным механизмом реализации этой технологии является создание четко структурированной системы распределения оценок, суть которой состоит в том, чтобы воздействовать на соотношение исторических сил, усиливать одних участников конфликтной ситуации и ослаблять других.

Пример, рассмотренный нами в качестве иллюстрации возможностей и механизма применения тетрады, относится к числу типичных. На самом

деле, в реальной социально-политической практике управления постоянно решаются вопросы о нахождении и выборе оптимального — в данных условиях, применительно к настоящему моменту, соответствующего текущему раскладу социально-политических сил и т. д., — соотношения таких противоположных (оппозитивных) принципов, как:

- государственное регулирование экономики — рыночное саморегулирование;
- специфические ценности и нормы традиционной культуры — унифицированные ценности массовой культуры глобального мира;
- национальное самосознание — общегражданская идентичность;
- необходимость поддержания устойчивости, стабильности социально-политических порядков — требования модернизации социально-политической системы;
- укрепление централизованной системы управления («вертикальной оси власти») — развитие местного самоуправления и т. д.

Во всех этих и множестве аналогичных ситуаций возможно и эффективно применение технологий управления, основанных на использовании информационно-коммуникативных стратегий идеологического воздействия на массовое сознание посредством рационального манипулирования эмоциональными и оценочными значениями, заключенными в словах. Субъект, владеющий этой технологией (алгоритмом составления и применения тетрады для каждой конкретной ситуации), пользуется противоречащими друг другу установками своих противников как справа, так и слева, контролируя и направляя их взаимодействие. Тем самым он приобретает практический перевес над своими односторонними оппонентами, приверженными противоположным оценочным установкам, используя силу каждого для победы над другим и тем самым ослабляя их обоих. В то же время он завоевывает прочные позиции в массовом сознании, привлекая на свою сторону приверженцев противоположных убеждений.

В совершенно иной мыслительной и социально-политической культуре были разработаны и применялись на протяжении тысячелетий те же приемы кодификации смысла и управления оппозитивным соотношениями, которые эксплицируются идеолингвистикой конца XX в. В исследовании Франсуа Жюльена проведено интереснейшее сопоставление базисных установок и стратегий формирования смысла в западноевропейской и китайской культурах¹⁵⁰. В культуре Китая предмет высказывания всегда держится «на расстоянии намека», уклончивые речи не разворачиваются в цепочку аргументов, и тем самым не дают возможности привести контраргументы, открывая вместе с тем путь к бесконечной игре и манипуляции.

Высказывания Конфуция направлены на чисто контекстуальное «приведение в соответствие», поддержание баланса, восстановление упорядоченности без посредничества теоретических конструкций. Совершенномудрый противостоит приверженцам той или иной школы, той или иной философской позиции как раз потому, что у него нет собственной позиции, нет заранее установленных правил. «Вместо того, чтобы в пику другим теориям выдвинуть свою, он перестраивает спор, как бы становясь на точку зрения всей совокупности позиций», удерживая дискурс в его «верхнем течении». Результатом подобной кодификации ситуации спора, реконфигурации позиций спорящих сторон (на деле — фиктивных, искусственных оппозиций, придающих ценность чему-то одному в отличие от чего-то другого, т. е. противопоставляющих реальность самой себе) оказывается, что, «в то время как другие спорят, доказывая разные “за” и “против”, Мэн-цзы устанавливает мировой порядок»¹⁵¹.

Поскольку определяющим фактором соответствия становятся конкретные обстоятельства, «конфуцианская мысль в принципе пресекает всякий поиск определения (каковой неизбежно стал бы поиском тождества в многообразии моментов и ситуаций). Следовательно, ни к какой “истине” эта мысль не ведет; она не умеет абстрагировать нечто в качестве “сущности”, становящейся “общей”. Но поскольку эта мудрость не замыкается в конкретных определениях, она всегда остается открыта любой возможности и благодаря своей непредвзятости охватывает все позиции; ее чертой становится то, что она ничего не исключает»¹⁵². На этом антидискурсивном механизме и основано *совершенство регуляции*, которая, не поднимаясь до обобщений, становится глобальной, налаживая единство не посредством теоретических абстракций, а гармонизируя внутреннее общение между собой всевозможных аспектов вещей, причем эта слаженность каждый раз проявляется уникальным образом. Принцип регуляции как нахождение меры, поддержание равновесия и порядка не может быть преобразован в истинность через обобщение, общее определение меры (например, как «золотой середины»), но только через скольжение и постоянное преобразование смыслов, указывающее на целостность, не определяя ее, не связывая с каким-либо пристрастно обособленным содержанием (дискурсивной позицией).

Как видно, конфуцианство предвосхитило алгоритм использования идеологического кода тэтрады как свободного маневрирования диспозициями в зависимости от конкретно-исторических обстоятельств, ситуации, расклада сил оппозитивных элементов и т. д. «Конфуций, по сути дела, никогда не высказывает ничего конкретного и ничего иного, кроме един-

ственного требования регуляции»¹⁵³. Поскольку социальный мир, как и все другое, пребывает в состоянии непрерывной трансформации, то его цельность и связность нельзя мыслить с помощью законченных формул. Исходным и определяющим становится план, в котором разыгрывается отношение требующих регулирования противоположностей.

В этой связи можно утверждать, что прагматическое использование идеологической тетрады адекватно даосско-конфуцианскому пониманию реальности как процесса, не имеющего никакого сверхчувственного плана или умопостигаемой сущности, процесса, всецело разворачивающегося в плане имманентности (Ж. Делёз, Ф. Гваттари). Логику имманентности даосизма «нельзя понять, если не вписать ее в собственную перспективу: в логику поисков эффективности (особенно в политике)»¹⁵⁴. Отличие же в том, что недифференцированные, «смутные и расплывчатые» глубины Дао в идеологических кодах предстают как структурированная основа, или схема трансформаций смысла посредством алгоритма его частичных актуализаций.

Исследования современной идеолингвистики доказывают, что тетрада является «основополагающей структурой идеологического мышления, чье назначение — выход в практику, подчиняющую все разнообразие действительности воле того или иного исторического субъекта»¹⁵⁵. Конечно, в реальной практике мы крайне редко встречаемся с применением методов идеологического управления посредством сознательного использования ресурсов идеологической тетрады (в том числе и потому, что практически отсутствуют соответствующие разработки: на русском языке нет никаких других литературных источников, кроме использованного в настоящем исследовании реферативного обзора М.Н. Эпштейна, опубликованного в вышедшем мизерным тиражом сборнике). Как правило, политический дискурс в ситуациях конфликтного взаимодействия строится на основе той лексики, которая получила наименование «язык вражды», hate speech — буквально, «речь ненависти». Тем самым субъекты политического процесса лишаются информационно-коммуникативных средств перевода конфликтной ситуации в ситуацию конструктивного и вместе с тем управляемого диалога. Ведь «язык вражды», в соответствии со структурой тетрады, используется в случаях контрарных отношений и не применим в случаях отношений конверсии и корреляции.

Как уже отмечалось, в теории управления информация определяется посредством последовательных операций выбора из со- возможных альтернатив. В чистом виде это определение работает в ситуации политических выборов. Информационные технологии управления этой ситуацией основаны на том, что в современном демократическом обществе свобод-

ное волеизъявление граждан является управляемым, манипулируемым. «Мы много полезного для себя откроем в демократии, если научимся различать две стороны: демократию как *ценностную* систему, опирающуюся на понятие политического суверенитета народа, и демократию как *технологическую* систему, прямо отрицающую этот суверенитет в пользу технологического отношения к народу как к *обрабатываемой массе*»¹⁵⁶. Проанализируем одну из наиболее известных избирательных кампаний, завершившихся безоговорочной победой технологий управления политическими профессионалами массовым сознанием.

В июне 1996 г. в России состоялись выборы президента. Рейтинг действующего президента Б. Ельцина к началу года составлял всего 4—8 %. Это было вполне закономерно, учитывая количество россиян, выигравших и проигравших в результате «шоковой терапии». Приняв решение об участии в выборах, Ельцин создал штаб избирательной кампании. Его руководителем был назначен вице-премьер правительства О. Сосковец. Но этим штабом так и не была выработана единая стратегия и тактика борьбы, его раздирали противоречия. Сосковец и члены его команды уповали только на административный ресурс и на применение наиболее примитивного сценария проведения избирательной кампании: создание средствами подконтрольных СМИ позитивного имиджа президента и дискредитация его оппонентов. «В 1996 году всем опостылевший Ельцин в принципе не мог победить в рамках позитивной политической логики, имеющей в виду собственные достоинства претендента»¹⁵⁷. Несмотря на все предписания и угрозы главам местных администраций, рейтинг Ельцина держался на том же мизерном уровне.

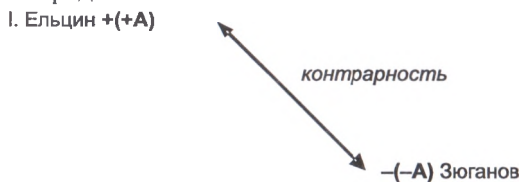
В феврале в Давосе Чубайс, Березовский, Гусинский, Авен, озабоченные судьбой своего бизнеса в случае смены политического режима, приняли решение о том, что Ельцина необходимо привести к новому президентскому сроку. Они договорились о финансировании предвыборной кампании Ельцина и о создании аналитической группы, своего рода теневого штаба олигархов по выборам президента. Во главе группы встали люди, профессионально владеющие технологиями управления массовым сознанием: Г. Павловский, А. Ослон, М. Гельман. По предложению В. Илюшина, вместо избирательного штаба Сосковца был создан Совет по выборам, куда вошли эксперты из «теневого штаба», директор компании НТВ И. Малащенко и ряд других профессионалов (в том числе четверо имиджмейкеров из США).

Стратегия избирательной кампании, разработанная и проведенная новой командой, была построена в полном соответствии с алгоритмом реализации идеологической тетрады (хотя, разумеется, у нас нет оснований

предполагать, что этот алгоритм использовался на основе изучения и применения соответствующих исследований и выводов идеолингвистики. Скорее всего, он был найден в ходе аналитической проработки различных вариантов стратегии и тактики проведения избирательной кампании). В соответствии с этой технологией, актуализация фрагментов тетрады (заключенных в ней оппозиционных отношений) должна осуществляться «квантами», проходить ряд последовательных этапов.

Первый этап избирательной кампании был направлен на поляризацию электората. На этом этапе избирателям необходимо было внушить, что на победу реально претендуют только два человека: Ельцин и Зюганов (уже это ограничение реальных претендентов стало актом манипуляции массовым сознанием: разумеется, изначально ничто не предсказывает круг реальных претендентов. Но итогом социального конструирования реальности с помощью информационно-коммуникативных технологий управления массовым сознанием явилось то, что альтернатива Ельцин — Зюганов на самом деле стала безальтернативной). Избирателю была предложена жесткая (и лживая) альтернатива: либо продолжение курса либерально-демократических реформ (т. е. Ельцин), либо реставрация тоталитарного режима (Зюганов). Эту альтернативу можно отразить следующим образом:

Если через «+А» обозначить курс на продолжение либерально-демократических реформ, а через «-А» — отрицание этого курса, то на первом этапе в массовом сознании была актуализирована следующая структура идеологической тетрады:

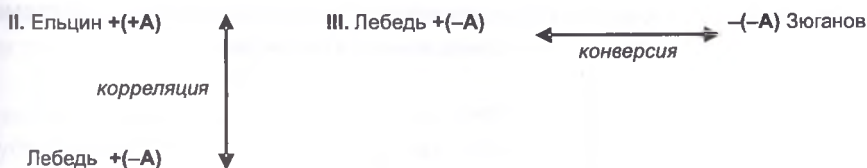
В массовое сознание всеми средствами внедрялось убеждение, что продолжение прежнего курса либерально-демократических реформ, несмотря на все «издержки» приватизации, — единственный возможный вариант выживания страны: «Иного не дано». Коммунисты же и Зюганов как креатура прокоммунистического электората — это возвращение к всевластию КПСС и прежним социально-экономическим порядкам. Соответственно, ангажированными СМИ использовались все методы и приемы антикоммунистической пропаганды на основе универсально разработанной во времена «холодной войны» манихейской модели метафизического противостояния Добра и Зла.

На первый взгляд, подобная тактика авантюристична и самоубийственна, учитывая ничтожный рейтинг Ельцина. Она отталкивает от Ельцина огромную массу людей старшего поколения и тех избирателей, в которых сильны убеждения в приоритетности социальной справедливости, необходимости сильной социальной политики и т. д. Действительно, подобная тактика усиления позиций соперника за счет сосредоточения всех его сторонников вокруг одной политической фигуры оправдана лишь в том случае, если используется с дальним прицелом, как элемент и этап общей стратегии, предполагающей дальнейшие действия по управлению ситуацией. Стратегия же эта строилась в полном соответствии с принципами прагматического использования идеологической тетрады, воспроизводящими разработанные даосскими мудрецами рецепты и логику достижения политической эффективности через управление посредством программирования имманентного «спонтанного» развертывания ситуации. Стратегия смысла, какой она выступает особенно отчетливо у Мэн-цзы, состоит в том, что для успеха необходимо как активное личное участие, так и пассивная открытость объективным процессам¹⁵⁸. Аналогично ставится вопрос и в даосизме: «Дао в качестве пути, которым надо следовать, не позволяет провести разлиние между правилом поведения (прежде всего в политическом плане) и процессом, посредством которого сама реальность неустанно обновляется»¹⁵⁹. Тем самым снимается оппозиция естественно-исторической и конструктивистской парадигм интерпретации социальной онтологии. Чтобы эффект, предусмотренный с самого начала, «сбылся как неизбежное», был приведен к самостоятельному проявлению, обусловленному переворачиванием, инверсией самой ситуации, нужно действовать в направлении, противоположном программируемому результату: «Прежде чем что-либо ослабить, следует его сначала укрепить; прежде чем что-либо низринуть, следует сначала дать ему подняться»¹⁶⁰.

Вслед за успешным (что показали результаты социологических опросов) утверждением в массовом сознании контрарной оппозиции $[(+A) : -(A)]$ был совершен переход ко **второму этапу** предвыборной кампании. На этом этапе появляется новый кандидат: А. Лебедь. Эта фигура очень важна с точки зрения возложенных на нее функций «троянского коня» в лагере оппозиции Ельцина. Лебедь должен отвлечь на себя значительную часть электората Зюганова за счет того, что его предвыборная кампания ведется под лозунгами «наведения порядка», «нормализации обстановки в стране». То есть в соответствии со сценарием избирательной кампании Лебедю присваивается роль защитника важнейших положительных ценностей прежнего социально-политического режима и создается соответствующий имидж

СМИ, а Зюганову отводится роль апологета наиболее одиозной, «ленинско-сталинской» модели общественного устройства. И по этому смоделированному имиджу наносится массированный удар всеми СМИ, цинично, агрессивно, но и в высшей степени профессионально формирующими у публики устойчивый антикоммунистический стереотип (эта тактика была известна еще в древности и сформулирована Н. Макиавелли в следующем рецепте: «С помощью одного ты разгромишь другого, хотя тому, будь он умнее, следовало бы спасать, а не губить противника; а после победы ты подчинишь союзника своей власти»).

Таким образом, на этом этапе актуализируются следующие элементы тетрады:

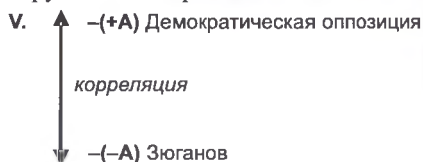
В результате контрарная противоположность Ельцин—Зюганов достигает такой интенсивности, что исключает возможность какого-либо диалога. На предложение о проведении прямых теледебатов со своим соперником на выборах Ельцин отвечает: «Мне не о чем дискутировать». Для характеристики Лебеда подконтрольные чубайсовскому штабу СМИ используют лексику, стиль, визуальные образы, методы отбора информации и т. д. из первой колонки прагмем «+Порядок», для характеристики Зюганова — исключительно из второй: «—Порядок». По данным мониторинга телеканалов ОРТ, РТР и НТВ, проведенного «Европейским институтом СМИ», в течение двух недель перед вторым туром выборов Ельцин 247 раз упоминался в положительном контексте, отрицательных сюжетов и мнений о нем вообще не было. Зюганова упомянули 241 раз отрицательно и ни разу положительно. Прочие кандидаты игнорируются СМИ и тем самым устраняются с поля предвыборной борьбы¹⁶¹. Это необходимо, чтобы создать впечатление, что у курса Ельцина нет реальной альтернативы в виде претендента из либерально-демократического крыла. Насаждается убеждение, что программа Ельцина концентрирует все положительные стороны курса демократических реформ (для ее характеристики используются прагмемы из колонки «+Свобода»), а прочие реформаторы предлагают деструктивные меры и модели развития (соответственно, используются лексемы из колонки «—Свобода»).

Таким образом, отношение к либерально-демократическим соперникам Ельцина моделируется по схеме:

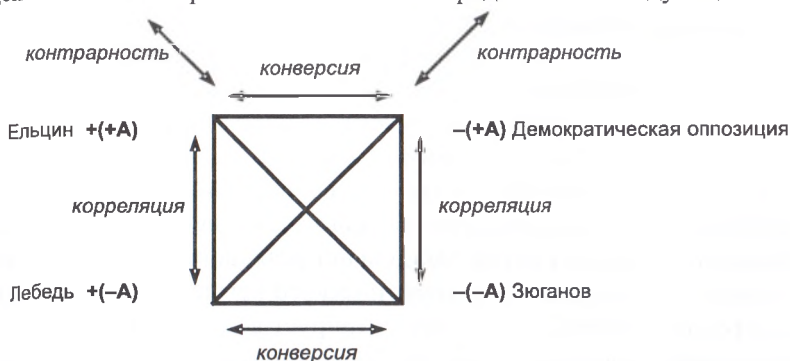

Актуализацией этого отношения с помощью СМИ достигается не только то, что дискредитируется демократическая оппозиция режиму, но и то, что Ельцин обретает положительный имидж (как «меньшее зло» относительно прочих «либеральных» кандидатов) и в глазах той части электората, которая придерживается «левых» убеждений.

Кроме того, поощряются и инспирируются взаимные нападки коммунистов и оппозиционных режиму Ельцина левых партий для их взаимного ослабления в борьбе друг с другом и дискредитации в глазах избирателей по схеме:

Таким образом, в избирательной кампании 1996 г. в России были реализованы управленческие стратегии, пропагандистский инструментарий которых создавался и использовался в полном соответствии с информационно-коммуникативными технологиями управления, диктуемыми алгоритмом идеологического использования лексики. Созданная и реализованная в ходе избирательной кампании модель информационно-коммуникативных воздействий на избирателей может быть представлена следующей схемой:

Результаты применения этой технологии впечатляющи: Ельцин, чей рейтинг за полгода до выборов падал до 4 %, во втором туре голосования собрал 53,7 % голосов избирателей. Такое кардинальное изменение настрое-

ний электората не могло обеспечить никакое использование чисто административных методов давления, хотя, разумеется, для успеха информационно-коммуникативных технологий необходимо обеспечить мозговой центр всеми доступными административными и финансовыми ресурсами управления массовым сознанием через средства массовой информации.

Механизмы идеологических кодов использования лексики, представленные в идеологической тетраде, не произвольны, но имеют основания как в фундаментальных коннотативно-денотативных структурах языка и речи, так и в онтологических (ценностно-смысловых) структурах социальной реальности. Поэтому и вытекающие из них принципы социального конструирования реальности посредством применения алгоритмов информационно-коммуникативных технологий управления массовым сознанием также имеют универсальное значение.

Для управления практически любой социальной ситуацией конфликтного взаимодействия может быть построена схема оппозитивных отношений ее субъектов-участников, позиционирование которых будет определяться алгоритмом устройства идеологической тетрады. На основе применения этой схемы можно организовать поле взаимодействия противоборствующих и сотрудничающих сил таким образом, чтобы оно вело к цели, поставленной управленческой инстанцией. Конечно, в каждом конкретном случае последовательность и способы актуализации тех или иных линий взаимодействия будут определяться специфическими особенностями конкретной ситуации.

Проанализированная нами стратегия, примененная в выборах 1996 г. в России, может быть адаптирована и к условиям современного Казахстана. Здесь также можно выделить четыре позиции, или четыре основные силы, рациональное информационно-коммуникативное управление взаимодействием которых в массовом сознании избирателей должно лечь в основу стратегии и тактики предвыборной борьбы. Этими позициями, аналогичными российской тетраде: *Ельцин — демократическая оппозиция — Лебедь — Зюганов*, являются:

+ (+А) — установка на продолжение курса реформ, экономической и социально-политической модернизации, проводимых президентом РК;

– (+А) — установка на радикализацию реформ посредством либерализации политических институтов: ослабление или ликвидация президентской формы правления; усиление парламента и расширение его полномочий, перераспределение власти в пользу институтов местного самоуправления и т. д.;

+ (–А) — установка на усиление институтов центральной власти как пути наведения общественного порядка, обеспечения социальной стабиль-

ности, расширение сфер и функций воздействия государства на социальные и экономические процессы и т. д.;

–(–А) — установка на сворачивание реформ и смену существующего экономического и социально-политического строя: реставрация социалистических общественных отношений, построение теократического исламского государства и т. п.

Разумеется, тактические приемы и последовательность актуализации тех или иных фрагментов тетрады (оппозитивных отношений противоборствующих сил) в Казахстане будут отличаться от российских. Например, ввиду высокого рейтинга действующего президента, практически на порядок превышающего популярность ближайших претендентов, незначительного влияния сторонников прокоммунистической идеологии и приверженцев радикального (политического) ислама, нет необходимости, в отличие от России 1996 г., принятия мер к поляризации электората путем гиперболического преувеличения значения контрарной оппозиции $[+(+A) : -(A)]$. Другим важным отличием должен стать выбор денотата («А») для построения системы коннотативных отношений. Вследствие такой особенности Казахстана, как многонациональный состав населения и распространенность русского языка, важнейшим предметом предвыборной борьбы становится стратегия национально-государственного строительства и решения языковой проблемы. Поэтому, например, при защите стратегического курса на реализацию в Казахстане принципа нации как согражданства серьезное значение должно быть отведено идеологическому воздействию на массовое сознание с помощью тетрады, построенной на прагматиках «национализм», «патриотизм», «интернационализм», «космополитизм». Однако при различиях в тактических приемах, методах, последовательности реализации фрагментов и т. д. использования тетрады общий алгоритм информационно-коммуникативного управления или технологии конструирования поля взаимодействия социально-политических сил остается неизменным.

Проанализированный нами пример также наглядно демонстрирует, в сколь сильной степени управляемым и направляемым информационно-коммуникативными PR-технологиями является свободное волеизъявление граждан современных демократических государств. Однако необходимо иметь в виду, что действенность манипулятивных технологий в решающей степени зависит не только от того, насколько они технологически рациональны, но и от того, насколько скрытыми от сознания объектов управления они остаются. Латинская пословица гласит: «Предупрежден — значит, вооружен». Знание доктрин и технологий управления массовым сознани-

ем становится для этого сознания эффективным средством противостояния проводимым над ним манипуляциям.

Идеологические коды должны быть скрытными, будучи же высказанными, перестают быть эффективными и действенными. Тетрада как интегральная схема информационно-коммуникативного управления массовым сознанием на основе использования всей эмоциональной многозначности, заложенной в природе языка, «лишается действенной силы именно потому, что раскрывается механизм ее действия»¹⁶². Впрочем, неосознанность механизмов функционирования фундаментальных структур социального пространства является условием их воспроизводства в качестве само собой разумеющихся структур, или «фоновой контекста» жизненного мира индивидов. Как указывает П. Бурдьё, постоянно возрождающееся коллективное незнание является условием и результатом функционирования социального поля с его диспозициями, облеченными в метафоры «практического смысла».

Этот вывод является тем более обескураживающим, что в социальной динамике постиндустриальной эпохи решающую роль начинают играть информационно-коммуникативные сети и выстраивающиеся на их основе политические технологии, разработка и применение которых становятся функцией «нового интеллектуального класса», knowledge-class, к которому и переходят все основные характеристики субъекта управления политической, экономической, социальной сферами общества. Вместе с выдвиганием знаний и информации в качестве основного ресурса власти впервые в истории условием принадлежности к доминирующему классу становится не обладание или право распоряжения ресурсами, а способность ими воспользоваться. Однако анализ «экономики и политики в эпоху диктатуры когнитариата» свидетельствует о том, что «демократический разум прямо-таки обязывает быть онтологически поверхностным»¹⁶³, отделять метафизические основания от мотивов политического выбора, абстрагировать политические технологии, направленные на конструирование социальной реальности и программирование ее трансформаций, от социальной онтологии.

Обнаружить идеологическую матрицу артикуляции онтологических суждений можно самым неожиданным образом.

В Китае место науки логики как всеобщего познавательного органа занимала ее оппозиционная альтернатива — *нумерология*. «Для китайских мыслителей сосчитать и представить в геометрически структурированном (табличном) виде, т. е. классифицировать (гэ, лэй), даже без логического упорядочивания, — значит добиться окончательной познавательной оформленности (отсюда популярность образований вроде “пяти постоянств”, “семи чувств” — вплоть до “четырёх модернизаций”»)¹⁶⁴.

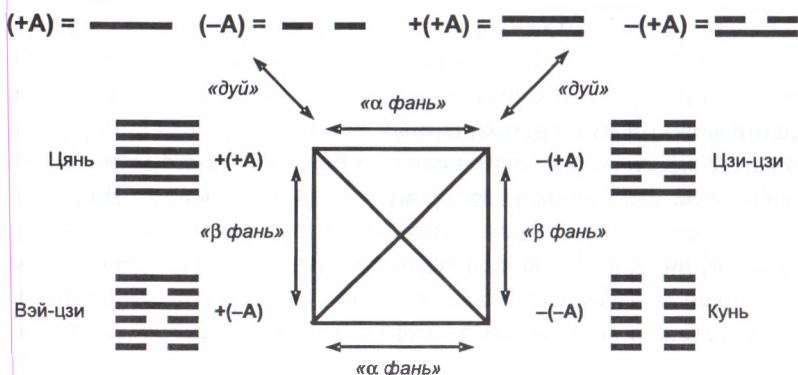
Пифагорейски-платоновская и неоплатоническая числовая мистика, как и буквенно-числовая мистика каббалы, имеют совершенно иные основания, чем нумерологическая «методология» истолкования числовых композиций «Книги перемен». Только в условиях этико-ритуальной интеграции всех сфер жизнедеятельности человека, государства и общества загадочный текст «Чжоу и» («И цзин» и его канонический комментарий — «И чжуани») мог стать не имеющим аналогов в мировой культуре органом единства всех модальностей традиционного мировоззрения, от философии и науки до мантики и эристик. Название этого памятника может быть переведено и как «[Канон] перемен [эпохи] Чжоу», и как «Всеохватно-круговой легкий [канон]». Этот двойной смысл позволяет рассматривать комбинаторику графических символов — триграмм и гексаграмм — как схему трансформации социокультурных структур и вместе с тем (или именно поэтому) как способ систематики и «практического» применения универсально-онтологических схем.

Обозначим $(+A)$ графемой *длинное тире* (Ян-символ), а $(-A)$ графемой *двойное тире* (Инь-символ). Развернем идеологическую матрицу в пространстве трех координат или на трех уровнях: Великой Пустоты, Великого Предела и проявленного Бытия. Денотаты, выражающие комбинации соотношения гуа на этих трех уровнях, будут изображаться триграммами. Скажем, $+A$ Великой Пустоты, $+A$ Великого предела и $-A$ проявленного бытия образуют триграмму *Сюнь*:

Денотативно-коннотативное единство будет представлено, соответственно, гексаграммами. В итоге получаем матрицу взаимоотношения гексаграмм — *лю ши сы гуа*.

Графемы гуа:

Таким образом, процесс образования гексаграмм не означает сочетания двух триграмм, как считает ряд ицзинистов, но преобразование триграмм в гексаграммы по правилам комбинаторики денотативных и коннотативных элементов онтологических символов. С этих позиций в герменевтике семиозиса гуа речь должна идти не о связывании *пар* гексаграмм, а о целостности смысла каждой из их 16-ти *тетрад* и принципа их взаимоотношения. Как отмечают исследователи, общая логика увязывания гексаграмм в единое целое в канонической модели квадратного расположения гексаграмм, приписываемой Вэнь-вану, до сих пор не раскрыта. Расположение их Фу-си в виде квадрата 8×8 , как справедливо отмечает А.А. Хамидов, есть лишь превращенная форма их *линейного* расположения и *поступательно-эволюционного* движения, не позволяющая усмотреть структуру или матрицу взаимоотношения гексаграмм¹⁶⁵. Между тем эта структура должна соответствовать основному принципу динамики Дао, которая была определена Лао-цзы как круговое движение, вращение в самом себе.

Идеологическая тетрада дает возможность интерпретации гексаграмм как семиотических комплексов, символически выражающих строго определенное онтологическое содержание. Заметим, что в соответствии с нашей интерпретацией гексаграмма *Уже конец* выражает онтологическое состояние, при котором бытие достигает предельной янской полноты на всех трех уровнях, отвердевает в собственной самодостаточности, но вместе с тем также на всех трех уровнях и обесценивается. Исчезает внутренняя основа для изменений, если нет двойной системы самоидентификации, т. е. изменения ценностного вектора как возникновения точки онтологической бифуркации. Поэтому и возможен оптимистический вывод: *Еще не конец!* как надежда на начало нового цикла из смены ритма Великого Предела — утверждения ценностно положительного состояния бытийной опустошенности мира.

В модели Вэнь-вана, по мнению специалистов, применены два принципа: *фань* (отношение обратности, или перевернутости) и *дуй* (отношение «супротивности», т. е. замены всех черт на всех позициях на противоположные). В нашей схеме метод «супротивности» столь же значим, как и метод «обратности» (который ряд исследователей считает лишь *вынужденным* частным случаем метода обратности). Но принцип «фань» должен быть распределен между отношениями конверсии и корреляции. В нашем рисунке соответственно: α *фань* и β *фань*.

Конечно, «обширная и неисчерпаемая» (А.А. Хамидов) проблема гуа — триграмм и гексаграмм, ни в коей мере не разрешается при том подходе, возможность которого очерчена выше. Обращение к ицзинистике

с учетом отсутствия у нас должной компетенции в этой сфере является импровизацией на уровне «вторичной моделирующей системы». В качестве таковой предлагаемая модель порядка гуа является артефактом, не претендующим на внимание специалистов-синологов. Хотя, можно отметить, что флаг Республики Корея можно при желании также интерпретировать как пример воплощения идеологической матрицы в структуре взаимоотношения триграмм:

Социальные конфликты в нашу эпоху приобретают специфические черты кризиса интеллектуально-символических структур. А.С. Панарин связывает социальную энергетику и базовые мотивы массового недовольства советским режимом не с парадигмой рынка, а с парадигмой Просвещения в кантовском его понимании как выхода человека из состояния не совершенности, т. е. неспособности пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-либо другого. Система массового среднего и высшего образования создала такой уровень культурного и интеллектуального капитала нации, который более в принципе не мог инвестироваться в официальную ложь господствующей идеологии, с которой идентифицировала себя государственно-политическая система «развитого социализма». Основным противоречием идеократического общества является противоречие между накопленным интеллектуальным капиталом и редуцированными возможностями его применения, а не собственно экономические противоречия, конфликты по поводу собственности.

А.С. Панарин проводит важное различие между творческим употреблением разума в сфере реального производства, искусства, науки и применением разума в макроэкономической сфере асоциальных виртуальных практик спекулятивно-ростовщического производства прибыли. Подчинение социальных структур примитивной и вульгарной логике производства «человека экономического» глубоко враждебно профессиональному самоопределению гуманитарной и научно-технической интеллигенции. Соответственно, концепция «среднего класса» как субъекта гражданского общества не может абстрагироваться от того обстоятельства, что уровень потребления не может быть мерой ни «символического капитала», ни созидательного социального потенциала. Носителями этого потенциала является

наиболее образованная, интеллектуально и духовно развитая часть общества, а не наиболее адаптированные к рынку слои населения.

При всей противоречивости ситуации, когда демократия основывается на манипуляции сознанием, т. е. на антидемократическом по самой своей сути механизме собственного функционирования, в этой превращенной форме реализуется принцип объединения знания и власти на основе приоритетности знаний как истока легитимности власти. Основная проблема состоит в том, чтобы не поддаться соблазну легких решений, технократических иллюзий о том, что переход к информационно-коммуникативным технологиям управления государственной гиперсистемой способен «автоматически» гуманизировать социальные отношения, направлять их трансформацию в соответствии с духовно-нравственными идеалами.

Ф. Фукуяма подчеркивает, что главная задача социальной политики — приумножение общественного капитала. Общественный капитал — это, прежде всего, социальная консолидация, уровень доверия в обществе. Его нельзя учредить на основе «просвещенного своекорыстного интереса» и институтов договорных отношений, где люди взаимодействуют в рамках системы формальных правил, «которые нужно постоянно вырабатывать, согласовывать, отстаивать в суде, а потом обеспечивать их соблюдение, в том числе и с помощью мер принуждения». Все эти процедуры, заменяющие доверие, приводят к росту того, что на языке экономистов называется «транзакционными издержками». «Иначе говоря, преобладание недоверия в обществе равносильно введению дополнительного налога на все формы экономической деятельности, от которых избавлены общества с высоким уровнем доверия»¹⁶⁶.

Успешное развитие рыночной экономики определяется наличием ранее сложившегося общественного капитала. В то же время общественный капитал можно очень быстро растерять. И тогда общество в целом становится социальным банкротом. К таким социально обанкротившимся социумам относятся, по заключению Ф. Фукуямы, Россия и некоторые бывшие коммунистические страны. Доверие и солидарность в них реализуются на уровне семьи, рода, в какой-то мере этнической группы (в случае малочисленности, маргинального социально-экономического статуса этой группы), но на уровне общества в целом общественное доверие, консолидированность, солидарность как один из основных ресурсов нации растрочен. Вот почему общественное целое вынуждено сдерживать себя от распада многочисленными бюрократическими правилами, институтами насилия и контроля, в том числе и силового. «Транзакционные издержки», в том числе необходимость компенсировать коррумпированность государственных

чиновников и неэффективность системы государственного управления, в этом случае поглощают все фонды социальной политики.

Понятная, нормальная, гуманизированная повседневность есть цель социальной политики. При этом решающее значение имеют степень реального участия гражданского общества в производстве социальных решений, касающихся качества и уровня его жизни. Если эта степень высока, то «великие интересы индивидуальной гуманности, важнейшие опоры общественной и частной деятельности, силы, низвергающие и возвышающие народы, представляются мыслями повседневного обихода, простыми, естественными взглядами на будничные предметы обычной жизни»¹⁶⁷. Но верно и обратное. Именно согласие относительно основных ценностей и норм общежития обеспечивает надежное и стабильное развитие общества, устойчивость основных структур его жизнедеятельности, защиту социальной безопасности граждан. Между тем социальная политика в современном мире вынуждена самоопределяться в своих задачах и возможностях в условиях универсализации не столько превращенных форм, сколько превращенных, онтологически деградировавших оснований повседневной реальности.

В этой ситуации как нельзя более актуально звучит предупреждение Лаоцзы о последствиях деградации онтологических оснований политического управления: «С утратой Дао обретают добродетель; с утратой добродетели овладевают человечностью; с утратой человечности усваивают справедливость; с утратой справедливости вверяют себя ритуалу». И именно в ритуальности как крайней степени утраты Дао «заключается начало смуты» и «начало глупости»¹⁶⁸. В соответствии со схемой Лаоцзы, восстановление онтологических оснований социальной повседневности является вместе с тем обратным движением от манипулятивных технологий и конструктивистских парадигм к эссенциалистскому пониманию онтологии. Искусственно созданные системы не стабильны, и чем они сложнее, тем нестабильнее. Поливариантность и стохастический характер социального развития в этих условиях делают социальную политику, если использовать популярную формулу, искусством возможного. В даосской онтологии социально-политическое управление является *искусством не-обходимого*: «Дао, будучи незыблемым, находится в бездействии, но оно при этом непременно действует. Если владетель и царь смогут ему следовать, то десять тысяч вещей сами же преобразуются»¹⁶⁹.

Логическим пределом процесса деградации онтологических оснований «производства самой формы общения» (К. Маркс) становится социальная политика, редуцированная к социальной инженерии и манипулятивным технологиям, обслуживающим демократические ритуалы отправления власти.

Конечно, классический либерализм не ставил себе целью доведение принципа суверенной свободы личности до столь радикальной формы. Но, как замечает Н. Гартман: «Вся осторожность мудрейших мало что дает, пока в самой теории заложена тенденция к содержательному заострению односторонности, а тенденция, возникнув однажды, сама собой беспрепятственно растекается в полупонимании широкого круга адептов»¹⁷⁰.

Разумеется, возвращение к архаическим формам социальной организации не может считаться способом решения актуальных социальных проблем современности. Основной вывод из проведенного анализа заключается в том, что социальная политика становится социально эффективной, так же как и «социальная способность суждения» обретает предметную истинность, в том случае, если они строятся на теоретическом прояснении и практической актуализации онтологических условий своей собственной возможности. Используя формулировку П. Бергера и Т. Лукмана, стратегию разработки концептуальных оснований социальной политики и технологий политического управления в современном обществе следует развивать через поиск ответа на вопрос: **как человек создает социальную реальность и как эта реальность создает человека.**

Примечания к главе 1

¹ См.: «Хорошее общество»: Социальное конструирование приемлемого для жизни общества. — М.: ИФ РАН, 2003. — С. 3.

² См.: Там же. — С. 8.

³ Кант И. О поговорке «Может быть, это и верно в теории, но не годится для практики» // Кант И. Сочинения в шести томах. Т. 4. Ч. 2. — М.: Мысль, 1965. — С. 79.

⁴ Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. — М.: Международные отношения, 1999. — С. 27.

⁵ По результатам таких исследований первые три места занимают Норвегия, Финляндия и Канада.

⁶ «Хорошее общество» ... — С. 54, 55.

⁷ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. — М.: Медиум, 1995. — С. 13.

⁸ См.: Там же. — С. 32.

⁹ Лукач Д. К онтологии общественного бытия. Прологомены. — М.: Прогресс, 1991. — С. 37.

¹⁰ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности ... — С. 38.

¹¹ Там же. — С. 39.

¹² В этом отношении социология знания разделяет принципы герменевтики. Цель герменевтики, по П. Рикёру, показать, что существующее достигает слова, смысла, рефлексии лишь путем непрерывной интерпретации всех значений, которые рождают-

ся в мире культуры. Основной принцип герменевтики: бытие есть всегда интерпретированное бытие, или же бытие «в рамках феноменологических скобок».

Николай Гартман занимает прямо противоположную позицию: онтология не изменяет естественной, базовой установки сознания, привычной нам в жизни и на всю жизнь сохраняющейся. Онтология развивается в русле естественной направленности взгляда — *intentio recta* (прямая интенция), а не обращенной, рефлексированной (*reflexio* означает «изгиб в обратную сторону») *intentio obliqua* (косвенная интенция). Эта базовая установка «есть то, благодаря чему мы ориентируемся в мире, в силу чего мы с нашим знанием приспособлены к нуждам повседневности» (*Гартман Н. К основоположению онтологии.* — СПб.: Наука, 2003. — С. 162). В теории познания, логике, психологии естественная установка повседневности сменяется на перпендикулярно направленную по отношению к ней — отрефлексированную установку. Таким образом, у онтологии за спиной — обходной путь, и она должна совершить возврат к естественной установке из мира критицизма, логицизма, методологизма, психологизма, феноменологизма, извлекая уроки из данного опыта.

¹³ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности ... — С. 16—17.

¹⁴ Золотухина-Аболина Е.В. Повседневность и другие миры опыта. — М.: ИКЦ «МарТ»; Ростов н/Д.: ИЦ «МарТ», 2003. — С. 12.

¹⁵ Там же. — С. 13.

¹⁶ Там же. — С. 29—30.

¹⁷ Франк С.Л. Непостижимое. Онтологическое введение в философию религии // Франк С.Л. Сочинения. — М.: Правда, 1990. — С. 349.

¹⁸ Там же. — С. 381.

¹⁹ Лотман Ю.М. Тезисы к семиотическому изучению культур // Лотман Ю.М. Семиосфера. — СПб.: Искусство-СПБ, 2000. — С. 507.

²⁰ Золотухина-Аболина Е.В. Повседневность и другие миры опыта. — С. 15.

²¹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности ... — С. 146.

²² Золотухина-Аболина Е.В. Повседневность и другие миры опыта. — С. 13.

²³ Одним из принципиальных положений социологии знания является утверждение: нет никаких априорных причин для предположения, что процессы институционализации функционально неразрывны и тем более что они образуют логически связную систему. Логика свойственна не институтам и их внешней функциональности, но способу рефлексии по их поводу, т. е. по поводу интеграции социально распределенных смыслов.

²⁴ Честертон Г.К. Еретики // Честертон Г.К. Вечный человек. — М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2004. — С. 416. Перевод цитаты дается в редакции, приведенной в книге: Джеймс У. Воля к вере. — М.: Республика, 1997. — С. 209.

²⁵ См.: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. — С. 205.

²⁶ См.: Там же. — С. 208.

²⁷ Аронсон Э., Пратканис Э.Р. Механизмы убеждения, повседневное использование и злоупотребление. Перераб. изд. — СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. — С. 93—94.

²⁸ Луман Н. Власть. — М.: Праксис, 2001. — С. 54.

²⁹ Ерофеев В.В. «Воспитание» посредством идеологической речи (Обзор) // Образ человека XX века. Реферативный сборник. — М.: ИНИОН, 1988. — С. 132.

³⁰ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. — СПб.: А-сэд, 1994. — С. 33.

³¹ Луман Н. Власть. — С. 74, 91.

³² «Хорошее общество» ... — С. 68.

³³ Соловьев Э.Ю. Правовой нигилизм и гуманистический смысл права // Квинтэссенция: Философский альманах. — М.: Политиздат, 1990. — С. 216.

³⁴ Ледяев В.Г. О сущностной оспариваемости политических понятий // Полис. — 2003. — № 2. — С. 86.

³⁵ М. Вебер защищал тезис о том, что социальная наука свободна от оценок, и ее недопустимо смешивать с социальной политикой. При этом высказывания М. Вебера в адрес «Общества по вопросам социальной политики», ставившего цель «направить общество на правильный путь» и для этого вести разработку «практических» оценочных суждений, относящихся к должному, а не к фактической ситуации, были не просто критическими, но откровенно оскорбительными. «Дискуссия об оценках» протекала как ожесточенное столкновение мнений и людей и разделила немецких социологов на два непримиримых лагеря. — См.: Дарендорф Р. Тропы из утопии. — М.: Практис, 2002. — С. 100—103.

³⁶ Франсуа Жюльен отмечает: для понимания смысла китайских исторических летописей следует учесть, что ценностная нейтральность, беспристрастная объективность информации есть некая ловушка: «Сухое сообщение о событии, голый факт, позволяет намеком передать точку зрения говорящего. В рамках древней китайской летописи такого рода опыт зашел особенно далеко (порой доходя до степени неправдоподобной)». — Жюльен Ф. В обход или напрямик: Стратегия смысла в Китае и Греции. — М.: Московский философский фонд, 2001. — С. 84. Уже упоминание или замалчивание факта, события становится способом выражения отношения к нему, выступает как оценочное суждение.

³⁷ Сартр Ж.П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. — М.: Республика, 2000. — С. 125.

³⁸ Соловьев В.С. Красота в природе // Соловьев В.С. Стихотворения. Эстетика. Литературная критика. — М.: Книга, 1990. — С. 100.

³⁹ Хайдеггер М. Кант и проблема метафизики. — М.: Логос, 1997. — С. 68.

⁴⁰ Лотман Ю.М. О типологическом изучении культуры // Лотман Ю.М. Семиосфера. — СПб.: Искусство-СПБ, 2000. — С. 449.

⁴¹ Р. Барт отмечает: для писателя слово не транзитивно, не служит какой-либо цели или делу как средство их достижения. Слово — это структура, в которой писатель (в силу своего экзистенциального выбора отказываясь от слова как учительства и свидетельства) теряет структуру мира, представляющего неоднозначным. Для писателя вопрос: почему мир таков? поглощается вопросом: как о нем писать? «Литература стала ощущать свою двойственность, видеть в себе одновременно предмет и взгляд на предмет, речь и речь об этой речи, литературу-объект и металитературу». — Барт Р. Литература и метаязык // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. — М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. — С. 131. Это приводит к тому, что литература в поисках своей сущности, разрушаясь как язык-объект и сохраняясь в качестве метаязыка, «ведет опасную игру со смертью». Но именно замыкаясь в своих заботах о том, как писать, в работе над формой слова как открытым пространством смысла

писатель ставит смысл мира под косвенный вопрос и неизбежно приходит к *самому открытому из вопросов*: в чем смысл мира? почему мир таков? Но эту же работу продвигает и сама философская онтология. Таким образом, метатеория противостоит онтологизации онтологических категорий.

⁴² Противопоставление субстанциальности и контингентности является основой разделения метафизики и историзма как парадигм анализа социальной онтологии и вместе с тем превращения философской онтологии в идеологию. Субстанция (дух, идея, конкретное всеединство и прочие метафизические абсолюты) онтологически структурирована системами ее собственных отношений-атрибутов, которые по определению могут быть только системами самоотношения. Метафизические системы это и есть негативное самоотношение абсолютной идеи (Единое неоплатоников, как и гегелевская субстанция-субъект), развернутое в систему контингентных категориально-логических определений.

⁴³ Маркс К. Экономические рукописи 1857—1861 гг. (Первоначальный вариант «Капитала»). В 2-х частях. Ч. 1. — М.: Политиздат, 1980. — С. 30.

⁴⁴ Барт Р. Риторика образа // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. — С. 315.

⁴⁵ Маркс К. Экономические рукописи 1857—1861 гг. — С. 28.

⁴⁶ Там же. — С. 45.

⁴⁷ Например, такое слово, как «ошельмовать», означает «предать позору», «обесчестить» и в то же время выражает отрицательную оценку этого действия, предполагая, что некто был опозорен незаслуженно, несправедливо. Слово «заклеймить» имеет то же самое предметное значение, что и «ошельмовать», но выражает противоположную, т. е. положительную, оценку данного поступка: использованием этого слова подразумевается, что некто был заслуженно, справедливо предан позору за свои злодеяния. Или, например, «пособник» — помощник в дурных, преступных действиях; «сподвижник» — помощник в реализации благих начинаний.

⁴⁸ В этой связи можно напомнить, что Гегель в предисловии к «Феноменологии духа» выражал неудовольствие формой суждения или предложения вообще, заключающей в себе различие субъекта и предиката, и указывал, что эта дискурсивная форма разрушается философским предложением, выражающим единство понятия. Дискурсивный способ мышления заключается в рассуждении, приписать ли субъекту тот или иной предикат. Философское суждение выражает содержание понятия, которое от начала до конца есть субъект, порождающий и принимающий обратно в себя свои определения. И это возвратно-поступательное движение спекулятивного понятия в самом себе есть то, что в дискурсивном мышлении выступает в форме доказательства или обоснования. Таким образом, прагма является аналогом, или наглядной моделью, философского предложения, в котором через снятие обычного способа отношения частей предложения (т. е. субъектно-предикатной структуры суждения) выражается диалектическое движение понятия, имеющего предметом самое себя.

⁴⁹ Аронсон Э., Пратканис Э.Р. Механизмы убеждения, повседневное использование и злоупотребление. — С. 91.

⁵⁰ Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. — М.: ООО «Изд-во АСТ»; ООО «Транзиткнига», 2004. — С. 62.

⁵¹ Субституция, не являясь оппозитивным отношением, не участвует в структуре идсолингвистической модели, но зато играет большую роль в ее практической реализации.

⁵² Эпштейн М.Н. Способы воздействия идеологического высказывания (Обзор) // Образ человека XX века. Реферативный сборник. — М.: ИНИОН, 1988. — С. 197.

⁵³ Лотман Ю.М. О метаязыке типологических описаний культуры // Лотман Ю.М. Семиосфера. — С. 465.

⁵⁴ Хамидов А.А. Философия Востока и философия Запада: к определению мировоззренческой валидности // Вопросы философии. — 2002. — № 3. — С. 134.

⁵⁵ Там же. — С. 136.

⁵⁶ Ди Дж. Иероглифическая монада // Герметизм, магия, натурфилософия в европейской культуре XIII—XIX вв. — М.: Канон+, 1999. — С. 185.

⁵⁷ Юнг К.Г. Попытка психологического истолкования догмата о Троице // Юнг К.Г. Ответ Иову. — М.: АСТ, Канон+, 1988. — С. 153.

⁵⁸ Юнг К.Г. *Mysterium Coniunctionis*. — М.: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 1997. — С. 186.

⁵⁹ См.: Юнг К.Г. Попытка психологического истолкования догмата о Троице. — С. 163.

⁶⁰ Интерпретируя развернутую в платоновском «Тимее» космогонию, Юнг отмечает: умопостигаемая схема Мировой души образуется триадой универсальных онтологических противоположностей Неделимого, Делимого и сущности среднего вида, логически причастной природе Иного. Архетипическая основа тринитарного принципа христианства и Платоновской метафизики едина: и там, и здесь тройственность передает нечто умопостигаемое. Но для реального осуществления онтологической гармонии «средний вид» сущности *насильственно* противопоставляется самому себе. «Для возникновения реальности необходимо второе смешение, вторая смесь, в которую силой привносится “иное”. Последнее, таким образом, и есть то *четвертое*, которое по характеру своему “противник”, сопротивляющийся гармонии. Однако именно с ним, по свидетельству текста, неразрывно связано желанное бытие», — Юнг К.Г. Попытка психологического истолкования догмата о Троице. — С. 116. Юнг замечает в этой связи, что Платону, по-видимому, была вовсе не чужда мысль о том, что при определенных обстоятельствах «разумность» должна навязываться силой.

⁶¹ Например, эта дилемма занимала умы алхимиков на протяжении более чем тысячелетия. Известны такие символы «Четвертого из Третьего» (К.Г. Юнг), как Sol Niger — черное солнце — у алхимиков, Ungrund у Беме, София у гностиков, так называемая «аксиома Марии-пророчицы»: «Единица становится двойкой, двойка становится тройкой, а из Тройки получается Единица, как Четверка». Гностическое имя «Барбело» переводится как «В-четверице-Бог». В каббале вселенная разделена на четыре мира. Согласно *Исарим*, секретной доктрине Израиля, существовали четыре Адама, каждый из которых обитал в одном из каббалистических миров. В каббале «главное имя» Бога, «Тетраграмматон», образуется четырьмя буквами, где четвертая является повторением второй: YHVN. Тем самым это имя одновременно является и триадой, и тетрадой. Эти и многие другие примеры приводит К.Г. Юнг для обоснования гомологии структур «самости» и архетипов коллективного бессознательного, сублимированных в универсальных культурных символах.

В рамках русской религиозно-философской концепции всеединства возникла софиология как учение о духовно-чувственной телесности идей. С.Н. Булгаков признавал, что «в известном смысле» софийная ипостась избыточна с точки зрения Божественной абсолютности, однако в реальном мире онтологически утверждена актуальность его меональной основы, накладывающей ограничения на осуществление предвечной гармонии. П.А. Флоренский отмечал, что *sensu stricto* нельзя говорить о существовании более чем трех ипостасей. «С четвертой ипостаси начинается сущность совершенно новая», — Флоренский П.А. Столп и утверждение истины. Том 1 (1). — М.: Правда, 1990. — С. 50, соответствующая становлению триипостасности человеческого духа как его вневременной основы и абсолютной формы в четвертую ипостась — софийную универсальность духовно-телесного единства. Подлинная реальность софийного бытия личности реализуется в соборности софийно просветленного социального тела. Но перед проблемой одухотворенной, божественно преображенной плоти социального организма религиозно-метафизическое мышление вынуждено признать свое бессилие.

⁶² Юнг К.Г. Попытка психологического истолкования догмата о Троице. — С. 114.

⁶³ Хайдеггер М. Европейский нигилизм // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. — М.: Республика, 1993. — С. 93.

⁶⁴ Там же. — С. 91.

⁶⁵ Роули Дж. Принципы китайской живописи. — М.: Наука, 1989. — С. 16.

⁶⁶ Если в любых натурфилософских учениях Начала являются умопостигаемыми первоэлементами, *ноуменами*, то в пантеистически-мифической форме праонтологического мышления Архе выступают элементами онтологической структуры нуминозного опыта, нуменами. Архе соответствует, с одной стороны, номотетическому познанию объективных законов природы, с другой — идиографическому познанию исторических событий, т. е. связывает сингулярность событий и регулярность структур в идентичности повторения архетипического действия-ритуала и его правил как парадигм всех значимых человеческих действий. В этом смысле религия как литургия восходит к нуминозному архе и в то же время как рефлексия, дистанцирование от нуминозного ведет к уходу бога как связанного с разделением сакрального и профанного их восприятия социально-природного и культурно-исторического мира.

Нуминозное как тотальный контекст и универсальная структура онтологии жизненного мира мифически-архаического типа социальности ценностно амбивалентно: нуминозные сущности-персонификации есть вездесущее нечто (+А), одновременно вызывающее страх, священно-опасное, и вместе с тем дружелюбное, внушающее надежду, сулящее удачу, т. е. $\pm(+A)$.

⁶⁷ Платон. Парменид // Платон. Федон, Пир, Федр, Парменид. — М.: Мысль, 1999. — С. 368.

⁶⁸ Эта стратегия впоследствии будет блистательно реализована в апофатической онтологии и учении о Божественных Именах Псевдо-Дионисия Ареопагита.

⁶⁹ Хамидов А.А. Философия Востока и философия Запада: к определению мировоззренческой валидности. — С. 134.

⁷⁰ Луман Н. Власть. — С. 50.

⁷¹ Куртц П. Мужество статья: Добродетели гуманизма // Здравый смысл. Журнал скептиков, оптимистов и гуманистов. Специальный выпуск. — М.: Российское гуманистическое общество, 2000. — С. 15.

⁷² В языке «Логоса» различаются диалекты и индивидуальные стили — онтоотеология, трансцендентализм, феноменология, марксизм, экзистенциализм, структурализм, психоанализ, — а также и жаргоны. Причем в этих отклонениях воспроизводятся структуры иных онтологических миров. В русской философии всеединства Ничто является важнейшей онтологической категорией. В.С. Соловьев для определения Абсолюта использует термин Эн-Соф — «положительное Ничто»» каббалистов. С.Л. Франк указывает, что трансценденция к ничто есть осуществление реальности не-бытия Бога. Эта не-сущая реальность выпадает из общей связи бытия и в то же время становится формой осуществления сверхсущего всеединства. Согласно С.Н. Булгакову, «положительное ничто» составляет подлинную, хотя и трансцендентную для нас действительность, по отношению к которой и устанавливается типически религиозное отношение. Поэтому *ничто* есть не только отрицательное понятие, но включается в общее определение Божества. Скот Эриугена, Ангелус Силезиус, Псевдо-Дионисий Ареопагит, раннепротестантские мистики именуют Божество, которое не может быть постигнуто ни в чем существующем, «Ничто». Для Мейстера Экхарта онтологическим первоначалом выступает бездна безмолвного, пустынного божества как «ничья обитель», где нет ни образа, ни различия и куда нет доступа никакому творению. Ангелус Силезиус учит:

Бог — чистое Ничто, вне здесь и вне сейчас;

Чем ближе мы к нему, тем дальше он от нас.

⁷³ Хёйзинга Й. Осень Средневековья. — М.: Наука, 1988. — С. 251.

⁷⁴ В мистическом персонализме раннепротестантских мистиков происходит *трансцендентальная инверсия* мифа о творении: Слово, дающее возможность Богу быть Богом, рождается в душе мистического субъекта.

⁷⁵ Хёйзинга Й. Осень Средневековья. — С. 227.

⁷⁶ Франк С.Л. Непостижимое. Онтологическое введение в философию религии. — С. 335.

⁷⁷ Соловьев В.С. Общий смысл искусства // Соловьев В.С. Стихотворения. Эстетика. Литературная критика. — М.: Книга, 1990. — С. 131.

⁷⁸ Эпштейн М.Н. Способы воздействия идеологического высказывания (Обзор). — С. 195.

⁷⁹ А.С. Панарин следующим образом интерпретирует концепцию социокультурной организации общества на основе габитуса в противоположность «либеральной рационалистической аналитике»: «Социум начинает распадаться, когда его лишают коллективно-бессознательного, оставляя лишь те связи, что прошли тестирование по шкале индивидуальной выгоды», — Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. — М.: Алгоритм, 2003. — С. 124.

⁸⁰ Бурдье П. Практический смысл. — СПб.: Алетейя, 2001. — С. 102, 106—107.

⁸¹ Гартман Н. Старая и новая онтология // Историко-философский ежегодник '88. — М.: Наука, 1988. — С. 321.

⁸² См.: Батищев Г.С. Введение в диалектику творчества. — СПб.: РХГИ, 1997. — С. 298—377.

⁸³ Диалектика превращения атомистических связей в общество тоталитарной социодинамики блестяще раскрыта Ж. Бодрийяром в анализе современного общества потребления. Если ранее на индивиде лежал моральный долг приспособиться к требо-

ваниям общества, то теперь ему через систему серийного производства, рекламы, масс-медиа и т. д. внушается фундаментальная ценность политического мифа современного демократического общества: имманентность смыслов социума личностному началу, личностная обращенность социальной среды к индивиду и его свободе выбора, мысль о том, что все общество в целом приспосабливается к его желаниям, ориентировано на то, чтобы доставить ему удовольствие и средства самоосуществления. От человека требуется только *соответствовать самому себе*, а не каким-либо внешним нормам и запретам. Но доступный субъекту выбор изначально фиксирован, дифференциации интегрированы в систему, «живой выбор воплощается в мертвых различиях», — Бодрийяр Ж. Система вещей. — М.: Рудомино, 1999. — С. 166. Поэтому в актах персонализированного выбора и потребления, которые субъективно переживают-ся индивидом как свобода, личность тотально социализирована.

⁸⁴ Это уровень соответствует переходу от моделей к матрицам. Матрица — основное понятие линейной алгебры — представляет собой таблицу математических объектов (чисел, алгебраических выражений и т. п.), расположенных в виде прямоугольника.

⁸⁵ Августин А. Исповедь. — СПб.: Азбука, 1999. — С. 349.

⁸⁶ Деррида Ж. О грамматологии. — М.: Ad Marginem, 2000. — С. 313.

⁸⁷ Бодрийяр Ж. Соблазн. — М.: Ad Marginem, 2000. — С. 268.

⁸⁸ Шестов Л. Potestas clavium (Власть ключей) // Шестов Л. Сочинения в 2-х томах. Том 1. — М.: Наука, 1993. — С. 66.

⁸⁹ Панерин А.С. Испытание глобализмом. — М.: Русский Национальный Фонд, 2000. — С. 191.

⁹⁰ Образом пространства сетевых структур и вместе с тем метафорой утраты способности определяться в гиперпространстве современного типа социальности и строить его когнитивные модели может служить построенный постмодернистским архитектором Джоном Портманом отель «Бонавентуре» в Лос-Анджелесе. Вестибюль окружают четыре абсолютно симметричные башни, в которых находятся номера. Сориентироваться в фойе отеля было бы невозможно без «метаязыка» в виде цветного кодирования и указателей, но эта «вторичная моделирующая система» не была предусмотрена в изначальном проекте архитектора. — См.: Ритцер Дж. Современные социологические теории. 5-е изд. — СПб.: Питер, 2002. — С. 548. Отметим также, что в этом архитектурном замысле буквально реализован принцип равноценности четырех углов идеологической тетрады, невозможность рационального ориентирования в них.

⁹¹ Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. — М.: Academia, 1999. — С. 494.

⁹² Лионар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. — М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. — С. 106.

⁹³ Филиппов А. Теоретическая социология // Теория общества. Сборник. — М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 1999. — С. 32.

⁹⁴ Алексеева Т.А. Демократия как идея и процесс // Вопросы философии. — 1996. — № 6. — С. 29.

⁹⁵ Назарбаев Н.А. Без подлинного конституционализма нет открытого цивилизованного общества // Современный Казахстан: экономика, политика, общество. Том 1. — Алматы: Институт развития Казахстана, 1997. — С. 5.

⁹⁶ *Сартори Дж.* Искажение концептов в сравнительной политологии (III) // *Поллис*. — 2003. — № 5. — С. 70—71.

⁹⁷ *Тасмагамбетов И.Н.* Обновление социально-политической жизни общества — основа укрепления государственного строя // *Современный Казахстан: экономика, политика, общество*. Том 2. — Алматы: Институт развития Казахстана, 1997. — С. 53.

⁹⁸ *Меркель В., Круассан А.* Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях // *Поллис*. — 2002. — № 2 (67). — С. 23—24.

⁹⁹ *Гельман В.Я.* Институциональное строительство и неформальные институты в современной российской политике // Там же. — 2003. — № 4. — С. 22.

¹⁰⁰ *Даугавет А.Б.* Неформальные практики российской элиты (апробация когнитивного подхода) // Там же. — С. 27.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Там же. — С. 28.

¹⁰³ *Макаревич Э., Карпухин О.* Игры интеллигентов, или Социальный контроль масс. — М.: Эксмо, 2003. — С. 6.

¹⁰⁴ Цит. по: *Грачев Г.В., Мельник И.К.* Манипулирование личностью. — М.: Эксмо, 2003. — С. 13.

¹⁰⁵ Там же. — С. 61.

¹⁰⁶ Цит. по: *Кара-Мурза С.Г.* Манипуляция сознанием. — М.: Эксмо, 2002. — С. 63—64.

¹⁰⁷ *Мизес Л. фон.* Либерализм в классической традиции. — М.: Социум, Экономика, 2001. — С. 45.

¹⁰⁸ *Беккариа Ч.* О преступлениях и наказаниях // *Антология мировой политической мысли*. В 5 т. Т. I. Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция. — М.: Мысль, 1997. — С. 502.

¹⁰⁹ *Московичи С.* Век толп. Исторический трактат по психологии масс. — М.: Центр психологии и психотерапии, 1998. — С. 97. С. Московичи видит в том, что наиболее откровенно принципы Ле Бона использовались нацистами, одну из причин замалчивания его трудов, критического, негативного отношения к ним академической науки. В то же время он замечает: «Любые партии, средства массовой информации, так же как и специалисты в области рекламы или пропаганды, используют его принципы, я бы сказал, его рецепты и трюки. Однако никто не собирается в этом признаваться, поскольку в этом случае весь пропагандистский инструментарий разных партий, дефиле руководителей на телевизионных экранах, зондирования общественного мнения предстанут тем, что они есть на самом деле: элементами массовой стратегии, базирующейся на иррациональности. О массах охотно бы рассуждали как о неразумных, но нельзя: ведь им внушают как раз обратное», — *Московичи С.* Век толп. Исторический трактат по психологии масс. — С. 100.

¹¹⁰ *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс // *Ортега-и-Гассет Х.* Избранные труды. — М.: Весь Мир, 1997. — С. 119.

¹¹¹ См.: *Кара-Мурза С.Г.* Манипуляция сознанием. — С. 78.

¹¹² *Грушин Б.А.* Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования. — М.: Политиздат, 1987. — С. 234—235.

¹¹³ Там же. — С. 163.

¹¹⁴ Там же. — С. 164.

¹¹⁵ Лобанов В.В. Государственное управление и общественная политика: Учебное пособие. — СПб.: Питер, 2004. — С. 434.

¹¹⁶ Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. — СПб.: Симпозиум, 2004. — С. 53.

¹¹⁷ Ильин М.В., Мельвиль А.Ю. Власть // Райгородский Д.Я. Психология и психоанализ власти. Т. 1. Хрестоматия. — Самара: И Дом «БАХРАХ», 1999. — С. 63.

¹¹⁸ Гидденс Э. Элементы к теории структуризации // Современная социальная теория: Бурдье, Гидденс, Хабермас: Учебное пособие. — Новосибирск: Изд-во НГУ, 1995. — С. 52.

¹¹⁹ Кант И. Ответ на вопрос: что такое просвещение? // Кант И. Сочинения в шести томах. Том 6. — М.: Мысль, 1966. — С. 29.

¹²⁰ Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. — С. 73.

¹²¹ Там же. — С. 239.

¹²² Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. — М.: Алгоритм, 2003. — С. 463.

¹²³ Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. — С. 6.

¹²⁴ Там же. — С. 19.

¹²⁵ Существует множество приемов выставления источника информации как заслуживающего доверия. Например, можно сослаться на такой экстремальный способ. В 3-м столетии до н.э. правитель китайского государства Ву захотел напасть на страну Ху. Этот правитель тайно вызвал одного из своих наиболее доверенных советников и попросил того публично заявить, будто ему, правителю, следует напасть на Ху, что советник и сделал. Правитель немедленно казнил советника, таким эффективным способом заверяя правителя Ху, что вовсе не собирался нападать. Государство Ху, удивившись, что правитель Ву — заслуживающий доверия лидер, разоружилось. Правитель Ву тут же предпринял неожиданное нападение, и страна Ху была завоевана.

¹²⁶ В оригинале — *mindless*, т. е. не предполагающая размышления или интеллектуального усилия.

¹²⁷ Аронсон Э., Пратканис Э.Р. Механизмы убеждения, повседневное использование и злоупотребление. Перераб. изд. — СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. — С. 55.

¹²⁸ Ерофеев В.В. «Воспитание» посредством идеологической речи (Обзор) // Образ человека XX века. Реферативный сборник. — М.: ИНИОН, 1988. — С. 140.

¹²⁹ Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. — С. 138.

¹³⁰ Подобного рода исследования проводятся и оборонными ведомствами. Доктрина стратегической информационной или сетевой войны переворачивает все традиционные представления о природе военного конфликта и способах ведения военных операций. Информационная война принципиально изменяет тип ведения военных действий и военно-стратегического мышления. «На смену мышлению в категориях “размещения танков, самолетов и дислокации частей” приходит стратегия “размещения ценностей, убеждений, идеалов и дислокации информационных ресурсов”. Важнейшими компонентами вооруженных сил становятся средства, назначение которых — “обеспечивать проникновение в сознание потенциального противника за счет размещения определенных ценностных ориентаций и поведенческих моделей в контексте локальных культур”». — Туронок С.Г. Информационно-коммуникативная революция и новый спектр военно-политических конфликтов // Полис. — 2003. — № 1. — С. 28, 35.

¹³¹ К числу наиболее эффективных и прочно укорененных в массовом сознании такого рода стереотипов можно отнести восприятие западным обывателем СССР как «империи зла»; стереотип восприятия мусульманской религии как идеологического обоснования «исламизма», «исламского фундаментализма», «исламского терроризма» или «религиозного экстремизма». Мощнейшим институтом создания представлений об американском образе жизни и его ценностях стал Голливуд — не столько «фабрика грёз», сколько именно «фабрика стереотипов».

¹³² Цит. по: Аронсон Э., Пратканис Э.Р. Механизмы убеждения, повседневное использование и злоупотребление. — С. 341.

¹³³ Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. — С. 146. Технологии управления общественным мнением посредством воздействия на эмоциональную сферу строятся на основе воздействия на те чувства, которые органически присущи человеку, включенному в сеть социальных отношений и норм. Для обоснования и иллюстрации этого утверждения С. Кара-Мурза приводит ряд примеров.

Одним из социально-психологических механизмов демонтажа прежней социально-политической системы стала игра на глубоко уязвленном чувстве *социальной справедливости*. На волне критики партийной номенклатуры за то, что она пользовалась льготами и привилегиями, множество демагогов и искренне убежденных людей подчиняли массовое сознание и здравый смысл эмоционально окрашенной информации. Советские люди, читающие в газетах информацию о номенклатурных привилегиях, были искренни в своем негодовании. На самом деле какие-то из ряда вон выходящие привилегии советской и партийной номенклатуры — миф. Они не идут ни в какое сравнение с демонстративной роскошью новой элиты. Почему же столь избирательно воспринимается и оценивается массовым сознанием подобного рода информация о социальном неравенстве, о фактах социальной несправедливости при социализме и при рыночном типе организации экономики? Дело в том, что эмоциональная реакция на номенклатурные льготы была спровоцирована использованием стереотипов массового сознания, сформированных официальной идеологией социалистических государств: «В глубине сознания, а то уже и в подсознании множества людей жила тайная вера в то, что социализм будет именно царством справедливости и равенства. Той утопией, где люди будут братья и равны». Разрушение этого идеала с помощью информации о номенклатурных льготах и привилегиях вызвало в массовом сознании сильнейший аффект гнева и возмущения, который невозможно было компенсировать доводами рассудка. Привилегии, присвоенные себе номенклатурой, объявившей себя «умом, честью и совестью» народа, расценивались не просто как воровство общенародного достояния (так воспринимается «приватизация», коррумпированность новых чиновников), а как предательство. «Быть вором менее преступно, чем предателем. Воровство священника, даже малое, потрясает человека, а воровство торговца — нисколько», — Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. — С. 148.

Таким образом, в информационной кампании по моральной дискредитации правящих в социалистических странах режимов были использованы принципы управления массовым сознанием, разработанные социодинамикой культуры. Приводимая в пример С. Кара-Мурзой сбежавшая в Испанию кубинка, возмущенная неравным отношением к простым и к высокопоставленным пациентам гаванской больницы, «уже перешла, сама того не сознавая, на совершенно иные критерии социальной справедливости».

вости» и обвиняет режим Кастро за то, что он им не соответствует. «К Испании она этих критериев и не думает применять — что требовать от капитализма! Здесь она будет бороться за существование по закону джунглей, согласно местным правилам игры», — Там же. — С. 149. Этот пример показателен и в плане выявления объективных, внеконтекстуальных критериев «хорошего общества», о чем говорилось в начале данной главы.

¹³⁴ *Каро-Мурза С.Г.* Манипуляция сознанием. — С. 281.

¹³⁵ Генерал де Голль, по мнению С. Московичи, является одним из тех, кто практически освоил и реализовал в своей деятельности на посту президента Франции эту доктрину массовой психологии. В своих «Воспоминаниях» он пишет: «Великой была жизненная ситуация, но, возможно, мне удалось в какой-то степени овладеть ею, поскольку у меня была возможность, по словам Шатобриана, “вести французов, опираясь на их мечты”». — *Московичи С.* Век толп. Исторический трактат по психологии масс. — С. 65.

¹³⁶ *Московичи С.* Век толп. Исторический трактат по психологии масс. — С. 62.

¹³⁷ *Лобанов В.В.* Государственное управление и общественная политика: Учебное пособие. — С. 420.

¹³⁸ Цит. по: *Ерофеев В.В.* «Воспитание» посредством идеологической речи (Обзор). — С. 162.

¹³⁹ *Макаревич Э., Карпунин О.* Игры интеллигентов, или Социальный контроль масс. — С. 101.

¹⁴⁰ *Бодрийяр Ж.* Реквием по масс-медиа // Поэтика и политика (сборник статей). Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии РАН. — СПб.: Алетей, 1999. — С. 201—202.

¹⁴¹ Там же. — С. 209.

¹⁴² Там же. — С. 220.

¹⁴³ Там же. — С. 219—220.

¹⁴⁴ *Луман Н.* Власть. — М.: Праксис, 2001. — С. 13, 11.

¹⁴⁵ Там же. — С. 29.

¹⁴⁶ Там же. — С. 91.

¹⁴⁷ *Хань Фэй-цзы* // Антология мировой правовой мысли. В 5 т. Т. I. Античный мир и восточные цивилизации. — М.: Мысль, 1997. — С. 507.

¹⁴⁸ См.: *Этциони А.* Новое золотое правило. Сообщество и нравственность в демократическом обществе // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. — М.: Academia, 1999. — С. 319.

¹⁴⁹ *Вебер М.* «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // Вебер М. Избранные произведения. — М.: Прогресс, 1990. — С. 353.

¹⁵⁰ Это различие проявляется, например, в военных стратегиях. основополагающим принципом стратегии древних китайских трактатов по военному искусству было требование всячески избегать лобового столкновения с противником. Нужно не уничтожать противника, лишая тем самым себя возможности использования ресурсов другой стороны, а деструктурировать его. Эта стратегия и имеется в виду в знаменитой максиме Сунь-цзы: «Одержажь сто побед в ста сражениях — это еще далеко не все. Победить армию врага, ни разу не вступив в бой, — вот верх совершенства». Стратегия деструктурирования противника заключается в следующем: «Определенным образом

расставить войска, сообразуясь с диспозицией противника, означает действовать “в лоб”: обрести же преимущество над диспозицией противника, не прибегая к какой-либо конкретной расстановке своих войск, значит действовать “окольным путем”. Вместо того чтобы заниматься размещением своих сил в ответ на построение противника, я держу его под контролем именно за счет того, что у меня самого какое-либо отчетливое построение отсутствует». В рамках отношений первого типа, т. е. лобового столкновения, обе противоборствующие стороны сковывают себя конкретными, частными формами. При втором типе отношений одна из сторон еще не приобрела определенной формы и тем самым не дает противнику разглядеть себя и выработать линию противодействия. Побеждает тот, у кого в запасе «на один обход больше», кто стоит «выше по течению событий», а потому может манипулировать противником, оставаясь для него «непроницаемым».

В отличие от Китая, в Греции примерно с VII в. до н.э. утвердился такой порядок ведения военных действий, при котором в лобовом столкновении фаланг одним махом добывается окончательное и предельно ясное решение: все или ничего. Конечно, и в Греции тоже не пренебрегали всяческого рода военными хитростями, коварными уловками, шпионажем, дезинформацией и т. д., но «обходной путь» никогда не рассматривался как *принцип* ведения войны. Разительный контраст греческой доблести классической эпохи и китайской стратегии находит себе обоснование в структурной гомологии между фалангой и организацией полисной жизни, с одной стороны, и искусством обхода и организацией социально-политической жизни Поднебесной, с другой. «Фаланга, а с ней и вся логика фронтального противостояния, могли бы служить концентрированным выражением пути, избранного греческой культурой». Полисная жизнь структурно организована вокруг прямого столкновения мнений, выстраивания в суде, в театре, на собрании (агоре) друг против друга рядов аргументов спорящих сторон, эквивалентно тому, как выстраиваются друг против друга фаланги на поле боя. — См.: *Жюльен Ф.* В обход или напрямик: Стратегия смысла в Китае и Греции. М.: Московский философский фонд. 2001. — С. 35—38.

¹⁵¹ Там же. — С. 229, 232.

¹⁵² Там же. — С. 216.

¹⁵³ Там же. — С. 217.

¹⁵⁴ Там же. — С. 268—269.

¹⁵⁵ *Эпштейн М.Н.* Способы воздействия идеологического высказывания (Обзор). — С. 197.

¹⁵⁶ *Панарин А.С.* Стратегическая нестабильность в XXI веке. — С. 181—182.

¹⁵⁷ Там же. — С. 201.

¹⁵⁸ Эта двойная рекомендация иллюстрируется знаменитой притчей о человеке, который начал тянуть ростки из земли, чтобы ускорить процесс их созревания. Нельзя ни устраняться от прикладывания усилий (т. е. не утруждать себя прополкой молодых ростков), ни силой «помогать» им расти («вытягивая» их из почвы).

¹⁵⁹ *Жюльен Ф.* В обход или напрямик: Стратегия смысла в Китае и Греции. — С. 254.

¹⁶⁰ *Лаоцзы.* Даодэцзин // Лаоцзы. Обрести себя в Дао. — М.: Республика, 2000. — С. 158.

¹⁶¹ В эпоху античности при отсутствии СМИ неугодные претенденты устранялись с помощью, например, такого приема: накануне выборов римского консула магистрат

исследовал положение звезд, чтобы определить, благоприятствуют ли они выставлению тех или иных кандидатур. Он мог предложить выбор только из тех кандидатов, которые получили благоприятные предзнаменования. Те же претенденты, которым звезды не благоприятствовали, снимались с голосования. Народное собрание в большинстве случаев молча сносило «благочестивый обман». — См.: *Дюрант В. Цезарь и Христос*. — М.: КРОН-ПРЕСС, 1995. — С. 39—40.

¹⁶² *Эпштейн М.Н.* Способы воздействия идеологического высказывания (Обзор). — С. 193.

¹⁶³ *Панарин А.С.* Стратегическая нестабильность в XXI веке. — С. 145.

¹⁶⁴ *Кобзев А.И.* Особенности философской и научной методологии в традиционном Китае // *Этика и ритуал в традиционном Китае. Сборник статей*. — М.: Наука, 1988. — С. 33.

¹⁶⁵ См.: *Хамидов А.А.* Соотношения форм семиозиса развертывания Тай цзи и проблема моделей порядка гуа // *Адам элементі*. — 1999. — № 1. — С. 86.

¹⁶⁶ *Фукуяма Ф.* Доверие. Социальные добродетели и созидание благосостояния // *Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология*. — М.: Academia, 1999. — С. 136.

¹⁶⁷ *Гегель Г.В.Ф.* Речи директора гимназии // *Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет. В двух томах. Т. 1*. — М.: Мысль, 1972. — С. 414—415.

¹⁶⁸ *Лаоцзы.* Даодэцзин. — С. 158—159.

¹⁶⁹ Там же. — С. 158.

¹⁷⁰ *Гартман Н.* Проблема духовного бытия. Исследования к обоснованию философии истории и наук о духе // *Культурология. XX век: Антология*. — М.: Юрист, 1995. — С. 626.

Глава 2. Теоретические основания исследования социальной политики

2.1. Определение понятия «социальная политика». Сущность социальной политики

Социальная политика является в настоящее время одним из основных направлений деятельности органов государственной власти, местного самоуправления, институтов гражданского общества. Это вызвано как внедрением рыночных механизмов, сокращением сферы государственного регулирования в хозяйственной деятельности, что обуславливает необходимые институциональные изменения в управлении социальным развитием, так и обострением социально-экономической ситуации на территории Российской Федерации и в ряде других стран бывшего социалистического лагеря, требующим принятия неотложных мер для обеспечения минимальных стандартов жизнедеятельности и предупреждения социальной напряженности и, тем самым, гармонизации общественной жизни. Выход из кризиса, позитивное социально-экономическое развитие также невозможны без эффективной социальной политики. Именно поэтому социальная политика — один из основных видов политики, осуществляемой и на государственном, и на негосударственном уровнях. Она направлена на интеграцию общества, индивидов и групп, оказание помощи малообеспеченным гражданам, социальную защиту населения с целью поддержания достойного образа жизни каждого гражданина.

В этой связи следует признать, что «социальная политика — в отличие от экономической, культурной, экологической и т. д. — наиболее сложная и трудная, с точки зрения концептуальной формулировки ее сущностных, базовых основ, уяснения структуры и направленности, взаимодействия и взаимовлияния с другими направлениями политики»¹.

Сложностью научной разработки теоретических оснований социальной политики объясняется то, что к анализу процесса формирования и реформирования социальных институтов обращались множество ученых.

К числу первых относятся Э. Дюркгейм, М. Вебер и другие основоположники социологии, но социальная политика именно как феномен, определяющий развитие общества, начинает изучаться лишь в конце XIX в. группой немецких ученых, которые создают «Кружок социальной политики» с целью «изучения развития политики и экономики с позиций социологии»². Хотя в рамках данного Кружка универсальной и общепринятой трактовки названного феномена выработано не было, в ходе полемики сформировались основные подходы к пониманию социальной политики, которые не теряют своей актуальности и в современных условиях. Феномен социальной политики, ее структуру и функции изучали целый ряд представителей различных социологических школ (В. Зомбарт, Й. Хабермас, Дж. Роулз, Дж. Смит и многие другие.)³. Это рассмотрение неразрывно связано с анализом феномена социального государства.

В России широкомасштабные исследования проблем социальной политики и ее теоретических оснований начинаются в 1990-е годы (что связано с возникновением социальной политики как особого направления управленческой деятельности и трудностями реформирования социально-экономической сферы). При этом появляются разнообразные подходы к ее структуре и содержанию (работы И.А. Григорьевой, В.И. Жукова, Т.А. Заславской, Л.В. Константиновой, В.В. Колкова, Г.И. Осадчей, В.Г. Попова, Б.В. Тихомирова, Е.И. Холостовой, Е. Гонтмахера и ряда других авторов)⁴.

Множится число исследований, рассматривающих проблемы социальных технологий, в том числе технологий социального прогнозирования и управления (работы И.В. Бестужева-Лады, Н.С. Данакина, В.Н. Иванова, В.И. Патрушева, В.Г. Попова, А.И. Пригожина, Ю.М. Резника, И.М. Слепенкова и других). Активно развиваются в последнее время исследования теории, методики и методологии социальной работы. В них анализируются вопросы взаимосвязи социальной работы и социальной политики, технологий социальной работы, формирования и развития системы социального обслуживания населения в нашей стране.

Вместе с тем, как представляется, до сих пор недостаточно исследованы сущность социальной политики как социального института и процесс ее изменений в последние десятилетия.

Что же содержит в себе понятие «социальная политика»? Существует целый ряд ее определений. Самое широкое понимание термина относит к социальной политике все, что способствует развитию общества, наиболее же узкое сводит это явление только к поддержке социально слабых категорий населения, социальной защите. Различия в содержании, которое вкладывается в понимание термина «социальная политика», объясняются

многогранностью явления и выделением, часто в операциональных целях, его отдельных сторон.

Сегодня в отечественной социологии наиболее распространены три подхода к определению понятия «социальная политика» и пониманию ее сущности.

Одна группа исследователей считает, что социальная политика — это «деятельность общества и государства, направленная на развитие социальной сферы общества, повышение благосостояния, улучшение условий труда, жизни и т. д.»⁵. Фактически, социальная политика понимается в этом случае как забота об улучшении условий жизни и труда, о материальных и духовных потребностях людей. При всей, на первый взгляд, привлекательности такой постановки вопроса очень быстро обнаруживается потребительская направленность этой политики, некий иждивенческий подход, ориентированный на то, что получит человек от государства, стоящего над ним и определяющего его деятельность, его жизнь. Ясно, что такой подход — в ожидании «манны небесной» — снимает с человека, в значительной степени, ответственность за обеспечение своего благополучия, что нередко выражается в непритязательной, но далеко идущей идее: «Дайте». Дайте пищу, одежду, жилище, условия труда и быта, обеспечьте всем необходимым для жизни и работы. Такая политика воспитывает потребительство, не стимулирует творческие импульсы человека и поэтому ныне отвергается самой реальностью⁶.

Другая точка зрения исходит из некоего этатистского подхода, который роль и позицию государства по установлению социальной справедливости зачастую понимает как сбалансированное распределение благ между различными социальными группами. Такой подход в течение многих лет пыталось осуществить советское государство, которое постоянно повышало зарплату сначала одной группе работников, потом — другой, затем — третьей, исходя из некоторых как объективных, так и субъективных обстоятельств и существовавшего в обществе понятия о справедливости. К мерам этатистского подхода также относилось установление льгот для некоторых профессий, введение поясных коэффициентов, дифференциация заработной платы. Но такая политика постоянно вызывала недовольство то одних, то других групп работников народного хозяйства, которые считали себя обделенными и обойденными, пока не следовало решение, — часто очень долго готовившееся, — о некотором удовлетворении их требований, тем более что такое решение сокращало отток рабочей силы, повышало престиж профессий и т. п. Кстати говоря, отсутствие всяческого вмешательства государства в распределение благ не менее, если не

сказать более, отрицательно воздействует на настроение людей, на понимание ими своего бессилия повлиять на ситуацию, на формирование представления о несправедливости государства.

Третья группа авторов считает, что социальная политика — это взаимоотношения классов, социальных групп по поводу сохранения и изменения социального положения населения в целом и составляющих его классов, слоев, социальных, социально-демографических, социально-профессиональных групп, социальных общностей (семьи, народы, население города, поселка, региона и т. п.)⁷. Последнее определение, с точки зрения Н.Д. Вавилиной, более «функционально», поскольку оно позволяет уяснить структуру и направленность действий ряда социальных субъектов и определить, насколько та или иная политика удовлетворяет тех или иных участников взаимодействия⁸.

Такое понимание близко к определению социальной политики Й. Хабермаса, трактующего социальную политику как атрибут современной системы отношений, институционализирующий процесс коллективных переговоров и социального партнерства в виде системы социального страхования, института, ликвидирующего крайние диспропорции и проявления незащищенности, но не устраняющего основные противоречия, основанные на неравенстве собственности, дохода и власти⁹.

В самом деле, любое общество имеет свое строение, свою структуру, т. е. совокупность взаимосвязей и взаимодействий общественных классов, социальных слоев и групп, отражающую их социальное неравенство¹⁰. У каждой такой группы свои представления о благосостоянии, об условиях труда и жизни. То есть у социальных групп разные интересы, но действовать во имя этих интересов всем группам приходится в одном обществе. Отсюда возникает неизбежность взаимодействий, взаимоотношений социальных групп и их членов по поводу удовлетворения своих социальных интересов. Конкретные формы таких взаимоотношений очень разнообразны: конфликты, партнерства, союзы, компромиссы, вражда, лоббирование, забастовки, гражданская война, гражданское неповиновение, демонстрации и мн. др. Таким образом, социальная политика — это отношения социальных групп и индивидов по поводу удовлетворения социальных интересов¹¹.

Среди отечественных авторов можно выделить позицию П.Д. Павленка, по мнению которого, социальная политика государства — это определенная ориентация и система мер по оптимизации социального развития общества, отношений между социальными и другими группами, создание тех или иных условий для удовлетворения жизненных потребностей их представителей¹².

Ряд авторов подчеркивают связь между социальной политикой и национальной безопасностью, указывают на стабилизирующую роль социальной политики¹³.

В нашей работе, в рамках модернизационной парадигмы, социальная политика понимается также как социальное взаимодействие субъектов, необходимое для предотвращения и разрешения социальных проблем и поддержания стабильности модернизируемого общества. Особенности социальной политики постсоветских обществ порождены специфическими условиями и потребностями реформируемых обществ. Социально-экономические реформы, осуществляемые в нашем обществе, связанные с воссозданием рыночной инфраструктуры, в большой степени отражаются сегодня на состоянии социальной сферы. Цель социальной политики — удовлетворение социальных запросов и потребностей людей, их социальная защита, снятие социальной напряженности, согласование и разрешение конфликтов, возникающих в трансформирующемся обществе.

Социальная политика должна охватывать все аспекты социальной жизни. Отсюда вытекают и ее главные задачи: придание социальной ориентации развитию экономики, регулирование всей системы социальных отношений на основе оптимального согласования личных, групповых и общегосударственных интересов; своевременное обнаружение и разрешение социальных противоречий и конфликтов; реализация, с учетом возможностей общества, принципа социальной справедливости.

Обычно в международной практике, говоря о социальной политике, упоминают такие направления, как социальное обеспечение, здравоохранение, образование, жилье и занятость. Социальное обеспечение (social welfare) в западной традиции понимается как система мер для защиты индивида и семьи от тех рисков, которых невозможно избежать, в том числе от серьезного сокращения дохода, необходимого для поддержания приемлемого стандарта жизни¹⁴.

Как часто отмечается, проблемы современной отечественной социальной политики имеют свою постсоветскую специфику, которая отчасти объясняется традиционно высокой ролью государства в различных секторах общественной жизни, а также наследием социалистических принципов управления экономикой и культурой¹⁵. В этом контексте к социальной политике относятся: жизненный уровень; благосостояние; доходы населения; сфера труда и трудовых отношений; проблемы занятости населения; социальная защита малообеспеченных и нетрудоспособных групп населения; экологическая политика; отдельные направления развития социальной сферы, в том числе образования, здравоохранения, науки, культуры,

физической культуры и спорта; современная инфраструктура, включая жилье, транспорт, дороги, связь, торговое и бытовое обслуживание; миграционная политика, а также политика в отношении отдельных адресатов: семьи, молодежи, инвалидов, пожилых и других категорий населения¹⁶.

В настоящее время в России, как и в других странах, в которых в той или иной степени уже осуществлен переход от социалистических технологий управления развитием социальной сферы к характерным для рыночного общества, социальная политика формируется как социальный институт: происходят процессы становления идеологической, нормативной и ценностной базы социальной политики, складываются ее организационные структуры, в сознании населения создается комплекс устойчивых представлений и ожиданий по ее поводу. Происходит адаптация различных технологий социального управления к специфическим и постоянно изменяющимся реалиям жизни постсоветских обществ.

Социальная политика как социальное явление и социальный процесс обладает следующими характерными признаками¹⁷.

Во-первых, это устойчивая и воспроизводящаяся (меняющаяся в соответствии с потребностями времени) форма деятельности. Целеполагание современной социальной политики построено на идеалах социального развития и совершенствования условий жизнедеятельности индивидов — это неотделимо от сущности социального государства. Современным концепциям социального государства и демократического гражданского общества соответствует такое понимание социальной политики, которое основано на признании неотъемлемых социальных прав индивидов, ведущей роли и ценностной природы принципов социальной справедливости и социального партнерства. Целью деятельности субъектов социальной политики является развитие и благосостояние как всего общества, так и отдельных индивидов, что проявляется в оптимизации различных количественных и качественных показателей, характеризующих успехи или проблемные ситуации по целому комплексу направлений.

Второй признак социальной политики — ее нормативность. Нормативная база современной социальной политики состоит:

1) из нравственных установлений, всеобщих ценностных установок, предусматривающих определенные правила поведения в различных сферах социальной действительности, и главными среди нормативно-ценностных основ социальной политики являются такие коренные этические понятия, как социальная справедливость и социальное равенство;

2) из юридических норм, имеющих различный уровень, — международных, федеральных, региональных, муниципальных (локальных).

Еще одним из самых важных признаков социальной политики как социального института является наличие организационной структуры, способствующей осуществлению целей данного института. Социальная политика в современном обществе реализуется субъектами, имеющими различный статус (государство, органы самоуправления, институты гражданского общества), и располагает разветвленной организационно-управленческой структурой на федеральном, региональном и местном уровнях, включающей элементы, относящиеся к различным видам социальной политики (регулирование трудовых отношений и охрана труда, сфера социальной защиты и социального обслуживания и т. д.).

Социальная политика как системное многоплановое явление, определяющее координаты развития общества, имеет сложный механизм осуществления.

1. Благотворительность по типу Римской империи — «хлеба и зрелищ», популистские благотворительные проекты в преддверии выборов¹⁸.
2. Систематическая поддержка социально уязвимых групп.
3. Социальные проекты, мероприятия на стыке собственно социальной политики и иных проблем внутренней политики (например, решение демографических вопросов), когда одновременно решаются внутренние и внешние социальные задачи.

4. Социальные инвестиции в общество, в развитие человеческого капитала (вложения в образовательные проекты, в здоровье населения и пр.).

Сложившееся к настоящему времени широкое понимание сущности и целей социальной политики сформировалось в результате осмысления процессов реформирования постсоветского социума, его социальных аспектов и позволяет поместить ее в широкий контекст стратегического планирования развития общества и государства. Социальная политика охватывает деятельность, направленную на регулирование взаимоотношений основных элементов социальной структуры общества, ее функции заключаются в согласовании долгосрочных интересов социальных групп как друг с другом, так и с интересами общества в целом — для реализации своего потенциала всеми членами общества.

2.2. Концептуализация социальных проблем

Весьма часто под социальной политикой «подразумевается совокупность мер, направленных на решение социальных проблем, выделение приоритетов на этом пути, поиск ресурсов и эффективных путей достижения социальных целей»¹⁹. Представители неомарксистской школы рас-

смаатривают социальную политику как своего рода реакцию на проблемы, являющиеся следствием функциональных пробелов государственного регулирования капиталистической экономики²⁰. Таким образом, весьма часто сущность социальной политики сводится к выявлению и устранению существующих и возможных противоречий — социальных проблем.

Действительно, при разработке доктрины, стратегии и тактики социальной политики, конкретных мер по регулированию социального развития общества насущные социальные потребности, которые необходимо удовлетворить, обычно обозначают понятием «проблема».

Такой подход вполне оправдан, хотя и недостаточен. Сведение сущности социальной политики к решению социальных проблем сужает как область теоретических исследований, так и сферу действий по управлению социально-политическим развитием. Такой подход представляется характерным проявлением «алармизма», свойственного социальным наукам в современной России, сосредоточенности на негативной, критической стороне социальной реальности. Как вполне оправданно замечает С.Г. Кирдина, внимание современной российской социологии обращается преимущественно на те процессы и феномены, которые свидетельствуют о нарушениях, об отклонениях от неких предположительных или неявно подразумеваемых образцовых траекторий²¹.

Есть естественные объяснения концентрации внимания на проблемной стороне социального развития современной России. Наиболее важная причина заключается в том, что долгое время преобразования в социальной и экономической сферах общества действительно порождали ряд масштабных и не знакомых бывшей социалистической стране социальных отклонений, проблем, усугубленных по большей части несправедливым распределением собственности.

Между тем очевидно, что весь спектр социальной жизни не сводится только к социальным проблемам. Любое общество не только просто воспроизводится, но и развивается. А развитие предполагает не только решение насущных социальных проблем и отклонений, но и деятельность по улучшению жизни социума и человека, созданию нового горизонта возможностей. Именно процессы устойчивого, а потому позитивного, характера обеспечивают сохранение и целостность того или иного общества, воспроизводство социальной жизни

Социологические исследования, ориентированные преимущественно на социальные проблемы и активность в социально-политической сфере, упускают из внимания множество жизненно важных процессов и явлений.

Теоретические исследования социальной политики должны учитывать, что целью любого регулирования социальной сферы является не просто разрешение насущных социальных проблем, но и создание основы для развития общества.

П.А. Сорокин в науке «социология» выделял четыре важнейших раздела. 1. Общее учение об обществе. 2. Социальная механика (изучение закономерностей, проявляющихся в общественных явлениях). Этот раздел П. Сорокин считал главным. 3. Социальная генетика (учение о происхождении и развитии общества и его институтов). 4. Социальная политика. Это — практический, прикладной раздел, задачами которого являются «формулировка рецептов, указание средств, пользуясь которыми можно и должно достигать цели улучшения общественной жизни и человека. Иначе социальную политику можно назвать социальной медициной или учением о счастье»²².

Современные исследователи вопрос смысла социальной политики одни решают в пользу «прогрессивного развития социальной сферы»; другие — создания благоприятного социального климата и подлинного социального согласия; третьи — поддержания решения социальных проблем, приемлемого для общества уровня жизни, предоставления социальных услуг населению и прочее.

Так, Д.В. Валовой считает, что суть социальной политики «в том, чтобы способствовать оптимальному развитию условий и образа жизни членов общества, совершенствовать социальные связи и отношения между ними»²³.

Однако факт остается фактом — в большинстве случаев предметом социальной политики оказывается объект, попавший в кризисную, проблемную ситуацию.

Таким образом, на практике социальная политика выступает, как правило, в виде деятельности, направленной на разрешение разнообразных проблем, противоречий и «сбоев» в системах личностного, группового, социального уровней. Поэтому взаимодействие субъектов социальной политики с объектами часто строится в форме своеобразной социальной терапии, целью которой является предотвращение углубления или скорейшее разрешение проблемной ситуации. С этой позиции проблема в рамках используемых в теории социальной политики традиционных теоретических подходов рассматривается как явление скорее негативно-деструктивное и потому требующее разрешения или, в крайнем случае, оптимизации.

Концентрация внимания исследователей на социальных проблемах оправдана также потому, что предвидение и предупреждение социальных

проблем также является составной частью управления социальным развитием. Исследования социальных проблем часто не ограничиваются только постановкой научных задач, являясь фундаментом для будущих социальных инноваций, реформ. Ведь инновации, представляющие собой планируемый и управляемый процесс внедрения качественных изменений, новшеств, — ориентированы на решение определенных проблем.

Современная социология имеет богатый теоретический опыт изучения социальных проблем.

Мы попытаемся на основании анализа основных теоретических подходов в отечественной и зарубежной социологии понять, какая проблема (ситуация) может оказаться в центре внимания государства и других субъектов социальной политики. Почему те или иные явления начинают определяться как социальные проблемы, на решение которых направлены действия заинтересованных субъектов социальной политики?

В самом общем виде проблема — это научный или практический вопрос, требующий своего изучения и разрешения. Термин «проблема» в переводе с греческого означает задача. В философии категория «проблема» фиксирует: а) развитие противоречия между требованиями должного и реальными условиями его осуществления; б) усиление недостаточности имеющихся средств для реализации желаемого; в) нарастание неизбежности дезорганизующих процессов в системе при использовании только этих средств для достижения желаемого; г) необходимость поиска и создания новых средств, способов преодоления названного противоречия, выявление и осуществление новых возможностей решения поставленной задачи²⁴.

В философской и науковедческой литературе различают два типа проблем:

- гносеологические (познавательные), связанные с познанием;
- предметные (социальные и т. д.), представляющие собой несоответствие, противоречие между желаемым и действительным, между существующим и должным и требующие усилий со стороны общества для их разрешения²⁵. Таким образом, проблемная ситуация — это «определенная ситуация, характеризующаяся различием между необходимым результатом и существующим»²⁶.

Использование понятия «социальная проблема» в социологии предполагает выявление разрыва между желаемым и действительным; исследование социальных противоречий, оценку их восприятия общественным сознанием и готовности общества к разрешению назревших противоречий. Однако в социологии достаточно часто термин «проблема» используется

лишь в своем гносеологическом значении, т. е. как указатель темы, направления научного исследования.

Несмотря на то, что в любом обществе существуют разнообразные противоречия и значимые отклонения от социальной нормы, понятие социальной проблемы возникло лишь вместе с формированием политэкономии и социологии.

Исследователи связывают появление тенденции осознания противоречий в общественном развитии и решимости изменить существующие условия с утверждением в Западной Европе конца XVIII в. своеобразного идеологического комплекса, лежащего в основе буржуазных революций: идей равенства, изменяемости социальных условий и гуманизма. Значительную роль в возникновении современного понятия социальной проблемы сыграли:

1) рационализм Нового времени, переосмысливший теологическую этику добра и зла в рационалистский контекст аналитического понимания и контроля;

2) гуманизм как постепенное расширение и институционализация чувства сострадания²⁷.

Само понятие «социальная проблема» появилось в западноевропейских обществах в начале XIX в. и первоначально использовалось для обозначения лишь одной проблемы — неравенства, неравномерного распределения богатства²⁸.

Понятие социальной проблемы как нежелательной ситуации, которую можно и нужно изменить, несколько позже использовалось при попытках осмыслить социальные последствия урбанистической революции, сопровождавшейся ростом городской бедности и разрушением традиционных жизненных укладов. В США понятие социальной проблемы стало использоваться в конце Гражданской войны 1861—1865 гг., вызвавшей резкое ухудшение жизненных условий большей части населения. В Англии существенную роль в осознании существования социальных проблем сыграли данные появившихся к концу XIX в. статистических описаний бедности, представленные прежде всего Ч. Бутом и Б.С. Раунтри.

В конце XIX—начале XX вв. господствующим в изучении социальных проблем становится подход социальной патологии.

Концепция социальной патологии основывается на органической аналогии, в соответствии с которой социальные проблемы представляют собой своего рода болезнь или патологию, нарушающую «нормальную» работу социального организма. Изучение социальных болезней имеет важное значение для изучения социального здоровья, так же, как и изучение

физического заболевания имеет важное значение для поддержания физического здоровья²⁹. Работы Чезаре Ломброзо (1835—1909), в которых основывается тезис о том, что преступность обусловлена наследственной «порочной» природой отдельных индивидов, являются ярким образцом теории социальной патологии.

Истоки социальных проблем представители «органического подхода» видели в изначальной, врожденной неспособности ряда индивидов к «нормальному» поведению. При этом различие между нормальным и патологическим состоянием общества считалось в рамках подхода социальной патологии само собой разумеющимся. Нельзя не отметить, что отождествление проблем с социальной патологией, особенно в ее биологической или медицинской интерпретации, придает им заведомо негативный оттенок, что не всегда соответствует действительности.

Основное, и самое весомое, критическое замечание в адрес подхода социальной патологии заключалось в том, что определение социальной болезни или патологии в рамках этой теории возможно лишь на основе ценностных суждений.

Любое сложное общество включает в себя множество социальных групп, имеющих различные ценности, представления о норме и патологии. Социальные нормы (жизненные стандарты) отражают разделяемое членами организации представление о нормальном (достойном) существовании. Они включают правовые и нравственные нормы, уровень здоровья, образования, обеспечения жильем, питанием, энергией и прочими социальными благами. Социальные нормы складываются стихийно в процессе общения членов организации между собой и выражают их общие интересы. Однако эти нормы могут устанавливаться и формальным руководством. Поэтому обычно в обществах одна часть социальных норм (жизненных стандартов) имеет формальный характер, а другая — неформальный.

Очевидно, не существуют нормы, ценности, с которыми могли бы согласиться все. Кроме того, социальные нормы постоянно изменяются под влиянием многих факторов, которые пока недостаточно изучены. Поэтому надежного простого знания о социальной норме и патологии нет, и оно невозможно³⁰.

Критик подхода социальной патологии Ч. Миллс указывал, что за норму брались, как правило, ценности среднего класса, жившего в небольших городках и следовавшего протестантским идеалам. Поэтому Миллс критиковал исследования социальных патологов, определяя их как нетеоретические и крайне необъективные³¹.

Весьма долгое время (до начала XX в.) подход социальной патологии являлся единственным теоретическим основанием для исследований социальных проблем. Современные историки социологии объясняют его доминирование тем, что в условиях ровного и постепенного социального изменения в большинстве обществ до Первой мировой войны существующее положение вещей воспринималось как нормальное. В такой атмосфере естественно было рассматривать девиантных индивидов как «больных», а нежелательные ситуации — как «болезни общества»³².

После Первой мировой войны и вызванных ею изменений в характере и динамике социально-политической жизни подход социальной патологии переживает упадок, так как был не способен объяснить новые реалии. В 1930—1940-е годы как особая отрасль социологического знания начала интенсивно развиваться социология социальных проблем, возникают новые концептуальные подходы к социальным проблемам, во многом определившие дальнейшее развитие исследований в этой области — подходы социальной дезорганизации и функционалистский. Основная черта этих подходов — объективизм, т. е. социальные проблемы понимаются прежде всего как некие объективные социальные условия.

Возникновение теории социальной дезорганизации принято связывать с публикацией совместной работы У. Томаса и Ф. Знанецкого «Польский крестьянин в Европе и Америке» (1918—1920). Однако нельзя не заметить, что большое влияние на формирование данного подхода к исследованию социальных проблем оказало творчество Э. Дюркгейма, который не разделял столь популярного в то время подхода социальной патологии к социальным проблемам. Ученый предложил теорию аномии, т. е. фактически социальной дезорганизации, как базовую для объяснения социальных проблем. Урбанизация и индустриализация, сопровождающиеся перемещением людей из деревни в город, по мнению Э. Дюркгейма, приводят к деформациям в обществе, к аномиям, нарушению традиционной организации, исчезновению традиционных ценностей, норм, следствием чего являются преступность, суициды и урбанистическое насилие. Потеря прежней структуры и дисциплины, полагал Дюркгейм, может быть восполнена новой, если удастся восстановить социальное равновесие³³. По существу, идеи Э. Дюркгейма положили начало тем подходам к трактовке социальных проблем, которые долгое время были господствующими в социологической теории³⁴.

Сравнение теории социальной дезорганизации У. Томаса и Ф. Знанецкого и понятия аномии Э. Дюркгейма показывает их концептуальную близость. В работе У. Томаса и Ф. Знанецкого социальная дезорганизация

определяется как «уменьшение влияния существующих социальных правил поведения на индивидуальных членов группы»³⁵. В основе исследований Томаса и Знанецкого лежат проблемы адаптации эмигрантов, в качестве важнейшей причины дезорганизации исследователи видели расширение связи и контактов между определенной общностью и внешним миром, вследствие чего у членов этой общности (конкретно, польских эмигрантов) развиваются новые установки, которые уже не могут контролироваться старой социальной организацией. Эта ситуация, согласно Томасу и Знанецкому, является общей для всех обществ в периоды быстрого изменения³⁶. По мнению современных исследователей, идея У. Томаса и Ф. Знанецкого о том, что процессы социальных изменений сопровождаются социальной дезорганизацией, является одной из наиболее ценных идей в социологии³⁷.

Но подход социальной дезорганизации в социологии социальных проблем также не остался вне критики. Критические замечания можно свести к следующему³⁸.

Во-первых, дезорганизация — это слишком неопределенное понятие для анализа общества в целом, хотя оно и может эффективно использоваться в исследованиях отдельных групп и институтов.

Во-вторых, социальная дезорганизация предполагает разрушение предшествующей организации, однако в действительности старые и новые нормы некоторое время сосуществуют. В таком случае часто сложно установить отличие социальной дезорганизации от социального изменения, а также определить, почему одни социальные изменения являются дезорганизующими, а другие нет.

В-третьих, обычно подразумевается, что социальная дезорганизация, как и социальная патология, имеет заведомо негативный оттенок, что не всегда соответствует действительности, и часто является ценностным суждением наблюдателя, членов его социального класса или другой социальной группы.

В-четвертых, то, что представляется дезорганизацией, на самом деле может быть высокоорганизованной системой конкурирующих норм, основанной на иной иерархии ценностей.

И, наконец, идеологии толерантности и мультикультурализма, господствующие в современном обществе, предполагают, что наличие множества конкурирующих субкультур и высокоорганизованных систем норм может благодаря своему разнообразию скорее способствовать единству или интеграции общества, нежели ослаблять его, порождая ситуацию социальной дезорганизации³⁹.

Подобного рода критика привела к попыткам найти инос, четкое и свободное от оценочности определение социальной дезорганизации.

В середине XX в. доминирующим направлением в социологии социальных проблем становится функционализм.

Основоположники функционалистского подхода к социальным проблемам — Роберт Мертон и Роберт Нисбет — под социальной проблемой понимали модель поведения, которая, по оценкам значительной части общества, отрицает общепризнанные или одобряемые нормы.

Во введении к книге «Современные социальные проблемы» Р. Нисбет отмечал, что о социальной проблеме нельзя говорить, если она не определена как таковая. Классическое определение социальной проблемы, данное Р. Нисбетом и Р. Мертоном, таково: «Социальная проблема существует, если есть значительное расхождение между тем, что есть, и тем, чему, как считают люди, следует быть»⁴⁰. Социальные проблемы рассматриваются ими как результат действия процессов дезинтеграции и интерпретируются либо как социальная дисфункция, либо как дезорганизация.

Главное, что свойственно функциональному подходу, — это попытка выявить объективные условия или поведение, которые нарушают нормальное функционирование общества, а также дать научное объяснение их возникновения. Его сторонники при анализе социальной действительности делают ставку на функциональную теорию социальных систем.

Нисбету и Мертону принадлежит идея о взаимосвязи социальных проблем и институтов, функций общества. Эта связь носит не случайный, а предсказуемый, функциональный характер. «Социальные проблемы... часто связаны функциональными отношениями с институтами и ценностями»⁴¹. Так, социальная проблема алкоголизма, актуальная для многих стран, по мнению Нисбета, порождена социальной функцией, выполняемой алкоголем в обществе в значимых контекстах коммуникации. Таким образом, функционалистское исследование социальных проблем дает, помимо прочего, возможность более глубокого изучения природы общества, его системы нормативной регуляции, процессов организации и дезорганизации и т. д.

Функционалистский подход к собственно социальным проблемам заключается в выявлении условий или видов поведения, которые мешают нормальному функционированию общества, приводят его в неустойчивое, неравновесное или кризисное состояние. Такие условия или поведение (или их последствия) выступают в виде явной или латентной дисфункции системы, препятствующей ее нормальной деятельности, идущей вразрез с функциональными требованиями социальной системы и разрушающей

институциональные связи. Исследователь социальных проблем, придерживающийся функционалистского подхода, определив некоторые дисфункциональные условия или виды поведения как социальные проблемы, должен стремиться исследовать и объяснить их происхождение, выступая экспертом, роль которого заключается прежде всего в обнаружении и изучении латентных социальных проблем.

М. Спектор и Дж. Китсьюз в своей работе «Конструирование социальных проблем» подвергли критике вышеуказанный аспект функционалистского подхода, характерный для теорий, подчеркивающих объективный характер социальных проблем, но не имеющих надежного метода определения, выявления функционального сбоя, т. е. самой социальной проблемы. Несмотря на претензию быть ценностно-нейтральными и объективными, представители функционализма в социологии социальных проблем приходят к идее экспертного определения социальной проблемы, поскольку последняя выводится из социологической оценки условия, характеризуемого большим количеством людей как неблагоприятное, нежелательное. В этой связи довольно сложно установить объективность экспертной оценки, определить стандарты, норму, которым противопоставляется дисфункция системы. Если определение содержит ценностное суждение арбитра, то оно нуждается в аргументации и адекватном обосновании⁴².

Необходимо также учитывать, что обстоятельства, препятствующие нормальному функционированию одного сектора системы жизнедеятельности общества, т. е. свидетельствующие о социальной дисфункции, не обязательно будут дисфункциональны для других секторов, других частей системы. Данный аргумент порождает серьезные методологические трудности, так как каждое явление должно рассматриваться с точки зрения всех возможных последствий во всех возможных областях социальной жизни, что весьма проблематично. Кроме того, возникает серьезная теоретическая и практическая трудность с определением границ и окружения социальной системы.

Названные теоретические сложности делают функционалистский подход к определению социальных проблем и исследование их с данной точки зрения достаточно уязвимыми. Не случайно он подвергается серьезной и обоснованной критике со стороны представителей других теоретических школ.

Альтернативой объективизму в социологии социальных проблем выступают подходы конфликтно-ценностной школы, интеракционизма и конструкционизма.

Конфликтно-ценностная школа в социологии социальных проблем возникла практически одновременно с подходом социальной дезорганизации и функционализмом, в 1930-х — начале 1940-х гг.

Представители данной школы делают акцент на различие объективного условия — проблемной ситуации и определения ее как социальной проблемы.

В рамках данного подхода социальная проблема рассматривается как категория морали, отражающая нравственные устои, настроение и ментальные особенности конкретной социальной группы и определяется в соответствии с ценностными суждениями. Изучение ее поэтому должно сопровождаться анализом коллективного интеллекта, общественного мнения. Приоритет моральной оценки в процессе определения проблем, на который обращают внимание представители конфликтно-ценностного подхода, составляет принципиальное отличие конфликтно-ценностной школы от функционалистской⁴³.

Так, К. Кэйс одним из первых высказал мысль, что само по себе какое-либо объективное условие не обязательно будет воспринято как социальная проблема. Для того чтобы приобрести статус социальной проблемы, некоторая социальная ситуация должна привлечь к себе внимание значительного числа компетентных наблюдателей, должна быть соответствующе оценена, и, затем, должны применяться специальные меры, коллективные действия — т. е. необходимо вмешательство с целью устранения проблемы. При этом численность экспертов-наблюдателей, воспринимающих ситуацию как проблему, варьирует в зависимости от ситуации.

Идеи конфликтно-ценностного подхода последовательно проводились в работах Р. Фуллера и Р. Майерса, которые придавали особое значение субъективной стороне определения проблемы. «Каждая социальная проблема, — пишут Фуллер и Майерс, — состоит из объективного условия и субъективного определения... Социальные проблемы — это то, что люди считают социальными проблемами»⁴⁴. Поэтому одна и та же жизненная ситуация может интерпретироваться одними как проблема, а другими нет.

Фуллер и Майерс пытались показать, что основная причина любой социальной проблемы — ценности, конфликт между ними, а не экономические или социально-политические условия жизнедеятельности людей. Эти исследователи первыми столь ясно показали значение субъективной составляющей социальных проблем, признавая все же, что другой составляющей являются объективные условия. Но пока люди не осознали проблему, она никак не отражается на их поведении. Объективное условие только тогда признается проблемой, когда угрожает основным ценностям конк-

ретной социальной группы или ведет к нарушению ценностного консенсуса в обществе. Ценностно-конфликтная школа предполагает наличие в сознании людей, составляющих общество, компромисса при определении социальной проблемы. Например, если система трудовых отношений между людьми характеризуется как противоречащая доминирующим ценностям, то признается наличие социальной проблемы трудовых отношений. Или алкоголизм: как проблема он возникает тогда, когда люди начинают осознавать, что динамика алкоголизма становится опасной для благосостояния всего общества и здоровья значительной части населения, поэтому ситуация с потреблением алкоголя вызывает социальное беспокойство и характеризуется многими как неблагоприятная, как социальная проблема.

В целом относительно ценностно-конфликтной школы в социологии социальных проблем можно заметить, что учет ценностных суждений людей необходим для выявления сущности конкретной проблемы или определения ситуации как проблемной, однако преувеличение роли общественных ценностей и морали не совсем правомерно; поскольку социальные проблемы все же возникают вследствие объективных противоречий, складывающихся в процессе жизнедеятельности социума.

Можно также заметить, что представители конфликтно-ценностной школы, как и представители функционализма, а впрочем, и как исследователи, видевшие в проблемах социальную патологию, при выявлении социальных проблем обращаются к понятию «нормы», что непосредственно связывает их с нормативным подходом в социологии проблем.

Таким образом, нормативный подход внутренне присущ всем рассмотренным выше научным школам, поскольку все они, пусть и в разной степени, приходят к необходимости использовать некоторую меру (социальную норму) для определения некоторых ситуаций как неблагоприятных, проблемных, — т. е. либо не удовлетворяющих «здоровому состоянию общества», либо не соответствующих требованиям «нормального» функционирования системы⁴⁵, или общественного консенсуса. Сам процесс выявления, определения социальных проблем предполагает сопоставление некоторой ситуации с рядом норм: жизненными стандартами, легитимными правилами поведения, границами отклонений от принятых стандартов, необходимым количеством конкретных категорий людей, чье мнение о проблематичности ситуации является достаточным для определения проблемы, и т. д.⁴⁶ Таким образом, без признания нормативности некоторых функций, социальных институтов, ценностей невозможна социальная проблематизация вообще. Социологам в этом процессе проблематизации отводится роль экспертов, либо устанавливающих объективно обусловлен-

ные стандарты, либо оценивающих разделяемые в обществе нормы на адекватность существующим социальным условиям.

Помимо внутренней нормативности, присущей вышеуказанным подходам, можно также отметить, что, несмотря на достаточно серьезные теоретические и терминологические расхождения, все они (т. е. традиционные подходы) предполагают необходимость объективного наличия социального противоречия как предпосылки выявления и фиксации социальной проблемы. Нельзя не согласиться с мнением, что «обращение к объективным условиям как центральному аспекту определения социальных проблем является несомненным достоинством всех названных подходов»⁴⁷.

Согласно всем вышеуказанным подходам, процесс проблематизации включает анализ и оценку как самого условия, так и его нарушений. Основными задачами анализа проблем выступают: выявление и объяснение причин нарушения конкретного социального условия, а также определение масштабов и последствий воздействия возникших противоречий на нормальную жизнедеятельность всего общества в целом или (и) отдельных социальных групп в частности.

В 70-е гг. XX в. возник новый подход, принципиально отличный от рассмотренных выше, — конструктивистский⁴⁸. Конструктивистский подход к социальным проблемам, по сравнению с классической социологией социальных проблем, представляет собой последовательную и строгую субъективистскую позицию, хотя и среди его приверженцев ведутся споры по поводу возможной и допустимой степени субъективизма в трактовке социальных проблем. Основоположники нового подхода, отошедшие от объективизма прежней социологии социальных проблем, — уже упоминавшиеся американские ученые Малькольм Спектор и Джон Китсьюз. Конструктивизм, несмотря на серьезную и часто справедливую критику со стороны представителей классической социологии, приобрел широкую популярность в научных кругах, в том числе и в российской социологии.

Сущность положений конструктивистской теории заключается, прежде всего, в отказе от объективного социального условия как исходного пункта проблематизации социальной проблемы. «Всякое определение социальных проблем, которое начинается словами: “социальные проблемы — это те условия...”, ведет в концептуальный и методологический тупик»⁴⁹. Таким образом, с точки зрения конструктивизма, социальные проблемы — это не социальные условия, определенные как проблемы. В отличие от объективистского подхода, конструктивизм требует обоснования социальной ситуации в качестве проблемной, и доказать подобный статус некоего условия может наличие значимого количества людей или некоторого

числа «значимых» людей. В этом случае ведущую роль играет деятельность по выдвиганию таких утверждений или требований⁵⁰. Поэтому для представителей социального конструктивизма социальная проблема есть социальный конструкт или то, что воспринимается как проблема⁵¹.

Конструктивисты делают упор на понимании социальных проблем как своеобразной риторики. Конструктивистская теория исходит из того, что между реальным существованием социальной проблемы и ее осознанием в качестве таковой широкой общественностью может существовать очень значительный разрыв.

В социологии социальных проблем появилось даже понятие жизненного цикла социальной проблемы, который включает пять стадий:

- возникновение социальной проблемы;
- легитимация проблемы, т. е. признание ее существования общественным мнением и государственными органами;
- мобилизация действий к отношению проблемы;
- лоббирование различных вариантов решения проблемы, формирование официального плана действий;
- коррекция официального плана в ходе практической реализации.

Исключительно важную роль на первой и особенно второй стадиях играют средства массовой информации, поскольку именно упоминание проблемы в средствах массовой информации как заслуживающей внимания государственных органов и общественности является, по сути, первым этапом ее легитимации, конструирования социальной проблемы. На дальнейших этапах развития проблемы средства массовой информации также сохраняют очень большую значимость, так как именно через них общественность узнает о том, каким образом осуществляется решение проблемы.

Для описания воздействия средств массовой информации на общество при возникновении и легитимации социальных проблем широко используется «теория установления повестки дня».

Еще в конце 60-х гг. XX в. создатели теории установления повестки дня М. Маккоумз и Д. Шоу обнаружили, что средства массовой информации, хотя и не могут предопределить отношение аудитории к той или иной теме или проблеме, могут ранжировать эти темы и проблемы в сознании аудитории по степени важности, так что образ подачи информации задает публичную повестку. Тем самым происходит перенос иерархии проблем, освещаемых в СМИ, в сознание населения, и люди начинают считать важными и требующими решения именно те проблемы, которые называют СМИ.

При этом важно подчеркнуть, что реальное состояние проблемы и восприятие ее аудиторией могут очень сильно различаться между собой: эф-

эффект установления повестки дня в том и состоит, что в сознании людей формируется картина мира, отражающая не реальное положение вещей, а то, как это положение освещается средствами массовой информации⁵².

В теории установления «повестки дня» «ненавязанными» называются те проблемы, «относительно которых люди имеют непосредственный и постоянный опыт (например, инфляция), и которые приобретают общественную значимость вследствие личного опыта», а «навязанными» — те, по отношению к которым у людей нет личного опыта, и средства массовой информации выступают в качестве единственного источника сведений об этих проблемах.

В своей основе данное разделение базируется на оппозиции «неопосредованный опыт» — «опосредованный опыт» и представлении о средствах массовой информации как о посреднике между этими двумя видами опыта.

Конечно, деление на навязанные и ненавязанные проблемы является относительным: безработица, например, для одних групп населения является той ненавязанной проблемой, с которой им приходится периодически сталкиваться в своей повседневной жизни, а для других — навязанной, так как ни они, ни их окружение не имеют подобного опыта. В целом эффект установления «повестки дня» достаточно ограничен: средства массовой информации весьма успешно ранжируют в сознании аудитории не навязанные, но значимые проблемы, но не могут скрыть действительно существующие проблемы, знакомые каждому по личному опыту, и не могут задавать приоритеты и стандарты на пустом месте.

Однако для того, чтобы население осознавало наличие проблемы и отдавало отчет в том, какие меры государство принимает для ее решения, требуются постоянные усилия средств массовой информации по привлечению внимания к этой проблеме. Таким образом, для понимания населением всей важности и необходимости какой-либо проблемы необходимо, чтобы эта проблема постоянно присутствовала в повестке дня средств массовой информации.

Одна из сильных сторон конструктивизма заключается также в том, что этот подход, отказываясь от понимания социальных проблем как статичных условий, предлагает рассматривать их в качестве последовательности определенных событий, составляющих деятельность по выдвижению утверждений-требований, конструированию повестки дня на основании ненавязанных проблем. Такая трактовка в значительной степени соответствует природе социальной реальности.

Однако сосредоточенность конструктивизма на субъективной стороне социальных проблем представляется не совсем верной. Сама по себе оппозиция навязанных и ненавязанных социальных проблем, понимание последователей конструктивизма ограниченности деятельности по выдвижению проблем, формированию «повестки дня» опытом лиц, на которых обращена процессуальная деятельность по проблематизации тех или иных условий, ситуаций, свидетельствует, что неотъемлемым элементом проблемы являются объективные условия жизнедеятельности людей.

В соответствии с объективистским пониманием социальной жизни необходимо признать, что социальная проблема — это объективное противоречие, находящееся на такой стадии своего развития, когда нарушаются пропорции социальной динамики и на этой основе возникает дисбаланс коренных общественных, коллективных и личных интересов, что влечет за собой разрушение сложившихся социальных ценностей и, как следствие, изменение существенных свойств социума и возникновение «угрозы» его привычной, устоявшейся (и в этом смысле нормальной) жизнедеятельности⁵³.

Подводя итоги краткому теоретическому обзору социологии социальных проблем, можно прийти к следующим выводам.

В определение социальной проблемы разными авторами включаются различные дезорганизации, «расстройства» общественной жизни; «дисфункции» (нарушения функций) общественных институтов, «девиации» (отклонения от социальных норм, традиций, стандартов жизни). В классической традиции социологии социальные проблемы — это объективные условия, негативно влияющие на значительные группы лиц; отрицательные явления, имеющие значение для многих людей и воспринимаемые как проблема.

Большинство авторов сходятся во мнении, что социальные проблемы становятся таковыми, когда они отвечают следующим взаимосвязанным критериям:

- 1) наличие социальных условий, ситуации или явления;
- 2) эти условия не совместимы с ценностями значимого количества людей;
- 3) значимое число людей согласно с тем, что необходимы действия, ведущие к изменению⁵⁴.

В соответствии с первым критерием, условия должны иметь определенное объективное социальное происхождение, т. е. вызываться человеком, обществом (его частями) и иметь значимые для социальной сферы последствия. Это объективный критерий.

Второй и третий критерии подчеркивают и объективность социальных условий (противоречие ценностям, морали), и необходимость в процессе проблематизации субъективного восприятия ситуации как проблемной значимым числом людей или экспертами.

Обобщая данные определения, можно сделать вывод, что социальная проблема — это ситуация (условия), не совместимая с ценностями большинства (или значительного числа) членов социального субъекта, или отклонение от общепринятых социальных норм.

В общем, в рассмотренных подходах социальная проблема имеет ценностное измерение, поскольку при фиксации проблемы закрепляется разрыв между «должным» и сложившимся положением в какой-либо сфере.

При подобном определении социальная проблема нуждается в дальнейшей конкретизации, поскольку основана на недостаточно определенных понятиях ценностей и норм значительного (значимого) числа членов общества. Наиболее проблематичным в концептуализации социальных проблем является проблема иерархии ценностей (норм) различных социальных субъектов. Очевидно, что в данном плане имеет важное значение идея ценностно-конфликтной школы о том, что для процесса проблематизации определенных социальных условий важное значение имеет общественный консенсус.

Складывающиеся в каждом конкретном обществе нормативная система и совокупность ценностей определяют общий масштаб и уровень социальной ответственности, установленной и реализуемой в нем, а также механизмы ее распределения между отдельными субъектами. С точки зрения политико-правового подхода, существуют некоторые ценности, относящиеся к социальной сфере, следование которым закреплено международным законодательством — в доктрине прав человека, и соблюдение которых является базовым условием развития современного общества. Особую группу основных прав и свобод человека и гражданина составляют социально-экономические права и свободы. Они касаются таких важных сфер жизни человека, как собственность, труд, отдых, здоровье, образование, и призваны обеспечить физические, материальные, духовные и другие социально значимые потребности личности. Социальные права человека, вошедшие в послевоенные конституции ряда стран, являются защищаемой государством ценностью, главными ориентирами социальной политики. Установка на обеспечение социальных прав человека приводит к разнообразным технологиям их обеспечения, которые непосредственным образом повлияли на формирование стратегий вмешательства в рамках социальной сферы.

Очевидно, что большое влияние на процесс проблематизации оказывают общественное мнение, система образования и воспитания, а также средства массовой информации. Формируя у людей те или иные культурные ценности, нормы, можно целенаправленно изменить область социальных норм, а тем самым изменить проблемное поле. Такая возможность давно известна и часто использовалась в практических политических мероприятиях, однако серьезные научные исследования в этом направлении начались сравнительно недавно.

Очевидно, что любой социум должен уметь выявлять наиболее насущные, «тревожные» для себя проблемы и даже, по возможности, предвидеть их появление, а затем своевременно их решать, т. е. принимать адекватные меры. Таким образом, предвидение и предупреждение социальных проблем является составной частью управления социальным развитием. От того, насколько успешно общество справляется с этим, зависит его будущее.

Так как выше говорилось о необходимости признания объективных предпосылок возникновения социальных проблем, то изучение социального положения различных групп людей, их ценностей и обусловленного этими факторами поведения должно являться, по нашему мнению, основой выявления и анализа социальных противоречий и проблем.

Ключевым методом исследования может стать диагностика социальных проблем как разновидность системного анализа. При этом под диагностикой социальных проблем понимается прикладное социологическое исследование состояния социального объекта (общества, территориальной общности, социальной группы, трудового коллектива)⁵⁵. Она включает в себя: а) анализ конкретных социальных условий; б) выявление ценностей-норм большинства (или значительного числа) членов социального субъекта относительно конкретных социальных условий; в) изучение обусловленного возможным противоречием между социальными нормами и условиями соответствующего поведения определенных групп людей; г) выявление социальных проблем и их типологизацию; д) исследования возможностей по разрешению существующей или потенциальной проблемы (в том числе путем выработки необходимой «повестки дня»).

2.3. Государство как субъект социальной политики.

Основные модели государственной социальной политики

Важнейшая составляющая часть общей теоретической модели социальной политики — ее субъекты, регулирующие распределение социальной справедливости, обязанные обеспечить равные возможности для само-

реализации всем членам общества. Поэтому, рассматривая теоретические основания социальной политики, необходимо остановить внимание на субъектах, обладающих активным началом, осуществляющих активное воздействие на социум. Характер любой политической деятельности требует от субъектов активной, творческой, целеустремленной деятельности, такой подход отвечает общему содержанию понятия субъекта как носителя предметно-практической деятельности и познания (индивид или социальная группа), источника активности, направленной на объект⁵⁶. Субъект социальной политики, как и любой другой политический субъект, есть источник активности, предметно-практической деятельности, направленной на те или иные политические объекты (наиболее общий объект — все общество). Активное начало субъектов социальной политики — необходимое условие воспроизводства и развития общества.

Категории субъекта и объекта носят соотносительный характер, поскольку институты, организации и лица, выступающие в одном отношении как объект, в другом измерении могут выступать уже в роли субъекта. Так, граждане, получая от государства различную материальную помощь, выплаты и субсидии, являются объектом его социальной политики. Вместе с тем они — и субъекты социальной политики. Например, участием в формировании органов власти, в выборах, референдумах они активно влияют на проводимую государственную политику, в том числе и социальную⁵⁷.

Бесспорно, что главная роль в формировании и осуществлении социальной политики принадлежит государству, его представительным и исполнительным органам, поэтому главным субъектом социальной политики выступает государство.

Особенность, уникальность роли государства заключается в его ответственности за социальную стабильность в обществе, устойчивость социального положения граждан, социальных групп, регулирование общего развития общества. Это обусловлено самой природой государства как единственного политического и правового субъекта, обладающего всем спектром властных полномочий.

Именно государство регулирует основные параметры социально-экономического развития общества, санкционирует стратегию социального реформирования. И наоборот, именно в ходе реализации социальных программ и регулирования социальной практики преимущественно осуществляется воздействие государства на социально-политическую сферу. Социальная политика государства, выступающая как целенаправленная, организованная его деятельность, направлена на повышение уровня жизни, на создание равных условий для развития всего общества и реализацию по-

тенциала каждого из его членов. Государственная социальная политика представляет собой составную часть внутренней политики, воплощенную в его социальных программах и практике, регулирующую отношения в обществе в интересах основных социальных групп населения.

Роль государства в осуществлении социальной политики определяется спецификой этого важнейшего субъекта социального управления. Во-первых, государство обладает суверенитетом в отношении своей территории и поэтому наделено соответствующими властными полномочиями. Во-вторых, именно государство обладает наиболее значительными ресурсами для осуществления социальной политики. В-третьих, государство является «сложным субъектом» — в России, в связи с ее федеративным характером, формированием и осуществлением социальной политики занимаются не только различные федеральные органы, но и государственные органы субъектов федерации. И, наконец, любую государственность характеризует всеобщность и взаимосвязь общества, его отдельных членов (граждан государства), благодаря чему государство может воздействовать на показатели социально-экономического развития как в масштабах страны, так и на уровне локальных общностей и отдельных граждан.

Не случайно проблемы социальной политики и социального развития исследуются в мировой социологии часто именно в рамках концепции государства всеобщего благосостояния (*welfare state*), или социального государства. В узком смысле понятие «*welfare state*» относится к системе социального обеспечения⁵⁸, а в широком — обозначает систему программ и мер, которые помогают людям удовлетворить те социальные, экономические, образовательные и медицинские потребности, которые являются фундаментальными для поддержания стабильности общества⁵⁹. Термин «социальное государство» воспринят и действующей Конституцией Российской Федерации (ст. 7).

Формирование социального государства явилось результатом объективного исторического процесса, в ходе которого происходили качественные изменения функциональной направленности и самой сущности государства, его общественного предназначения⁶⁰. Человечество прошло долгий путь в своей истории до тех пор, пока социальные функции государства приобрели самостоятельное значение. Собственно и социальная политика как направление деятельности государства и само социальное государство — явления достаточно молодые. Первые слабые признаки того, что сегодня характерно для современных социальных государств, можно отметить лишь в конце XIX в.

Но истоки социального потенциала государства обнаруживаются в самой его природе: государство социально ориентировано уже в своем генезисе, изначально формируется как институт социального компромисса в сложно дифференцированном обществе⁶¹. Одной из убедительных теорий причин возникновения государства и права кажется «естественная» теория происхождения государства, обобщающая данные истории, археологии и антропологии. Эта теория связывает появление государства как социального регулятора с эпохой «неолитической революции»⁶², характеризующейся переходом от присваивающего к производящему хозяйству. В основе перехода к производящей экономике лежали кризисные явления, которые поставили под угрозу само существование человечества. Ответив перестройкой всей своей социальной и хозяйственной организации, человечество смогло выйти из глобального экологического кризиса. В эту перестройку входит и новая организация властных отношений — появление государственных образований, раннеклассовых городов-государств. Таким образом, «неолитическая революция» — переход человечества к производящей экономике — приводит первобытное общество объективно в силу своего внутреннего развития к финальному рубежу — социальному расслоению общества, появлению классов, зарождению государства.

Как форма организации общества, призванная обеспечивать его целостность и управляемость, государство выполняет функции, обусловленные потребностями общества, а следовательно, служит его интересам.

Такое понимание противоречит возникшему полтора века назад марксистскому определению государства, которое более семидесяти лет воспринималось советским обществоведением как единственно правильное и незыблемое, но с учетом исторического опыта и современного уровня научных знаний нуждается в критическом переосмыслении и уточнении.

В частности, следует признать ошибочной общепринятую в советском обществоведении трактовку государства исключительно с классовых позиций, исходя из основополагающих указаний классиков марксизма, рассчитанных на государство в обществе, разделенном на антагонистические классы. Именно применительно к такому обществу они рассматривали государство как организацию политической власти экономически господствующего класса, орудие его диктатуры, как машину для подавления одного класса другим. «Самой чистой», классической формой возникновения государства Энгельс, например, считал Афины в Древней Греции, где государство появилось «непосредственно из классовых противоречий»⁶³.

Такой подход обеднял представление о государстве, содержал упрощенное, одностороннее понимание его сущности и социального назначе-

ния, ориентировал на приоритет принудительной, насильственной стороны данного явления.

В связи с коренными изменениями, происшедшими в мире после Второй мировой войны, трактовка государства исключительно с классовых позиций вступила в противоречие с ходом развития государства не только в капиталистических странах Запада, но и в Советском Союзе, а после его распада — в России и других странах СНГ.

В XX в. в промышленно развитых странах все более распространяются концепции и доктрины, возлагающие на государство задачу обеспечения таких прав человека, как право на определенный стандарт благосостояния. Особую популярность приобретают теория и практика «социального рыночного хозяйства», подразумевающие проведение государством широких социальных мероприятий.

К выполнению «общих дел» относится прежде всего удовлетворение разнообразных коллективных потребностей общества: организация здравоохранения, образования, социального обеспечения, средств транспорта и связи, строительство ирригационных сооружений, борьба с эпидемиями, преступностью, меры по предотвращению войны и обеспечению мира и т. п.

Следует иметь в виду, что соотношение между общечеловеческим и классовым в государстве в разные эпохи не одинаково. В определенных условиях, например в рабовладельческих и феодальных государствах, в буржуазных государствах периода промышленного капитализма, в некоторых буржуазных государствах эпохи монополистического капитала, особенно с тоталитарным режимом, а также в государствах диктатуры пролетариата, в характеристике сущности и социального назначения государства на первый план выступает классовое господство, насилие, подавление.

Среди функций эксплуататорского государства преобладают карательно-репрессивные, свидетельствующие, что государство на этом этапе служит интересам узкого класса или социальной группы, что соответствует классовому подходу к пониманию сущности государства. Изучение процессов трансформации сущности и функций государства в истории показывает, что постепенная трансформация государства в виде поэтапных преобразований со временем привела к изменениям фундаментального характера, затронувшим основы функционирования государства и изменившим его предназначение в обществе⁶⁴.

С повышением производительности труда доля прибавочного продукта, взимаемого государством в виде налогов на содержание аппарата публичной власти, постепенно уменьшается. Поэтому государство постепенно утрачивает черты эксплуататорского. Промышленная революция и ее

последствия, выразившиеся в развитии капиталистических отношений, укрупнении рынков, создании масштабных финансовых институтов, интенсивном технологическом развитии, привели к резкой социальной и материальной дифференциации общества, росту социальной напряженности. В этих условиях государство было вынуждено взять на себя функцию поддержания социальной справедливости в обществе и создания равных условий для развития всех социальных групп и граждан общества. В результате этого в начале XX в. во многих странах Европы начинают постепенно формироваться признаки социального государства, когда на первый план в деятельности государства выходят социальная целесообразность и социальные ценности.

Сущностью этого типа государства является соединение всех социальных групп населения в единое целое, объединенное в понятие «гражданское общество». Принципиальное его отличие от предшествующих типов государства состоит в том, что его целью является обеспечение защиты и обслуживание интересов всего общества в целом, а не его отдельной части. В результате этого в деятельности государства начинает занимать доминирующее положение новое направление, которое получает название социальной политики. Основной целью современного государства стало обеспечение достойных условий жизни и благосостояния всех членов общества посредством использования множества рычагов воздействия на социально-экономическую сферу⁶⁵. С помощью мер регулирующего воздействия, поддерживающих частную инициативу и ответственность граждан, социальное государство создает условия для обеспечения справедливости в сочетании частных интересов и интересов всего общества через механизмы рынка, не допуская чрезмерного социального расслоения общества и сильных разрывов в уровне жизни граждан⁶⁶.

Итак, у современного государства одной из основных функций является уже не участие в классовой борьбе, а выявление и решение социальных проблем. Отсюда следует, что к функциям государственного управления относятся также так называемые функции управления проблемами, т. е. функции предвидения и выявления социальных проблем, их анализа и исследования, оценки и ранжирования, принятия решений, контроля за их реализацией, анализа результатов⁶⁷.

Социальное значение современного государства, уровень организационно-правовых форм, обеспечивающих реализацию его социальных функций, масштабы и результаты регулирующего воздействия на общество позволяют определить его как закономерный результирующий этап глобальной социальной трансформации и как особый тип высокоразвитого государ-

ства, берущего на себя максимальную ответственность за социальные процессы в обществе и его развитие⁶⁸. Определяя базовые параметры и систему координат политики, социальное государство создает условия для гармонизации отношений между государственными, общественными институтами и индивидуальными гражданами⁶⁹. Не следует отождествлять социальное назначение государства и его роль в общественной жизни.

История продемонстрировала, что механизм реализации идей социального государства, общая стратегия социальной политики могут быть принципиально различными.

Специфические условия того или иного государства (и даже отдельных территорий, регионов внутри государств), ресурсная база социальной политики, культурно-исторические традиции, особенности менталитета населения (преобладающие в конкретном обществе ценностно-нормативные системы, которые определяют общий уровень социальной ответственности, а также механизмы ее распределения между отдельными субъектами) — все это выступает в качестве факторов, воздействующих на формирование идеологии социальной политики, разработку ее стратегии, нормативных основ и реализацию практических мероприятий.

Кроме того, на разных этапах развития общества действуют различные совокупности социальных групп, у которых возникают различные отношения по поводу удовлетворения своих социальных потребностей. И это означает, что могут использоваться различные модели регулирования отношений социальных групп и индивидов по поводу удовлетворения социальных интересов⁷⁰.

Совокупность различных подходов к решению социальных проблем, основывающихся на единой идеологии, обуславливает выбор той или иной модели (стратегии) социальной политики. В самых общих чертах, специфику и преобладающий тип социальной политики определяет положение конкретной модели социального управления между рыночным (либеральным) и патерналистским полюсами. В зависимости от степени вмешательства государства в жизнь общества концепции и подходы к социальной политике можно расположить в определенном порядке — по мере возрастания роли государства от минимальной (консервативная) до максимальной (коммунистическая).

Консервативная концепция исходит из того, что вмешательство государства в жизнь общества должно быть минимальным. Главная задача государства здесь — обеспечивать сохранение устоев общества, общественных отношений. Государство защищает общество от посягательств извне,

катаклизмов. Когда возникают социальные потрясения, власть действует активнее и устраняет их.

Либеральная концепция исходит из того, что главная задача государства — обеспечение прав и свобод граждан. Проводится идея о минимуме вмешательства в жизнь людей. Государство проявляет активность в социальной сфере (образование, здравоохранение и т. д.).

Социал-демократическая концепция исходит из необходимости более широкого вмешательства государства в жизнь общества. Задача государства — обеспечить определенный уровень равенства в обществе путем перераспределения доходов, достойные условия существования каждому члену общества.

Коммунистическая концепция видит роль государства в обществе максимальной. Государство должно быть главным орудием социальных преобразований, его задача — строительство коммунизма, справедливого общества, удовлетворяющего потребности индивидуумов. В действительности, социалистические государства, созданные на основе коммунистической идеологии, трансформировались в тоталитарные государства, осуществляющие социальную политику, формально близкую к социал-демократическому идеалу.

Как уже говорилось выше, различные социально-экономические условия, политические, иные традиции приводят к формированию социальных государств различных типов. В соответствии с наиболее распространенной классификацией социальных государств, разработанной Г. Эспинг-Андерсеном, различают три модели социального государства, осуществляющих, соответственно, либеральную, корпоративную (этатистскую) и социал-демократическую (солидарную) модели социальной политики. Данные модели выделяются в зависимости от того, базовые принципы какого вида социальной ответственности (индивидуальной, коллективной (корпоративной) или общественной) определяют процессы регулирования социальных отношений в обществе⁷¹.

В основе либеральной модели социального государства лежит индивидуальный принцип, который предполагает личную ответственность каждого члена общества за свою судьбу и судьбу своей семьи при минимальной роли в регулировании социальной сферы государства, которое берет на себя ответственность лишь за сохранение минимальных доходов всех граждан и за социальную поддержку лишь наиболее слабых и обездоленных слоев населения, стимулируя, с другой стороны, развитие в обществе различных негосударственных форм социального страхования и социальной поддержки. Финансовую основу социальных программ составляют

в первую очередь частные сбережения и частное страхование. Поэтому здесь действует принцип эквивалентности, возмездности, а не солидарности. Подобная модель социального государства присуща США, Англии.

Вторая модель социального государства — коллективная (корпоративная). В ее основе лежит корпоративный принцип, который предполагает, что максимум ответственности за судьбу своих работников несет корпорация (предприятие, учреждение). Корпорация при заключении договора найма стимулирует работников к внесению максимального трудового вклада, за что предлагает ему различные виды социальных гарантий в виде пенсионного обеспечения, частичной оплаты медицинских, рекреационных услуг и образования. В данном случае и государство, и негосударственные организации, и личность также несут долю ответственности за социальное благополучие в обществе, но все же большую роль здесь играют предприятия, которые имеют собственную разветвленную социальную инфраструктуру, собственные социально-страховые фонды. Финансовой основой данной модели социального государства являются в первую очередь ресурсы корпораций. Наиболее активными субъектами социальной политики в данном случае выступают и государство, и негосударственные организации, и личность. Классическим образцом применения корпоративной модели является Япония.

И последняя модель социального государства — общественная, или социал-демократическая, в основе которой лежит принцип солидарности. Он означает ответственность всего общества за судьбу своих членов. Это перераспределительная модель социальной политики.

Социально-демократический принцип, первоначально основанный на концентрации общественных фондов поддержки профсоюзных и иных демократических общественных организаций, позднее распространился на всех граждан государства, имеющих права на равные льготы, независимо от степени нужды и трудового вклада⁷². Государство в данной модели, помимо того, что оно является наиболее активным субъектом социальной политики, выступает также в качестве основного общественного института, осуществляющего функции перераспределения, и государственные социальные гарантии для населения предоставляются по большей части в бесплатной (безвозмездной) форме. Именно государство в данном случае берет на себя большую часть ответственности за социальное благополучие своих граждан. Финансовыми механизмами перераспределения служат государственный бюджет и государственные социально-страховые фонды, средства которых идут на обеспечение государственных социальных гарантий.

В зависимости от классификационного критерия могут быть выделены и иные модельные ряды социальной политики, помимо вышеприведенной типологии, основывающейся на выделении ведущего субъекта социальной политики⁷³.

В зависимости от того, каким образом социальное государство взаимодействует с рыночными субъектами в процессе реализации своих социальных функций и обеспечения социальных обязательств, могут быть выделены благотворительная, административная и стимулирующая модели социальной политики. Благотворительная модель основывается на том, что государство независимо от рынка обеспечивает функционирование системы социальной поддержки на принципах благотворительности и добровольности пожертвований. Административная модель социальной политики предполагает, что государство с помощью мер административного вмешательства в деятельность субъектов рыночного общества перераспределяет часть ресурсов в пользу государственного бюджета, государственных социальных фондов и через государственный социальный сектор обеспечивает реализацию социальных обязательств. Стимулирующая социальная политика проявляется в том, что государство с помощью мер косвенного регулирующего воздействия (например, налогового) создает особую внешнюю среду, стимулирующую к самостоятельному решению социальных проблем.

В зависимости от стратегических установок по формированию приоритетов общественного развития, может быть выделена либо доходная (перераспределительная), либо развивающая модели социальной политики.

Различные модели социальной политики и социального государства существуют в смешанных формах и характеризуют исторически сложившийся тип социальной политики того или иного государства. Ни одна из моделей не является идеальной, каждая из них имеет свои плюсы и минусы. Современные тенденции мирового развития, страновые и региональные особенности различных обществ, их систем и структур объективно побуждают социальную политику к постоянному вынужденному колебанию между названными полюсами.

Различные модели социальной политики адекватны тем отношениям, которые складываются на том или ином этапе развития общества и отвечает запросам субъектов социальной политики, позволяют удовлетворять социальные интересы различных социальных групп и индивидов. Однако на пути реализации каждой из моделей социальной политики лежат определенные препятствия, преодоление которых зависит от того, насколько го-

сударство представляет и реально следует тем «правилам игры», которые предусмотрены в каждой из моделей.

Общечеловеческое предназначение государства в более широком смысле состоит в том, чтобы быть инструментом социального компромисса, смягчения и преодоления противоречий, поиска согласия и сотрудничества различных слоев населения и общественных сил; обеспечения общесоциальной направленности в содержании всех осуществляемых им функций.

Поскольку государство является продуктом общественного компромисса, то социальная деятельность государства может быть определена как политика по созданию структуры отношений, адекватных господствующим социально-институциональной и нормативно-ценностной структурам, контролирующим материальные и духовные ресурсы воспроизводства общества.

2.4. Механизм реализации государственной социальной политики

Механизм реализации государственной социальной политики отличается довольно большим многообразием.

С экономической точки зрения сущность государственной социальной политики заключается в перераспределении доходов и состоит в перемещении доходов от богатых членов общества к бедным — путем введения системы социальной поддержки в виде пособий, бесплатных услуг и т. д. Сегодня считается, что одна из наиболее естественных и важных функций государства связана с перераспределением доходов и ресурсов.

Перераспределение доходов возможно в двух видах. Во-первых, оно осуществляется в виде передачи доходов богатых бедным — это вертикальное перераспределение доходов. Во-вторых, доходы перераспределяют через госбюджет в рамках отдельных социальных групп. Оно приводит к тому, что эти группы (например, «класс трудящихся») сами платят за социальные выгоды, которые они получают во всей их совокупности. Такое перераспределение, по выражению французского экономиста Б. де Жуве-неля, является горизонтальным (т. е. в рамках одной социальной группы).

Перераспределение доходов осуществляется государством с помощью фискальной и социальной политики.

С экономической точки зрения перераспределение доходов, на котором основывается социальная политика большинства современных государств, основывается на аксиоме об убывающей полезности, суть которой можно пояснить следующим образом: «Очевидно, что любое перемещение дохо-

дов от относительно богатого человека к относительно бедному примерно такого же характера должно увеличить общую сумму удовлетворенности, поскольку это обеспечивает удовлетворение более насущных потребностей за счет менее насущных»⁷⁴. Главный аргумент в пользу перераспределения доходов заключается в том, что оно необходимо для максимизации удовлетворения нужд потребителя, или предельной полезности.

Теоретической основой политики перераспределения доходов, которую в той или иной мере осуществляют все современные государства, являются постулаты марксистской и кейнсианской школ: стимулирование совокупного спроса, канализация инвестиций в «точки роста» и выделение их из общих правовых и экономических условий рынка, использование целого ряда инструментов регулирования экономической сферы общества, а также достижение полной занятости.

Считается, что в процессе регулирования доходов следует добиваться оптимального соотношения между эффективностью общественного производства и социальной справедливостью экономической системы. Чрезмерное выравнивание доходов и имущества («уравниловка») приводит к значительному ослаблению стимулов к труду и рыночных механизмов хозяйствования. В то же время чрезмерная дифференциация доходов обуславливает нарастание социальной напряженности, углубление социальных конфликтов.

Основными аргументами против политики перераспределения доходов является невозможность удовлетворения социальных потребностей общества только за счет людей со сверхдоходами, богатых, что вызывает необходимость изъятия ресурсов и у представителей средних классов (которые одновременно являются и получателями в схемах перераспределения доходов), а также то, что последствием политики перераспределения является сокращение частной инициативы во многих сферах общественной жизни, уничтожение слоя независимых и богатых людей, ослабление гражданского общества.

Необходимо учитывать также критику современных концепций распределения экономиста и философа Ф. Хайска⁷⁵, убедительно доказывающего, что ни одно правительство не может быть в полной мере компетентным для того, чтобы реализовать непротиворечивую модель распределения, — в первую очередь вследствие того, что информация, необходимая для осуществления действенного и справедливого распределения, рассеяна в обществе. Это «рассредоточение информации» в обществе возводит непреодолимый барьер на пути осуществления практически всех современных концепций распределения.

Но даже если государство сможет получить информацию, требуемую для осуществления необходимого распределения, следует учитывать тот факт, что в обществе нет и не будет согласия относительно того, каким ценностям должно отдаваться предпочтение в случае их конфликта. Так, принцип удовлетворения основных жизненных потребностей может оказаться в противоречии с принципом вознаграждения по заслугам. Так как в обществе можно наблюдать только относительное согласие относительно приоритета ценностей, то по этой причине всякая модель перераспределения ресурсов может показаться несправедливой, непредсказуемой и произвольной.

На практике главными средствами уменьшения неравенства в перераспределении доходов являются прогрессивный подоходный налог и социальные расходы государства.

Лишь в XX в. налоги стали использоваться еще и как инструмент экономической политики государства. На сегодняшний день среди основных функций налогов, помимо фискальной и регулирующей, выделяется еще и социальная. Суть ее заключается в том, что в процессе распределения и перераспределения доходов в рыночной экономике обычно возникает естественная диспропорция: одни люди зарабатывают больше, другие меньше, а третьи — вообще ничего не зарабатывают.

Идея внесения «нового социального идеала в обложение в виде стремления к большей уравнительности в распределении доходов и имущества, в виде уменьшения этим путем пропасти между состоятельными и неимущими» принадлежит А. Вагнеру.

Свои социальные расходы государство осуществляет в ходе регулирования социального развития, имеющего различные формы. Государство, общество — сложные социально-экономические системы. Понятие развития общества как системы, очевидно, должно подразумевать положительную динамику параметров развития как общества в целом, так и отдельных регионов, социальных общностей и людей. Сложные социально-экономические связи и строение элементов системы определяют и понятие развития, и сложный механизм государственной социальной политики.

Государственное регулирование социального развития следует представить как совокупность специально организуемых действий политического, правового, политического, финансового, экономического и иного характера, призванных, во-первых, давать стимулы (в том числе ресурсные) развитию тех территорий, и категорий населения, которые по объективным причинам не могут функционировать в режиме саморазвития; во-вторых, активизировать и ресурсно поддерживать социальную мобильность населения; в-третьих, создавать условия для возникновения и функционирования госу-

дарственно значимых потенциальных точек роста (например, СЭЗ, технопарков и т. п.); в-четвертых, формировать и поддерживать специфические правовые режимы для территорий и категорий населения особого политического и геополитического значения; в-пятых, оперативно реагировать на возникновение неблагоприятных ситуаций в социально-экономической сфере и образование зон бедствий (стихийных, техногенных и др.).

Важнейшим принципом государственного регулирования социально-го развития является принцип преимущественной ориентации на программно-целевые методы. Программно-целевые методы являются надежным научным, и практическим инструментом государственного регулирования, фиксирующим как экономические, так и социальные, организационно-правовые механизмы государственного регулирования.

Очевидно, что меры государственно-регулятивного характера могут считаться таковыми, если, во-первых, их логика сопряжена с соответствующими законами; во-вторых, если их масштаб исходит из реальных ресурсов, в-третьих, если они адекватны конкретной ситуации, и, в-четвертых, если есть средства объективного контроля выполнения намеченного действия и достижения намеченных результатов.

В этом отношении государственное регулирование социального развития ничем не отличается от другой государственно-регулятивной деятельности, и его модель включает следующие самоочевидные блоки: «Формирование», «Ресурсы», «Реализация» и «Контроль»⁷⁶.

Формирующий блок направлен: 1) на создание идеологии и концепции госрегулирования; 2) формирование структуры и нормативно-правового обеспечения этого регулирования; 3) информационно-аналитическую оценку приоритетов и возможностей государства.

Концептуальная, правовая и организационная база государственной социальной политики должна формироваться, во-первых, целенаправленно, исходя из стратегической концепции развития; во-вторых, комплексно; в-третьих, поэтапно; в-четвертых, согласованно с другими актами по социально-экономической политике государства. К сожалению, в России уже в этом блоке отмечается ряд недоработок даже на федеральном уровне. А законодательная основа для формирования региональной социальной политики либо находится в зачаточном состоянии, либо отсутствует. В этой сфере традиционно иногда доминируют субъективизм и чрезмерная политизированность, упрощенный подход и конъюнктурность. В результате бессистемного нормотворчества сложилась неоднородная практика государственного регулирования с множеством белых пятен, противоречий, индивидуальных решений и т. п. В нынешнем качестве нормо-

творчество становится фактически тормозом совершенствования системы госрегулирования социального развития.

Ресурсный блок призван оценить все финансовые, имущественные, природные и иные ресурсы, как государственные, так и привлекаемые негосударственные, которые можно направить на решение соответствующих задач.

Определенная часть государственных финансовых ресурсов целевым образом обособляется в виде различных (часто внебюджетных) фондов. Однако основной объем реального ресурсного обеспечения регулятивных действий государства специально не выделяется и попадает к промежуточным и конечным получателям совсем по другим каналам и чаще всего без каких-либо гарантий результативности использования. Именно здесь часто нарушаются базовые принципы государственного регулирования социального развития, средства фондов зачастую используются по произвольным механизмам, без применения критериев распределения финансовой помощи.

Наиболее многообразен и структурно неоднороден реализующий блок, включающий десятки механизмов и процедур. Сюда входят качественно различные меры: политические решения, установление отдельным категориям населения и некоторым территориям особых организационно-правовых режимов и проведение специальных организационно-хозяйственных акций (например поддержки сельхозпредприятий путем списания долгов по ГСМ), осуществление акций социального характера (переселение людей из зон экологического бедствия и др.); ликвидация последствий чрезвычайных экологических и техногенных ситуаций (например, землетрясений), предоставление отдельным предприятиям налоговых льгот, государственных заказов или возможностей госзакупок их продукции по повышенным ценам.

Другими словами, в этом блоке сосредоточены конкретные действия государственной селективной поддержки отдельных категорий населения, некоторых сообществ, регионов, нуждающихся в государственной поддержке для воспроизводства и развития социальной сферы. Самая распространенная форма — бюджетно-финансовая — воплощается в трансфертах — узаконенных поступлениях денежных средств из вышестоящих в нижестоящие бюджеты, а также в любых других поступлениях бюджетных и внебюджетных средств.

Кроме указанных мер, государство может использовать такие формы государственной селективной поддержки, как целевые программы, кредиты, займы.

Таким образом, отечественный арсенал средств государственного регулирования обширен и многообразен, многие из них, по-видимому, не имеют даже аналогов в мировой практике. Проблема, однако, в том, что практически все эти средства применяются несистемно, их использование не встроено в единую структуру госрегулирования и почти никогда не является результатом жесткого критериального отбора. При этом ни одно из рассматриваемых регулятивных действий не подкреплено должным образом ресурсным обеспечением. В этом повинны как общая ситуация в экономике, не позволяющая в полной мере ресурсно обеспечивать нуждающиеся в поддержке категории граждан, территориальные сообщества, так и непосредственно недостатки в государственной политике, отказ от политики жесткого отбора объектов регулирования, отсутствие механизмов использования полученных ресурсов.

Контролирующий блок должен включать меры последовательного и постоянного отслеживания хода реализации каждого элемента блока реализации, будь то масштабная целевая программа, трансферт или ситуативное решение в любой поддержке какого-либо объекта социальной политики. При этом речь идет о контроле и за своевременным доведением решений, за их выполнением (по объемным показателям, по своевременности выделения ресурсов и доведением их до конечных получателей, по результативности их использования и т. п.). Относительно практически всех мер государственного регулирования социального развития можно отметить, что ни каналов, ни методов контроля за их результативностью не существует. Более того, подобного контроля и быть не может, хотя бы потому, что практически ни одно действие в социальной сфере не имеет никаких однозначно проверяемых результирующих параметров. Понятия «контроль» и «оценка» могут относиться к самому факту формального исполнения соответствующих решений, но никак не к результату, квалифицируемому в качестве осязаемого факта «социального развития».

В своей подавляющей массе действия государства ориентированы просто на «поддержку», «развитие», «улучшение», «стабилизацию» и другие неконкретные понятия. Ресурсная же их обеспеченность почти всегда столь далека от потребностей, что они не способны принести какие-либо однозначно фиксируемые результаты. Пока еще отсутствуют четко определенные критерии оценки качества социального обслуживания.

Формы реализации социальной политики государства многообразны: по сути, любая страна выбирает те или иные способы воздействия на социальную сферу, в соответствии с национальными, культурными, политическими традициями, уровнем экономического развития и т. д.

В целом можно выделить укрупненно следующие формы воздействия государства в рамках проводимой им социальной политики:

- целевые программы;
- бюджетные инвестиции, трансферты;
- индивидуальные решения;
- содействие обеспечению занятости;
- кредитование под государственные гарантии;
- установление особых правовых режимов (как для отдельных категорий граждан, так и регионов) и др.

Рассмотрим основные формы государственной поддержки. При этом следует сразу отметить, что экономические проблемы и недостатки государственного регулирования социального развития приводят в первую очередь к кризису самих форм поддержки, оказывающихся неэффективным средством регулирования, неэффективно используемыми на практике.

Очень сложно реализуется такое испытанное средство государственного воздействия на социальное развитие, как целевые программы. Любая социальная программа представляет собой систему мероприятий, направленных на решение конкретных социальных проблем и стимулирование развития той или иной стороны жизни общества. Главное достоинство целевых программ заключается в том, что они изначально имеют межотраслевой характер. В советское время (до начала перестройки 1985 г.) целевые программы считались чуть ли не главным средством решения социальных и социально-экономических проблем общества. Существовали многочисленные и разнообразные программы, составлявшие и выполнявшие на союзном, республиканском и региональном уровнях (продовольственные, жилищные, охраны природы и здоровья населения).

Целевые программы и до сих пор являются одним из основных средств решения федеральных, территориальных и отраслевых проблем. Создание программ стало сегодня широко принятой формой государственного регулирования социального развития. Сегодня насчитывается более 50 федеральных программ развития только субъектов Федерации; десятки программ посвящены самым разнообразным территориальным объектам и аспектам их функционирования. Наиболее известными на нынешний день являются национальные проекты («Образование», «Здравоохранение» и др.)

Однако хаотичность, заведомая необеспеченность ресурсами, недостаточная обоснованность и другие характерные черты современного программно-регулирующего дела делают его зачастую малорезультативным. Не существует системы оценок эффективности федеральных программ. Среди экспертов и практиков, ответственных за реализацию целевых программ,

отсутствует взаимопонимание в том, что учитывать при такой оценке их эффективности — объемы и структуру финансирования, временные затраты, конечный результат или любые эффекты программы, роль программ в выполнении федеральных законов и постановлений в области социального обслуживания, опираться ли на статистические данные, поступающие из регионов, проводить мониторинг деятельности учреждений или определять эффективность на основе проведения выборочных обследований социальных служб и их клиентов⁷⁷. Такие исследования проводятся от случая к случаю, носят эпизодический, фрагментарный характер⁷⁸. В регионах не разработаны единые подходы к анализу этой деятельности.

Бюджетные инвестиции, трансферты — активно используемый в рыночной экономике вид государственной поддержки. Однако в России бюджетные инвестиции, использовавшиеся до 1994 г., были неэффективны. Впоследствии, в связи с кризисом 1998 г. в условиях ужесточения денежно-кредитной политики они были практически свернуты и только сегодня в условиях макроэкономической стабилизации существуют возможности эффективного использования этой формы поддержки, затрагивающей в основном социально-значимые предприятия и отдельные регионы.

Индивидуальные режимы устанавливались в России в самых разных формах. Наиболее распространенной и затрагивающей обширные слои населения была система льгот. Стержнем социальной политики России в течение 1990-х годов можно считать ориентацию на сохранение социальной стабильности. На этом этапе социальная политика в России, как и во многих других странах с переходной экономикой, была ориентирована преимущественно на охват социальной защитой практически всего населения. В то же время эффективность социальных программ не попадала в поле зрения. Как отмечалось в «Основных направлениях социально-экономической политики правительства Российской Федерации на долгосрочную перспективу», в итоге к концу 1990-х годов доля населения, имеющего право на получение социальных гарантий, льгот и выплат, установленных законодательными актами Российской Федерации, составила 70 % всего населения Российской Федерации, т. е. около 100 млн человек могли претендовать на получение социальных выплат и льгот. Только девятью видами социальных пособий и компенсаций (включая ежемесячное пособие на ребенка) было охвачено более 45,5 млн чел. На федеральном уровне было установлено около 150 видов социальных выплат, льгот, пособий, дотаций, оказываемых 236 различным категориям населения (например, ветеранам, детям, инвалидам, учащейся молодежи и т. д.). Распределение общей суммы денежных средств, которое получало население по этим на-

правлениям социальной защиты, складывалось следующим образом: только четверть общей суммы реализуемых всеми домохозяйствами льгот и пособий приходилась на долю домохозяйств со средним доходом ниже прожиточного минимума домохозяйства. Такое положение связано с тем, что практически все социальные пособия, выплаты и льготы, установленные на федеральном уровне, предоставлялись на основе категориального принципа.

Индивидуальные льготные режимы, часто являвшиеся следствием популистских действий политических элит и лоббистских группировок, устанавливались в 1990-х годах крайне хаотично, подчас дублируя объекты социальной защиты. Подобные индивидуальные режимы запутывали механизм государственного регулирования, лишали его ясности, объективных критериев и четких ориентиров, перегружали власти как в центре, так и на местах трудно упорядочиваемой и плохо контролируемой рутинной работой. И главное, они не могли дать результатов, поскольку часто не были подкреплены соответствующими ресурсами. В последнее время большинство индивидуальных режимов претерпело существенную трансформацию в ходе реформирования форм социальной поддержки. Особенно крупной и отчасти неудачной была реформа системы социальных льгот, или, как она именовалась официально, «форм социальной поддержки». В России к 2005 г. сохранялось множество льгот. Многими из них никто никогда не пользовался, финансирование части льгот периодически исключалось из ежегодных бюджетов. В этой системе действительно должен был быть наведен порядок, но реализация реформы оказалась неудачной. Реформа, проходившая под общей идеей перераспределения полномочий между центром и регионами, была представлена как монетизация льгот, но на практике означала отмену многих из них. Была обещана полная компенсация имевшихся льгот, но вначале была компенсирована, по приблизительным подсчетам, лишь третья их часть. Не были произведены соответствующие расчеты, а федеральные и местные власти не смогли договориться о распределении социальных обязательств. Хотя реформа льгот коснулась более 40 млн человек, ее суть не была разъяснена.

Реформа социальных льгот была воспринята как удар по беднейшим слоям населения, в то время, как профицит бюджета составил 5 % ВВП (в первую очередь благодаря благоприятной конъюнктуре на международных сырьевых рынках). К огромному удивлению властей, ответом населения на эту реформу были спонтанные акции протеста. Чтобы снять напряженность, правительству пришлось отменить большую часть своих реше-

ний, создав очередной сложный механизм социальных компенсаций, и существенно поднять пенсии.

Государственное содействие занятости — самостоятельный блок регулирования важнейшей социальной проблемы. В РФ ежегодно принимаются программы содействия занятости. Программы предполагают активизацию участия федеральных органов государственной власти в осуществлении мероприятий на рынках труда. Особое внимание уделяется регионам экологического бедствия, имеющим естественные монополии, ВПК, потенциально депрессивным, слаборазвитым регионам. Программы развивают адресный подход, однако в целом эффективность и таких программ низка, поскольку безработица часто имеет скрытый характер.

Кредитование под государственные гарантии, весьма распространенное в развитых государствах с рыночной экономикой, практически не нашло распространения в России, несмотря на то, что в последнее время активность по разработке мер законодательного и организационного характера усилилась.

Установление особых правовых режимов — весьма действенный механизм, применяемый преимущественно для развития отдельных территорий. В современных российских условиях он оказался малорезультативен по различным причинам. Общий его недостаток заключается в бессистемности установления подобных режимов и введении их как самоцели без учета очевидных ресурсных ограничений в экономике.

Межбюджетные ссуды, предоставляемые отдельным нуждающимся регионам для развития социально-экономической сферы, обычно не относят к системе социальной политики, регулирования социального развития, но поскольку процент по таким кредитам ниже банковского (коммерческого) кредита, то получающаяся процентная разница по существу может рассматриваться как форма финансовой помощи.

Как видим, арсенал государственных средств, форм воздействия на социальное развитие достаточно широк. Однако все они зачастую разрознены, их использование не носит системного характера; отсутствуют надежные методы определения эффективности социальной политики и, в конце концов, необходимые ресурсы, — что в итоге значительно снижает эффективность государственного воздействия на социальную сферу.

Таким образом, для того чтобы государственная социальная политика была эффективной, необходимо, помимо обеспеченности необходимыми ресурсами, решить две важнейшие проблемы.

Во-первых, мероприятия, осуществляемые государством в целях регулирования социального развития, должны носить системный характер, что,

в свою очередь, подразумевает формирование долгосрочной социальной стратегии, решение одного из главных вопросов социальной политики — вопроса о социальных приоритетах, долгосрочных социальных задачах, которые признаются всем обществом на данном этапе его развития. Государственная стратегия социальной политики должна найти баланс между текущими и перспективными интересами общества, между совпадающими и несовпадающими интересами различных социальных групп.

Во-вторых, мероприятия, предпринимаемые государством в целях регулирования развития социальной сферы, должны основываться на надежных методах определения эффективности социальной политики. Направленность и конкретные формы осуществления государственного регулирования социальной сферы должны своевременно корректироваться — в соответствии с экономическими и социальными показателями, анализом данных органов контроля, и научными исследованиями практического характера.

В целом можно отметить, что в процессе реформирования методов и форм социальной политики, осуществляемой государством, постепенно разрабатываются формы и методы государственного регулирования социального развития в условиях рыночной экономики (правовое и финансовое регулирование, перераспределение общественных ресурсов и производство социальных услуг). Институционализируются новые способы и механизмы регулирования социальных отношений, среди которых⁷⁹: перераспределение и регулирование доходов и заработной платы; регулирование занятости и безработицы; поддержка частной инициативы и малого предпринимательства; развитие обязательного социального страхования, систем социального обеспечения и помощи малоимущим и нетрудоспособным, систем пенсионного обеспечения, государственных систем образования и здравоохранения.

2.5. Социальная политика российского государства в современных условиях

Проблема выбора модели и стратегии социальной политики, адекватной потребностям общества, имеет особую актуальность для обществ переходного типа. С глобальной точки зрения проблемы этого выбора существенно усложняются в связи с общецивилизационными тенденциями (помимо глобализации это — переход от общественной организации, описанной классической социологией, к постиндустриальному обществу, представляющему

собой качественно новый тип развития). Таким образом, российское общество должно выработать достойный ответ на вызовы XXI в.

До сих пор остается недостаточно разработанной проблема перехода к новой модели активной социальной политики в условиях рыночных трансформаций, обеспечивающей сочетание экономической эффективности и социальной справедливости.

Социальная политика имеет двойственный характер: ее эффективность следует оценивать по двум критериям: во-первых, по степени обеспеченности решения собственно социальных проблем (по темпам повышения общественного благосостояния), во-вторых, по степени включенности социальной политики в механизм экономического роста.

Реализация социальной политики в современных российских условиях существенно осложняется спецификой переходного периода. Переход от планово-административного регулирования к рыночным условиям хозяйствования охарактеризовался резким углублением социальной дифференциации российского общества, ростом неопределенности и неустойчивости социального статуса значительной части граждан, ухудшением ситуации на рынке труда.

Социальная политика современной России формировалась на основе модели социальной политики социалистического государства. В целом, социальную политику бывшего СССР можно охарактеризовать как патерналистскую модель, для которой характерно жесткое определение государством поведения человека в социальной сфере и охват социальной защитой практически всего населения. Решающую роль в определении сущности и форм социальной политики бывших социалистических стран играла коммунистическая (социалистическая) идеология, основная идея которой заключалась в том, что все социальные группы, все члены общества работают на благо общества, которое в свою очередь обеспечивает каждой группе, каждому ее члену определенный уровень материального и социального благосостояния, т. е. удовлетворения социальных интересов. Предполагалось, что каждый член общества работает по способностям, с полной самоотдачей и получает по труду — в зависимости от приложенных усилий. При этом, принципом оплаты труда в социалистическом обществе является лозунг: за равный труд — равная оплата. Социальное обеспечение, здравоохранение, образование, широкий диапазон общественных услуг (библиотеки, музеи, услуги спортивно-развлекательных заведений и т. д.) предоставляются всем членам общества одинаково либо бесплатно, либо за символическую плату⁸⁰.

Это — идеальная модель социалистической социальной политики, в основе которой заложен принцип гарантированности в завтрашнем дне и социальной справедливости, понимаемой как равенство в распределении материальных и социальных благ.

Однако на пути реализации такой идеальной модели стоят определенные трудности, которые иногда приводят к невозможности ее осуществления⁸¹.

1. Сам по себе принцип оплаты по труду в строгом смысле слова не является экономически оправданным. Экономическим принципом является оплата по результату труда (оплатить только после того, как произведенные блага и услуги нашли своего покупателя и оценены им). В результате, принцип оплаты по труду приводит к появлению труда ради труда, а следовательно, к невозможности эффективного производства.

3. Бесплатное получение социальных благ одними членами общества в реальности компенсируется за счет перераспределения ресурсов, а значит, и за счет изъятия части «трудовых доходов» членов общества, следствием чего, как правило, является низкий уровень заработной платы, установление «потолка заработной платы». Принцип уравнительного перераспределения, «уравниловки» фактически ведет к отсутствию стимулирования труда, а значит, прекращается рост производительности труда. Отсутствие роста производительности труда ведет к так называемому «проеданию» общественного богатства. Распределение остается равным, но распределять приходится все меньше и меньше.

3. Распределение по принципу «общего котла» требует громоздкого и крайне сложного механизма распределения, бюрократического аппарата, содержание которого, в свою очередь, требует больших непроизводительных затрат.

В литературе советского периода к субъектам социальной политики относились классы, социальные слои и группы, нации и народности, партия, государство, общественные организации и трудовые коллективы⁸². Необходимо учитывать, что патерналистская модель социальной политики, получившая устойчивое развитие в Советском Союзе, предполагала наличие максимального участия в ней государства, его тотальную ответственность за развитие социальных процессов и отношений. Происходило почти полное подавление негосударственной активности в социальной сфере, особенно в ее институциональных формах. Существовавшие в советское время общественные организации находились в идеологической, организационной, финансовой зависимости от государства и выступали в качестве проводников государственной социальной политики⁸³. Корпо-

ративная социальная политика, активно развивавшаяся в советский период, — не может быть отнесена к самостоятельным формам государственной социальной политики, так как сами предприятия находились в государственной («общенародной») собственности и не могли проводить самостоятельную политику.

Социальные инициативы местных сообществ (например, организация субботников, культурно-массовых мероприятий), как правило, санкционировались органами государственной власти на местах и находились под их контролем. Сферой относительно свободного от государства пространства социальной политики в СССР оставались семейные, межсемейные и профессиональные сети социальной взаимопомощи — т. е. в советский период негосударственное пространство социальной политики существовало в ограниченных, скрытых, в основном в не институционализированных формах⁸⁴. В то же время патерналистское социальное государство в силу своей специфики покрывало большую часть континуума социальной ответственности в обществе и обеспечивало удовлетворение основных социальных потребностей населения на уровне установленных им и легитимизированных стандартов.

Трансформация характера и масштабов социальных функций государства, отход от принципов максимального и прямого контроля патерналистской модели в социальной сфере изменили роль государства. В современных условиях государство является центральным, но не единственным субъектом социальной политики. Его роль в значительной степени подкрепляется ролью множества институтов гражданского общества, которым государство делегирует широкий спектр функций.

С началом структурных реформ в экономике и политике в странах бывшего социалистического лагеря характерны те же тенденции реформирования социальной сферы, ослабления «социального государства», что наблюдается в большинстве стран современного мира.

Дело в том, что в реформировании большинства новых независимых государств, по рекомендации экспертов Всемирного банка, была избрана неолиберальная стратегия реформ, характеризующаяся сжатыми сроками проведения всей системы рыночных преобразований. Согласно рекомендациям, реформируемые общества должны придерживаться трех постулатов неолиберальной теории: «любое государственное вмешательство всегда не позволяет эффективно размещать ресурсы», т. е. «ошибки государства всегда хуже ошибок рынка»; «государственная собственность в принципе неэффективна, поэтому ее надо приватизировать в короткий срок»; «любое изменение общего уровня цен всегда происходит только вслед-

ствие сдвигов в объеме денежной массы»⁸⁵. Решающими позициями в руководстве большинства постсоветских стран завладели экономисты и политики неолиберальной ориентации, как безоговорочно разделяющие методы «шоковой терапии», так и пытающиеся видоизменить и сгладить тяжелые последствия неолиберальных реформ. Процесс приватизации в большинстве постсоветских и постсоциалистических государств сопровождался следующими явлениями: а) использованием ваучерного метода, б) приоритетом искусственно созданного «национального капитала», в) осторожным балансированием между экономической выгодой и социальной защитой⁸⁶.

На изменение стратегий и форм социальной политики повлияли также объективные условия трансформирующегося общества — первоначально в экономике, а затем и в политике, институциональные структуры, формы и методы регулирования социально-экономической сферы периода социализма оказались недееспособными. Этот процесс трансформации социальной политики повсеместно сопровождался кризисными явлениями в экономике, что делало невозможным надлежащее ресурсное обеспечение реформ.

За период с 1991 г. система регулирования социальной сферы, масштабы и методы социальной политики в России подверглись существенной трансформации. Помимо того, что был официально закреплён принцип равенства различных организационно-правовых форм реализации социальной политики, принцип участия негосударственных структур в качестве субъектов социальной политики, видоизменилась и социальная инфраструктура общества, изменились правила функционирования существующих социальных структур.

Нельзя не согласиться с мнением Е.Ш. Гонтмахера⁸⁷, согласно которому управление социальными процессами в экономически развитых российских регионах проходит сегодня по совершенно другим механизмам, чем в советское время. Если раньше была строго централизованная вертикальная система управления и можно было напрямую регулировать процессы в любом регионе вплоть до административных районов, то сейчас эти рычаги практически не действуют. Становление трехуровневой власти (федеральный центр, региональная власть, местное самоуправление) означает кардинальное изменение в системе социальной политики. В широком смысле современная социальная политика может рассматриваться как интеграция механизмов и способов, посредством которых исполнительная власть: федеральное правительство и региональные администрации, а также органы местной власти влияют на жизнь населения, стремятся способствовать социальному равновесию и стабильности.

По мнению английского исследователя М. МакФаула, с тех пор как Россия стала независимым государством (с момента распада Советского Союза), здесь не происходило существенных реформ социальной политики⁸⁸.

Изучение направлений развития социальной политики показывает, что такое мнение не совсем верно, так как можно проследить, по крайней мере, два этапа изменения и развития социальной политики в Российской Федерации⁸⁹.

Первый этап (первая половина 90-х годов) характеризовался сохранением патерналистской модели социальной политики, для которой характерно определение государством поведения человека в социальной сфере и охват социальной защитой практически всего населения. Данная модель была заимствована из практики регулирования социальной сферы Советского Союза.

Среди основных недостатков патерналистской модели следует назвать перекрестную реализацию социальных программ, вызывающую дублирование социальной помощи и неоправданно высокие (конечно, с точки зрения ухудшившихся финансовых возможностей) расходы на социальную сферу.

В сложных экономических условиях начального этапа реформ (1992—1995 гг.) принимались меры, направленные на смягчение отрицательных последствий инфляции и на частичную компенсацию потерь нуждающимся группам населения. На этом этапе социальная политика в России, как и во многих других странах с переходной экономикой, была ориентирована преимущественно на наращивание удельного веса социальных расходов в совокупных расходах государства. В то же время усилия, направленные на повышение эффективности социальных программ, отступали на второй план.

Как следствие, за 1992—1994 гг. суммарные социальные расходы консолидированного бюджета и внебюджетных фондов увеличились более чем на 5 % ВВП⁹⁰.

Возрастание расходов на социальные цели в процентах к ВВП сопровождалось заметным ростом численности работников отраслей социальной сферы, как в абсолютном выражении, так и в процентах от общего числа занятых в экономике.

Однако наращивание доли социальных расходов не смогло предотвратить кризиса в социальной сфере, поскольку эффективность программ социальной поддержки была крайне низкой. Сравнительный анализ социальных трансфертов показывает, что в конце 1990-х годов лишь 6 % российской социальной помощи достигало наименее обеспеченных групп населения, в сравнении с 29 % в Польше, 36 % в Эстонии и 78 % в США⁹¹. При

этом доля населения, претендующего на социальную помощь, в 2004 г. достигала 70 %⁹².

Распределение общей суммы денежных средств, получаемых населением по этим направлениям социальной защиты, складывается следующим образом: только четверть общей суммы реализуемых всеми домохозяйствами льгот и пособий приходится на долю домохозяйств со средним доходом ниже прожиточного минимума домохозяйства, в то время как на долю домохозяйств со средним доходом выше прожиточного минимума домохозяйства — три четверти. Такое положение связано с тем, что практически все социальные пособия, выплаты и льготы, установленные на федеральном уровне, предоставляются на основе категориального принципа. Лишь два вида социальных выплат — ежемесячное пособие на ребенка и жилищные субсидии — предусматривают проверку нуждаемости и предоставляются домохозяйствам, чей среднедушевой доход ниже прожиточного минимума⁹³.

Повышение доли социальных расходов привело лишь к дальнейшему быстрому нарастанию проблемы бюджетного дефицита, подобная модель показала свою неэффективность в регулировании современных социальных процессов в обществе. Вместе с тем ее применение на начальном этапе социально-экономических преобразований в России было обосновано в силу ряда объективных причин, среди которых:

- резкое падение уровня жизни населения и трансформация социальной структуры общества;
- отсутствие опыта решения столь масштабных задач в области социальной поддержки;
- недостаточная определенность социально-экономических приоритетов государства;
- необходимость полного использования тех ресурсов, форм и методов работы, которые остались от дореформенной системы социальной защиты.

Резкое обострение бюджетно-финансовых проблем в экономике страны, а также в социальной сфере подтвердило бесперспективность попыток решить социальные проблемы лишь путем дальнейшего наращивания финансирования — без проведения глубоких структурных преобразований в сфере социальной политики. В целом, оценивая ситуацию в России в начале 90-гг., можно сказать, что государство, несмотря на возрастающие объемы социальных обязательств, не могло в полной мере разрешить возникшие в ходе реформирования социальные противоречия и проблемы, или смягчить социальное противостояние. Так как значительная часть га-

рантированной государством поддержки населения не могла быть покрыта соответствующим ресурсным обеспечением, подобная политика формировала недоверие населения к власти.

Механизмы реализации социальной политики в российском обществе характеризовались, по мнению исследователей, реально существующими трудностями, такими как:

а) образовавшимся «разрывом» между поставленными самой жизнью социальными проблемами и возможностями финансово-экономического, организационного и управленческого плана;

б) противоречиями между декларируемыми федеральным центром, региональными и местными властями целями и задачами социальной политики, с одной стороны, и реальными мерами по их осуществлению — с другой;

в) противоречиями между органами социальной политики федерального центра и регионов, которые охватывают сферы компетенции, управления и организации конкретной предметной работы и реализации социальных программ⁹⁴.

Сущность второго этапа современной истории развития российской социальной политики составляет более четкое определение приоритетов социальной политики и переход от патерналистской модели к новой стратегии и идеологии социальной политики. Именно переход, так как очевидно, что существующая в российском обществе модель социальной политики находится далеко от поставленных целей.

Исходя из «Основных направлений социально-экономической политики правительства Российской Федерации на долгосрочную перспективу» (2000 г.)⁹⁵ и других программных и нормативных актов, определяющих приоритеты реформирования, подобную модель социальной политики можно охарактеризовать как субсидиарную, основывающуюся на системе «адресной» социальной поддержки.

Основными характеристиками системы «адресной» социальной поддержки являются:

— дифференциация социальной политики государства в отношении различных слоев населения;

— доведение до получателей социальной помощи финансовых ресурсов в полном объеме;

— определение и разграничение полномочий в реализации социальной политики между всеми уровнями бюджетной системы.

Последовательное осуществление политики, базирующейся на реально имеющихся у государства ресурсах и возможностях, предполагает переход

к перераспределению социальных расходов в пользу самых уязвимых групп населения при одновременном сокращении социальных трансфертов обеспеченным семьям. Только в этом случае активная социальная политика выступает катализатором социального развития и экономического роста.

Как отмечается в «Основных направлениях социально-экономической политики правительства Российской Федерации на долгосрочную перспективу», чтобы высвободить необходимые бюджетные ресурсы для оказания адресной социальной помощи, требуется сокращение бюджетных субсидий производителям товаров и услуг, а также льгот и выплат, предоставляемых по категориальному принципу. Необходимо упразднить большинство льгот, установленных федеральным законодательством, и передать полномочия по принятию решений об установлении большинства видов социальной помощи на уровень субъектов Российской Федерации и местного самоуправления. При этом необходимо более широкое использование процедур обязательной проверки нуждаемости получателей льгот, а также установление ограничений на общее число видов социальной помощи и льгот, которые могут предоставляться одновременно одной и той же семье.

Как представляется, само по себе утверждение системы адресной социальной поддержки не меняет сущности и основных методов социальной политики, реализуемой в обществе, означая только лишь сужение числа реципиентов социальной поддержки. Гораздо более серьезной в плане концептуальных оснований реформирования является переход от эгалитарного, патерналистского подхода в социальной политике к применению модели «субсидиарного государства». Сегодня в ряде стран бывшего СССР (России, Казахстане и др.) наблюдается такой переход.

Принцип subsidiarности — самообеспечения ранее был провозглашен в качестве приоритетов социальной политики в Западной Европе (например, у западногерманских христианских демократов). В «Принципиальной программе ХДС» (1978 г.) принцип subsidiarности сформулирован так: «Социальная политика, ориентированная на будущее, должна сочетать рентабельность и гуманность. Гуманнее и рентабельнее:

- дать семье возможность выполнять свои воспитательные функции, чем финансировать дорогостоящие учреждения по возмещению ущерба, возникшего как следствие недостаточной заботы;
- предотвращать несчастные случаи, чем смягчать их последствия;
- сохранять здоровье, чем бороться с болезнями;
- предупреждать возникновение нужды, чем поддерживать бедных;

— предоставлять социальные блага действительно нуждающимся в них, в соответствии с чем постоянно пересматривать социальные притязания в соответствии с изменением имущественного положения, включая налоговые льготы и социальные пособия. Никакого единого страхования, всеобщего обеспечения граждан государством.

...То, что может осуществить собственными силами малое сообщество, не должно брать на себя более крупное... Гражданин должен познать и осуществлять свободу в семье, среди соседей, в мире труда и досуга, а также в общине и государстве. Он должен иметь возможности выбирать и решать, участвовать в ответственности и разделять ее. Человека нельзя ни низводить до роли опекаемого, ни принижать до состояния только потребителя государственных услуг. Он должен быть способен отстоять себя от технократических и бюрократических посягательств и от свращения идеологиями...»⁹⁶.

Принцип субсидиарности на наш взгляд, можно отнести к либеральным принципам социальной политики, подразумевающий развитие прежде всего на основе самообеспечения и самозащиты, социальную поддержку для содействия самопомощи и частной инициативе. Согласно такому подходу граждане должны иметь возможности участвовать в социальной ответственности и разделять ее. Поэтому в рамках концепции субсидиарности большая часть доходов должна оставаться в руках получателей этих доходов, а не изыматься в виде налогов и взносов на социальные нужды. Императив субсидиарной социальной политики может быть сформулирован так: объем социальной поддержки должен быть ограничен самыми острыми нуждами общества (его отдельных категорий, групп, и членов) и не создаваться искусственно политикой перераспределения.

Один из принципов субсидиарной социальной политики заключается в том, что размер сферы социального обеспечения по мере роста общественного богатства и благосостояния граждан должен не расширяться, а, наоборот, сокращаться. Социальная благотворительность — явление временное, связанное с бедностью слоев населения, не способных поддерживать собственное благосостояние и вынужденных пользоваться всякого рода пособиями, вспомоществованиями, бесплатными услугами. По мере роста богатства общества и жизненного уровня его граждан потребность в системе социального вспомоществования отпадает, средние и зажиточные слои должны автоматически лишаться права на всякого рода пособия. Пользователями услуг должны быть только бедные, нуждающиеся в поддержке и не имеющие возможности обеспечить себе прожиточный минимум. Принцип эф-

фактивной организации системы социального обеспечения: чем богаче общество, тем меньше в нем получателей социальных благ.

Переход к модели «субсидиарного государства» означает, что государство должно снять с себя ответственность за предоставление основной части социальных услуг тем гражданам, которые обладают самостоятельными источниками финансирования социальных потребностей. Эти граждане за счет собственных доходов должны оплачивать практически все расходы по оплате жилья и коммунальных услуг, профессионального образования, а также значительную часть расходов на лечение, школьное образование и пенсионное обеспечение.

В соответствии с либеральной моделью социальной политики, функции «субсидиарного» государства в социальной сфере должны сосредоточиться преимущественно на оказании социальной помощи, а также предоставлении ограниченной номенклатуры бесплатных услуг в области здравоохранения и образования той части населения, которая без государственной помощи не может избежать крайней степени нуждаемости и лишилась бы доступа к основным социальным услугам.

Весьма многие политики и ученые в связи с переходом выражают обоснованные опасения, что государство намерено практически полностью снять с себя обязанности по социальному обеспечению и поддержке граждан и возложить их на них самих.

Так, для сферы образования это означает, что государство берет на себя ответственность по бесплатному предоставлению населению лишь определенного перечня образовательных услуг, а предоставление услуг свыше установленного уровня является платным. Такой подход фактически означает отказ от режима полного бюджетного содержания всего высшего профессионального образования и переход к системе инвестирования в него на основе сопоставления выгод и издержек со стороны потребителей его продукта (образовательных услуг и производимого с их помощью человеческого капитала)⁹⁷. Этот переход зафиксирован в документах о современной образовательной политике РФ: «Российское общество должно перейти от режима бюджетного содержания своей системы образования к режиму инвестирования в него»⁹⁸. Инвесторами при этом становятся домохозяйства, бизнес и государство (его федеральные, региональные и местные органы власти). Не случайно в «Стратегии» отсутствует тезис о расширении государственных гарантий реализации права граждан на образование, о бесплатных среднем (полном) общем образовании, среднем профессиональном образовании, дополнительном образовании для детей.

Проводимая в стране пенсионная реформа также находится в русле перехода к субсидиарному государству. Как известно, до конца 2001 г. пенсионная система России была полностью распределительной (принцип «солидарности поколений»), т. е. финансирование текущих пенсий осуществлялось исключительно за счет средств, собираемых с фондов оплаты труда работающих граждан. В 2002 г. осуществлен переход к накопительной пенсионной системе, предполагающей индивидуальное накопление каждым гражданином своих собственных пенсионных средств. Пенсионные накопления были подразделены на базовую, страховую и накопительную части. Первые две части являются элементами распределительной системы и индексируются с учетом инфляции. Ставка была сделана на накопительную часть. Предполагалось, что передача этой составляющей институциональным инвесторам (частным инвестиционным компаниям) позволит решить две важнейшие задачи: 1) инвестировать «пенсионные деньги» в экономику страны и за счет этого обеспечить более высокие темпы экономического роста; 2) повысить благосостояние будущих пенсионеров за счет извлечения доходов от капитализации их пенсионных накоплений

Однако переход к накопительной пенсионной системе, хотя он и соответствует общей идеологии перехода к субсидиарному государству, явился вынужденной мерой, обусловленной надвигающейся демографической катастрофой. С 1992 г. в России наблюдается устойчивая тенденция депопуляции населения, характеризуемая превышением числа умерших над числом родившихся.

По прогнозам демографов, к 2050 г. население РФ может сократиться на 100 млн чел. В ближайшей перспективе число работоспособного населения уменьшится вдвое. По данным экс-министра труда А. Починка, к 2008 г. на каждого работающего россиянина будет приходиться один пенсионер⁹⁹. Когда же настанет время современной молодежи выходить на пенсию, то, скорее всего, на одного работающего будет приходиться уже больше одного пенсионера. При таком соотношении работающих и пенсионеров распределительная пенсионная система работать не сможет. Именно поэтому и был осуществлен переход к накопительной системе¹⁰⁰.

Теперь уже ясно, что сделать к старости приличные накопления в рамках пенсионной накопительной системы большинству российских граждан вряд ли удастся. По оценке зам. министра финансов Б. Златкис, при зарплате в 5 тыс. руб. (это немного меньше средней зарплаты по России в 2003 г.) мужчина 1967 г. рождения при наиболее вероятном росте фондового рынка в среднем на 5 % в год получит ежемесячную прибавку к пенсии в 73 руб. (в ценах 2003 г.). При легальной зарплате в 1 тыс. дол. прибавка

возрастет до 14,4 дол. в месяц¹⁰¹. Аналитики полагают, что пенсионная реформа в нынешнем виде провалилась, поскольку предложенный механизм в принципе не способен изменить ситуацию с пенсиями к лучшему — столь мизерные отчисления обыкновенному человеку не помогут. Для формирования нормальной пенсии нужны отчисления, составляющие порядка более половины заработка¹⁰². В целом складывающаяся ситуация, не позволяет говорить о том, что есть основания для оптимизма относительно развития пенсионной реформы.

В настоящее время принят пакет законопроектов по реформированию ЖКХ, предполагающий привлечение к его обслуживанию частных компаний и переход к 100%-й оплате коммунальных услуг. Льготы инвалидам и пенсионерам (проезд в городском и на железнодорожном транспорте, бесплатное медицинское обслуживание и лекарства, коммунальные услуги, оплата телефона и др.) заменяются денежной компенсацией — причем и эта мера осуществляется непоследовательно и противоречиво, так как вызвала массовый протест «льготников». Завершена подготовка пакета законов по реформированию здравоохранения, одним из проявлений которого является сокращение количества квалифицированных врачей и больничных государственных стационаров. Ведется работа над аналогичными законами по сворачиванию системы государственного образования. Все эти законы вступают в силу в 2007—2008 гг., которые, видимо, и будут временем окончательного формирования модели субсидиарного государства.

При характеристике субсидиарной модели социальной политики очевидно, что стратегической целью подобного реформирования является сокращение социальных функций российского государства, перенос основных расходов на содержание социальной сферы на граждан. Однако в этом случае предлагаемая стратегия социальной политики вступает в противоречие с базовым конституционным определением Российской Федерации как социального государства.

Помимо прочих есть еще один немаловажный аргумент, свидетельствующий о неприемлемости субсидиарной модели для управления социальным развитием современной России.

Размер сферы социального обеспечения может обоснованно сокращаться лишь по мере роста общественного богатства и благосостояния граждан — в подобной ситуации отказ государства от изъятия доходов граждан ради все возрастающего и уже не нужного перераспределения, «уравниловки» способствует сохранению частной инициативы и стимулированию труда.

Но в современной России невозможно переложить на граждан львиную долю ответственности в социальной сфере, как это делается в развитых странах, — в силу сохраняющейся бедности основной массы населения. В целом по уровню жизни населения и его дифференциации по доходам мы находимся сегодня, по оценке Всероссийского центра уровня жизни Минтруда РФ, на уровне 1913 г.¹⁰³ Произошла поляризация общества на два неравных социальных слоя — обеспеченности и бедности.

В обществе фактически отсутствует средний класс в качестве вполне адаптированной к новым условиям страты. 5 % богатых и очень богатых людей сосредоточили в своих руках не только производственные мощности, сырьевые ресурсы и высокую долю текущих доходов, но и располагают тремя четвертями денежных сбережений, которые находятся в том числе за рубежом. Рассчитывать, что узкий слой сверхбогатых граждан России в порядке инвестирования или благотворительности поможет решить насущные социальные проблемы (чего не происходило ранее) — как минимум наивно. Возросшие прибыли экспортеров, и хлынувший в Россию поток «сырьевых» долларов не приводят к инвестиционному буму, в экономике России в 1999—2006 гг. обозначился глубокий разрыв между потребностями страны в инвестициях в модернизацию экономики и развитие человеческого капитала и способностью государственных и частных институтов трансформировать получаемые доходы и свободные средства в конкретные программы по развитию социально-экономической сферы. Принудительное же перераспределение доходов — в масштабах, достаточных для решения острых социальных проблем реформируемого общества, — противоречит самой сущности субсидиарной политики.

По мнению некоторых аналитиков, в современных условиях, когда в России от 40 до 50 % населения имеют доходы ниже прожиточного минимума, формирование социальной политики по модели «субсидиарного» государства может привести к ухудшению условий жизни среднего класса, который вынужден будет оплачивать большую часть расходов в социальной сфере, не располагая для этого достаточными финансовыми ресурсами¹⁰⁴.

«Субсидиаристские» преобразования в здравоохранении, образовании, науке, ЖКХ и т. п. подчас трактуются их идеологами как «новый, решающий этап единой российской реформы». Соглашаясь с этой редакцией тезиса о «новом старом реформационном курсе», нельзя, во-первых, не констатировать, что одним из результатов прошедшего (преимущественно экономического) этапа реформы стало фактическое разрушение экономики страны. Не станет ли новый (с акцентом на социальные вопросы) этап либерального реформирования ударом по главному фактору общественного развития — чело-

веческому капиталу страны? К сожалению, оснований для положительного ответа на этот вопрос предостаточно¹⁰⁵.

Итак, существенной особенностью социальной политики современной России является поиск модели, наиболее адекватной изменившимся условиям. Одно из проявлений подобной трансформации заключается в попытке кардинальной смены одной модели социального государства на другую, т. е. резкий переход от максимально огосударствленной, перераспределительной социальной политики к полностью либерализованной, индивидуализированной социальной политике.

Несмотря на очевидные недостатки самой идеологии «субсидиарного государства» и негативные последствия ряда либеральных реформ, положительное значение системного реформирования социальной сферы в последние годы заключается в том, что осознана необходимость концептуального оформления социальной политики российского государства и создания системы управления социальным развитием, адекватной экономической и политической системе постсоветского общества.

Существенный недостаток социальной политики государства заключался в том, что мероприятия в социальной сфере носили мозаичный характер вследствие отсутствия целостного видения того, как должна реформироваться социальная сфера. В контексте трансформации российского общества, социальная политика служила лишь целям адаптации и выживания, не преследуя долгосрочных целей модернизации социальной сферы.

Сформулированные в 2004—2005 гг. задачи для здравоохранения, образования и жилищной сферы носят, по замыслу разработчиков, стратегический характер и служат именно цели модернизации социальной сферы.

В Послании Федеральному Собранию весной 2004 г. президент Владимир Путин сконцентрировал внимание на самых насущных для граждан страны проблемах — качестве и доступности медицинского обслуживания, образования, жилья — и наметил пути социальной модернизации.

Было провозглашено повышение доступности и качества медицинской помощи для широких слоев населения. При этом в основание реформ оказания медицинской помощи, как и других реформ, была положена субсидиарная модель социальной политики, в рамках которой предполагается решение стратегических целей социальной инновации, модернизации. Так, основной принцип реформирования системы здравоохранения заключается в том, что гарантии бесплатной медицинской помощи должны быть общеизвестны и понятны, а дополнительная медпомощь и повышенный уровень комфортности ее получения должны оплачиваться пациентом. При этом такая оплата должна производиться в соответствии с принципами обя-

зательного страхования. Одновременно необходимо создавать стимулы для развития добровольного медицинского страхования. Стратегическая цель модернизации отечественного здравоохранения — повышение его эффективности и, как следствие — показателей здоровья нации.

Чтобы не допустить утраты российским образованием имевшихся преимуществ и одновременно усилить его инновационность, необходимо повышать и модернизировать требования к образованию. Разработчики реформ образования исходят из того принципа, что сформулировать современные и адекватные запросы к образованию способен только рынок труда. Поэтому результативность реформ в образовании следует измерять по показателям его качества, доступности и соответствия потребностям рынка труда.

Так как в жилищной сфере старые методы и подходы оказались не способны решить ряд накопившихся проблем, была заявлена необходимость обеспечить возможности для основной части населения приобретения жилья на рынке, — за счет собственных накоплений и с помощью жилищных кредитов, а также с помощью формирования массового рынка жилья.

Сформулированные осенью 2005 г. приоритетные национальные проекты созданы для решения соответствующих задач модернизации социальной сферы. Национальные проекты дополняют и развивают запущенные ранее федеральным центром и регионами программы. Причем средства, выделяемые на четыре приоритетных национальных проекта, отличаются по своим целям, объемам, логике и срокам ожидаемого эффекта. Национальные проекты направлены на аспекты российской социальной сферы, влияющие прямо или косвенно на все институты российского общества.

Перечислим их.

Важным национальным проектом является приоритетный национальный проект «Доступное и комфортное жилье — гражданам России». В настоящее время значительная часть населения проживает в ветхом или аварийном жилье. Многие лишены таких базовых удобств, как водопровод, канализация, центральное отопление. Сегодня нужно не только строить новое жилье, что исключительно важно, но и обеспечить качественный ремонт, реконструкцию и поддержание в приемлемом состоянии наличного жилищного фонда.

Концептуально проект делится на два блока. Это — меры, направленные на формирование спроса (подпрограммы «Выполнение государственных обязательств по обеспечению жильем категорий граждан, установленных федеральным законодательством», «Обеспечение жильем молодых се-

мей», меры по развитию системы рефинансирования ипотечного кредитования и др.); а также меры, направленные на формирование предложения на рынке жилья.

Национальный проект «Доступное и комфортное жилье — гражданам России» является самым долгосрочным: срок его реализации — до 2010 г. Общий бюджет проекта на первом этапе (в 2006—2007 гг.) составляет 212,9 млрд руб., в том числе прямые расходы — 122,9 млрд руб., государственные гарантии — 90 млрд руб. Основная часть — средства федерального бюджета (86,1 млрд руб. прямых расходов) и государственных гарантий (60 млрд руб.). Средства региональных и местных бюджетов — 36,8 млрд руб. прямых расходов и 30 млрд руб. государственных гарантий. Кроме бюджетных средств и государственной поддержки, будут привлечены частные инвестиции.

Одной из важнейших стратегических новаций последних лет в жилищном вопросе можно назвать становление первичного ипотечного жилищного кредитования. В число системных целей, поставленных национальным проектом, входит формирование среды улучшения жилищных условий для основной массы населения на основе развития платежеспособного спроса. В связи с этим возрастает роль рыночных схем финансирования жилищного строительства, одной из которых является ипотечное жилищное кредитование. Успехи развития ипотеки широко известны по мировому опыту и могли бы сыграть свою положительную роль и в России. Однако необходимо учитывать, что при современном уровне дифференциации доходов значительные слои населения, для которых жилищная проблема наиболее актуальна, не могут позволить себе воспользоваться услугами ипотеки. Неравенство же в обеспечении жильем может только усилить социальное недовольство. Поэтому составным звеном решения жилищной проблемы (как в центре, так и в регионах) должно стать строительство муниципального жилья для наименее защищенных слоев населения (и предоставление жилья на основе социального найма).

Цели модернизации образования посвящен приоритетный национальный проект «Образование». На национальный проект «Образование» в 2006 г. из федерального бюджета первоначально было выделено 25 млрд руб. для финансирования мероприятий по информатизации школ. Также средства выделяются на формирование сети национальных университетов и бизнес-школ, дополнительное вознаграждение за классное руководство. В рамках этого проекта предусмотрена государственная поддержка талантливой молодежи и образовательных учреждений — вузов и школ, которые активно внедряют инновационные образовательные программы.

Не следует думать, что задачи национального проекта «Образование» сводятся только к повышению заработной платы учителей, подключению школ к сети Интернет и еще нескольким частным мероприятиям такого же порядка. Проект должен способствовать изменению самой стратегии построения образовательного процесса в стране, ее «настройке» на реалии современной жизни. Со всех точек зрения: от механизмов ресурсного обеспечения до участия общественности в повседневной деятельности вузов и школ.

Для реализации такой масштабной перестройки нужны не только финансовые средства, но и новые схемы и приемы администрирования.

Надо сказать, что в мире есть два подхода к проведению каких-либо изменений в системе образования¹⁰⁶. Первый подход предполагает направление ресурсов на подтягивание слабых учреждений до уровня сильных. Минус этого подхода в том, что сильные теряют один из стимулов быть таковыми. Плюс — в среднем выравнивается ситуация в образовании в целом по стране, резкие отличия сглаживаются, что имеет определенное позитивное значение.

Второй подход — поддержка наиболее успешных образовательных учреждений. Тогда все получают стимул быть сильными, добиваться результатов, так как достижение этих результатов поощряется. Однако разрыв между сильными и слабыми в этом случае, понятно, увеличивается.

Задача разработчиков национального проекта состояла в том, чтобы не уходить в крайности, обеспечивая баланс между стратегическими целями реформирования образования и необходимой поддержкой тех структур, которые сегодня в наибольшей степени востребованы. Между тем, первый этап реализации национального проекта был связан именно с поддержкой наиболее перспективных звеньев системы образования. Отобрано 18 инновационных вузов, 3 тысячи лучших школ, 10 тысяч лучших учителей. Несколько тысяч образовательных учреждений подключены к сети Интернет, и этот процесс продолжается.

Если же говорить о системных, институциональных изменениях, то они подразумевают смену или существенную корректировку деятельности в системе образования и значимые мероприятия в этом направлении еще не проводятся.

Масштабные цели по модернизации социальной сферы ставятся в рамках национального проекта в сфере здравоохранения (приоритетный национальный проект «Здравоохранение»). К основным целям проекта относятся: увеличить продолжительность жизни, снизить уровень заболеваемости и инвалидности; повысить доступность и качество медицинской по-

мощи населению; развивать профилактическую составляющую здравоохранения; повысить роль участковой медицинской службы, создать условия для увеличения объема оказания медицинской помощи на догоспитальном этапе; сделать высокотехнологичные виды медицинской помощи доступными не только для привилегированных слоев, но и для всего населения. В соответствии с посланием Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации 2006 г. принимаются меры, направленные на повышение качества медицинских услуг, предоставляемых женщинам в период беременности и родов и новорожденным. Национальный проект «Здоровье» находится на первом месте по объемам финансирования: на реализацию мероприятий проекта в 2006 г. было предусмотрено 88,4 млрд руб. Прежде всего, средства направляются на развитие первичной медицинской помощи и внедрение современного высоко-технологичного оборудования в систему здравоохранения.

Реализация приоритетного национального проекта «Развитие агропромышленного комплекса» осуществляется по трем направлениям:

- «Ускоренное развитие животноводства»;
- «Стимулирование развития малых форм хозяйствования в агропромышленном комплексе» (создание условий для привлечения в отрасль инвестиционных ресурсов, стимулирование импорта технологического оборудования для животноводства и первичной переработки продукции, не имеющего российских аналогов);
- «Обеспечение доступным жильем молодых специалистов (или их семей) на селе» — реализуется путем предоставления субсидий бюджетам субъектов Российской Федерации на проведение мероприятий по строительству (приобретению) жилья для молодых специалистов и их семей на селе.

В национальном проекте «Развитие агропромышленного комплекса» особое внимание уделяется развитию мясного и молочного животноводства, а также поддержке малых форм хозяйствования. Заявленные мероприятия финансируются за счет средств федерального бюджета (34,9 млрд руб. в 2006—2007 гг.), средств бюджетов субъектов Российской Федерации и внебюджетных источников. В 2006 г. на реализацию национального проекта «Развитие агропромышленного комплекса» из федерального бюджета выделено 16,2 млрд руб. Таким образом, национальный проект развития агропромышленного комплекса является слабо финансируемым. Судя по заложенному объему финансирования, никакого прорыва в эти годы не произойдет. Важные меры по развитию АПК, предусмотренные в национальном проекте, совершенно недостаточно обеспечены ресурсами.

Исполнение национальных проектов требует существенной модернизации многих блоков бюджетной системы страны. Средства, выделяемые непосредственно на национальные проекты, составляют всего 5—7 % от объема государственного финансирования соответствующих секторов и отраслей. В 2006 г. на эти цели из федерального бюджета предусмотрено израсходовать около 116 млрд руб., в 2007 г., по предварительным оценкам, эта сумма может возрасти до 220 млрд руб. — это без расходов региональных бюджетов¹⁰⁷. Поэтому среди схем достижения целей национальных проектов есть относительно простые, состоящие в прямом выделении денежных средств конечным получателям, и более сложные, в которых ассигнования из государственного бюджета работают через механизмы рыночной экономики. Государственное стимулирование развития частного инвестирования, кредитной и ипотечной систем как факторов модернизации социальной сферы является продолжением попыток реформирования социальной политики в соответствии с либеральной идеологией, отвечающей рыночному устройству общества. Рыночные механизмы осуществления социальной политики в большинстве своем являются сравнительно новыми для российской действительности, и потому их отработка еще далеко не закончена.

Система администрирования национальных проектов по-настоящему только начала свое становление. Эта система должна объединять и направлять усилия отдельных ведомств, имеющих отношение к тому или иному конкретному проекту. Раньше, до политических и экономических реформ 1990-х гг., роль надотраслевой управляющей структуры выполнял Госплан, функцию генерального управления и руководства выполнением стратегических задач осуществляла КПСС. В современных условиях необходимо осваивать новые формы управления, связанные с длительными и сложными процедурами согласования с другими ведомствами, исполнительными и законодательными властными органами различных уровней, с общественностью, с проведением юридических и технических экспертиз и т. д. В ходе реализации национальных проектов возникает соответствующая система институтов, ответственных за их исполнение и обеспечивающих разноуровневую координацию в ходе этого процесса. В аппарате правительства РФ создан Департамент национальных проектов, в министерствах есть сводные группы по отдельным направлениям проектов. В деле поиска новых форм администрирования сейчас появляются некоторые перспективные новации. Например, все большую роль начинают играть полномочные представительства президента РФ в федеральных округах. Теперь они занимаются не только контролем за ходом реализации нацпро-

ектов, но и взялись за обеспечение координации действий ведомств на уровне федеральных округов¹⁰⁸.

В целом еще трудно оценивать результативность реализации национальных проектов. Однако уже очевидно, что в обществе появилось некоторое разочарование в них.

Ожидания от реализации национальных проектов пока оправдываются слабо. По данным ВЦИОМ, если в мае 2006 г. улучшение ситуации в жилищной сфере отмечали 36 % респондентов, то в августе уже вдвое меньшее число опрошенных — 17 %; положительных оценок стало меньше и в здравоохранении (снижение с 48 до 35 %), образовании (с 47 до 31 %), сельском хозяйстве (с 36 до 19 %)¹⁰⁹.

Каждый второй респондент (49 %) полагает, что никаких позитивных изменений в их собственной жизни реализация национальных проектов не сулит. Ожидают улучшений жизни таких людей, как они, 37 % опрошенных, в их числе 11 % настроены на значительные улучшения¹¹⁰.

Предварительные итоги реализации национальных проектов у себя в регионе опрошенные оценивают скорее со знаком «минус». Так, успешным осуществление проекта «Качественное здравоохранение» считают 26 % респондентов, тогда как неуспешным — 36 %. Аналогичные оценки получает реализация проекта «Современное образование» (24 и 35 % соответственно). В отзывах о проекте «Развитие агропромышленного комплекса» еще больше негатива: 13 и 44 % соответственно.

Ситуация в здравоохранении, образовании, жилищной сфере и сельском хозяйстве воспринимается россиянами скорее негативно. Самой проблемной общественному мнению представляется жилищная сфера — 78 % оценивают положение в ней как плохое или очень плохое. Немногим лучше ситуация в сельском хозяйстве и здравоохранении (74 и 67 % негативных оценок). Сравнительно благополучным, на этом фоне выглядит положение в образовании (53 % негатива).

Как отмечает В. Федоров, разочарование населения в перспективах нацпроектов, на которые официально возлагались масштабные надежды кардинальной модернизации социальной сферы, является весьма опасным с точки зрения политической лояльности населения и стабильности социально-политической системы. Широко разрекламированными национальными проектами были стимулированы определенные общественные ожидания, и главный риск нацпроектов состоит именно в завышенных ожиданиях, которых раньше их не было. «Не было, например, никаких позитивных ожиданий в связи с монетизацией льгот — людям и в голову не могло прийти, что от нее им станет лучше. Напротив, все ожидания были апока-

липтические: люди думали, что вот опять у нас отберут последнее-кровное. С нацпроектами ситуация радикально иная: веру в них, надежду на них, пусть и ограниченную, создать удалось. Вопрос в том — насколько долго эта надежда продержится и что будет, если она не оправдается? А опасность того, что не оправдается, весьма велика»¹¹¹.

Долгое время в нашей стране практически отсутствовала стратегия социального развития. Однако и национальные проекты в целом пока не оправдывают возложенных на них надежд, хотя преимуществом национальных проектов является возможность постоянной конкретизации и совершенствования планов, методик и технологий их исполнения.

* * *

Итак, социальная политика Российской Федерации в 1990-е гг. была политикой не «развития», а «выживания». Начавшийся процесс переосмысления сущности и стратегии социальной политики позволяет надеяться, что сложившиеся принципы социальной политики могут быть экстраполированы на будущее, тем более что выработке стратегии развития способствует стабилизация в экономической сфере.

Несмотря на декларируемую Конституцией Российской Федерации ориентацию на социальное государство, подъем российской экономики, стабилизацию государственного бюджета, складывающуюся модель социальной политики следует охарактеризовать как субсидиарно-либеральную. Нельзя при этом не отметить противоречивость и непоследовательность реформирования социальной политики в последние годы (ярким образцом является «реформа форм социальной поддержки» 2005 г.).

Формирование модели социальной политики, отвечающей требованиям времени и назревшим социальным проблемам российского общества, а не либеральным догмам или постсоциалистическому уравнительному подходу, предполагает проведение ряда последовательных мероприятий. В соответствии с сущностью современной социальной политики, и конституционно закрепленной социальной природой российского государства, следует обеспечить сохранение институтов социальной защиты, формирование плюралистической системы общественных институтов социальной политики. Необходима корректировка мероприятий по формированию субсидиарной социальной системы, с учетом реальных условий российского общества.

Далее, необходим переход к активной социальной политике, предполагающей финансирование социальной сферы на основе научно обоснован-

ных подходов по решению насущных и возможных в будущем социальных проблем, что предполагает существенное увеличение затрат на социальную сферу и отказ от остаточного принципа ее финансирования.

Долгое время в нашей стране практически отсутствовала стратегия социального развития. Однако и национальные проекты в целом не задали необходимые направления приложения усилий. В основание реформ была положена субсидиарная модель социальной политики, в рамках которой предполагается решение стратегических целей социальной инновации, модернизации. Возможно именно концептуальное оформление модернизации социальной сферы, а именно — неудовлетворительность субсидиарной модели для решения социальных проблем современного российского общества — является причиной наметившегося разочарования в успехе нацпроектов среди граждан РФ. Помимо этого, в национальных проектах есть вопросы, на которые нужно обратить особое внимание. Это проблемы недостаточного объема федерального финансирования межбюджетных отношений, общественного контроля, кадровые вопросы, вопросы управления, коррупции.

Сегодняшнее декларирование готовности российской власти к изменению ситуации в социальной сфере, преодолению назревших проблем и реализации мероприятий, направленных на развитие, первые шаги по планированию национальных проектов — свидетельствуют о том, что необходимость развития приоритетных социальных сфер в последнее время стала общесочевидной. Однако необходимость существенных финансовых инвестиций, неопределенность сроков их отдачи, глобальность стратегических и тактических задач существенно усложняют достижение поставленных масштабных целей.

2.6. Социальное государство в условиях глобализации

Противоречивый опыт масштабной структурной трансформации, происходящей как в России, так и других странах бывшего «социалистического лагеря», крайне уникален, но одновременно имеет много общего, по своим причинам, содержанию и последствиям, с общецивилизационными изменениями. Весь современный мир находится в крайне неустойчивом состоянии — невиданных масштабов коренные социальные, экономические, политические и культурные сдвиги дополняются становлением новой системы международных отношений, изменением роли и сущности ряда государств, возникновением новых перспектив и глобальных вызовов. И внутренние процессы в бывших соцстранах сопряжены и взаимосвязаны с внешними факторами: масштабная трансформация, утверждая новую

модель мироустройства, неизбежно затрагивает как жителей наиболее развитых стран, так и обитателей самых отдаленных уголков планеты. Глобализация — одна из ведущих тенденций развития мирового сообщества, и перед государствами, культурами и цивилизациями стоит задача вписаться в современные глобальные процессы и отношения.

Хотя дискуссия по проблемам глобализации продолжается уже несколько десятилетий, единого, общепринятого определения термина «глобализация» до сих пор не существует. Процесс глобализации носит всеобъемлющий характер, поэтому его различные грани входят в предмет изучения почти всех общественных научных дисциплин.

Науки о международных отношениях уделяют главное внимание усилению взаимозависимости стран; проблемам «эрозии» суверенитета государств, трансформации международного права и становлению нового «открытого» мирового порядка.

Экономисты видят суть глобализации в возникновении мировой экономической системы особого типа, «открытой» экономики, значительно отличающейся от «закрытой» экономики, расцвет которой пришелся на середину XX в. Для этого явления, которое принято именовать экономической глобализацией, характерно формирование глобальной финансовой системы нового типа, развитие и повышение значения транснациональных корпораций, формирование транснациональной экономики (углубление международного разделения труда, возникновение мировых рынков сырья, капитала, рабочей силы, интенсификация мировой торговли и т. д.).

Помимо тех воздействий глобализации на общество, что являются результатом экономического и технического единения мира, немаловажное значение имеет тот факт, что происходит изменение самой идеологии государственного вмешательства в социальную сферу, соответствующее глобальной трансформации роли и функций «локальных», национальных социальных институтов. Очевидно, что национальное государство как активный субъект социальной политики, «социальное государство» в современную эпоху проходит испытание на прочность.

Это связано с изменением значения и роли национальных государств в современном мире. Глобализация, по мнению ряда исследователей, представляет непосредственную угрозу прежнему статусу национального государства, лежащему в основе послевоенной потсдамской и даже версальской систем межгосударственных, межнациональных отношений.

Самая очевидная тенденция глобализации — размывание границ. «Прозрачность» межгосударственных границ переворачивает все прежние представления о безопасности, о конфликтах и их урегулировании, о соот-

ношении внешней и внутренней политики, о дипломатии и о других базовых проблемах классических исследований по международным отношениям, но, главное, она стерла существовавшие ранее жесткие барьеры между внешней и внутренней политикой»¹¹².

Нельзя не согласиться с выводами, которые делает из такой ситуации итальянский «геоэкономист» Карло Жан: границы между национальной и глобальной, «внутренней» и «внешней» экономикой также становятся весьма относительными. Поэтому государству необходимо учитывать растущее значение внешних факторов и придерживаться такой политики, которая обеспечивала бы благоприятное международное положение национальной экономики. Это может привести к маргинализации государств-наций; с одной стороны, государства-нации слишком малы, чтобы осуществлять такие экономические функции, как, например, промышленно-финансовая политика, которые следует передать наднациональным структурам, вроде Европейского Союза; с другой стороны, государства-нации слишком велики, чтобы обеспечить местное управление экономикой»¹¹³.

Большинство исследователей рассматривают глобализацию именно в связи с процессами, имеющими противоположную направленность, т. е. с учетом дивергентных тенденций. Глобализация, подчеркивает английский социолог А. Гидденс, представляет собой «процесс неровного развития, который одновременно расчленяет и координирует»¹¹⁴. Американский политолог Джеймс Розенау настаивает на том, что общепланетарные тенденции к интеграции и фрагментации неразрывны (их связь он выразил словом «фрагмеграция»)»¹¹⁵. Вместе с тем, сопоставляя эти тенденции, ученый твердо назвал интеграцию и глобализацию доминирующими процессами, которым предстоит определять облик мира в XXI в.

Появление единого глобального миропорядка отнюдь не означает полной интеграции нового, мирового общества. Как замечает Р. Робертсон, единое общество или единая культура могут быть раздираемы конфликтами, а единая экономика может быть полем беспощадной конкуренции монополизирующих групп»¹¹⁶.

Таким образом, исследователи процессов глобализации делают попытки совместить тенденции глобализации и универсализации мира, с одной стороны, и его фрагментацию, обособление отдельных частей и областей с другой. Согласно этой точке зрения, «отношения в современном мире определяются, с одной стороны, центробежными процессами (глобализацией или интеграцией), а с другой центростремительными (фрагментацией, эрозией государств)»¹¹⁷.

Представители геоэкономической школы, представляя новое понимание экономического пространства как фрагментированной целостности, утверждают, что ослабление государственного суверенитета сопровождается экономическим процессом формирования архипелагов «городов-государств» и «государств-регионов», которые часто взаимодействуют напрямую в рамках «панрегионов» или же в рамках глобальной экономической системы, пытаясь минимизировать власть государства. Возникают естественные экономические зоны, участвующие в хозяйственной жизни не только отдельных континентов, но и всего мира, «без границ» напрямую, без серьезного посредничества ни со стороны государств, ни со стороны наднациональных полюсов. У этих зон нет политических границ, но есть рубежи, направление которых определяет логика глобализованной экономики, не знающей границ.

По мнению одного из представителей этого направления, японского бизнесмена К. Омаи, «традиционные национальные государства превратились в неестественные, даже невозможные с точки зрения бизнеса единицы в глобальной экономике», а «прежняя карта мира... стала не более чем иллюзией»¹¹⁸.

В подобной модели геоэкономики весьма возможны столкновения интересов и возникновение автономистических, если не сепаратистских, тенденций. Эта тенденция может превратить мир в архипелаг, состоящий из островов богатства посреди океана бедности. Такими островами будут «города-государства» или «регионы-государства». Дробление современного национального государства может привести к ломке социальных отношений и к протекающей более или менее латентно постоянной глобальной гражданской войне¹¹⁹. То есть это будут войны не столько между национальными государствами, сколько внутри национальных государств. Вместо «цивилизованных» мировых войн насилие может принять форму «варварских» гражданских войн. Последние десятилетия богаты такими примерами, даже в «цивилизованной» Европе¹²⁰. Другая линия потенциальных конфликтов — это новые внешние границы региональных пространств.

Таким образом, ряд исследователей видят непосредственную угрозу государству в процессах регионализации, предсказывая дефрагментацию государства по логике экономического развития в период глобального рынка и беспрепятственного обращения экономических потоков. Как кажется, реалистичность прогнозов дефрагментации государств зависит от общего направления мировых трансформаций, от модели развития глобальной экономики.

В целом, можно говорить о том, что к началу нового тысячелетия государства оказались вынужденными все более считаться, с одной стороны, с международными правительственными и неправительственными организациями и институтами, а с другой, со своими же регионами. В этом смысле происходит размывание государственного суверенитета.

Тем не менее, несмотря на угрожающие тенденции мирового развития, государства пока остаются главными акторами на международной арене.

Часто, говоря о глобализации, исследователи видят сущность этого процесса в распространении некоей универсальной экономической модели на весь мир, причем следует понимать, что сам по себе рынок, капитализм — есть не просто форма эффективной хозяйственной деятельности, естественным образом возникающая в лоне рыночной экономики, сколько социальная стратегия, целостная идеология и одновременно далеко идущая схема специфичного мироустройства¹²¹.

Распространение рыночной экономической модели, отношений, соответствующих капиталистической организации общества и экономики, в ходе глобализации напрямую связывает глобализацию и модернизацию. Вернее, современную моноформационную глобализацию и модернизацию, как практику, опыт развития стран «третьего мира» в послевоенное время (модернизация как продолжение вестернизации). Развитой формой «модернити», того состояния, на достижение которого направлена модернизация, выступает «вестернизированная» экономика. С этой точки зрения два важнейших процесса последних десятилетий — формирование мировой хозяйственной системы и глобализация — как бы венчают собой становление подлинного модерна¹²².

Обычно в понятие модернизации вкладывается значение изменений, соответствующих буржуазным преобразованиям и ознаменовавших наступление в мировой истории так называемого «нового времени», когда началось капиталистическое развитие ряда стран. Поскольку родоначальницей буржуазных революций стала Западная Европа, модернизация часто понимается как «вестернизация» на основе заимствования опыта общественной практики западных государств.

«Вестернизация, — писал С. Латуш, — явление универсальное по своему временному характеру и географическому охвату... Модель технологического общества со всеми его атрибутами — от массового потребления до либеральной демократии — в принципе легко воспроизводима и в силу этого всеобща»¹²³.

Соответственно, общим предположением классической концепции модернизации «служило то, что современность должна подорвать традицию

во всем мире и что степень однородности обществ будет возрастать...»¹²⁴. В таком понимании теории модернизации часто являются вариантами теории «монолинейного развития», так как в их основу заложен принцип неизбежности капиталистического развития, характерных для развитых капиталистических стран производственных и общественных отношений.

Идея о том, что все многообразие социальных, экономических и культурных процессов, происходящих во всем мире на протяжении по крайней мере последних четырех веков, можно рассматривать в контексте более или менее единого поступательного движения от традиции к модерну, тесно связана со всей европейской социальной мыслью Нового Времени. Кажется верной мысль, высказанная авторами целого ряда работ, что в некотором смысле теория модернизации есть просто «социологическое прочтение» общей для всей западной цивилизации идеи прогресса¹²⁵.

В качестве оснований, на которых строилась теория модернизации, можно было бы указать работы практически всех классиков социологии, так как практически все они в той или мере затрагивали этот вопрос, — идея трех стадий в развитии человечества О. Конта, исторический материализм К. Маркса, «рационализация» М. Вебера, «абстракция» Г. Зиммеля, «общность» и «общество» Ф. Тенниса, переход от «механической» к «органической солидарности» Э. Дюркгейма, обсуждение роли «социальной дифференциации» у Т. Парсонса и др.¹²⁶

Становление самой «теории модернизации», раскрывающей сущность так называемого «модернизационного» процесса и критерии его завершения, произошло в конце 1950-х — середине 1960-х гг. К этому времени все указанные выше компоненты сложились в первый вариант концепции модернизации. Теория модернизации адресовалась в основном освободившимся странам Азии и Африки в качестве социологической теории развития. Она возникла на стыке различных наук, значительный вклад в формирование оригинальной концепции модернизации внесли не столько социологи, сколько экономисты. Особое значение имела работа Ростоу «Стадии экономического роста», вышедшая в Великобритании в 1960 г. и имевшая характерный подзаголовок — «Некоммунистический манифест»¹²⁷.

В профессиональной социологической среде отдельные положения теории модернизации обсуждались в 1950-е гг. преимущественно американскими учеными¹²⁸. Особо следует отметить вклад в формирование проблематики теории модернизации Т. Парсонса¹²⁹. Большое значение имели также теоретические работы Э. Шилза относительно соотношения понятий традиция и традиционализм¹³⁰.

Теория модернизации сформулировала положение о взаимозависимости между экономическим развитием и демократией, но не дала четкого анализа причинных связей между этими двумя явлениями. Формулировка этого положения принадлежит Sommersetu Липсету¹³¹.

Некоторые сторонники теории модернизации, такие как Талкотт Парсонс, считали, что для современного индустриального общества демократия более «функциональна», чем авторитаризм¹³².

Для интерпретации самого понятия модернизации американскими социологами того периода была характерна акцентуация различных аспектов, связанных, во-первых, с рационализацией общественных отношений (условно говоря, «линия Вебера») и, во-вторых, с дифференциацией социальных институтов («линия Парсонса»). Кроме того, большинством ученых явно или неявно предполагалась экономическая и технологическая подоплека процесса, вплоть до того, что переход от традиции к современности фактически отождествлялся с переходом от аграрного общества к обществу индустриальному. Отличительной чертой этой точки зрения являлась высокая степень оптимизма относительно перспектив развития стран Третьего Мира.

В подобном понимании — модернизация общества имеет три измерения: экономическое, социальное и политическое. В экономическом смысле она означает технизацию, индустриализацию, относительную потерю значения первичного сектора (сельского хозяйства) в сравнении с вторичным (промышленностью) и третичным (сфера услуг) секторами. Этому соответствует социальное развитие — расширение шансов доступа к материальным и нематериальным благам, урбанизация, повышение социальной мобильности. Модернизация в политической сфере подразумевает, прежде всего, политическую мобилизацию и повышение участия граждан в политической жизни.

Видный американский китаевед Б. Шварц, сделавший попытку проанализировать понятие модернизации применительно к переменам, произошедшим в послевоенном Китае, писал: «Можно, конечно, посвятить целые тома обсуждению значения термина “модернизация”, и все же складывается впечатление, что существует нечто общее в его понимании, по крайней мере, в ходе большинства дискуссий в США. В целом это понимание приближается к веберовской концепции процесса рационализации во всех сферах социального действия — экономического, политического, военного, правового, образовательного, к которым приложимо понятие целесообразности»¹³³.

Экономисты, подчеркивал Шварц, часто рассматривают концепцию рационализации как совпадающую с индустриализацией, и, по его мнению, именно в этой области понятие «рационализация» поддается наиболее конкретному объяснению. Хотя сам Вебер более всего интересовался изучением политической бюрократии, развитием военной машины и законодательной «рационализацией», выделяя важность высокоразвитого разделения труда и его следствия — появления у людей определенной степени автономии и авторитета в различных сферах их деятельности.

Со второй половины 1960-х гг. вышеописанное представление о модернизации стало все активнее подвергаться критике. В этом направлении действовало сразу несколько разнородных факторов.

Прежде всего, были подвергнуты критике «европоцентристские» положения 1950-х г. При этом наибольший интерес вызвали различные аспекты этой концепции, связанные с так называемой «вторичной модернизацией», т. е. с приобщением к глобальному мировому сообществу «развивающихся» стран. Большинство этих обществ сталкивается в процессе модернизации со значительными трудностями социального характера¹³⁴.

Указывалось на то, что модернизация в различных частях мира может идти различными путями, не обязательно повторяя европейский опыт. Таким образом, ставился под сомнение тезис о постепенном нарастании однородности обществ, так называемая «теория конвергенции»¹³⁵.

Сегодня критика релятивистов сохраняет свою силу и убедительность. Так, Ш. Эйзенштадт¹³⁶ пишет: «Критика привела к утверждению нескольких важных аспектов вариативности институциональных сторон модернизации. Во-первых, ... формирование новых институтов... не обязательно приводит к целостному обновлению общества, а может даже сопровождаться укреплением традиционных систем... Во-вторых, все в большей степени признавалась системная жизнеспособность переходных обществ...»¹³⁷. Эта цитата взята из самой известной работы Эйзенштадта «Традиция, развитие и современность»¹³⁸, получившей большой резонанс в мировой социологии¹³⁹. Важное значение имеет тезис Эйзенштадта о том, что традиционное общество под влиянием модернизации может эволюционировать в некие промежуточные формы, которые обладают способностью к относительно устойчивому воспроизводству.

Внимание теоретиков модернизации особо привлекает специфическая черта модернизации развивающихся стран, кажущаяся на первый взгляд парадоксальной. По мере развития современной промышленности, технологий, требующих и модернизации способов управления экономикой, эти страны сохраняют черты своей культурной идентичности и традиционные

для них специфические способы взаимодействия общества и государства (в том числе и в сфере экономики), более сходные иногда с архаическими традициями древности, чем с политическими институтами западноевропейских стран.

Подобные наблюдения подводят к проблеме компонентных взаимоотношений в модернизируемых обществах собственно элементов модернизации (понимаемой в узком смысле как ответ «отсталых» стран на вызов более «развитых» стран) и элементов традиционности (понимаемой в более широком, системном плане, чем, например, исключительно формационная традиционность).

Невзирая на названные слабости теорий модернизации, их несомненный вклад в современные теории глобализации заключается в подчеркивании особой роли западных государств в процессе преднамеренного и непреднамеренного распространения либеральной демократии, западной культуры и капиталистической экономики во всемирном масштабе¹⁴⁰. Именно в Западной Европе раньше всего проявляются различные глобальные тенденции мирового развития — от нациестроительства и создания национальных государств до «демонтажа» прежней модели государства.

Только в 1990-е гг., после революций в странах Восточной Европы и распада СССР активизировался интерес к проблеме и наметилась тенденция к осмыслению в рамках теории модернизации также и процессов в бывших социалистических странах¹⁴¹.

При этом многие современные исследователи в некотором смысле вернулись к той простой формулировке теории модернизации, которая была выработана в 1950-е годы. Признавая многое из того критического, что говорилось в адрес концепции модернизации, эти авторы, тем не менее, полагают, что огромное разнообразие модернизационного опыта и культурных форм, существующих в современном мире, не снижают плодотворности модернизационного подхода к новой и новейшей истории человечества на теоретическом уровне. Так, например, П. Бергер (один из наиболее активных сторонников теории модернизации в современной западной социологии), защищая теоретические построения Ростоу от его позднейших критиков, указывает, что недостатком точки зрения той эпохи являлся не европоцентризм и не пренебрежение фактической сложностью изменений в современном мире, а всего лишь некоторый избыток оптимизма относительно скорости и гладкости процесса модернизации в Третьем Миров¹⁴².

Итак, общее понимание модернизации, по крайней мере, в ходе большинства дискуссий в США, приближается к веберовской концепции процесса рационализации во всех сферах социального действия — экономического,

политического, правового, образовательного, к которым приложимо понятие целесообразности¹⁴³. Таким образом, прогрессирующая рационализация составляет смысл социокультурного развития эпохи модерна.

Учитывая опыт XX столетия, можно отметить, что процесс модернизации в большой степени противоречив.

Рационализация экономики, как правило, приводит к необходимости введения элементов рыночной самоорганизующейся экономики, конечной целью и показателем эффективности которой выступает прибыль, доходы агентов экономического развития. Поэтому, с экономической точки зрения, модернизация — это переход к капитализму западного типа, обеспечение функционирования капитала и создание адекватной ему социальной и политической среды. Западная модернизация очень часто состояла в том, чтобы сделать общество, политику, культуру адекватными капиталистическому предпринимательству

Вместе с тем рационализация общественной жизни предполагает создание модели управления, основанной на знаниях о механизмах функционирования общества, или социальной инженерии. Рационализм связан с гуманистическим политическим требованием практической социальной инженерии — с требованием рационализации общества в целях контроля над ним со стороны разума¹⁴⁴.

Возникшие в XX в. две альтернативные модели развития — капиталистический мир Запада, и социалистический «лагерь» воплощают, дополняя друг друга разные стороны модернизации. В авторитарных государствах социалистического блока отсутствовала рыночная экономика, но стремление к «рациональному» централизованному, бюрократическому управлению, пожалуй, достигло своего пика в Советском Союзе. На это обращает внимание Ф. Фукуяма в одной из своих последних статей, говоря о том, что именно индустриальная эпоха, эпоха паровоза, железных дорог, заводов сделала возможным веберовское централизованное государство, наиболее ярким примером которого является Советский Союз¹⁴⁵. Особый интерес представляет восприятие коммунизма не только как оппонента капиталистической системы, но и как ее двойника в незападном мире. Этой теме посвящено исследование Б.П. Вышеславцева: между капитализмом и социализмом существует политическое различие, но их суть — индустриализм и создание индустриальной культуры, обеспечивающей условия для повышения уровня жизни людей и их благосостояния¹⁴⁶.

Примеры социального конструирования, которые дали авторитарные общества модерна, показывают, что при доведении до предела идеи соци-

альной инженерии в жертву приносятся те критерии эффективности хозяйствования, которые предлагает рыночно ориентированная экономика.

В эпоху глобализации экономики авторитарных обществ модерна, вовлеченные в глобальный поток, оказываются, в целом, неэффективны, что приводит не только к их коллапсу, но и их полной институциональной трансформации.

Экономическая глобализация вынуждает современное государство реформировать свою политику. Сфера государственной политики все более окрашивается тонами социального прагматизма: государство и прочие механизмы управления не должны отныне препятствовать функционированию мир-экономики. Само отличие глобализованной экономики от прежних международных экономических режимов многие исследователи видят в том, что она в несравненно большей степени ограничивает свободу национальных органов власти при разработке и осуществлении ими экономической и социальной политики¹⁴⁷.

Некоторые исследователи вообще видят в глобализации побочный эффект политики хозяйственной дерегуляции, которую государства проводят ради более экономного расходования бюджетных средств на социальные программы¹⁴⁸.

Исследователи-экономисты, например американский профессор В. Наварро, анализируя различные направления экономической политики, проводимой развитыми странами с конца 1970-х гг., показывает, что причиной обострения социальных проблем является не глобализация экономики сама по себе, а последовательный неолиберальный курс на свертывание активности социальной политики этих стран, «свертывание» государства благосостояния¹⁴⁹, т. е. социального государства.

Именно процессы модернизации — индустриализация, развитие капитализма — в свое время обострили социальный вопрос, что потребовало резкого расширения объектов социальной политики и ее превращения в одно из ведущих направлений деятельности современного государства. В результате этого после Второй мировой войны возникают государства, социальный характер которых закреплён в их конституциях (ФРГ, Италия, Франция и др.). То есть рост и масштабы социального государства суть неотъемлемые результаты индустриальной капиталистической модернизации, хотя, как отмечал П. Сорокин, истоки социального государства и социальной политики возможно проследить в далеком прошлом¹⁵⁰. Многие государства древнего мира осуществляли, помимо прочего, функцию социальной защиты населения. В V в. до н.э. в Древнем Риме облегчалось использование общественных земель для бедняков, в конце II в. до н.э. вводи-

лись дополнительные налоги на роскошь. В Древней Греции после реформ Писистрата, Клисфена, Перикла (VI—V вв. до н.э.) идущие частично в счет помощи бедным многочисленные налоги и обложения отнимали до 20 % дохода богатых.

Понятие социального государства или «государства всеобщего благоденствия» получило наибольшее развитие во второй половине XX в. и достаточно быстро проявило свои сильные и слабые стороны¹⁵¹. К началу 70-х гг. XX в. социальные гарантии и права человека были законодательно закреплены в конституциях большинства стран мира, и международном праве, составив особую группу среди основных прав и свобод человека и гражданина. Они касаются таких важных сфер жизни человека, как собственность, труд, отдых, здоровье, образование, и призваны обеспечить физические, материальные, духовные и другие, социально значимые потребности личности. Социальные права человека являются защищаемой государством ценностью, главными ориентирами социальной политики.

В современном мире очевидна тенденция к отказу от классической модели «государства всеобщего благоденствия», к «сворачиванию» социального государства. Необходимо учитывать, что, как показал Н.Е. Покровский¹⁵², сегодня мир в целом вовлечен в процессы глобализации на основе упрощенной модели рациональности и более простых структурно-функциональных моделей, чем это было при модернизации. Такую модель описывает известный американский социолог Дж. Ритцер, выводя ее из «макдональдизации» и ее глобального распространения. Она называется ЕСРС (Efficiency, Calculability, Predictability, Control through nonhuman technologies¹⁵³ — т. е. экономическая эффективность, калькулируемость процесса и результата, предсказуемость последствий определенных действий и технологически оснащенный контроль за поведением).

Поэтому в последние годы появился целый ряд работ, в которых утверждается, что экономическая глобализация ведет к свертыванию государства благосостояния.

В обоснование своей позиции исследователи чаще всего приводят следующие аргументы¹⁵⁴.

Государство всеобщего благосостояния в западных странах достигло своего расцвета в послевоенный период, отличительной особенностью которого было наличие мощного рабочего движения и, соответственно, многочисленного рабочего класса, традиционно голосующего за левые партии. Именно эти обстоятельства способствовали тому, что на выборах, как правило, побеждали социалисты, социал-демократы. В итоге, правительства имели возможность и были вынуждены, под давлением «левого элек-

тората» и его представителей, проводить такую политику, которая создавала условия для роста экономики, повышения ее эффективности и в то же время обеспечивала относительно справедливое распределение результатов процветания между предпринимателями и наемными работниками. Наемные работники получали социальные гарантии, одновременно прибыли предпринимателей непрерывно увеличивались, экономика развивалась, росла производительность труда, заработная плата регулировалась коллективными соглашениями между мощными профсоюзами и работодателями, стабильность в экономике позволяла корпорациям осуществлять строгий контроль над производством и инвестициями, а государство осуществляло контроль над корпорациями.

Однако уже к концу 1970-х гг. развитые страны столкнулись с серьезными экономическими проблемами, такими как резкое снижение производительности труда, экономическая стагнация, высокая инфляция. Чрезмерно широкие социальные гарантии, предоставленные государством благосостояния своим гражданам в предыдущий период, старение населения требовали непрерывного увеличения расходов на государственные социальные программы. К этому времени начинает меняться и соотношение сил в развитых странах: «экономическое и политическое влияние профсоюзов ослабло, сила и политическая власть капитала, напротив, возросла; в классовом составе электората произошли существенные сдвиги и левые партии, со своей политикой перераспределения доходов, уже не могли рассчитывать на успех на выборах»¹⁵⁵.

Профессор университета штата Айова (США) Р. Страйкер в статье «Глобализация и государство благосостояния»¹⁵⁶, широко цитируемой в западной научной литературе, пытается выявить, каким образом те или иные глобализационные процессы могут влиять, прямо или косвенно, на судьбу государства благосостояния. Выводы из его анализа сводятся к следующему.

1. Глобализация ведет к усилению зависимости государства от капитала — не только национального, но и от иностранного или международного.

2. Финансовая и промышленная глобализация увеличивают риск оттока капитала из страны в тех случаях, когда бизнес считает, что налоговая система и финансовая политика данного государства не благоприятствуют получению достаточно высоких прибылей и поэтому капитал перетекает в страны с более благоприятными условиями.

3. Усиливающаяся финансовая интеграция сужает возможности национальных государств при разработке ими экономической политики независимо от того, какое правительство находится у власти — левое или пра-

вое. В любом случае оно вынуждено придерживаться одного и того же курса. Любое национальное правительство должно соблюдать жесткую бюджетную дисциплину, ограничивать социальные расходы, сокращать государственный долг с тем, чтобы убедить международные финансовые рынки в своих намерениях не допустить роста инфляции. Национальные правительства, для смягчения проблемы безработицы и обеспечения роста заработной платы, как правило, вынуждены прибегать к девальвации своей валюты и увеличению дефицита платежного баланса. Финансовая глобализация подрывает как возможности, так и эффективность национальной экономической политики.

4. В настоящее время высокие прибыли и высокие темпы экономического роста достигаются, прежде всего, за счет преимуществ, которые дает транснационализация экономики, и зависят от состояния потребительских рынков и возможностей для вложения инвестиций за рубежом. Заинтересованность капитала в проведении национальными правительствами политики стимулирования спроса падает, и поэтому увеличение прибылей и экономический рост уже не обязательно ведут к созданию дополнительных рабочих мест в национальной экономике¹⁵⁷.

5. Финансовая глобализация, быстрый рост международной торговли, в сочетании с изменившимися социально-экономическими и политическими условиями в развитых странах в последние годы, способствовали появлению и быстрому распространению новой экономической концепции — неолиберализма. Сторонники этой концепции подчеркивают, что глобализация сужает возможности национальных властей в разработке и проведении ими экономической и социальной политики. И именно потому национальные правительства должны ограничить сферу своего вмешательства в экономику и нацелить макроэкономическую политику на решение таких проблем, как снижение барьеров на пути расширения международной торговли, создание условий для повышения конкурентоспособности национальных корпораций на мировом рынке путем снижения налогов, а также резкое сокращение государственных расходов, в первую очередь расходов на социальные программы.

«Свертывание» социального государства происходит во всем мире, не только в развитых, но и развивающихся странах. Поэтому в последние годы появился также целый ряд исследований, в которых предпринимается попытка ответить на вопрос, каким образом интеграция развивающихся стран в мировую экономику отражается на их социальной политике. Эти исследования показывают, что в связи с разразившимся в 1980-х гг. кризисом, практически во всех странах Третьего мира социальные программы

стали пересматриваться. Международный валютный фонд и Всемирный банк в качестве условия предоставления помощи этим странам (для погашения долга, превышавшего 1 трлн долл.) выдвигали требование всемерного сокращения государственных расходов. Поэтому развивающиеся страны вынуждены были идти на уменьшение ассигнований на социальные нужды и отказываться от многих социальных программ¹⁵⁸.

Необходимо заметить, что государства, интегрированные в мировое сообщество, одновременно становятся более чувствительными к глобальной идее прав человека, в том числе социальных прав и вследствие этого стремятся проводить социально ориентированную политику. Но неолиберальное понимание взаимоотношения экономики (рынка) и государства предопределяет противоречивость развития социальной сферы в глобализирующемся мире.

Таким образом, экономическая глобализация в наши дни, хотя и не воздействует прямо на социальную политику государств, и не предопределяет неизбежность расширения или сокращения тех или иных социальных программ, но давит на социальную политику большинства стран путем расширения деятельности международных экономических и политических институтов. А также формированием определенной идеологии, обосновывающей необходимость сокращения национальных социальных расходов и свертывания социальных программ.

Первый период глобализации, «своего рода процесс первоначального накопления глобализационных компонентов», продемонстрировал, что один из наиболее его опасных аспектов можно было бы охарактеризовать как стихийный, хаотичный разгул рыночных сил¹⁵⁹.

Вполне оправданными кажутся опасения, что глобализованный капитализм в неолиберальном одеянии будет навязывать свою волю при принятии любых решений о направлении развития общества и вследствие этого неизбежно станет также доминирующей индивидуальной и общественной культурой. В итоге рынок начинает сказываться на каждом аспекте частной и личной жизни¹⁶⁰.

Немецкий экономист Й. Хойзер¹⁶¹ констатирует, что хотя в эпоху глобального рынка вариантов деятельности во всех областях общественной жизни становится больше, рыночная экономика не только открывает новые возможности социального общежития, но также и разрушает старые. Это предъявляет чрезвычайно строгие требования к адаптационным способностям каждого индивидуума, каждой общественной группы. Люди должны все большую часть своей жизни заниматься экономическими расчетами, поскольку это стало вопросом выживания, выдвинувшимся на пе-

редний план. Между тем образцы восприятия человека, его ощущения и решения не отвечают рациональному поведению, которое требует рынков. Экономическая логика личной выгоды оттесняет на задний план интерес к сообществу. Идеалы солидарности и справедливости уступают место всеобщей конкуренции, логику которой Гоббс охарактеризовал как «войну всех против всех». «Новые Скрижали Законов, — символически описывает глобальное неолиберальное реформирование французский экономист П. Петрелла, — превозносят идею конкуренции между всеми людьми, всеми существующими социальными группами и всеми территориальными образованиями: городами, регионами, государствами»¹⁶².

В условиях доминирования неолиберальных рыночных подходов к проблеме социального развития существует реальная опасность «для ряда государств вообще утратить свои социальные и мобилизационные функции, выставив «на продажу» буквально все, последовательно снижая финансирование затратных статей государственного бюджета, т. е. ограничивая расходы на воспроизводство организованной социальной среды и населения»¹⁶³.

Даже если современное национальное государство пытается сохранить социальные компоненты своих экономик, оно постепенно теряет свое экономическое значение, прежде всего потому, что в последние годы по всему миру происходит процесс сокращения государственной собственности. В конце XX в. разгосударствление собственности превратилось в глобальный процесс, охватив более ста государств мира, в том числе большинство стран ННГ. Тем самым были созданы материальные предпосылки для изменения экономической роли государства, для глобального укрепления неолиберальной модели.

Как известно, процесс разгосударствления собственности называется «приватизацией». Приватизации подлежат материальные ценности, производственные мощности, авторские права, торговые знаки, патенты, общественно значимые услуги, здравоохранение, образование, окружающая среда и т. д. С 1990 по 1997 г. в масштабе всей планеты государства расстались в пользу частных фирм с долей своего достояния, которая оценивается в 513 миллиардов долларов (215 миллиардов лишь только лишь по Европейскому Союзу)¹⁶⁴. Таким образом, граждане всей планеты теряют право собственности на приносящее прибыль интеллектуальное и материальное достояние человечества, созданное трудом всех предыдущих поколений. Все больше стран, продавших у себя в массовом порядке государственные предприятия частному сектору и дерегламентировавших свой рынок, стали собственностью крупных транснациональных объединений¹⁶⁵.

Именно такая экономическая политика в последнее время получила название «либеральной», она подразумевает также отмену любой мешающей регламентации, с тем, чтобы не мешать «рынкам свободно обменивать товары и капиталы». Свертывание системы социальной защиты под предлогом императива освобождения рыночной экономики от социальных нагрузок, идеология государственного невмешательства в спонтанно устанавливающиеся рыночные отношения на деле представляет собой программу «управляемой социальной деградации» по социал-дарвинистской логике «естественного отбора» (А.С. Панарин).

Насколько рынок, лишаящий регулятивных функций государство, сам способен играть регулирующую роль и способствовать устойчивому развитию и прогрессу?

Результаты такого регулирования конца XX в., времени глобализации и победы неолиберализма, налицо: «Никогда неравенство не было столь глубоким как между Севером и Югом планеты, так и внутри каждого из обществ»¹⁶⁶; «800 миллионов человек на нашей планете голодают... Тридцать шесть миллионов людей умерло от голода или же от его непосредственных последствий... в 2000 году. Одновременно при нынешнем уровне развития сельского хозяйства планета может прокормить без труда 12 миллиардов людей. Нас же пока только шесть миллиардов...»¹⁶⁷.

Социальные организмы ряда стран не выдерживают прессинга глобальной пирамиды, деградируют, коррумпируются и разрушаются, фактически оказываясь во власти кланово-мафиозных структур управления, которые особым образом включают низкоэффективный потенциал этих стран в мировой хозяйственный оборот — в этих странах начинает действовать «механизм интенсивной трофейной экономики, превращающий ее плоды, по крайней мере отчасти, в средства и продукты, необходимые для поддержания минимальных норм существования населения. Но львиная доля полученной таким образом сверхприбыли уходит все-таки на жизнеобеспечение и предметы избыточной роскоши для руководителей кланов и, кроме того, перемещается в сферу мирового спекулятивного капитала»¹⁶⁸. Как пишет российский экономист А. Неклесса, мировая геоэкономическая система на современном этапе своего развития принесла многим обществам гибель ростков модернизации, в том числе и там, где сама модернизация успела подорвать устои традиционализма. Такие общества он обозначил термином, уже получившим большую известность, — «Глубинный (или Глубокий) Юг», видя в них мировую подсистему, извлекающую криминальную ренту, в том числе из «трофейного» расхищения прежних цивилизационных накоплений. Глубинный Юг в модели Неклессы

стыкуется с финансово-управленческим Новым Севером через подструктуру «игрового» Квази-Севера, где отмываются все виды «грязных» денег, в том числе приносимых «грязной» утилизацией социальных катастроф. Разъедаая мир, Глубинный Юг одновременно поддерживает в среднесрочной перспективе ресурсную базу окованной «пределами роста» глобальной экономики творческого дефицита¹⁶⁹.

Усиление долгового бремени, сокращение рабочих мест из-за обострившейся конкуренции, разорение в ряде стран крестьянства — таковы основные негативные последствия неолиберальной глобализации для стран периферии. От неравномерного развития мира происходит угроза общей мировой стабильности, угроза конфликта между центром «мир-системы» и периферией¹⁷⁰.

Ситуацию усугубляет то, что деградация ряда национальных экономик происходит на фоне стремительно растущих международных финансовых спекуляций и роста значения спекулятивного капитала; уязвимость реального производительного сектора и национальных денежных систем от конъюнктуры этого оборота «воспроизводят на новом уровне имманентную рыночную проблему нестабильности и недостаточной саморегулируемости»¹⁷¹.

На рубеже нового тысячелетия критическое восприятие либеральной стратегии глобализации объединяет миллионы людей во многих странах мира, в том числе и часть интеллигенции в странах центра новой мировой системы, что привело к формированию мощного антиглобалистского движения.

Разочарование в способностях либеральной модели способствовать социальному и политическому прогрессу в начале третьего тысячелетия становится общим среди мыслящих людей. Так, даже известный финансист Дж. Сорос, обобщая опыт либеральных реформ в странах бывшего СССР¹⁷² объясняет, что рынок призван способствовать обмену товарами и услугами, он идеально подходит для создания частных богатств, но сам по себе не в состоянии обеспечить общественные блага, такие как эффективное государственное управление, правопорядок и поддержание самих рыночных механизмов. Опыт показывает также, что рынок не способен обеспечить социальную справедливость. Поэтому распад Советского Союза показал, что слабое государство, не обеспечивающее социальной справедливости, также может представлять угрозу свободе, хотя ранее господствовало мнение о том, что свобода личности подвергается опасности со стороны «репрессивных режимов». Идея о том, что рыночный фундамен-

тализм также может быть врагом «открытого общества», является новой и в некоторой степени шокирующей для идеологов нового мироустройства.

В начале нового столетия очевидна необходимость разворота в сторону социальных проблем, значение которых недооценивалось в предшествующее десятилетие. Очевидно, должны быть переосмыслены представления об экономической свободе и роли государства. Возможно, следует признать, что «с ролью государства в экономике тесно связана проблема обладания природно-сырьевой рентой, носящая не только и не столько экономический, сколько социально-этический характер»¹⁷³.

В открытом мировом экономическом пространстве выигрывают сильные, технологически развитые участники. Население более слабых в экономическом отношении стран нуждается в определенной защите, которую может предоставить и реализовать только государство путем государственных мер поддержки или стимулирования национальной экономики, причем чем слабее страна, тем большая потребность в такой помощи возникает.

Можно приводить многочисленные примеры, подтверждающие то, что в современном мире происходит «демонтаж» государства благоденствия кейнсианской модели. Однако социальные функции и программы, сколько бы их ни сокращали, сохраняются, пока продолжает существовать национальное государство¹⁷⁴. Поэтому, как подчеркивают немецкие политологи Э. Ригер и Ш. Лейбфрид, институты государства благоденствия вполне могут адаптироваться к вызовам глобализации — при условии, что будут сориентированы не на достижения прошлого, а на новые направления социальной политики¹⁷⁵.

Социальная политика сегодня является едва ли не самым важным элементом государственной политики, так как современный этап мирового развития, характеризующийся закатом коммунизма и триумфом капитализма (его неолиберальной модели), налагает на государство особую ответственность. По словам Ш. Рамон¹⁷⁶, социальной политике предстоит компенсировать врожденные пороки капитализма и рыночной экономики, смягчать их давление, уменьшить ту цену, которую индивиды, семьи, группы и сообщества должны будут платить за успехи капитализма, не дать им подорвать всю систему. Социальная политика это и есть общая стратегия и комплекс мероприятий по выполнению социальных обязательств государства (в число которых входит и выстраивание барьеров на пути нелегитимных, социально безответственных практик финансовых и политических элит), а не благотворительность властей по отношению к представителям «нижних классов» как составная часть стратегии легитимизации господствующего положения истеблишмента.

Социальные обязательства государства должны быть сбалансированы с его возможностями регулирования, контроля и управления социальными процессами.

Известный американский экономист Л. Туроу подчеркивает: несмотря на то, что национальное государство утратило часть своих функций, оно по-прежнему играет роль важнейшего регулятора экономических и социальных процессов. «Капитализм как и любая система, имеет свои достоинства и недостатки, — пишет он. — Крупным достоинством капитализма является его способность стимулировать экономический рост и приводить в соответствие объем производства и потребительского спроса. В то же время капитализму присущи, по крайней мере, три серьезных недостатка — рецессии, финансовые кризисы, ограниченность долгосрочных инвестиций в таких областях, как образование, научные исследования и инфраструктура»¹⁷⁷. Именно на решении этих задач, по мнению Л. Туроу, государство и будет концентрировать свое внимание в XXI в.

Подводя итоги анализа значения и роли государства в ходе глобализации экономики, культуры и политики, можно согласиться с Э. Гидденсом¹⁷⁸ и констатировать, что некоторые аспекты национального государства благодаря своей связи с международной системой государств и роли государства в социально-культурной жизни общества сохраняют свое значение: в наши дни в качестве ответной реакции на глобализацию и универсализацию возможно даже усиление националистических настроений. Другие аспекты национального государства и его идентичности теряют свою силу в результате этнических процессов, супранациональных процессов (поощрение и возникновение транснациональных экономических и политических пространств) и системных процессов в государстве благоденствия.

Как кажется, не следует недооценивать назначения государства, его институтов, являющихся опорой демократии и гарантом социальной справедливости; а также важную психологическую роль национальной самобытности, основанной на языке и общности культурного наследия¹⁷⁹.

В целом же необходимо признать, что адаптация государств к меняющейся действительности идет сложно; национальное государство оказывается все уязвимее перед вызовами глобализации. Государство на фоне быстро меняющегося мира в силу своей природы остается слишком статичным, в то время как процесс размывания суверенитета болезненно воспринимается любым государством, негативные итоги трансформаций в экономической, социальной и культурной сферах отрицательно влияют на условия жизни миллионов людей, на их социальное самочувствие и на динамику общественно-политических процессов. Однако изменения традицион-

ных политических институтов, к которым ведет глобализация, имеют весьма неустойчивый баланс последствий¹⁸⁰.

Национальное государство в условиях глобализации может действовать по-разному. Один путь заключается в том, чтобы использовать экономические, правовые рычаги и совместно с другими властными акторами (в том числе ТНК и прочими международными организациями) «выстраивать» новую архитектуру мира, активно встраиваться в формирующийся глобальный новый мировой порядок. При этом существенной корректировке должна подвергнуться генеральная линия управления социальным развитием. Идеология и формы социальной политики должны быть подвергнуты серьезной корректировке или, что применительно к трансформирующимся постсоциалистическим странам, заново воссозданы. Инструментальные слабости социального государства должны быть отвергнуты при сохранении институциональных оснований, соответствующих нормативным ценностям, входящим в систему гуманистических представлений современного общества.

Второй путь поведения государства в условиях глобальной трансформации — пытаться сохранить властные полномочия в прежнем объеме и действовать прежними методами, ограничивать действия негосударственных акторов как на своей территории, так и за ее пределами. Такой путь в условиях глобального мира представляется бесперспективным, лишь временной отсрочкой перед неизбежностью последующего «догоняющего развития» — на уровне эволюции государственного механизма.

2.7. Институты гражданского общества как субъекты социальной политики

Будучи основным субъектом социальной политики, государство все же не обладает монопольными правами на регулирование развития всех проявлений жизни социума, хотя в практике и теории общественных наук долгое время господствовало представление об определяющей роли государства и государственных институтов в воздействии на общество (нормативно-институциональный подход).

В литературе советского периода к субъектам социальной политики относились классы, социальные слои и группы, нации и народности, партия, государство, общественные организации и трудовые коллективы¹⁸¹. Необходимо учитывать, что патерналистская модель социальной политики, получившая устойчивое развитие в Советском Союзе, предполагала наличие максимального участия в ней государства, его тотальную ответ-

ственность за развитие социальных процессов и отношений. Происходило почти полное подавление негосударственной активности в социальной сфере, особенно в ее институциональных формах. Существовавшие в советское время общественные организации находились в идеологической, организационной, финансовой зависимости от государства и выступали в качестве проводников государственной социальной политики¹⁸². Корпоративная социальная политика, активно развивавшаяся в советский период, не может быть отнесена к самостоятельным формам государственной социальной политики, так как сами предприятия находились в государственной («общенародной») собственности и не могли проводить самостоятельную политику.

Социальные инициативы местных сообществ (например, организация субботников, культурно-массовых мероприятий), как правило, санкционировались органами государственной власти на местах и находились под их контролем. Сферой относительно свободного от государства пространства социальной политики в СССР оставались семейные, межсемейные и профессиональные сети социальной взаимопомощи — т. е. в советский период негосударственное пространство социальной политики существовало в ограниченных, скрытых, в основном в не институционализированных формах¹⁸³. В то же время патерналистское социальное государство в силу своей специфики покрывало большую часть континуума социальной ответственности в обществе и обеспечивало удовлетворение основных социальных потребностей населения на уровне установленных им и легитимизированных стандартов.

Систематические основы нормативно-институционального подхода к определению политических субъектов были заложены в наиболее развернутом виде в «Левиафане» Т. Гоббса. Т. Гоббс отличал «политические тела», как элементы государственного механизма (например, монарх-суверен, министры правительства, парламент и т. д.), от так называемых «частных тел» публично-правового характера и, следовательно, не имеющих полномочий самостоятельно участвовать в отправлении власти. Гоббс отрицал необходимость существования каких-либо автономных политических субъектов вне государственных институтов, поскольку «разрешить политическому телу подданных иметь абсолютное представительство всех его интересов и стремлений значило бы уступить соответствующую часть власти государства и разделить верховную власть, что противоречило бы целям водворения мира среди подданных и их защиты»¹⁸⁴.

Несмотря на это, Гоббс признавал, что, несмотря на то, что субъектами политики должны быть лишь «политические тела», обладающие полномо-

чиями государственной власти (т. е. лишь государственно-публичные институты), в реальную политическую жизнь вторгаются и «частные тела», иногда не только не обладающие полномочиями власти, но даже прямо противостоящие ей. Так, им приводятся примеры «корпораций воров», «заговорщических партий» или «частных лиг». Но эти «политические тела» являются нелегальными по характеру, что ставит их вне закона и выводит за рамки официальной политики как организации, не соблюдающие установленные государством и правом формальные правила политической игры.

И практически вплоть до конца XIX — начала XX в. институциональный подход к участникам политической жизни, отдающий приоритетную роль официальным институтам, выступает в качестве расхожей парадигмы в интерпретации субьсктов политических отношений. Нормативно-институциональный подход редуцировал всю политическую жизнь к деятельности государства и его отдельных институтов.

В начале XX в. происходит кризис институционального подхода; политические явления и жизнь социума рассматриваются в это время с точки зрения участия в них групп и элит. Разрабатываются концепции «групп интересов» (А. Бентли) и «правлящих элит» (В. Парето). Начиная с классических работ К. Маркса и Г. Спенсера, Э. Дюркгейма и М. Вебера, в политологии и социологии, в противовес государственно-правовому или административно-юридическому пониманию политических институтов, складывается социологический подход к институтам. В последние годы политология столкнулась с ренессансом институционального подхода, когда на смену так называемому «старому институционализму» пришла теория «нового институционализма», которая политические институты понимает не только как официальные учреждения и формальные правила, а и как некие организационные модели отношений между социальными субъектами и объектами по поводу власти, включающие в себя неформальные нормы и процедуры и, кроме этого, связанные с самим формированием и активностью этих политических организаций. Сторонники такого направления в политологии и социологии, как «неоинституционализм», ориентированы прежде всего на институциональные макроструктуры, пытаясь через изучение эволюции политических институтов, их регулирующих правил и норм, вскрыть глубинные механизмы политической динамики¹⁸⁵. Несмотря на отход социологического (или социального) институционализма от нормативно-юридической традиции, весьма часто ученые и практики нередко относят к политическим институтам, в том числе ответственным за осуществление социальной политики, только официальные государственные учреждения или те учреждения, на которые, как писал еще Т. Гоббс в «Левиафане», распространяются

полномочия государственной власти, т. е. легальные, разрешенные государством организации и структуры.

В рамках бихевиоралистского подхода анализ сводится к эмпирически наблюдаемому поведению различных акторов: партий и профсоюзов, групп давления и профессиональной бюрократии, политических лидеров и рядовых избирателей. Все это постепенно подводит к возникновению ряда проблем в объяснении характера и структуры политических отношений, среди которых одними из центральных были вопросы о иерархии политических субъектов и объектов. В 50—60-е гг. XX в. западные общественные науки практически отходят от употребления самой оппозиции «субъекта — объекта», заменяя ее понятием «актора» (*actor*, *acteur*) как активного участника политической жизни. Как уже говорилось выше, категории политического субъекта и объекта, вне сомнения, носят соотносительный характер, поскольку политические тела, выступающие в одном отношении как объект, в другом измерении могут выступать уже в роли субъекта или даже моментально меняться своими местами в ходе изменения политической ситуации.

Это, не в последнюю очередь, связано с тем, что коренным образом изменились роль и значение общественных, негосударственных организаций. Повысились их авторитет и популярность. Методы и формы социальной политики приобретают государственно-общественный характер. Необходимым условием социальной политики является целенаправленное объединение усилий государства, местного самоуправления, и других организаций, объединенных общими ценностями и согласованной стратегией. Только таким образом в обществе возможно возникновение социальной стабильности — устойчивого состояния социальной системы, позволяющего ей эффективно функционировать и развиваться в условиях внешних и внутренних воздействий, сохраняя свою структуру и основные качественные параметры. Механизмами, обеспечивающими социальную стабильность, являются социальные институты государства и гражданского общества.

Своеобразный симбиоз, на основе которого формулируется социальная политика в большинстве современных стран, соединяет в себе признание ответственности общества и государства за благополучие своих членов, характерное для социального государства, с одной стороны, и акцентирование обязательств индивидов, социальных групп, локальных общин, непосредственная активность и усилия которых являются основным источником их благосостояния и развития. При этом у каждого социального субъекта имеется своя «зона ответственности», в которую не должны произвольно вторгаться вышестоящие субъекты¹⁸⁶.

Участие институтов гражданского общества (в том числе некоммерческих, негосударственных организаций) в процессе общественного управления является общемировой тенденцией, актуальной и для России в рамках демократических преобразований.

Принципиальным условием действительного существования социального государства в современном мире является наличие развитых структур гражданского общества, что предполагает деятельность в обществе свободных ассоциаций, социальных институтов, социальных движений и т. п., наличие множества самостоятельных субъектов хозяйствования и институтов самоуправления, реализацию прав и свобод личности, обеспечение ее неприкосновенности и безопасности.

Именно наличие гражданского общества позволяет существенно увеличивать уровень человеческого потенциала и социальной защищенности граждан. Это объясняется тем, что структуры гражданского общества в наибольшей степени приближены к потребностям конкретного человека. Кроме государства и институтов гражданского общества в качестве субъектов социальной политики могут выступать корпорации (предприятия, организации) и сама личность.

Гражданское общество — это широкое понятие, охватывающее социально-экономические отношения общества, отношения в сфере культуры, духовной жизни и т. д., в отличие от властно-политических отношений, системы государственной власти. При всей тесной взаимосвязи с этой системой гражданское общество первично по отношению к ней, предполагает наличие у участников общественных отношений прав, свобод и обязанностей, гарантирующих их автономную жизнедеятельность. Теме гражданского общества посвящена многочисленная литература; укажем здесь лишь на некоторые сборники и монографии¹⁸⁷. В настоящее время не существует единого, общепринятого определения. Под гражданским обществом понимают иногда социальный порядок, общественное устройство, благоприятные для развития человеческой личности и самостоятельных общественных ассоциаций¹⁸⁸.

Гражданское общество реализуется в виде совокупности неправительственных институтов и самоорганизующихся посреднических групп, способных к организованным и ответственным коллективным действиям в защиту общественно значимых интересов в рамках заранее установленных правил гражданского или правового характера. К последним относятся различные институты, в той или иной степени вовлеченные в процесс принятия управленческих решений. Это как различные политические партии, программы которых отнюдь не одинаковым образом видят развитие соци-

альной сферы российского общества; так и иные общественные объединения, например профсоюзы, роль которых представляется важным также оценить хотя бы потому, что в социальной сфере одним из способов принятия управленческих решений является социальное партнерство (социальный диалог), участниками которого выступают профсоюзы как представительные органы работников. Деятельность различных негосударственных организаций и их объединений — ассоциаций, союзов также активно влияет на осуществление государством социальной политики. Так, например, в России к началу 1990-х гг. относят создание негосударственной системы трудового посредничества. В настоящее время в Российской Федерации насчитывается более 1000 негосударственных агентств по трудоустройству, большая часть которых действует в крупных городах — Москве, Санкт-Петербурге, Новосибирске. Существует Российская Ассоциация консультантов по подбору персонала — первое профессиональное объединение негосударственных агентств по трудоустройству на территории СНГ, которое проводило свой первый Конгресс 27—28 сентября 2000 г. в Киеве, под эгидой МОТ, с участием представителей органов государственной власти, науки, а также специалистов-практиков¹⁸⁹. Интересно, что названная Ассоциация утвердила свой Профессионально-этический кодекс. Все это свидетельствует о том, что данный бизнес в РФ активно развивается, и деятельность таких организаций уже не может не учитываться при проведении государством социальной политики.

Попробуем обрисовать принципы желательной модели участия гражданского общества в социальной политике.

Прежде всего необходимо понимать, что под гражданским обществом подразумевается три актора:

- собственно общественные организации (или некоммерческие общественные организации, НКО)
- местное самоуправление;
- конкретные граждане, семьи-домохозяйства, составляющие «первичные ячейки общества», коммерческие организации.

Если начать с второго из вышеперечисленных акторов социальной политики, то в условиях огромной территориальной протяженности и разнообразия жизни местное самоуправление — наиболее эффективная и одновременно наиболее демократичная система территориальной самоорганизации граждан.

Одной из тенденций развития современной российской социальной политики является тенденция к децентрализации и, конкретнее, к муниципализации. Это означает, что значительная часть ответственности за соци-

ально-экономическое развитие всей страны и отдельных регионов и локальных сообществ, обеспечению социальной защищенности граждан ложится на органы местного самоуправления. Опыт стран с цивилизованной рыночной экономикой показывает целесообразность управления социально-экономическим развитием на основе расширения числа активных субъектов социальной политики.

Реформирование модели социальной политики и осуществляемое в ее рамках формирование адресной социальной поддержки предполагает введение целевого характера в системе распределения и использования социальных трансфертов, в том числе и как основы межбюджетных отношений.

Отсюда вытекает одна из основных черт системного изменения модели социальной политики — ее «муниципализация», в том смысле, что социальная политика должна сместиться по иерархии управления вниз — к людям, что позволит повысить эффективность расходования бюджетных средств путем предоставления возможности в большей степени определять социальную политику на муниципальном уровне.

В широком смысле современная социальная политика может рассматриваться как интеграция механизмов и способов, посредством которых исполнительная власть: федеральное правительство и региональные администрации, а также органы местной власти влияют на жизнь населения, стремятся способствовать социальному равновесию и стабильности. Нельзя не согласиться с мнением Е. Ш. Гонтмахера¹⁹⁰, управление социальными процессами в экономически развитых российских регионах проходит сегодня по совершенно другим механизмам, чем в советское время. Если раньше была строго централизованная вертикальная система управления и можно было напрямую регулировать процессы в любом регионе вплоть до административных районов, то сейчас эти рычаги практически не действуют. Становление трехуровневой власти (федеральный центр, региональная власть, местное самоуправление) означает принципиальный перелом в системе социальной политики.

Влияние, которое местное самоуправление оказывает на динамику качественных и количественных показателей социально-экономического развития, объясняется сущностью местного самоуправления. Местное самоуправление и его органы выступают в трех качествах: как носители властных и самоуправленческих полномочий; как субъекты муниципальной собственности и как субъекты хозяйствования (предпринимательской деятельности).

Именно первое качество, т. е. наличие специфических властных полномочий, коренным образом отличает местные самоуправление и местные

органы власти от иных социальных и экономических субъектов, функционирующих в пределах той или иной территории. К основным задачам местного самоуправления относятся, прежде всего, решение населением вопросов местного значения, путем реализации экономической власти государства в пределах предоставленных для этого полномочий; руководство социально-экономическими процессами, происходящими на территории муниципального образования; управление предприятиями, относящимися к муниципальной собственности; а также организация жизнедеятельности населения («локального сообщества») через мобилизацию собственных сил и территориальных ресурсов. Самоуправление большей частью касается социальной сферы, поэтому экономические функции территориального самоуправления немногочисленны и ограничены в своем применении по сравнению с масштабами и разнообразием механизма государственного регулирования экономики.

Властные и самоуправленческие полномочия безусловно оказывают влияние на характер экономической деятельности местных властных органов. Деятельность местных органов, ограниченная по сферам и целям, в основном социального характера, должна выполнять четко определенную функцию — способствовать регулированию социально-экономических процессов, протекающих в пределах муниципального образования.

Можно привести несколько причин, объясняющих эффективность участия местного самоуправления в управлении социально-экономическим развитием муниципальных образований:

1. Именно в территориальной общине сосредоточены важнейшие элементы поддержания жизнедеятельности сообщества, важные для индивидов и социальных групп, — школы, больницы, транспорт, объекты коммунальной сферы.

2. В масштабах конкретного муниципального образования возможно учитывать максимально широкий спектр жизненных нужд и потребностей людей, открываются возможности оказания действительно адресной и индивидуализированной социальной помощи, более рационального использования местных финансовых, материальных, кадровых, социальных ресурсов.

3. Небольшой штат органов местного самоуправления, близость к населению позволяют им более гибко реагировать на возникающие проблемы.

4. Более открытый характер деятельности органов власти местного самоуправления (по сравнению с государственными органами власти), близость к населению конкретного муниципального образования создают условия для эффективного контроля за их деятельностью со стороны самоуправляющегося сообщества.

5. Непосредственное участие в работе местного самоуправления местных жителей и экономических субъектов, действующих на территории муниципального образования, их вовлеченность в решение вопросов местной жизни расширяют горизонт возможностей последних как для оказания гражданам действенной социальной поддержки, так и для решения большинства местных проблем.

Эта поддержка формальных муниципальных организационных структур со стороны населения муниципального образования, предпринимательских и общественных организаций является одним из условий успешного функционирования местного самоуправления. Существующие на Западе модели местного самоуправления, как правило, складывались на протяжении длительного времени параллельно со становлением гражданского общества. Система местного самоуправления с лежащими в ее основе принципами локальной демократии всеобщего участия сыграла выдающуюся роль в становлении зрелого гражданского общества. Развитие гражданского общества, понимаемого как совокупность организаций разного назначения, между которыми складывается система социальных отношений вне государства, реальное развитие по линии гражданских инициатив, новых социальных движений и иной «низовой» активности подобного рода ведет к коренному изменению образа жизни людей, давая им возможности проявления социальной и гражданской активности.

Растущая социальная роль местного самоуправления в решении местных вопросов, опыт организации усилий членов территориальной общности в ходе этой работы — важные показатели практической реализации принципов демократии.

А. де Токвиль отмечал: «Коммунальные институты делают для свободы то, что начальная школа для науки; они делают ее доступной для народа, позволяют вкушать ее плоды и привыкать ею пользоваться. Нация может ввести у себя свободное правление и без коммунальных институтов, но у нее не будет духа свободы»¹⁹¹. В Америке именно решение вопросов местного значения совместными усилиями жителей локальных сообществ стала той основой, благодаря которой «американцы обрели друг друга», «новая цивилизация нашла новые способы объединения людей — все реже с помощью убеждений и веры, традиций или территории, а чаще — с помощью общих усилий и общего опыта, организации повседневной жизни, характера самосознания»¹⁹², до сих пор служит целям самоорганизации, той или иной общности, создания для нее благоприятных условий жизни.

Основанное на принципах социального взаимодействия и самоорганизации, сотрудничество органов местного самоуправления и местной об-

пественности способствует разрешению и профилактике реальных и потенциальных конфликтов, укреплению авторитета местной власти, расширению базы политической поддержки. Кроме того, диалог формальных управленческих структур с неформальными образованиями помогает опделить характер проблемы и выработать общие подходы к ее решению.

Конкретными путями повышения локальной активности формальных и неформальных структур местного самоуправления, населения муниципальных образований могут стать участие в решении проблем, связанных с развитием инфраструктуры районов проживания (прокладки дорог, строительства в жилых массивах офисных зданий, предприятий, мостов, автомобильных стоянок) и экологических (вырубки деревьев, нарушения зеленой зоны, загрязнения окружающей среды и т. п.), действия по социальной поддержке населения.

Необходимо отметить, что, несмотря на появление возможностей существенно влиять на развитие социально-экономического потенциала территорий путем непосредственного участия в управлении развитием муниципальных образований, что способствует возрождению в нашей стране традиций местного самоуправления, социальная активность граждан остается весьма низкой.

Это объясняется целым рядом причин: традиционно негативным, недоверчивым, отчужденным отношением населения к любым властным структурам, низким уровнем правовой и гражданской культуры, неуверенностью в успехе своего участия, социальным пессимизмом, обусловленным в том числе экономическими трудностями, с которыми столкнулось большинство граждан, и неопределенностью дальнейшего развития социально-экономической ситуации, и т. д.

Для того чтобы местное самоуправление стало действенным актором социальной политики, необходимо, чтобы на местном уровне были сосредоточены вся полнота ответственности за поддержание общественного порядка, благоустройство территории, школьное обучение, здравоохранение первичного звена, социальное обслуживание инвалидов и престарелых, досуг у детей, а также значительные (по принципу «контрольного пакета») полномочия в области охраны окружающей среды. Наиболее затратная и проблемная сфера — коммунальное хозяйство — должна быть приватизирована и работать по договорам с потребителями воды, тепла и других услуг. Для этого требуется выстроить и соответствующую налогово-бюджетную систему. Налоги, закрепленные за местным самоуправлением, и их ставки должны быть установлены таким образом, чтобы большинство муниципалитетов могли быть финансово обеспечены.

Бюджеты местных сообществ должны быть построены исключительно по программному принципу, а не по расходным статьям, как сейчас.

Нынешние реалии развития местного самоуправления весьма далеки от описанной выше картины. Помимо процентных отчислений от налогов и других платежей по законодательно установленным нормативам, а также сумм, выделяемых из бюджета вышестоящего уровня (дотаций и субвенций), финансовую базу местного самоуправления должны составлять местные налоги и сборы, ставки которых, в рамках закона, вправе устанавливать органы местного самоуправления. В настоящее время явная недостаточность собственных закрепленных доходов препятствуют эффективно выполнению органами местного самоуправления своих функций. Специфические особенности последних заключаются в том, что производство общественных товаров и услуг финансируется из местных бюджетов, сами товары и услуги подлежат коллективному потреблению, которое, особенно учитывая снижение жизненного уровня значительной части населения нашей страны, должно быть гарантировано, а возможности органов местного самоуправления пополнять свои бюджеты за счет введения дополнительных местных налогов на сегодня весьма ограничены. В этой связи возникает необходимость ослабить жесткую финансово-бюджетную зависимость от вышестоящих управленческих уровней, создать условия для повышения эффективности системы местного налогообложения. Требуется внести изменения в налоговое законодательство, а именно — предоставить органам местного самоуправления налоговую базу, достаточную для формирования бюджета, способного обеспечить минимальный уровень развития муниципального образования.

Из теоретических обоснований, применительно к теме воздействия местного самоуправления на развитие социальной сферы наиболее распространена на данный момент теория социального обслуживания, согласно которой основной задачей самоуправления является организация обслуживания жизнедеятельности населения¹⁹³.

Трансформация роли и положения местного самоуправления под воздействием глобальных цивилизационных процессов в работах современных зарубежных исследователей часто характеризуется как критические изменения, негативно влияющие на возможности решения самоуправлением социальных проблем, как снижение роли и значения местного самоуправления¹⁹⁴. В частности, отмечают: свертывание муниципальных социальных программ; снижение внимания к проблемам социальной справедливости; увеличивающаяся социальная сегрегация населения; уменьшение контролирующих полномочий местных органов власти и финансо-

вой поддержки местного самоуправления из центра и т. д. Обращается внимание также на консервативность общинной политики и местного самоуправления, его приверженность «местечковой практике», направленной лишь на достижение местных целей, но не способной решить проблемы, имеющие системное или структурное основание¹⁹⁵.

Таким образом, положение о кризисе самоуправления в современном мире основывается на двух аргументах: 1) органы самоуправления не обладают возможностями для оказания значимого воздействия; 2) глобализация приводит к снижению общественной значимости самоуправления (как и других традиционных институтов).

Первое утверждение опровергается тем, что местное самоуправление остается и в современном мире институтом, обладающим достаточными властными и экономическими полномочиями, посредством которых разрешаются разнообразные социальные, экономические, этнические и политические вопросы, часто намного превосходящие область ответственности муниципалитетов. Местное самоуправление является консервативным по своей сущности институтом, но оно может стать каналом для продвижения широкого спектра социальных реформ путем проведения «скромных системных перемен»¹⁹⁶.

Относительно снижения значения самоуправления в ходе глобализации М. Кастельс в работе «Информационный город» утверждает, что самоуправление может выступать «как средство витализации» местной демократии, и связи с другими сообществами. Текущий процесс глобализации экономики может вести к возрождению местного самоуправления как альтернативы «функционально безвластному» и бюрократизированному национальному государству¹⁹⁷.

Значительную часть институтов гражданского общества представляют некоммерческие организации, создаваемые для решения как проблем их членов (инвалиды, потребители, профессиональные сообщества и т. д.), так и социальных задач (борьба с наркоманией, беспризорностью детей, защита окружающей среды, правозащитная деятельность и т. д.). Единого названия для таких организаций в России еще не выработано. Наиболее употребляемое название — некоммерческие организации (НКО), определяющее их незаинтересованность в извлечении прибыли как цели своей деятельности. Другие определения: негосударственные или общественные, связаны с акцентом на автономность деятельности таких организаций от государственного управления. Еще одно название — организации третьего сектора (первый сектор — государственное и муниципальное управление, второй сектор — бизнес).

Непосредственное соприкосновение некоммерческих организаций с общественным управлением происходит, как правило, на уровне местного самоуправления, а интересы концентрируются, как правило, в социальной сфере. НКО осуществляют свою деятельность в местных сообществах — как правило, на самом низовом уровне.

С другой стороны максимальный эффект от включения гражданских организаций в социальную политику достигается также на уровне муниципального образования. Именно здесь НКО могут стать непосредственными субъектами социальной политики, не только на стадиях ее обсуждения и оценки, но и в процессе реализации. Такие возможности есть только в местном самоуправлении из-за его приближенности непосредственно к гражданам и из-за особенности самой природы МСУ. Гражданские организации и органы МСУ — естественные союзники из-за наличия общих целей деятельности и наличия обоюдной заинтересованности (не всегда осознанной) в сотрудничестве. Эта заинтересованность вытекает из-за возможности преодолеть свои дефициты через взаимодействие друг с другом. Социальное партнерство гражданских организаций и структур местного самоуправления позволяет осуществить обмен ресурсами, что способно повысить общий потенциал партнерских организаций и как следствие — повысить эффективность их деятельности. Кроме того социальное партнерство некоммерческих организаций и органов МСУ позволяет активизировать самодеятельность населения в решении вопросов местного значения при помощи объединения наиболее активной части населения и таким образом вовлечения все большего числа граждан в решение вопросов местного значения. Социальное партнерство некоммерческих организаций и органов местного самоуправления обладает огромным потенциалом (недостаточно используемым в практике управления муниципальными образованиями) оптимизации всей системы общественного управления и развития местного сообщества.

Описание модели участия НКО в социальной политике муниципально-го образования включает в себя:

1. Определение роли НКО в решении задач социального управления.
2. Описание технологии привлечения некоммерческих организаций.
3. Возможные формы взаимодействия некоммерческих организаций с органами МСУ¹⁹⁸.

Представленная модель является попыткой комплексного осмысления участия некоммерческих организаций в осуществлении социальной политики муниципального образования с учетом задач и субъектов социального управления.

Если социальную политику представлять как управленческий цикл, то в ней выделяются три последовательных этапа:

- 1) вход — формирование социальной политики;
- 2) реализация;
- 3) выход — оценка результатов и внесение коррекции (с учетом достигнутого состояния социальной сферы).

На каждом этапе участие некоммерческих организаций также различно.

На этапе формирования социальной политики (вход) партнерами НКО являются представительный и исполнительные органы местного самоуправления, а также высшие должностные лица муниципального образования. На этом этапе происходит формулировка актуальных целей и задач. Чем более эффективно организован мониторинг социальной сферы, тем более детальным и объективным будет перечень актуальных целей и задач будущей социальной политики.

Основным содержанием этого этапа является выбор приоритетов, которые лягут в основу формирования социальной политики. Это политический процесс, в результате которого должен быть достигнут компромисс между широким кругом потребностей (перечень актуальных целей) и реальными возможностями местного сообщества, ограниченными наличными ресурсами.

Когда процесс выбора приоритетов завершен, то происходит формирование основных положений социальной политики. На этом этапе высока потребность в творческих идеях и конструктивных (часто нестандартных) решениях, которые могут предложить НКО.

Некоммерческие организации могут вносить предложения при определении актуальных целей и задач, исходя из интересов своих адресных групп и членов. Таким образом значительно повышаются возможности и актуальность выбора целей и задач социального управления. НКО могут также участвовать в дискуссиях (в различных формах) при выборе приоритетов социальной политики. Чем более полно они смогут представлять интересы различных социальных групп, тем объективнее будет конечное решение. НКО могут также вносить предложения при разработке программ и планов, в том числе полностью или частично осуществляемых и финансируемых ими. Здесь участие НКО важно, потому что многие общественные объединения обладают дополнительной профессиональной информацией, которая необходима для органов государственной власти для того, чтобы наиболее эффективно удовлетворять нужды местного населения.

Реальные формы, в которых будет организовано взаимодействие на этой стадии, могут быть различны (уже существует богатый опыт, как россий-

ский, так и международный в этой сфере. Их выбор зависит от возможностей, особенностей, уровня развития институтов местного самоуправления и организаций третьего сектора в данном муниципальном образовании.

На втором этапе (реализации) социальная политика выходит в сферу технологических решений и практических действий. Основным действующим лицом, применительно к самоуправлению, на этом этапе становится исполнительный орган — администрация муниципального образования, отвечающая за реализацию разработанной и принятой на первом этапе социальной политики.

Задачи по реализации социальной политики сводятся к выбору максимально эффективных (экономичных и результативных) способов и форм исполнения принятых решений. Это происходит при последовательном решении следующих задач: 1) определение способов реализации социальной политики, форм, методов, параметров контроля качества; 2) выбор исполнителей; 3) выделение ресурсов; 4) текущий контроль.

НКО на втором этапе могут:

1) разрабатывать и предлагать альтернативные технологии реализации социальной политики;

2) осуществлять социальную деятельность в качестве исполнителей социальной политики;

3) привлекать дополнительные ресурсы. Источниками таких средств являются гранты благотворительных организаций, ресурсы самих членов НКО (они используют для этого находящиеся в личной собственности технику, помещения, оборудование и т. д.), добровольные взносы граждан (как со стороны благотворителей и спонсоров, так и получателей социальных услуг);

4) проводить экспертизу реализации социальной политики — НКО являются частью экспертного сообщества и в этом качестве могут участвовать в решении задачи по проведению текущего контроля.

Муниципальный (социальный) заказ позволяет наиболее полно реализовать возможности НКО на этом этапе социально-политического воздействия. Суть данной технологии состоит в том, что некоммерческие организации участвуют в конкурсе по размещению социального заказа на исполнение задач социальной политики, используя свои конкурентные преимущества. НКО предлагают свои варианты достижения требуемых результатов и привлекают дополнительные ресурсы на решение социальных задач. Главным преимуществом муниципального заказа является возможность получения заданных результатов (удовлетворение социальных потребностей, решение проблем) при оптимальном (соотношение цена / результат) использовании ресурсов местного сообщества.

На завершающем этапе цикла социальной политики основная роль вновь принадлежит представительному органу местного самоуправления и, в соответствии с уставом, должностным лицам МСУ.

Роль гражданских организаций на завершающем этапе состоит в:

- участия в оценке эффективности социальной политики;
- участия в обсуждении результатов;
- внесении предложений по корректировке социальной политики.

Таким образом, возможные роли некоммерческих организаций в процессе принятия решений по формированию, реализации и оценке результатов социальной политики достаточно разнообразны: инициаторы, разработчики, консультанты, эксперты, исполнители и т. д.

С учетом вышесказанного, можно говорить, что включение негосударственных некоммерческих организаций, а особенно общественных объединений граждан, которые работают на конкретных территориях, является необходимым элементом в системе местного самоуправления.

Вместе с тем можно заметить, что развитию НКО как важного актора социальной политики препятствует и отсутствие установленных в федеральном законодательстве льгот для доноров благотворительной деятельности, а также многочисленные фискальные препятствия для организации деятельности НКО, особо ужесточившиеся после принятия поправок в законодательство, регулирующее деятельность НКО.

Что касается третьего актора — собственно человека и его семьи, то, как указано выше, в России до сих пор не создано благоприятных условий для самоорганизации людей и для деятельности по интересам. Вследствие этого тема общественной апатии и низкой политической и общественной активности населения является общим местом. Негативные результаты реформ, проявившиеся в снижении жизненного уровня населения, являются одним из возможных объяснений пассивности населения в решении «общих дел».

Один из актуальных вопросов гражданского общества — «социальная ответственность бизнеса». В течение последних нескольких лет эта тема не сходит со страниц печати¹⁹⁹.

Все множество точек зрения по проблеме социальной ответственности бизнеса можно сформулировать в следующих позициях:

Ответственность бизнеса ограничивается созданием рабочих мест и обеспечением их эффективного использования. Конкретно эта ответственность выражается в отношениях с персоналом через создание условий труда, его оплату и выплату налогов государству. Наиболее полно эта традиция реализована в англо-американской модели социального управления, где ра-

ботник, получая зарплату, через посредство частных структур самостоятельно удовлетворяет свои многообразные социальные потребности.

В европейской модели социального государства бизнес платит достаточно большие налоги, а государство на эти деньги создает условия для реализации наиболее значимых социальных потребностей населения.

Бизнес отвечает за все. Наиболее последовательно эта модель воплощалась при социализме, где предприятия создавали, содержали и управляли множеством объектов социальной инфраструктуры.

В сегодняшних условиях эти модели работают недостаточно эффективно.

В либеральной модели вне зоны интересов бизнеса оказываются проблемы занятости, профессиональной квалификации населения, решение экологических проблем, реализация долговременных стратегически ориентированных социальных проектов.

Социалистическая модель настолько ограничивает развитие бизнеса реализацией несвойственных ему функций, что в проигрыше оказываются и бизнес, и государство и граждане.

Современная европейская модель корпоративной социальной ответственности ориентирует бизнес на три сферы проявления инициативы — экономику, занятость и окружающую среду. Однако фирмы сами не занимаются решением социальных проблем населения, а реализуют эту функцию через взаимодействие с гражданскими формированиями, некоммерческими организациями и государственными учреждениями. Развитием этой модели является концепция корпоративного гражданства, в которой бизнес рассматривается в качестве ячейки гражданского общества — заинтересованного участника системы социальных отношений²⁰⁰. Для бизнеса, равно как и для всех, применимо выражение «жить в обществе и быть свободным от общества нельзя». Но отечественный бизнес пока не до конца осознает, что решение долгосрочных и краткосрочных бизнес-задач тесно связано с тенденциями развития всего общества. Приоритеты всех форм бизнеса должны не просто измениться, они должны расширить свои узкие сиюминутные границы. Акцент на извлечении максимальной прибыли у нас вслед за цивилизованными рынками, постепенно должен быть вытеснен осознанием, что ставка на социальную ответственность бизнеса является ключом к будущему процветанию предприятия, компании, фирмы. Таким образом, социальная ответственность бизнеса может быть реализована только на узком пространстве совмещения интересов и приоритетов трех групп — самого бизнеса, правительства и общества. Речь идет о таких социальных изменениях, которые ведут к сближению этих интересов.

Национальные модели корпоративной социальной ответственности должны учитывать сложившиеся традиции и менталитет населения, особенности права, уровень его развития и развития гражданских институтов. По нашему мнению, и эти представления подтверждаются в действительности, при изучении жизни российской «глубинки», социальная ответственность российских компаний есть. Более того, она встречается гораздо чаще, чем принято считать. Только она не всегда укладывается в зарубежные схемы и модели. Но жизнь, в том числе и бизнес, гораздо более многогранны, и не всегда привычные модели надлежащим образом позволяют оценить то или иное социальное явление.

Примечания к главе 2

¹ Тоценко Ж.Т., Харченко С.В. Социальное настроение. — М.: Academia, 1996. — С. 106.

² См.: Григорьева И.А. Социальная политика и социальное реформирование в России в 90-х годах. — СПб.: Сев.-Зап. акад. гос. службы, 1998. — С. 14.

³ См.: Habermas J. Moralbewusstsein und kommunikatives Handeln. Ffm., 1983; Зомбарт В. Идеалы социальной политики / Пер. с нем. — СПб., 1906; Роулз Дж. Теория справедливости / Пер. с англ. — Новосибирск: Изд-во НГУ, 1995.

⁴ См.: Григорьева И.А. Социальная политика и социальное реформирование в России в 90-х годах. СПб., 1998; Попов В.Т., Холостова Е.И. Социальная политика и социальная работа. Учебно-методическое пособие. — М.: Соц.-технол. ин-т, 1997; Капицин В.М. Социальная политика и право: сущность и взаимозависимости // Российский журнал социальной работы. — 1998. — № 8; Осадчая Г.И. Социальная сфера общества: теория и методология социологического анализа. — М.: Союз, 1996; Социальная политика России на современном этапе. Учебное пособие / Под ред. В.Г. Попова, Е.И. Холостовой. — М., 1997; Топчий Л.В. Взаимосвязь социальной политики и социальной работы: проблемы теории и практики // Российский журнал социальной работы. — 1995. — № 1; Константинова Л.В. Социальная политика: штрихи к социологической концепции // Социологические исследования. — 2005. — № 2; Она же. К понятию «социальная политика» в современной общественной теории // Управленческое консультирование. — 2005. — № 2; Гонтмахер Е. Социальная политика: уроки 90-х. — М., 2000; Она же. Эволюция системы социальной поддержки населения // Общество и экономика. — 2000. — № 9—10; и др.

⁵ Социологический энциклопедический словарь. — М.: Норма; Инфра-М, 1998. — С. 249.

⁶ Тоценко Ж.Т., Харченко С.В. Социальное настроение. — С. 106.

⁷ См.: Ракитский Б.В. Социальная политика, социальная защита, самозащита трудящихся в обществе. Часть 1. Социальная политика // Трудовая демократия. — 1997. — Вып. 9. — М.; и др.

⁸ См.: Вавилина Н.Д. Социальная политика государства. — Новосибирск: СибАГС, 2003. — С. 44.

- ⁹ См.: *Habermas J. Theorie der Kommunikativen Handelns.* — Frankfurt d.M., 1985. — S. 511.
- ¹⁰ *Социологический энциклопедический словарь.* — М.: Инфра-М, 1998. — С. 348.
- ¹¹ См.: *Вавилина Н.Д.* Социальная политика государства. — С. 45.
- ¹² См.: *Основы социальной работы / Отв. ред. П.Д. Павленок.* — М., 1997. — С. 13.
- ¹³ См.: *Колков В.В.* Социальная безопасность (Часть I). — М.: Социально-технологический ин-т, 1998. — С. 26—27; *Зайнышев И.Г.* Взаимосвязь социальной политики и социальной работы (Библиотечка социального работника). VI. — М.: Союз, 1994. — С. 6; *Каницын В.М.* Социальная политика и право: сущность и взаимозависимость // *Российский журнал социальной работы.* — 1998. — № 8.
- ¹⁴ См.: *Rys V. Comparative studies in social security: problems and perspectives // Bulletin of the International Social Security Association.* — 1966. — N 7—8. — P. 242.
- ¹⁵ См.: *Социальная политика и социальная работа в изменяющейся России.* — М.: ИНИОН РАН, 2002.
- ¹⁶ См.: Там же.
- ¹⁷ См.: *Дурова Л.И.* Институционализация социальной политики в субъектах Российской Федерации. Автореф. ... канд. дисс. — М., 2000.
- ¹⁸ См.: *Уборевич Н.* Бизнес в общем-то хочет выращивать мозги // «Коммерсант — ДЕНЬГИ». — 2005. — № 31 (563).
- ¹⁹ *Социальный менеджмент / Курс лекций.* Под ред. В.Н. Иванова, В.И. Патрушева. — М.: Союз, 1998. — С. 63.
- ²⁰ См.: *Мухадаев М.О.* Социальная политика и образование // *Коммуникация и образование. Сборник статей / Под ред. С.И. Дудника.* — СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2004.
- ²¹ См.: *Кирдина С.Г.* Институциональные матрицы и развитие России. Изд. 2-е, перераб. и дополн. — Новосибирск: Изд-во ИЭиОПП СО РАН, 2001.
- ²² *Сорокин П.А.* Человек. Цивилизация. Общество. — М.: Республика, 1992. — С. 30.
- ²³ *Социальный менеджмент / Под ред. Д.В. Валового.* — М.: ЗАО Бизнес школа Интел-Синтез; Академия труда и социальных отношений, 1999. — С. 86.
- ²⁴ См.: *Куценко В.И.* Социальная задача как категория исторического материализма. — Киев: Наук. думка, 1972.
- ²⁵ См.: *Бестужев-Лада И.В.* Поисковое социальное прогнозирование: Перспективные проблемы общества. — М.: Наука, 1984.
- ²⁶ *Лемешев М.Я., Панченко А.И.* Программные межотраслевые комплексы // *Методологические вопросы народнохозяйственного планирования и управления.* — Новосибирск, 1971.
- ²⁷ См.: *Green A.W. Social Problems: Arena of Conflict,* — N.Y., 1975; *Merton R. K., Nisbet R. (eds.) Contemporary Social Problems,* 2nd ed. — N.Y., 1966.
- ²⁸ См.: *Schwartz H. On the Origin of the Phrase «Social Problems» // Social Problems.* — 1997. — Vol. 44, N 2, May. — P. 276—296.
- ²⁹ *Smith S. The Organic Analogy // Rubington E., Weinberg M.S. (eds.). The Study of Social Problems.* — N.Y.: Oxford, 1995.
- ³⁰ См.: *Rosenquist C.M. The Moral Premises of Social Pathology // Rubington E., Weinberg M.S. (eds.). The Study of Social Problems.* — N.Y.: Oxford, 1995.

³¹ См.: Mills C.W. The Professional Ideology of Social Pathologists // Amer. J. of Sociology. — 1942. — Vol. 60. — P. 165—180.

³² См.: Ясавеев И. Социология социальных проблем // Социология: учебное пособие / Под ред. С.А. Ерофеева, Л.Р. Низамовой. 2-е изд., перераб. и доп. — Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. — С. 264.

³³ См.: Social Problems: A Critical Power-Conflict Perspective / J. R. Feagin, Cl. B. Feagin. 3-d edition. — New Jersey, 1982. — P. 11.

³⁴ См.: Минина В.Н. Социология социальных проблем: аналитический обзор основных концепций // Журнал социологии и социальной антропологии. — 1998. — Т. 1, № 3. — С. 72.

³⁵ Томас У., Знанецкий Ф. Польский крестьянин в Европе и Америке // Контексты современности-2. Хрестоматия. — Казань: Изд-во Каз. гос. ун-та, 1998. — С. 51.

³⁶ См.: Томас У., Знанецкий Ф. Указ. соч. — С. 50.

³⁷ См.: Шибутани Т. Социальная психология. — М.: Прогресс, 1969. — С. 468.

³⁸ См.: Ясавеев И. Социология социальных проблем.

³⁹ См.: Clinard M.B. A Disorganizing Concept // Rubington E., Weinberg M.S. (eds.). The Study of Social Problems. — N. Y.: Oxford, 1995. — P. 82.

⁴⁰ Merton R. K., Nisbet R. (Eds) Contemporary Social Problems. 4th ed. — N. Y.: Harcourt Brace Jovanovich, 1976. — P. 24.

⁴¹ Ibid. — P. 3.

⁴² См.: Спектор М., Китсьюз Дж. Конструирование социальных проблем // Контексты современности-2.

⁴³ См.: Минина В.Н. Социология социальных проблем: аналитический обзор основных концепций. — С. 78.

⁴⁴ Фуллер Р., Майерс Р. История социальной проблемы // Контексты современности-2. — С. 55.

⁴⁵ Так, например, классическое определение социальной проблемы, данное Р. Мертоном и Р. Нисбетом: «Социальная проблема существует, если есть значительное расхождение между тем, что есть, и тем, чему, как считают люди, следует быть», — акцентирует некоторое отклонение, девиацию нормы в проблематизируемой ситуации. Нормативный подход не ограничивается функциональными или конфликтно-ценностными определениями социальных проблем. Он также соответствует пониманию социальной проблемы как социальной патологии, девиации.

⁴⁶ См.: Минина В.Н. Социология социальных проблем: аналитический обзор основных концепций.

⁴⁷ Там же. — С. 80.

⁴⁸ См.: Spector M., Kitsuse J. I. Constructing Social Problems. — N. Y., 1987; Images of Issues: Typifying Contemporary Social Problems / J. Best. — N. Y., 1989; Constructionist Controversies: Issues in Social Problems Theory / G. Miller, J.A. Holstein. — N. Y., 1993; McCombs M., Eyal Ch., Graber D., Weaver D. Media Agenda-Setting in the Presidential Election. — N. Y.: Praeger Scientific, 1981.

⁴⁹ Спектор М., Китсьюз Дж. Конструирование социальных проблем // Контексты современности. — С. 77.

⁵⁰ См.: Spector M., Kitsuse J. I. Constructing Social Problems. — N. Y.: Aldine de Gruyter, 1987.

- 51 См.: *Минина В.Н.* Социология социальных проблем: аналитический обзор основных концепций.
- 52 См.: *McCombs M., Eyal Ch., Graber D., Weaver D.* Media Agenda-Setting in the Presidential Election. — N.Y.: Praeger Scientific, 1991. — P. 155.
- 53 См.: *Минина В.Н.* Социология социальных проблем: аналитический обзор основных концепций.
- 54 См.: *Rubington E.V., Weinberg M.* The study of social problems. Seven perspectives. — N. Y.; Oxford: Oxford University Press, 1995. — P. 4.
- 55 См.: *Минина В.Н.* Социология социальных проблем: аналитический обзор основных концепций.
- 56 См.: *Философский энциклопедический словарь* / Под ред. Л.Ф. Ильичева, П.Н. Федосеева, С.М. Ковалева и др. — М.: Сов. энциклопедия, 1983. — С. 661.
- 57 См.: *Социальные основы политики.* — С. 32.
- 58 См.: *Segal E.A.* Social Welfare Policy, Programs, and Practice. — Itasca: F.E. Peacock Publishers, 1998.
- 59 См.: *Barker R.L.* The Social Work Dictionary. 3rd ed. — Washington: National Association of Social Workers, 1995.
- 60 См.: *Константинова Л.В.* Социальная политика: штрихи к социологической концепции // Социологические исследования. — 2005. — № 2. — С. 36—44.
- 61 См.: *Ахиезер А.С., Яковенко И.Г.* Что же такое общество? // Общественные науки и современность. — 1997. — № 3. — С. 30—37.
- 62 См.: *Венегеров А.Б.* Теория государства и права. Ч. 1. — М.: Юрист, 1995. — С. 22.
- 63 См.: *Денисов А.И.* Сущность и форма государства. — М.: Изд-во МГУ, 1960.
- 64 См.: *Торлопов В.А.* Социальное государство: сущность и генезис // Человек и труд. — 1998. — № 5. — С. 10—13.
- 65 См.: *Рынок труда и социальная политика в Центральной и Восточной Европе. Переходный период и дальнейшее развитие.* — М.: ИКЦ «ДИС», 1997.
- 66 См.: *Коробов С.Е.* Социальная функция государств с рыночной экономикой // Государственная власть и местное самоуправление. — 2001. — № 1. — С. 11.
- 67 См.: *Осадчая Г.И.* Социальная политика, социальное управление и управление социальной сферой: Учебное пособие. — М.: МГСУ, 1999.
- 68 См.: *Бурджалов Ф.Э.* Современная социальная политика: между планом и рынком: Учебное пособие. — М.: Гардарики, 1996.
- 69 См.: *Гончаров П.К.* Социальное государство: сущность, мировой опыт, российская модель // Социально-гуманитарные знания. — 2000. — № 2. — С. 18—37.
- 70 См.: *Вавилина Н.Д.* Социальная политика государства.
- 71 См.: *Esping-Andersen G.* The Three Worlds of Welfare Capitalism. — Cambridge, 1990. — P. 62.
- 72 См.: *Григорьева И.А.* Социальная политика и социальное реформирование в России в 90-х годах. — СПб.: Образование — культура, 1998. — С. 34.
- 73 См.: *Константинова Л.* Выбор модели и регионализация социальной политики // Государственная служба. — Декабрь. — 2003. — № 6 (26); www.rags.ru/akadem/all/26-2003/26-2003-120.html
- 74 *Pigou A.C., Economics of Welfare*, 4th ed. — London, 1948. — P. 89.

⁷⁵ См.: *Hayek F.A.* Law, Legislation and Liberty. Volume Two: The Mirage of Social Justice. — Chicago: University of Chicago Press, 1976.

⁷⁶ См.: *Лексин В., Швецов А.* Государственное регулирование и селективная поддержка регионального развития // Рос. экон. журнал. — 1994. — № 8. — С. 37—48.

⁷⁷ См.: *Ярская В.* Социальная политика, социальное государство и социальный менеджмент: проблемы анализа // Журнал исследований социальной политики. — 2003. — Т. 1, № 1. — С. 22.

⁷⁸ См.: *Тончий Л.* Оценку ставит клиент // Социальная защита. — 1998. — № 6. — С. 66—67.

⁷⁹ См.: *Батищев И.М., Смирнов К.А., Филимонов П.И.* Социально-ориентированные модели рыночной экономики. — М.: Космо, 2001.

⁸⁰ См.: *Вавилина Н.Д.* Социальная политика государства.

⁸¹ См.: Там же.

⁸² См.: *Политика и общество* (социально-политические проблемы развитого социализма) / Под ред. А.К. Белых и Л.Т. Кривушина. — Л., 1975. — С. 110.

⁸³ См.: *Константинова Л.В.* Становление общественного сектора как субъекта социальной политики: опыт концептуализации и анализ реальных практик // Журнал исследований социальной политики. — 2004. — Том 2, № 4. — С. 457—458.

⁸⁴ См.: *Леденева А.* Блат и рынок: трансформация блата в постсоветской России // Неформальная экономика. Россия и мир / Под ред. Т. Шанина. М.: Логос, 1999. С. 111—124.

⁸⁵ См.: *From Plan to Market.* World Development Report / World Bank, 1996. — P.241.

⁸⁶ См.: *Махонин П., Кухарж П., Мюллер К* и др. Трансформация и модернизация чешского общества // Социс. — 2002. — № 7.

⁸⁷ См.: *Гонтмахер Е. Ш.* Принципы и основные элементы социальной стратегии // Территориальные проблемы социальной политики. — М.: ГУ ВШЭ, 2000. — С. 16—18.

⁸⁸ См.: *McFaul M.* The Political Economy of Social Policy Reforms in Russia: Ideas, Institutions and Interests // Left Parties and Social Policy in Postcommunist Europe / Ed. by L. J. Cook, M. A. Orenstein, M. Rueschemeyer. — Oxford: Westview Press, 1999. — P. 207—234.

⁸⁹ См.: *Лайкам К.Э.* Основные этапы и направления реформирования социальной политики в Российской Федерации // Социальные модели общества в период перехода к социально-ориентированной рыночной экономике (к вопросу о разработке социальной модели России XXI века). Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ, 1999. — № 24 (112). — С. 32.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ См.: *Социальная политика и социальная работа в изменяющейся России.* — М.: ИНИОН РАН, 2002. — С. 116.

⁹² См.: *Основные направления социально-экономической политики Правительства Российской Федерации на долгосрочную перспективу.* — М., 2000.

⁹³ См.: Там же.

⁹⁴ См.: *Трансформация социальных отношений* // Россия — национальная стратегия и социальные приоритеты. — М.: Союз, 1997; Цит. по: *Социальная политика: парадигмы и приоритеты* / Под ред. В. И. Жукова. — М.: Союз, 2000. — С. 234.

⁹⁵ Основные направления социально-экономической политики Правительства Российской Федерации на долгосрочную перспективу.

⁹⁶ *Grundsatzprogramm der Christlich-Demokratischen Union Deutschlands*. Bescheuss vom 26. Bundesparteitag. Zuduwigschaften 23—25 Oktober 1978. — Bonn, Köln, 1978. — Ss. 41—42. Цит. по: Вавилина Н.Д. Социальная политика государства.

⁹⁷ См.: Дудченко Н.П., Курбатова М.В. Проблемы становления системы частного инвестирования в высшее профессиональное образование // Университетское управление: практика и анализ. — 2003. — № 3.

⁹⁸ Образовательная политика России на современном этапе. Доклад в Государственном Совете РФ. — М., 2001. — С. 24.

⁹⁹ Дмитриева М. Русский крест // <http://www.rgz.ru/arhiv/13.05.2004/problem/txt1.html>

¹⁰⁰ См.: Лобанов В.А., Литвинцева Г.П. Направления и проблемы нового этапа налоговой реформы в Российской Федерации // Сибирская финансовая школа. — 2004. — № 3. — С. 36.

¹⁰¹ См.: Делягин М. Пенсионная реформа, или игра в наперсток: забудьте о пенсии // <http://www.polit.ru/dossie/pv/2004/05/12/delyag.html>

¹⁰² См.: Лобанов В.А., Литвинцева Г.П. Указ. соч. — С. 36.

¹⁰³ См.: Панов Е. Сегодня мы живем на уровне 1913 года // Российская газета. — 2004. — 27 февр. — С. 4.

¹⁰⁴ См.: Актуальные проблемы экономической политики: стратегия экономических реформ в Российской Федерации / Информационно-аналитическое управление Аппарата Совета Федерации ФС РФ. — 2000. — С. 14.

¹⁰⁵ См. подробно: *Российский экономический журнал*. — 2001. — № 1. — С. 9—11.

¹⁰⁶ См.: Реморенко И.М. Качественное образование. Высшая школа // Национальные проекты. — 2006. — № 6.

¹⁰⁷ См.: Шохин А. Н. Национальное проектное финансирование // Национальные проекты. — 2006. — № 2. — С. 4.

¹⁰⁸ См.: Реморенко И.М. Качественное образование. Высшая школа // Национальные проекты. — 2006. — № 6.

¹⁰⁹ См.: Национальные проекты: год спустя. Пресс-выпуск ВЦИОМ № 525. 05.09.2006.

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ Федоров В. Новейший «русский бунт» — хороший удар по мозгам тем, кто начал терять чувство собственной адекватности // <http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/3115.html>

¹¹² Лебедева М.М. Формирование новой политической структуры мира и место России в ней // Мегатренды мирового развития. — С. 37.

¹¹³ См.: Жан К. Геоэкономика: теоретические аспекты, методы, стратегия и техника // Жан К., Савона П. Геоэкономика, господство экономического пространства. — М., 1997.

¹¹⁴ Giddens A. The Consequences of Modernity. — Cambridge, 1990. — P. 175.

¹¹⁵ См.: Rosenau J.N. Powerful Tendencies, Enduring Tensions and Glaring Contradictions: The United Nations in a Turbulent World // Between Sovereignty and Global Governance: The UN, the State and Civil Society. Houndmills. — N. Y. etc., 1998. — P. 259—260.

- ¹¹⁶ См.: *Robertson R.* Globalization: Social Theory and Global Culture. — London, 1992. — P. 25—31.
- ¹¹⁷ См.: *Лебедева М.М.* Формирование новой политической структуры мира и место России в ней // Мегатренды мирового развития. — С. 37.
- ¹¹⁸ *Otahe K* The end of the Nation State — N. Y., 1995. — P. 5, 20.
- ¹¹⁹ См.: *Жан К.* Геоэкономика: теоретические аспекты, методы, стратегия и техника // Жан К., Савона П. Геоэкономика, господство экономического пространства. — М., 1997; *Цымбурски В.* Русские и геоэкономика // Pro et Contra. — 2003. — Т. 8, № 2 // www.carnegie.ru
- ¹²⁰ См.: *Wallerstein I.* The Modern World System II. — N. Y.: Academic Press, 1980.
- ¹²¹ См.: *Неклесса А. И.* Ordo quadro: пришествие постсовременного мира // Мегатренды мирового развития. — М.: Экономика, 2001. — С. 123.
- ¹²² См.: *Ильин М. В., Иноземцев В. Л.* Введение // Мегатренды мирового развития.
- ¹²³ *Latouche S.* The Westernization of the World. — Cambridge: Polity Press, 1996. — P. 50—51.
- ¹²⁴ *Coser L.A.* Review of «Tradition, Change and Modernity» by S.N. Eisenshtadt // Science. — 1974. — Vol. CLXXXIII. — P. 742. — Цит. по: *Осипова О.А.* Американская социология о традициях в странах Востока. — М.: Наука, 1985. — С. 77.
- ¹²⁵ См.: *Бельский А.Г.* О характеристике буржуазными учеными «модернизации» развивающихся стран и роли средних слоев в этом процессе // Средние слои городского общества в странах Востока. — М.: Наука, 1975; *Бельский А.Г.* Кризис западноцентристских концепций модернизации и «социологии развития» освободившихся стран // Исследования социологических проблем развивающихся стран. — М.: Наука, 1978; *Бергер П.* Капиталистическая революция..., и др.
- ¹²⁶ См.: *Бергер П.* Капиталистическая революция... Гл. 1.
- ¹²⁷ См.: *Rostow W.* The stages of Economic Growth. — Cambridge, 1960.
- ¹²⁸ См.: *Coleman J.S.* The political systems of the developing areas // The Politics of the Developing Areas. — Princeton, 1960; *Lerner D.* The Passing of Traditional Society. — Glencoe, 1958; *Levy M.J.* Contrasting factors in the modernization of China and Japan // Economic Development and Cultural Change, 1954; *Lipset S.M.* Political man. The Social Basis of Politics. — N. Y., 1959; *Parsons T.* The Social System. — Glencoe, 1951; *Satton F.* Social Theory and Comparative Politic. — N. Y., 1955; *Shils E.* Tradition and liberty: antinomy and interdependence // Ethics. — 1958. — Vol. XLVIII.
- ¹²⁹ См.: *Современная западная теоретическая социология:* Т. Парсонс. — М., 1994.
- ¹³⁰ См.: *Shils E.* Tradition and liberty: antinomy and interdependence // Ethics. — 1958. — Vol. XLVIII; *Shils E.* Tradition // Essays on modernization of underdeveloped societies. — Vol. 1. — N.Y., 1972.
- ¹³¹ См.: *Lipset S.M.* Political man. The Social Basis of Politics. — N. Y., 1959.
- ¹³² См.: *Parsons T.* Evolutionary Universals in Society // American Sociological Review. — 1964. — Vol. 29. — P. 339—357.
- ¹³³ *Schwartz B.* The Reign of Virtue: Some Broad Perspectives on Leader and Party in the Cultural Revolution // The China Quarterly. — 1968. — N 35. — P. 1—17. — Цит. по: *Кюаджан Л.С., Сорокина Т.Н.* Влияние традиций на маоизм в оценке зарубежного Китаеведения // Китай: традиции и современность. — М., 1976. — С. 280.

- ¹³⁴ См.: *Старостин Б.С.* Социальное обновление: схемы и реальность. Критический анализ буржуазных концепций модернизации развивающихся стран. — М.: Наука, 1981.
- ¹³⁵ См. обзор этой темы в более поздней работе Мура [Moore W.E. World modernization: the limits of convergence. — N. Y., 1979].
- ¹³⁶ См.: *Eisenshtadt S.N.* Modernization: Protest and change. — N. Y., 1966; *Eisenshtadt S.N.* Tradition, Change and Modernity. — N. Y., 1973.
- ¹³⁷ См.: *Эйзенштадт Ш.* Новая парадигма модернизации // Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия. — М.: Аспект-пресс, 1998. — С. 471.
- ¹³⁸ *Eisenshtadt S.N.* Tradition, Change and Modernity. — N. Y., 1973.
- ¹³⁹ См.: *Coser L.A.* Review of «Tradition, Change and Modernity» by S.N. Eisenshtadt // Science. — 1974. — Vol. CLXXXIII.
- ¹⁴⁰ См.: *Девятко И.Ф.* Модернизация, глобализация и институциональный изоморфизм: к социологической теории глобального общества // Глобализация и постсоветское общество. — М.: Издательство ООО «Стови», 2001. — С. 12.
- ¹⁴¹ См.: *Darendorf R.* Reflections on the Revolution in Europe. — N. Y., 1990.
- ¹⁴² См.: *Бергер П.* Капиталистическая революция: 50 тезисов о процветании, равенстве и свободе. — М.: Прогресс-Универс, 1994. — Гл. 6.
- ¹⁴³ Цит. по: *Кюзаджан Л.С., Сорокина Т.Н.* Влияние традиций на маоизм в оценке зарубежного Китаеведения // Китай: традиции и современность. — М.: Наука, 1976. — С. 280.
- ¹⁴⁴ См.: *Поннер К.* Философия оракулов и восстание против разума // Хрестоматия по философии: Учеб. пособие / Сост. Алексеев П. В., Панин А. В. — М.: Гардарики, 1997. — С. 357—362.
- ¹⁴⁵ См.: *Лебедева М.М.* Формирование новой политической структуры мира и место России в ней // Мегатренды мирового развития. — М.: Экономика, 2001. — С. 73.
- ¹⁴⁶ См.: *Вышеславцев Б.П.* Кризис индустриальной культуры // Марксизм. Неосоциализм. Неолиберализм. — Нью-Йорк, 1982. — С. 11.
- ¹⁴⁷ См.: *Stryker R.* Globalization and welfare state // Intern. J. of Sociology and Social Policy. Hull. — 1998. — Vol. 18, N 2—4. — P. 2.
- ¹⁴⁸ См.: *Scott A.* Globalization: Social Process or Political Rhetoric? // The Limits of Globalization: Cases and Arguments. — L.; N. Y., 1997.
- ¹⁴⁹ См.: *Navarro V.* Neoliberalism, «globalization», unemployment, inequalities, and welfare state // Intern. J. of Health Services. — L., 1998; *Кондратьева Т.С.* Глобализация и государство благосостояния / Процессы глобализации: экономические, социальные и культурные аспекты: Пробл.-темат. сб. / Кондратьева Т.С., Новоженова И.С. (редакторы-сост.). — М.: ИНИОН, 2000.
- ¹⁵⁰ См.: *Сорокин П.* Человек. Цивилизация. Общество. — М.: Политиздат, 1992. — С. 323—325.
- ¹⁵¹ См. *Вагнер А.* Теория и практика социальной работы. — Т. 1. — М.; Тула, 1993. — С. 171.
- ¹⁵² См.: *Покровский Н.Е.* Неизбежность странного мира: включение России в глобальное сообщество // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2000. — № 3.
- ¹⁵³ См.: *Ritzer G.* The Mcdonaldization of Society. An Investigation into the Changing Character of Contemporary Social Life. — Thousand Oaks, California; L., New Delhi, 1996.

- 154 См.: Кондратьева Т.С. Глобализация и государство благосостояния. — С. 52—54.
- 155 Там же.
- 156 См.: Stryker R. Globalization and welfare state // Intern. J. of Sociology and Social Policy. — Hull. — 1998. — Vol. 18, N 2—4. — P. 1—49. Более подробно см.: Кондратьева Т.С. Глобализация и государство благосостояния.
- 157 См.: Stryker R. Globalization and Welfare State. — P. 8.
- 158 Ibid. — P. 17.
- 159 См.: Романова З.И. В лабиринте глобализации. Экономические уроки Латинской Америки // Свободная мысль-XXI. — 2002. — № 6. — С. 59.
- 160 См.: Турек Ю. Приватизация общества и политики. Глобализация изменяет основы государственности // Международная политика. — 2001. — № 7.
- 161 Там же.
- 162 Петрелла Р. Новые Скрижали Законов. (Les Nouvelles Tables de Loi) // Мوند дипломатик. — 2000. — № 494.
- 163 Неклесса А. И. Ordo quadro: пришествие постсовременного мира // Мегатренды мирового развития. — М.: Экономика, 2001. — С. 67.
- 164 См.: Рамонэ И. Гигантские фирмы, карликовые государства // Мوند дипломатик. — 1998. — Июнь.
- 165 См.: Рамонэ И. Глобализаторские режимы // Мوند дипломатик. — 1997. — Январь.
- 166 Кассен Б., Клермон Ф. Ускорение процессов глобализации // Мوند дипломатик. — 2001. — Декабрь.
- 167 Зиглер Ж. Шизофрения ООН // Мوند дипломатик. — 2001. — Ноябрь.
- 168 Неклесса А. И. Ordo quadro: пришествие постсовременного мира // Мегатренды мирового развития. — М.: Экономика, 2001. — С. 67.
- 169 См.: Неклесса А. Постсовременный мир в новой системе координат // Глобальное сообщество: Новая система координат: Подходы к проблеме. — СПб., 2000; Он же. Геоэкономическая система мироустройства // Глобальное сообщество: Картография постсовременного мира. — М., 2002.
- 170 См.: Романова З.И. В лабиринте глобализации. Экономические уроки Латинской Америки.
- 171 Нарочницкая Н.А. Национальный фактор в эпоху глобализации. — С. 115.
- 172 См.: Сорос Д. 47 тезисов о глобализации // Вестник Европы. — 2001. — № 2.
- 173 Романова З.И. В лабиринте глобализации. Экономические уроки Латинской Америки. — С. 59.
- 174 См.: Hirst P., Thompson G. Globalization and the Future of the Nation State // Economy and Society. — L., 1995. — Vol. 24, N 3. — P. 414—415.
- 175 См.: Rieger E., Leibfried S. Welfare State Limits to Globalization // Politics and Society. — 1998. — Vol. 26, N 3. — P. 382.
- 176 См.: Взаимосвязь социальной политики и социальной работы. — М.: Аспект-Пресс, 1997.
- 177 Цит. по: Кондратьева Т.С. Глобализация и национальный суверенитет (аналитический обзор) // Процессы глобализации: экономические, социальные и культурные

аспекты: Пробл.- темат. сб. / РАН ИНИОН. Кондратьева Т.С., Новожинова И.С. (редакторы-сост.) — М., 2000. — С. 76.

¹⁷⁸ См.: *Giddens A.* Die Konsequenzen der Moderne. — Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1995. — S. 86, 96.

¹⁷⁹ См.: *Anderson J.* Skeptical Reflections on a Europe of Regions: Britain, Germany and the European Regional Development Fund // *Journal of Public Policy*. — 1990. — Ottobre—dicembre. — P. 445—447.

¹⁸⁰ См.: *Девятко И.Ф.* Модернизация, глобализация и институциональный изоморфизм: к социологической теории глобального общества // Глобализация и постсоветское общество. — М.: Изд-во ООО «Стори», 2001. — С. 23.

¹⁸¹ См.: *Политика* и общество (социально-политические проблемы развитого социализма) / Под ред. А.К. Бельх и Л.Т. Кривушина. — Л., 1975. — С.110.

¹⁸² См.: *Константинова Л.В.* Становление общественного сектора как субъекта социальной политики: опыт концептуализации и анализ реальных практик // Журнал исследований социальной политики. — 2004. — Т. 2, № 4. — С. 457—458.

¹⁸³ См.: *Леденева А.* Блат и рынок: трансформация блата в постсоветской России // Неформальная экономика. Россия и мир / Под ред. Т. Шанина. — М.: Логос, 1999. — С. 111—124.

¹⁸⁴ См.: *Гоббс Г.* Левиафан // Гоббс Г. Сочинения. В 2 т. Т. 2. — М., 1991. — С. 174.

¹⁸⁵ См.: *Фармер М.* Рациональный выбор: теория и практика // Политические исследования. — 1994. — № 3. — С. 54.

¹⁸⁶ См.: *Григорьева И.А.* Социальная политика и социальное реформирование в России в 90-х годах. — СПб., 1998. — С. 21.

¹⁸⁷ См.: *Гражданское общество в России: западная парадигма и российская реальность* / К.И. Холодковский (отв. ред.). — М., 1996; *Гражданское участие: ответственность, сообщество, власть. Некоцептуальный сборник*. — М., 1997; *Гражданское общество. Мировой опыт и проблемы России*. М., 1998; *Проблемы формирования гражданского общества*. — М., 1993; *Становление институтов гражданского общества: Россия и международный опыт. Материалы международного симпозиума. 31 марта — 1 апреля 1995 г.* — М., 1995; *Walzer M.* (ed.). *Toward a Global Civil Society*. — Providence, Oxford, 1995.

¹⁸⁸ См.: *Gellner E.* Conditions of Liberty: Civil Society and Its Rivals. — Allen Lane, 1994.

¹⁸⁹ См.: *Материалы* Первого Международного Конгресса «Евразия: занятость в 21 веке» / МОТ, 2001.

¹⁹⁰ См.: *Гонтмахер Е. Ш.* Принципы и основные элементы социальной стратегии // Территориальные проблемы социальной политики. — М.: ГУ ВШЭ, 2000. — С. 16—18.

¹⁹¹ *Токвиль А., де.* Демократия в Америке. — М., 1992. — С. 65.

¹⁹² *США глазами американских социологов*. Кн. 1. — М., 1982. — С. 40.

¹⁹³ См.: *Impact of Decentralization on Social Policy* / Ed. Katalin Tausz. — Budapest, 2002.

¹⁹⁴ См.: *Sharpe J.* The new politics of local governance // *Public Administration*. — 2002. — Vol. 80. — N. 4.

¹⁹⁵ Johnston R.J., Pattie C.J. Local government in local governance: the 1994-95 restructuring of local government in England // International Journal of Urban and Regional Research. — 1996. — Vol. 20(4); Pickvance C., Preteceille E. State Restructuring and Local Power: A comparative perspective. — London, 1991.

¹⁹⁶ См.: Mowbray M. Community development and local government: an Australian response to globalization and economic fundamentalism // Community Development Journal. — 2000. — Vol. 35, N 3.

¹⁹⁷ Castells M. The Informational City: Information Technology, Economic Restructuring, and the Urban-Regional Process. — Oxford, 1991.

¹⁹⁸ См.: Включение некоммерческих организаций в социальную политику на уровне муниципального образования (теоретическая модель) // <http://www.npgrin.ru>

¹⁹⁹ См., напр.: Перегудов С. Корпорация, общество, государство: эволюция отношений. — М.: Наука, 2003; Нецадин А. Горин Н. Тульчинский Г. Общество. Бизнес. Власть // Общество и экономика. — 2003. — № 12. — С. 36—63; Нецадин А. Горин Н. Нецадина О. Актуальные проблемы развития бизнеса в реальном секторе экономики // Общество и экономика. — 2004. — № 11—12.

²⁰⁰ См.: Корпоративная социальная ответственность: общественные ожидания. — М.: Ассоциация менеджеров, 2003.

Глава 3. Социальный портрет молодежи и государственная молодежная политика

3.1. Социальный портрет молодежи

Изменения, происходящие в России, очевидно, привели к изменению социального «портрета» всех без исключения групп общества. При этом, пытаясь описать новый «портрет», исследователи все чаще обнаруживают, что традиционные критерии социальной дифференциации сегодня «не работают». Это означает, что привычные критерии — пол, возраст, образование, социальное положение — осуществляют лишь номинальную классификацию населения. Проблема заключается в выявлении групп со специфическими социальными ориентациями и тех реальных критериев социального положения, которые лежат в основе образования подобных групп. Следует признать, что основным процессом, влияющим на социальное развитие любой группы в современных российских условиях, является социальная стратификация. Что такое социальная стратификация?

Как писал П.А. Сорокин, социальная стратификация — «это дифференциация некой данной совокупности людей (населения) на классы в иерархическом ранге. Она находит выражение в существовании высших и низших слоев. Ее основа и сущность — в неравномерном распределении прав и привилегий, ответственности и обязанности, наличия и отсутствия социальных ценностей, власти и влияния среди членов того или иного сообщества.

Конкретные формы социальной стратификации разнообразны и многочисленны. Если экономический статус членов некоего общества неодинаков, если среди них имеются как имущие, так неимущие, то такое общество характеризуется наличием *экономического расслоения* независимо от того, организовано ли оно на коммунистических или капиталистических принципах, определено ли оно конституционно как «общество равных» или нет. Никакие этикетки, вывески, устные высказывания не в состоянии изменить или затушевать реальность факта экономического неравенства,

которое выражается в различии доходов, уровня жизни, в существовании богатых и бедных слоев населения.

Если в пределах какой-то группы существуют иерархически различные ранги в смысле авторитетов и престижа, званий и почестей, если существуют управляющие и управляемые, тогда независимо от терминов (монархи, бюрократы, хозяева, начальники) это означает, что такая группа *политически дифференцирована*, что бы она ни провозглашала в своей конституции или декларации.

Если члены какого-то общества разделены на различные группы по роду их деятельности, занятиям, а некоторые профессии при этом считаются более престижными в сравнении с другими и если члены той или иной профессиональной группы делятся на руководителей различного ранга и на подчиненных, то такая группа профессионально дифференцирована независимо от того, избираются ли начальники или назначаются, достаются ли им их руководящие должности по наследству или благодаря их личным качествам¹.

Каким же образом в таких условиях социальной дифференциации идет развитие российской молодежи?

3.1.1. Социальная стратификация

Конкретные формы социальной стратификации многочисленны. Однако все их многообразие может быть сведено к трем основным: экономическая, политическая и профессиональная. Показателями экономической дифференциации в современных условиях выступают, прежде всего, уровень дохода, глубина и острота бедности и так далее.

Рассматривая экономическое положение молодежи, необходимо в первую очередь учесть уровень и структуру ее доходов. При расчете динамики уровня доходов молодежи за последние годы удобно сопоставлять доходные классы (нижний, средний, высший), а не абсолютные доходы, так как из-за скачков цен, изменения уровня минимальной зарплаты, деноминации и тому подобных явлений абсолютные цифры оказываются трудно сопоставимыми. Распределение респондентов по доходным классам, приводимое ниже, основывалось на величине среднего прожиточного минимума (СПМ), определяющегося в соответствии с рекомендациями Всемирного банка для России как сумма, эквивалентная двум долларам США в день на одного человека. Исходя из данного показателя, были рассчитаны уровни прожиточного минимума на момент каждого из исследований. На основании этого показателя все опрошенные молодые люди и были

стратифицированы на три основные доходные группы в соответствии со следующей классификацией:

- 1) низкий доход — ниже одного СПМ;
- 2) средний доход — от одного до четырех СПМ;
- 3) высокий доход — выше четырех СПМ.

С достаточной долей условности эти три категории можно классифицировать как низкий, средний и верхний классы, в соответствии с принятой в мировой социологии терминологией. При этом, правда, следует понимать, что в такое наименование не вкладывается какого-либо идеологического смысла. Более того, в данной работе мы также будем широко использовать подразделение по доходу на пять классов, в котором нижний и средний классы разбиты на два подкласса. Эта пятичленная классификация во многих случаях оказывается удобнее, поскольку дает более широкие возможности анализа для построения реальной картины общества.

Анализируя динамику доходов² молодежи до августа 1998 г., очевидно, следует признать, что основной тенденцией этого периода был рост доходов представленной группы. Количество молодежи с низкими доходами за 4 фиксируемых года уменьшилось в три раза (с 75 до 29 %), а за период с 1997 по 1998 г. этот показатель уменьшился вдвое (с 58 до 29 %), тогда как в 1996 г. он составил 62 %. В феврале 1998 г. доля опрошенных молодых людей, попавшая в группу с низкими доходами, составила 27 %, однако уже в декабре 1998 г. эта доходная группа вновь включала в себя почти половину опрошенных (46 %).

Доля молодежи с высокими доходами за четыре года увеличилась в четыре раза (с 3 до 14 %). Эта категория составляла 3 % опрошенных в 1996 г. и 10 % в 1997 г. За период с февраля по декабрь 1998 г. количество богатых молодых людей уменьшилось почти в три раза (с 14 % в феврале до 5 %). Что касается среднего доходного класса, то его доля за 4 года выросла в пять раз — с 7 % в 1995 г. до 37 % в декабре 1998 г. (табл. 3.1).

Иные тенденции наблюдаются в развитии доходной структуры молодежи за период декабрь 1998—2005 гг.: вновь начинается сокращение удельного веса группы молодежи с низким доходом, увеличивается удельный вес группы с высоким доходом, растет группа имеющих средний доход.

Фактически мы можем выделить три различных этапа в развитии экономического положения молодежи (первый — до середины 1995 г.; второй до конца 1998 г.; третий — конец 1998 г. и далее), поскольку для каждого из них характерны различные тенденции.

Таблица 3.1

**Динамика уровня доходов молодежи,
% от каждой совокупности опрошенных**

Уровень дохода	1995	1996	1997	Февраль 1998	Декабрь 1998	2005
Нет дохода	15	18	13	27	12	10
Низкий доход	75	62	58	30	46	32
Средний доход	7	17	19	29	37	46
Высокий доход	3	3	10	14	7	12

Первый этап имеет такие характерные особенности:

- активное сокращение группы молодежи с низкими доходами;
- значительный рост группы молодежи со средними доходами;
- заметный рост удельного веса молодежи с высокими доходами.

Указанные тенденции соответствовали социальным процессам в целом. Правда, социуму были присущи несколько иные темпы. Значительно медленнее снижался удельный вес группы населения с низкими доходами, но группы со средними доходами составляли к концу этого периода более одной трети населения. Более низкими темпами росла группа населения с высокими доходами. Но фактически экономическое положение молодежи и населения в целом различалось лишь темпами и размерами динамики.

Для *второго* условно выделенного нами *этапа* характерны принципиально иные тенденции. Вновь резко вырос удельный вес группы молодежи с низкими доходами, заметно уменьшилась группа с высокими доходами, однако в этот период кризиса значительно выросла по численности группа со средними доходами.

Что касается тенденций экономической стратификации населения в целом, то они в данном случае заметно отличались от представленных выше. Среди населения в целом также вырос удельный вес группы с низкими доходами, и таким образом была «сломлена» достаточно устойчивая тенденция роста доходов населения, с большим трудом пробивавшая себе дорогу с 1995 г. В конце 1998 г. резко сократился удельный вес группы населения со средними доходами, но несколько выросла группа с высокими доходами.

Представленные «расхождения» в тенденциях экономического развития могли быть связаны с особым путем получения высоких доходов молодыми людьми. Как правило, именно молодые предприниматели первыми осваивают новые пути «делания денег». В 1997—1998 гг. они активно ра-

ботали на рынках ценных бумаг, посреднических услуг и др., которые более других утратили свои позиции после августа 1998 г.

Но, возможно, особенности экономического развития молодежи с конца 1998 г. были связаны с другими процессами, что нельзя было увидеть в исследовании декабря 1998 г., поскольку слишком мал путь, пройденный этой группой в новых условиях.

Исследование, проведенное в 2005 г., показало, что после 1998 г. в экономическом развитии молодежи наступает третий этап. И, на первый взгляд, его основные тенденции идентичны первому этапу — сокращение группы с низкими доходами, рост группы со средними доходами, увеличение удельного веса молодежи с высокими доходами, — но темпы их развития несколько иные. Сдвиги, произошедшие за 6 последних лет, по темпам уступали первому этапу в 2—3 раза. Но как раз такой характер трансформаций был в русле общих тенденций социального развития российского общества.

Особое значение приобрело исследование основных факторов, определяющих то или иное экономическое положение группы. Представляется, что главное влияние на экономическое положение молодежи сегодня оказывает ее принадлежность к той или иной территориальной группе. В структуре нижнего доходного слоя молодежи в 1995 г. были фактически представлены все типы территориальных групп (табл. 3.2).

Таблица 3.2

**Структура нижнего доходного слоя молодежи Новосибирской области
с 1995 по 2005 г., % от всей совокупности опрошенных**

Тип населенного пункта	1995	1996	1997	1998	2005
Новосибирск	38	41	39	30	18
Город области	23	27	26	38	48
Село	39	32	35	32	34

В целом, из года в год изменения структуры этого слоя были незначительны, за исключением того, что произошли изменения в Новосибирске. Доля городской молодежи в структуре нижнего слоя уменьшилась с 38 до 18 %.

В то же время на областном уровне произошли изменения обратного характера. Доля городской молодежи области, исключая Новосибирск, в нижнем слое увеличилась с 23 до 48 %. Доля сельской молодежи в структуре нижнего слоя несколько уменьшилась. Если в 1995 г. она составляла 39 %, то в 2005 г. — 34 %. Однако, если структуру нижнего слоя сравнить со структурой молодежи в целом, то мы обнаружим высокий уровень бед-

ности именно среди сельской молодежи. К примеру, среди опрошенных в целом молодежь, проживающая в Новосибирске, составила в 1998 г. 51 %, а в структуре нижнего слоя — 30 %. А сельская молодежь среди опрошенных в целом составила 20 %, а в структуре нижнего слоя — 32 %. Очевидно, принадлежность к этой территориальной группе увеличивает шансы быть бедным. Подтверждает этот вывод изучение структуры среднего слоя молодежи. Как в 1995, так и в 2005 г. основную часть этого слоя составляли молодые люди — жители г. Новосибирск. Всего на несколько процентов к 2005 г. увеличилась доля молодежи городов области в структуре среднего слоя (с 11 до 16 %), при этом практически неизменной осталась доля сельской молодежи (табл. 3.3).

Таблица 3.3

**Структура среднего доходного слоя молодежи Новосибирской области
с 1995 по 2005 г., % от всей совокупности опрошенных**

Тип населенного пункта	1995	1996	1997	1998	2005
Новосибирск	81	82	69	76	77
Город области	11	11	26	17	16
Село	8	7	5	7	7

Что касается верхнего доходного слоя молодежи, как и следовало ожидать, здесь доминировала молодежь мегаполиса. Если в 1995 г. новосибирцы в верхнем доходном слое составляли 74 %, то в 2005 г. — 82 %. Село практически не представлено в этом доходном классе: в 1995 г. — составляло 8 % этого слоя, в 2005 г. — 5 %.

Очень незначительную часть составляла молодежь других областных городов. Более того, доля ее (9 %) в 1998 г. была в 2 раза меньше, чем в 1995 г. (табл. 3.4). Правда, в 2005 г. она вновь увеличилась — до 13 %.

Таблица 3.4

**Структура верхнего доходного слоя молодежи Новосибирской области
с 1995 по 2005 г., % от всей совокупности опрошенных**

Тип населенного пункта	1995	1996	1997	1998	2005
Новосибирск	74	89	85	90	82
Город области	18	6	13	9	13
Село	8	5	2	1	5

Представленные данные свидетельствуют о значительном росте экономического неравенства различных территориальных групп молодежи. Особенно очевиден рост бедности сельской молодежи.

Процесс резкого экономического расслоения характерен не только для территориальных, но и для возрастных групп молодежи. Наиболее благоприятное положение после кризиса конца 1998 г. сложилось в группе 25—29 лет. Здесь группы с высокими и средними доходами составили 53 % опрошенных. Заметно хуже ситуация в группе от 18 до 24 лет. Здесь как раз 54 % респондентов вошли в группу с низкими доходами. Несколько лучше было положение в возрастной группе от 16 до 17 лет, но это скорее было связано с доходами родителей (табл. 3.5).

Таблица 3.5

**Структура доходов возрастных групп молодежи в декабре 1998 г.
% от всей совокупности опрошенных***

Уровень дохода	16—17 лет	18—24 года	25—29 лет	30—39 лет
Низкий	49	54	42	53
Средний	38	35	44	34
Высокий	6	6	9	7

*Здесь и далее в расчетах не приводятся данные респондентов, затруднявшихся ответить.

Для сравнения мы взяли возрастную группу 30—39 лет, где структура доходов аналогична структуре доходов в группе 18—24 года. Очевидно, следует признать, что «старшая» молодежная группа (25—29 лет) оказалась более адаптированной как к ситуации реформирования, так и к кризисным явлениям 1998 г.

Другим важным показателем социальной стратификации является степень дифференциации доходов между отдельными слоями и группами населения. Для ее оценки можно воспользоваться так называемым коэффициентом фондов. Эмпирически коэффициент фондов определяется как число раз, в которое сумма доходов 10 % наиболее обеспеченных домохозяйств превосходит сумму 10 % наименее обеспеченных.

Данные нашего исследования конца 1998 г. позволили рассчитать коэффициент фондов различных возрастных групп. Эти расчеты показали, что наиболее резкая дифференциация характерна для самой младшей возрастной группы, где коэффициент фондов составил 40,3 раза, наименьшая — для самой старшей группы населения — 6,2 раза (табл. 3.6).

Таблица 3.6

Соотношение доходов 10 % наиболее и наименее обеспеченных домохозяйств на 1 января 1999 г. в различных возрастных группах

Возрастная группа	Коэффициент фондов
16—17 лет	40,3
18—24 года	25,2
25—29 лет	26,5
30—39 лет	32,2
40—49 лет	23,2
50—59 лет	16,2
60—69 лет	8,4
70 лет и более	6,2

Особый интерес вызывают социально-демографические характеристики молодежных групп, представляющих столь жестко стратифицированное социальное пространство.

Кто они — «богатые» или «бедные»? Какие факторы сегодня более других ведут к формированию молодых «бедных» и молодых «богатых»? Ответы на эти вопросы очень важны, поскольку могли бы оказать влияние на государственную молодежную политику. Регулирование факторов, формирующих низкие доходы, способствовало бы снижению бедности молодежи, а значит и ее социальной дифференциации. Для удобства анализа нами было использовано деление молодежи на пять доходных классов (табл. 3.7).

Таблица 3.7

Социально-демографические характеристики основных молодежных страт, февраль 1998 г., % от каждой группы опрошенных

Характеристика	Все	I	II	III	IV	V
Пол:						
мужской	52	55	51	45	51	52
женский	48	45	49	55	49	48
Возраст:						
от 15 до 17 лет	22	15	38	21	11	2

Характеристика	Все	I	II	III	IV	V
от 18 до 19 лет	15	18	7	19	9	20
от 20 до 24 лет	33	34	23	36	41	41
от 25 до 29 лет	30	33	32	24	39	37

Род занятий:

работают	55	50	51	52	68	80
учатся	11	7	11	13	6	0
работают и учатся	12	13	11	12	11	11
не работают, не учатся	22	30	21	20	15	9

Место учебы (для учащихся):

школа, гимназия	8	4	13	6	3	0
ПТУ	2	1	4	1	1	0
техникум	3	5	0	5	1	0
вуз	10	9	9	14	13	9

Форма собственности предприятия (для работающих):

государственная	30	35	43	33	33	13
частная	20	9	13	18	25	52
смешанная	3	2	0	4	6	4
акционерная	12	17	9	6	13	20

Уровень образования:

неполное среднее	19	22	26	15	4	2
среднее	21	28	26	23	16	9
среднее специальное	25	33	19	27	24	22
неполное высшее	8	6	11	6	10	7
высшее	26	11	17	23	45	61

Анализ представленных данных позволил сделать следующие выводы.

- Уровень дохода практически не зависел от пола респондентов.

- Чем младше была представленная группа, тем более низкий уровень дохода она имела и наоборот: среди самых богатых людей только 2 % респондентов в возрасте 15—17 лет, тогда как 37 % в этой группе составили опрошенные в возрасте от 25 до 29 лет.

- Наибольшее количество респондентов с низким уровнем доходов (I класс) было среди тех, кто работал (49 %), и тех, кто не работал и не учился (29 %). И если последнее является вполне закономерным, то первое можно признать уникальным достижением российского развития.

- Среди самых богатых людей 60 % тех, кто создал свое благосостояние работой; 11 % — работу совмещали с учебой, что говорит о высокой степени самоорганизации и адаптации определенных групп молодежи (см. табл. 3.7). Обращает на себя внимание то, что 9 % богатых молодых людей и не работали, и не учились. Среди «верхнего среднего класса» таких было 15 % и т. д. В этом случае источников их столь высокого благосостояния могло быть всего два: либо высокие доходы родителей и семьи, либо — теневой бизнес и неформальные доходы.

- Среди тех, кто учился, наиболее способными к формированию высоких доходов явились студенты вузов. Однако следует учесть, что именно эта группа более других была представлена среди бедных учащихся (I класс).

- Закономерно, что среди тех, кто работал, более высокие доходы имели занятые в частных фирмах либо акционерных предприятиях. Среди имеющих низкие доходы более всего были представлены работающие в государственных учреждениях и предприятиях.

В целом данные исследования подтвердили известный тезис западной социальной политики о том, что образование есть уход от бедности. Среди самых богатых молодых людей 61 % составили те, кто имели высшее образование и почти 30 % те, кто имел среднее специальное, либо неполное высшее образование (см. таблицу 3.7).

Особый интерес представляет анализ данных, связанных со статусными характеристиками «доходных классов». В рамках нашего исследования фиксирование статуса осуществлялось респондентом на основе самоидентификации с наиболее распространенной шкалой: рабочие, служащие, интеллигенция и так далее.

Как и следовало ожидать, значительное число богатых молодых людей являлись бизнесменами. Однако, не менее значимо (учитывая вес в структуре опрошенных) в этой группе были представлены интеллигенция, ИТР и служащие (табл. 3.8).

Таблица 3.8

**Статусные характеристики доходных молодежных страт,
% от каждой группы опрошенных**

Социальная самоидентификация	Все	I	II	III	IV	V
Учащиеся и студенты	13	11	15	15	8	4
Рабочие	12	19	19	14	8	3
Крестьяне	4	10	8	2	0	0
Служащие	16	18	15	18	24	11
ИТР	4	0	4	4	6	8
Интеллигенция	8	9	9	8	10	10
Бизнесмены	12	5	7	5	13	41
Безработные	11	23	9	7	5	2
Другие группы	17	5	10	25	22	17
Затруднились ответить	3	0	4	2	4	4

В целом статусная структура молодежи имела классические характеристики жестко стратифицированного социального пространства. Наемные работники со статусом «рабочий», «крестьянин» и др. в такой структуре всегда относятся к нижним доходным классам. И, в этом смысле, ситуация в России развивалась «правильно». Однако, проблема состоит в том, что существует «предел доходности», т. е. уровня дохода, ниже которого начинается самоуничтожение и деградация этих групп населения.

3.1.2. Социальное самочувствие

Среди множества понятий «социальное самочувствие» является одним из наиболее сложных и малоизученных в российской социологии. Оно выступает как сложное динамическое состояние, в котором в концентрированном виде выражены чувства, настроения и ориентации людей. Социальное самочувствие можно определить как целостное интегральное психическое состояние индивидов, групп, социальных общностей, возникающее в результате восприятия и оценки ими соответствия между актуальной жизненной ситуацией и степенью удовлетворенности их этой ситуацией. Восприятие актуальной ситуации определяется уровнем удовлетворения

материальных и духовных потребностей, степенью включенности в систему общественных отношений, социальным статусом, а мера удовлетворенности этой ситуацией обусловлена ценностными ориентациями, ожиданиями, уровнем притязаний субъектов.

Структурными единицами социального самочувствия как психологического состояния, по-видимому, могут выступать эмоции, чувства, настроения и умонастроения. Прежде всего, это:

чувство удовлетворенности (неудовлетворенности) своей жизненной ситуацией;

чувство уверенности (неуверенности) в завтрашнем дне;

настроение, складывающееся под влиянием этих чувств;

уровень самосознания и самооценки личности;

особенности психического склада индивида, соотношение его эмоциональных и волевых качеств;

психологическое чувство комфорта (дискомфорта).

Схематично социальное самочувствие можно представить как континуум, границам которого соответствуют состояния максимального комфорта и максимального дискомфорта.³

До сих пор нами рассматривались лишь доходы молодых людей, что, конечно, является важным показателем, но его нельзя ставить в роли единственного и основополагающего, так как метод выяснения доходов населения, даже самый лучший, не всегда дает верные результаты. Для формирования адекватных выводов этот показатель необходимо рассматривать в контексте с другими не менее важными — такими, как занятость молодежи, уровень безработицы и другими.

Один из таких показателей — это оценка молодыми людьми материального положения своей семьи. Он позволяет нам взглянуть на общее положение дел с точки зрения самих молодых людей. При расчете дохода на одного члена семьи не учитывается много факторов, которые проявляются при субъективной оценке респондентом материального положения своей семьи.

Этот показатель имеет качественно другой подход для выяснения необходимой информации: он содержит в себе и данные об экономическо-финансовых возможностях семьи, и, на основе самоидентификации респондента, оценку социальных признаков положения семьи.

В целом социальное самочувствие молодого человека сегодня, видимо, в определяющей мере зависит от возможностей удовлетворения его потребностей и, в первую очередь, материальных. Именно поэтому особый интерес представляет дифференциация молодежи по показателям материального достатка, накладывающего печать на образ мыслей и социальное поведение. Но

при этом важно знать не только то, какой разрыв наблюдается в имущественном расслоении, но и то, как он воспринимается самими молодыми людьми.

Данные наших исследований показали, что весь период, начиная с 1995 г. и кончая декабрем 1998 г., половина респондентов оценивали свое положение, как «живем более или менее благополучно, так как на всем экономим». Важно отметить, что в течение 4 лет удельный вес этой группы оставался фактически неизменным. Видимо, это те, кто адаптировался к сложившимся условиям и сумел найти возможности самореализации и самозащиты.

Иным образом выглядела динамика групп, оценивших свое положение как «живем без особых материальных затруднений». Если в начале 1995 г. так оценили материальное положение своей семьи более четверти опрошенных молодых людей, то в декабре 1998 г. эта группа уменьшилась до 6 %! При этом вполне закономерно выросла группа, оценившая свое материальное положение крайне низко. Если в 1995 г. с оценкой «едва сводим концы с концами» согласились 17 % респондентов, то в декабре 1998 г. таких молодых людей стало 36 % (табл. 3.9).

Таблица 3.9

Динамика оценок респондентами материального положения своей семьи за период с 1995 по 2005 г., % от всей совокупности опрошенных

Варианты ответов	1995	1996	1997	1998 февраль	1998 декабрь	2005
Живем без особых затруднений	27	16	16	16	6	17
Живем более или менее благополучно	46	53	45	44	51	60
Едва сводим концы с концами	17	26	27	28	36	22
Бедствуем	2	3	4	5	4	1

Практически в два раза увеличилась доля тех, кто отнес себя к бедствующей части общества, хотя она составила всего 4 % респондентов.

Очевидно, вторая половина 1998 г. оказался переломным для большей части молодежи. Принципиальным образом изменилось соотношение групп, испытывавших чувство удовлетворенности (неудовлетворенности) жизненной ситуацией. В 1995 г. это соотношение выглядело как 73 % против 19 %. А в конце 1998 г. соответственно 57 % против 40 %, а значит, число тех, кто был неудовлетворен своими жизненными возможностями,

среди молодых людей, выросло за 4 года в два раза! Для группы, начинающей свой жизненный путь и располагающей, как правило, большими ресурсами и зарядом энергии и оптимизма, это слишком суровые изменения, которые, очевидно, сказались и сказываются на поведении этой части общества во всех других сферах деятельности. Последующие исследования подтвердили этот вывод: в 2005 г. соотношение изменилось, но не принципиальным образом. Число неудовлетворенных снизилось с 40 % до 23 %, число удовлетворенных увеличилось с 57 % до 67 %.

Именно это определяло настроения молодежи в оценках своего будущего (табл. 3.10).

Таблица 3.10

**Распределение ответов на вопрос
«С каким чувством Вы смотрите в будущее?» в 1995, 1998 и 2005 гг.,
% от каждой совокупности опрошенных**

Вариант ответа	1995	Декабрь 1998	2005
С надеждой и оптимизмом	29	29	37
Спокойно, но без особых надежд	43	30	31
С тревогой и неуверенностью	16	31	29
Со страхом и отчаянием	4	8	2
Затруднились ответить	8	2	1

Представленные данные показывают, что почти одна треть молодых людей оценили свое будущее в 1995 г. весьма оптимистично и, что особенно примечательно, удельный вес этой группы за четыре года остался неизменным. Однако, в целом доля тех, кто положительно оценил свои возможности, за этот период сократилось с 72 до 59 %, а доля тех, кто отрицательно оценил свое будущее, выросла с 20 до 39 %, т. е. почти в два раза. Последнее, очевидно, коррелирует с оценками материального положения семьи, удивительно точно повторяя ту же тенденцию. Подтверждают это и результаты исследования 2005 г.

Сегодня, выстраивая прогнозы развития общества и пытаясь оценить в нем роль молодежи, важно понять, с каким настроением та или иная ее часть «вписывается в пейзаж» рыночного реформирования в «российском варианте».

Во время проведенного в начале 1998 г. опроса респондентам был задан вопрос, касающийся будущего молодого поколения в целом: «Как Вы

думаете, через 10 лет возможности таких людей, как Вы, станут больше или меньше?» Такого рода вопрос имеет под собой глубокую психологическую и экономическую основу. Он предполагает оценку опрошенным своего настоящего положения, а ответ респондента базируется на его собственных прогнозах и предположениях, исходя из оценки многих аспектов его сегодняшней жизни. Сложившееся нелегкое положение и непоследовательность экономической и социальной политики в стране наложило свой отпечаток на молодых людей, и, в частности, все это вызвало неуверенность в стабильном будущем целого поколения. Почти у половины респондентов этот вопрос вызвал затруднение (таблицу 3.11).

Таблица 3.11

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы думаете, через 10 лет возможности таких людей, как Вы, станут больше или меньше?», февраль 1998 г., % от каждой возрастной группы

Вариант ответа	15—17 лет	18—19 лет	20—24 года	25—29 лет
Скорее больше	49	38	39	43
Скорее меньше	6	20	17	17
Затруднились ответить	45	42	44	40

Более оптимистично оценивали возможности своего поколения самые молодые респонденты. Наиболее уверенной, считающей, что в будущем у них намного больше возможностей, чем в настоящее время, являлась группа опрошенной молодежи 15—17 лет, таких здесь было 49 %. Лишь 6 % молодежи из этой возрастной группы дали пессимистичный прогноз.

Наиболее пессимистичными оказались молодые люди 18—19 лет, 20 % которых сказали, что возможностей у молодого поколения через 10 лет будет меньше, чем сейчас. Негативно (17 %) оценили увеличение возможностей в будущем для своей категории респонденты 20—29 лет, но в то же время в среднем 41 % молодых людей из этой возрастной группы были уверены, что через какое-то время у молодежи будет больше возможностей.

Почти для половины опрошенных этот вопрос оказался затруднительным.

Результаты опроса можно интерпретировать по-разному. С одной стороны, можно сказать, что преобладающая доля молодежи с оптимизмом смотрела в будущее, а тех, у кого этот вопрос вызвал затруднение, отнести к категории людей, оценивших свои будущие возможности и выбравших ответ «не думая». С другой стороны, можно отметить, что почти половина

респондентов была совершенно не уверена в своем будущем, что характеризовало пессимистичный настрой этой доли респондентов. Видимо, от самого общества зависит, какой прогноз из этих двух сбудется в ближайшие 10 лет.

Сумеет общество найти варианты лояльного развития реформирования для молодого поколения — победят оптимистические настроения, не сумеет — пессимизм, неуверенность, страх и отчаяние станут доминирующими в настроениях молодежи. Однако следует помнить, что в силах самих людей повлиять на выбор пути развития общества или его трансформации в собственных интересах. События последних лет подтвердили эти выводы.

Во всех исследованиях последних лет, начиная с 1992 г., нами изучались ориентации населения на несколько типов действий:

- «конформистский» (например, «терпеть»);
- «патерналистский» («требовать повышения заработной платы»);
- «радикальный» («требовать отставки властей», «поднимать народ»);
- «девиантный» («добывать деньги любым способом»);
- «продуктивный» («искать возможность дополнительного заработка»).

Таблица 3.12

**Возможные варианты действий молодежи в случае ухудшения
материального положения в 1995, 1998 и 2005 гг.
% от каждой совокупности опрошенных***

Вариант	Февраль 1995	Декабрь 1998	Апрель 2005
Терпеть	23	5	1
Искать дополнительный заработок	23	46	53
Требовать повышения зарплаты	8	2	8
Требовать отставки властей	2	2	1
Добывать деньги любым способом	13	10	12
Участвовать в акциях протеста	3	2	1
Поднимать народ	2	1	1
Не знаю, что буду делать	21	30	20
Не ответили на вопрос	10	3	3

*Здесь и далее респонденты могли дать несколько ответов

Результаты наших многолетних исследований делают возможным определить доминирующий тип поведения молодых людей, включающихся в развитие общества. От того, какой тип поведения изберет молодежь, зависит ее будущее и то положение, которое она в нем займет. Анализ данных показывает, что в молодежной среде сегодня доминирует «продуктивный тип поведения», на который ориентирована почти половина опрошенных (табл. 3.12).

Снизился за эти годы удельный вес тех, кто был ориентирован на конформистский, девиантный и радикальный типы поведения. Уменьшилась ориентация на патерналистские действия. Из особенностей, наблюдаемых в различных возрастных группах молодежи, можно отметить радикализм группы в возрасте 25—29 лет и значимую ориентацию на девиантные действия группы в возрасте 18—24 года.

3.1.3. Социальная самоидентификация

Процесс социальной идентификации один из самых не изученных в российском обществе. В рамках наших исследований, начиная с 1992 г., определение социально-статусных характеристик осуществлялось на основе самоидентификации респондентов. При этом набор «маркеров», предлагаемых нами для респондентов, включал более или менее устойчивые социальные статусы советского времени (рабочий, служащий, пенсионер, студент и т. д.) и постепенно дополнялся новыми «постсоветскими», типа «работник частного предприятия», «предприниматель», «бизнесмен» и т. д. Отождествление респондента с тем или иным социальным положением в обществе осуществлялось им на основе его собственных представлений о признаках этого положения, определенных правах и обязанностях, связанных с данным положением, и т. д.

Что нам дает такой подход?

Во-первых, используя социально-профессиональный подход, респондентам было предложено идентифицировать (установить совпадение, отождествить) себя с той или иной профессиональной группой: служащие, пенсионеры, ИТР, непроектная интеллигенция, предприниматели и т. д.

Во-вторых, на основе полученных результатов самоидентификации была осуществлена типизация (обобщение, выражение социальной сущности процессов и явлений посредством конкретных типичных образов) социальных групп.

В-третьих, результаты типизации были положены в основу поиска механизмов взаимодействия этих групп, предполагая при этом возможным

взаимодействие двух типов: «взаимодействие-конфликт» и «взаимодействие-сотрудничество, согласие».

В-четвертых, определив условия, обеспечивающие взаимодействие в обществе социальных групп в форме сотрудничества, были исследованы механизмы такого взаимодействия.

Этот подход был заложен во все наши исследования, посвященные молодежи, и он, как представляется, позволил получить интересные результаты, прежде всего, о прямых результатах самоидентификации. Сравнение результатов исследований 1995 и 1998 гг. показывает принципиальное изменение статусной структуры молодежи. Шло активное «вымывание» старых социальных групп, таких как рабочие, служащие, ИТР и др.

При этом значительно увеличивались «новые» социальные группы: бизнесмены, безработные и др.

Если в 1995 г. к рабочим себя отнесли 23 % молодых респондентов, то в 1998 г. их осталось 19 %, к служащим — соответственно 19 и 16 % и так далее.

Как показывают данные, особенно резко за эти годы выросла среди молодежи группа безработных; заметно пополнились ряды бизнесменов и предпринимателей. В 1998 г. появилась новая социальная группа «другие» (7 %), куда вошли те респонденты, которые не нашли себе «места» среди предложенных нами статусов.

Служащие — в большинстве семейные люди, имеют средние и низкие доходы. Последнее, скорее всего, связано с тем, что они работают в государственных учреждениях и предприятиях (62 %). Молодые служащие представлены во всех территориальных группах. Общее положение этой группы формирует высокий уровень тревожности (правда, несколько ниже, чем в группе молодых рабочих).

Обращает на себя внимание тот факт, что индекс агрессии в группе служащих даже выше, чем в группе рабочих. Но это требует дополнительного исследования, ибо представляется несколько неестественным, поскольку основная часть данной группы женщины. Хотя, может быть, это лишь подтверждает известные обществу как единичные случаи факты женской агрессии в российском обществе. Возможно, все зашло гораздо глубже и носит не единичный характер, а представляет явление, охватившее основную часть этой демографической группы.

Особый интерес в контексте реформирования социума представляет такая социальная группа, как предприниматели и бизнесмены.

В этой группе доминировали мужчины (71 %), основная часть этой группы в возрасте старше 20 лет (82 %). Они имели высокий уровень обра-

зования (неполное высшее и высшее у 64 %!). Как правило, это техническое, гуманитарное, экономическое и управленческое образование. Эта группа имела самые высокие доходы среди всех других социально-статусных групп молодежи. Эти доходы создавались ими в сфере частной собственности. Как правило, молодые люди этой группы являлись городскими жителями, почти половина из них состояли в браке. У них был почти самый низкий уровень тревожности и столь же низкий уровень агрессии, но, при этом, очень высокий индекс самоорганизации (табл. 3.13).

Современный молодой рабочий — это человек, который имеет неполное среднее, среднее или среднее специальное образование, техническое прежде всего; 43 % членов этой группы имеют низкие доходы, 34 % — средние, а высоких доходов не имеют вообще; 43 % молодых рабочих проживают в «мегаполисе», 28 % — на селе, 13 % — в поселках городского типа, 13 % — в других городах области.

33 % молодых рабочих работают на государственных предприятиях, 25 — на частных, 26 % — на предприятиях с акционерной формой собственности; около 10 % молодых рабочих сейчас учатся, 8 % — безработные. Молодые рабочие, это прежде всего мужчины (66 %), в равной степени во всех возрастных группах, большей частью не имеющие семей и детей, с очень высокими уровнем тревожности и индексом агрессии (табл. 3.13).

Фактически первая группа, представленная нами, и данная группа полярны по своим основным характеристикам:

бедные — богатые;
низкообразованные — высокообразованные;
«несемейные» — «семейные»;
тревожные — спокойные;
агрессивные — неагрессивные и так далее.

Учет этой полярности, возможностей ее снижения должен быть положен в основу государственной молодежной политики. В противном случае эта полярность грозит обществу нарастанием конфликтности в самой мобильной и энергичной группе, каковой всегда является молодежь.

В контексте будущего молодежи большой интерес представляет анализ основных социальных характеристик группы учащихся и студентов. В русле тенденций, фиксируемых государственной статистикой, наши исследования также показали преобладание в этой группе девушек. 85 % обучающихся были молодые люди в возрасте до 20 лет.

Таблица 3.13

**Социальные характеристики основных статусных групп молодежи,
% от каждой группы опрошенных**

Характеристика	Все	Рабочие	Служащие	ИТР	Учащиеся	Интеллигенция	Бизнесмены	Безработные
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Пол:								
мужчины	52	66	38	89	49	25	71	49
женщины	48	34	62	11	51	75	29	51
Возраст:								
от 15 до 17 лет	21	20	2	0	65	0	2	30
от 18 до 19 лет	15	21	13	5	20	2	14	23
от 20 до 24 лет	33	39	44	39	10	51	29	30
от 25 до 29 лет	30	20	41	51	0	48	53	17
Образование:								
неполное среднее	19	20	1	5	53	0	0	36
среднее	21	38	13	0	23	2	19	28
среднее специальное	25	36	39	17	9	22	17	28
неполное высшее	8	2	10	0	11	8	19	2
высшее	30	3	36	78	0	68	45	6
Тип образования:								
техническое	28	39	24	72	13	15	40	36
естественное	7	10	4	0	9	18	7	8
гуманитарное	14	0	17	0	17	45	17	6
экономическое	12	5	24	11	7	13	14	8
управленческое	4	0	5	6	6	3	7	0
юридическое	5	0	11	0	1	0	3	2
художественное	2	3	3	0	1	5	3	0

Окончание табл. 3.13

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Семейное положение:								
официальный брак	41	34	60	56	0	58	47	26
гражданский брак	6	7	5	11	4	3	10	4
не состоят в браке	49	58	35	33	84	38	40	64
Уровень дохода:								
низкий	28	43	30	11	24	32	15	47
средний	39	34	48	67	30	53	33	24
высокий	5	0	4	6	1	0	26	0
Форма собственности предприятия:								
государственная	30	33	62	39	-	73	1	-
частная	20	25	19	6	-	8	87	-
смешанная	3	5	5	0	-	5	2	-
акционерная	12	26	9	50	-	10	2	-
Место жительства:								
Новосибирск	51	43	44	61	64	50	55	38
другие города НСО	16	13	20	22	13	20	24	15
поселки городского типа	12	13	10	6	9	5	7	13
сельская местность	20	28	25	11	14	23	14	34
Индекс тревожности:								
низкий	42	28	41	67	37	50	57	26
средний	44	53	49	33	50	35	35	51
высокий	15	20	10	0	13	15	8	23

Практически не было учащихся среди тех, кому больше 25 лет. Видимо, интерес к образованию в те годы присутствовал только у младших групп. Группа в возрасте 25 лет и более составила почти одну треть молодежи области (табл. 3.13), отсутствие интереса к образованию в этой группе означало либо наличие высокого образовательного уровня, либо отсутствие доступа к нему. Скорее всего, действовали оба этих фактора. Данные

наших исследований показали, в частности, что среди сельской молодежи учащихся техникумов, ПТУ, вузов было в три раза меньше, чем среди молодых жителей г. Новосибирск и в два раза меньше, чем в других городах области.

Очевидно, для сельской группы молодежи возможности доступа к профессиональному образованию были заметно ниже, что формировало основы будущей конфликтности различных территориальных групп молодежи.

Интересно выглядела структура профессионального образования молодежи (табл. 3.13). Заметно упал интерес молодежи к техническому образованию, несколько вырос к гуманитарному и естественному, сохранялись ориентации на получение экономического и управленческого образования. Основная часть студентов и учащихся жила в семьях, имевших средний и низкий уровень дохода. В этой группе был средний уровень тревожности, но самый высокий индекс агрессии среди всех статусных групп молодежи. Последнее особенно беспокоит, поскольку это, в буквальном смысле, наше будущее.

По своему психологическому состоянию к группе студентов и учащихся близко подходила группа безработных. Здесь также наблюдались высокий индекс агрессии и самый высокий для всех статусных групп уровень тревожности, что вполне закономерно, ибо состояние безработицы — одно из самых тяжелых социальных состояний вообще, а для молодежи особенно (табл. 3.13).

Проблема безработицы особенно остро коснулась младших возрастных групп. К безработным себя отнесли 11 % молодых людей, среди них в возрасте от 15 до 17 лет — 30 %, от 18 до 19 лет — 23, от 20 до 24 лет — 30, от 25 до 29 лет — 17 %. Среди молодых безработных девушек было больше, чем юношей.

Молодые безработные — это люди с низким уровнем образования. Как правило, если безработные имели профессиональное образование, то оно было техническое. Это закономерно, потому что в условиях кризиса производства отсутствовал спрос именно на техническое образование. Видимо, с учетом этого, следовало пересмотреть структуру профессионального образования. Однако обращает на себя внимание заметное число безработных молодых людей с экономическим (8 %) и естественным (8 %) образованием.

Развитие структуры профессионального образования, очевидно, следует осуществлять на основе исследования рынка труда, учитывая особенности регионального развития и формируя в этой связи его региональную компоненту.

Важной характеристикой группы безработных является принадлежность к той или иной территориальной группе.

Представленные данные показали, что особенно высок уровень безработицы на селе (табл. 3.13). Очевидно, сегодня назрела необходимость принятия целевой программы занятости сельской молодежи. Это не только будущее одной из важнейших отраслей производства, это предотвращение деградации значительной части молодежи.

Несомненно, важную роль в формировании ценностей и культуры в молодежной среде должна играть молодая интеллигенция. Кто она сегодня? И какова ее роль в обществе? В нашем исследовании изучались две группы интеллигенции: «инженерно-техническая» и «гуманитарная». Во многом они схожи и как бы дополняют друг друга. Обе эти группы имели очень высокий уровень образования, но в первой доминировали мужчины, а во второй — женщины (табл. 3.13).

90 % представителей обеих групп — молодые люди старше 20 лет. Они имели либо техническое, либо гуманитарное, либо экономическое, либо естественное профессиональное образование. Как правило, они семейные люди, имеющие средние доходы. Хотя уровень жизни технической интеллигенции был заметно выше, чем «гуманитарной», творческой. Возможно, это было связано с тем, что основная часть «гуманитарной» интеллигенции (73 %) была занята в государственных учреждениях и организациях.

Инженерная интеллигенция — это жители городов НСО, гуманитарная была представлена во всех территориальных группах молодежи. И в этом смысле именно она должна была формировать духовный и социальный мир этой группы. Наверное, в некоторой степени, гуманитарная интеллигенция готова сыграть эту роль. У нее наблюдался достаточно высокий уровень тревожности, но очень низкий индекс агрессии, при этом она способна к высокому уровню самоорганизации. Важно понять, какие ценности она несла в общество, и могли ли они стать ценностями молодежи в целом.

3.2. Социальный мир молодежи

Молодежь живет в своем собственном мире, заметно отличающемся от мира взрослых. Собственно это и делает молодежь специфической социальной группой, не похожей на другие, позволяет объединять под этим названием представителей самых разных слоев. Говоря это, следует понимать, что — как гласит знаменитая «теорема Томаса» — «если люди определяют ситуации как реальные, то они реальны по своим последствиям». Так что дело не в том, что молодые люди имеют те или иные «мнения» (которые

взрослым могут казаться «вздорными»). Мнения молодых создают свой специфический мир, живущий по собственным законам, и поэтому каждое из этих «мнений» невозможно просто отбросить, не нарушая целого⁴. Наоборот, многие «взрослые» экспектации на самом деле оказываются в этом мире совершенно несостоятельными и, фактическими, не существующими.

Простейший пример этого — «культ силы», приписываемый молодежи. Достаточно распространенной ситуацией в молодежной среде является своеобразное «выяснение отношений», сопровождаемое одиозными репликами вроде «А ты кого знаешь?» или «Может, отойдем?». С точки зрения мира взрослых, эти «ритуальные поединки» представляют собой яркий пример отсутствия культуры, да и просто глупость (и в мире взрослых они действительно таковы). Но для молодых людей статус таких конфликтов совершенно иной, и было бы бессмысленно советовать кому-либо из них «не участвовать» в подобных столкновениях. Эти поединки представляют собой необходимый компонент социального мира молодежи, и без них групповая динамика в молодежной (особенно подростковой) среде просто невозможна.

Естественно, что не только систематически описать хотя бы все «главные» мнения, конструирующие реальность нашей современной молодежи, но и просто выявить хотя бы некоторые из них весьма и весьма непросто. Именно поэтому материал, предлагаемый в данной главе, не претендует на сколько-нибудь полное описание социального мира молодежи, а лишь пытается реконструировать некоторые его характерные черты.

3.2.1. Отношение молодежи к семье

Общим местом является тот факт, что от ориентации сегодняшней молодежи на создание нормальной, здоровой семьи существенным образом зависит само будущее нашего общества. В молодежной среде закладывается будущая репродуктивная структура социума. С другой стороны, именно в данной группе населения гендерные и сексуальные отношения наиболее интенсивны и во многом определяют весь характер взаимоотношений человека с социальной средой. Поэтому рассмотрение различных аспектов семейного и гендерного поведения закономерным образом является тем, с чего следует начинать описание социального мира молодежи.

Прежде всего, приходится отметить, что за прошедший с 1995 г. период произошли заметные изменения в ориентациях молодых людей. Значительно выросла доля тех, кто отрицает необходимость создания семьи: с 23 % в 1995 г. до 39 % в 2005 г. (табл. 3.14). Весьма вероятно, что эта не-

желательная тенденция объясняется влиянием «большого общества» на молодежную культуру. Поскольку СМИ и другие «воспитательные» социальные институты демонстрируют образцы и идеологию «антисемейного» поведения, то, очевидно, это должно было привести к указанным сдвигам в молодежной среде. Другим возможным источником нежелания обзаводиться семьей может быть сложное материальное положение значительно числа молодых людей.

Особенно значимой потеря ориентаций на создание семьи является для мужчин и младших возрастных групп (табл. 3.14).

Таблица 3.14

**Распределение ответов на вопрос
«Решились бы Вы создать семью в сегодняшних условиях?»
в зависимости от пола и возраста опрошенных, 2005 г.,
% от каждой группы опрошенных**

Вариант ответа	Все	Мужчины	Женщины	15—17 лет	18—19 лет	20—24 года	25—29 лет
Скорее да	44	37	52	21	33	52	58
Скорее нет	39	44	34	65	53	28	27
Затруднились ответить	16	19	14	14	14	20	15

Среди опрошенных мужчин большая часть (44 %) была не готова к созданию семьи и только 37 % решилась бы на это. Среди женщин картина иная. Больше половины из них (52 %) решилась бы обременить себя семейными обязательствами, а отрицательный ответ дали лишь 34 %. Меньше среди женщин и колеблющихся — тех, кто затруднился ответить на предложенный вопрос. Таким образом, можно прийти к выводу, что женская часть молодого населения более склонна к созданию семьи и по-прежнему выступает в качестве созидающей основы семейного союза, несмотря ни на какую антисемейную пропаганду СМИ и не благоприятную до недавних пор в этом отношении государственную политику.

Вместе с тем примечательно распределение так или иначе ответивших респондентов в зависимости от их возрастной группы. Наибольшая доля тех, кто не решился бы создать семью, — 65 %, это были представители возрастной группы 15—17 лет. Далее с увеличением возраста уменьшалось число ответивших таким образом: среди 18—19-летних — 53 %, среди 20—24-летних — 28 % и среди 25—29-летних — 27 %. Количество выра-

живших готовность к созданию семьи соответственно росло, т. е. с увеличением возраста респондентов увеличивалось и число тех, кто решился бы на этот важный шаг: 15—17 лет — 21 %, 18—19 — 33, 20—24 — 52, 25—29 лет — 58 %. Здесь все более или менее закономерно — с увеличением возраста больше осознается ценность семьи. Но необходимо учитывать, что даже в старшей возрастной подгруппе, практически уже находящейся на границе возраста, наиболее благоприятного для возникновения семьи, 27 % (т. е. более четверти) имеют отрицательную семейную ориентацию.

В зависимости от рода занятий распределение опрошенных молодых людей было следующим. Менее всех были расположены к созданию семьи лица, обучающиеся в каком-либо учебном заведении. Среди них 60 % были не склонны к семейным отношениям, а на создание семьи решились бы только 23 %. Высока была степень ориентированности на семью у тех, кто работал (48 % — были готовы создать семью и только 33 % ответили отрицательно), а также у работающих и одновременно обучающихся — 50 % за создание семьи и 41 % — не готовы к этому. Среди тех, кто не работал и не учился, ответивших как положительно, так и отрицательно было равное количество — 43 %. По-видимому, ориентация на продолжение учебы являлась сдерживающим фактором, причиной для «откладывания» вопроса о семье на более позднее время.

Крайне важно отметить, что обнаружилась заметная дифференциация семейных ориентаций в зависимости от места проживания. Наибольшее количество приверженцев семейного союза наблюдалось в областном центре (48 %), а также в поселках городского типа (48 %). В других же городах области и селах решились бы создать семью примерно на 10 % меньше (39 и 37 % соответственно).

Логично предположить, что с увеличением дохода повышается и готовность молодых людей к созданию семьи. Это предположение полностью подтвердилось результатами полевых исследований. Действительно, среди представителей I (нижнего) доходного класса доля тех, кто решился бы создать семью, составила всего 41 %, II класса — 45 %, III — 44, IV — 47 и V класса — 58 %. Налицо последовательное увеличение ориентации на семью по мере роста доходов. Однако характерно, что существенный сдвиг происходил только в «верхнеклассовой» подгруппе.

По поводу решения вопроса о рождении ребенка большая часть молодых респондентов считала, что решать такой вопрос нужно лишь тогда, когда имеются необходимые условия. Так ответили 60 % опрошенных. Готовых к рождению ребенка «даже несмотря на трудности» оказалось только 24 %. Это обстоятельство указывало одну из причин снижения рождае-

мости, о котором столько говорится в последнее время. Вместе с тем, следует подчеркнуть, что причина эта имеет, по существу, психологический характер. Как и в предыдущем случае с ориентацией на семью, материальные факторы действуют наряду с культурными. Ведь известно, что тенденция к отрицательному естественному приросту населения характерна для всех более или менее развитых стран с городской культурой.

Как среди мужчин, так и среди женщин было практически равное количество (60,2 и 59,9 % соответственно) нуждающихся в наличии необходимых условий для решения вопроса о ребенке. А вот тех, кто мог бы пойти на это даже несмотря на трудности, было больше среди женщин — 30 % против 18 % у мужчин. По-видимому, женщины гораздо устойчивее к трудностям и в большей степени стремятся к созданию полноценной семьи.

Наиболее требовательными к условиям для рождения ребенка оказались представители возрастной группы 18—19 лет. Для 71 % из них нужны были необходимые условия для решения вопроса о рождении ребенка. Наименее взыскательными оказались представители самой старшей возрастной группы 25—29 лет. Необходимость таких условий отметили среди них 53 %. Кроме того, 25—29-летние респонденты проявили большую солидарность в выборе такого варианта, когда решение о рождении ребенка принимается даже несмотря на трудности. Так ответили 35 % данной возрастной группы. Вообще прослеживается тенденция увеличения требовательности в отношении условий с уменьшением возраста опрошенных. Таким образом, решали бы этот вопрос 29 % 20—24-летних респондентов и лишь 10 % 18—19-летних. Поэтому подавляющее количество слабо ориентированных на рождение ребенка в младшей возрастной группе не может быть целиком объяснено тем, что ее представители просто «еще слишком маленькие», чтобы думать об этом. Можно ожидать, что спустя десять лет, когда данная когорта достигнет соответствующего возраста, их ориентация на продолжение рода будет заметно ниже, чем у нынешних 25—29-летних молодых людей.

По результатам исследования в различных типах населенных пунктов Новосибирской области выяснилось, что наиболее «неприхотливыми» являлись молодые жители поселков городского типа, среди них были готовы завести ребенка, невзирая на трудности, 37 %, а при наличии условий — 44 %. В городах области и селах к положительному решению вопроса о ребенке, несмотря на трудности, пришли 28 и 29 % соответственно, а при наличии необходимых условий — 53 и 50 % соответственно. Наименьший интерес к данному вопросу был у молодых новосибирцев, жителей областного центра. Здесь всего 17 % опрошенных были согласны преодолевать для этого заметные трудности, в то время как наличие необходимых усло-

вий требовалось для 71 % из них. Эта резкая дифференциация подтверждает сделанное выше предположение о том, что в вопросе о рождении ребенка значительную роль играет принадлежность к городской культуре.

В отношении изменения взгляда на вопрос о рождении ребенка в зависимости от уровня дохода можно отметить, что с увеличением дохода уменьшается желание иметь ребенка, несмотря на трудности. Если 36 % представителей нижнего класса были готовы родить ребенка вопреки трудностям, то с увеличением дохода доля таких людей неизменно уменьшалась, доходя до 11 % у верхнего класса. Заметим, что данная зависимость не является наведенным эффектом предыдущего фактора — она одинаково характерна и для области, и для Новосибирска.

Правда, следует учитывать, что, в отличие от низкодоходных групп, зажиточная часть молодежи заметно чаще считала, что у них самих имеются подходящие для рождения ребенка условия. Так что фактические последствия этой психологической ориентации проявлялись не так сильно, как можно было бы ожидать, — во всех доходных классах, за исключением самого нижнего, реальное число опрошенных, имеющих детей, находилось на уровне 30 %, и только в самой бедной среде их доля поднималась до 43 %. Здесь скорее наблюдается обратная зависимость — высокая ориентация на рождение ребенка естественным образом увеличивает вероятность его появления в семье, а уже наличие детей приводит во многих ситуациях к заметному ухудшению материального положения.

В целом следует признать, что новая демографическая политика, формируемая сегодня российским государством, столкнется с серьезными проблемами семейного поведения молодежи. И эти проблемы имеют как материальный, так и ментальный характер.

3.2.2. Место религии в социальном мире молодежи

Становится все более очевидным, что российское общество переживает кризис. Процесс трансформации и формирования современного российского общества под воздействием множества внутренних и внешних факторов перерос в глобальный и затяжной кризис. Причем налицо не только экономический, политический кризис или кризис власти, но и кризис мировоззрения, идей. Отсутствует некая идеологическая база формирования общества, благодаря которой оно приобретает системность, перестает представлять просто сумму социальных групп и индивидов. Идеологией, «национальной идеей», общностью взглядов (название не имеет решающего значения) обеспечивается, прежде всего, общность понимания целей,

задач и путей развития общества. Подобная общность в современном российском обществе не существует. Более того, этот кризис откладывает отпечаток не только на взрослых членов общества, которые пережили слом и разрушение ценностей и идеологии советского общества, но и на тех, формирование личности которых проходило или завершалось уже в новых социальных условиях, — на современную молодежь.

В этих условиях некоторые социальные и политические силы выдвигают на роль общественной идеологии религию, прежде всего православие. В последнее время много говорится о том, что религиозность — традиционная черта российского общества, что необходимо возвращаться к истокам — к религии.

Изучение религиозности именно этой возрастной группы, пожалуй, имеет наибольший интерес и значимость. Именно современная молодежь будет основой российского общества (уже без эпитета «постсоветское»), идейная база для которого еще не сформирована.

Результаты опросов показывают, что, хотя нельзя говорить о всеобщем увлечении религией среди молодежи, она достаточно распространена.

Более четверти молодых людей (28 %) считают себя верующими (табл. 3.15). Но при этом начинается просматриваться динамика сокращения числа молодых людей, относящих себя к верующим, к примеру, в 1995 г. более трети молодых новосибирцев (36 %) ответили на вопрос «Верите ли Вы в бога?» положительно.

Таблица 3.15

**Распределение ответов на вопрос: «Верите ли Вы в Бога?»
в социально-демографических группах, 1998 г.,
% от каждой группы опрошенных**

Вариант ответа	Все	Мужчины	Женщины	15—17 лет	18—19 лет	20—24 года	25—29 лет
Нет ответа	2	2	2	2	1	2	1
Да	28	25	32	24	29	33	26
Нет	44	47	40	47	44	41	45
Затрудняюсь ответить	26	26	26	27	26	24	27

Результаты опроса показали, что девушки более религиозны, чем юноши. С другой стороны число верующих (или относящих себя к ним) больше среди учащейся, чем среди работающей молодежи (табл. 3.16).

Таблица 3.16

**Распределение ответов на вопрос: «Верите ли Вы в Бога?»
в социальных группах, 1998 г., % от каждой группы опрошенных**

Вариант ответа	Все	Работающие	Учащиеся	Работающие и учащиеся	Безработные
от ответа	2	1	2	4	4
а	28	29	32	29	25
ет	44	45	38	38	45
затрудняюсь ответить	26	25	38	29	26

Рассматривая возрастные группы, можно отметить, что чаще всего верующим относили себя 20—24-летние, — среди них верующих 33 %.

Результаты опроса показывают, что самой распространенной среди молодежи религией является православие (26 %). При этом ни одна из других религий не занимает сколько-нибудь значимого места, и они почти не распространены среди молодежи. Около 5 % верующей молодежи вообще не связывают себя с определенной церковью, 4 % затруднились ответить (табл. 3.17).

Таблица 3.17

**Распределение ответов на вопрос: «К какой религии Вы себя относите?»,
1998 г., % от всех опрошенных**

Вариант ответа	Доля ответивших
Православие	26,0
Другая христианская церковь	1,0
Ислам	1,0
Буддизм	0,2
Иудаизм	0,2
Религия Кришны	0,0
Другая религия	0,6
Не связаны определенной церковью	5,0
Не ответили или затруднились	68,0

Таким образом, можно сказать, что около 30 % молодежи так или иначе связывают себя с религией. Но насколько религия определяет образ жизни молодежи, их отношение к другим людям?

В наших исследованиях изучались лишь наиболее значимые требования религии: посещение церкви (костела, мечети и т. д.), соблюдение основных обрядов, участие в духовной жизни религиозной общины и т. п. Анализ связанных с этим данных (табл. 3.18 и 3.19) приводит к мысли, что реальное участие молодежи в религиозной жизни значительно меньше, чем можно было бы ожидать, исходя из рассмотренного выше широкого распространения религии.

Таблица 3.18

Распределение ответов на вопрос: «Как часто Вы посещаете храм?», 1998 г., % от каждой группы опрошенных

Вариант ответа	Все	Мужчины	Женщины	15—17 лет	18—19 лет	20—24 года	25—29 лет
Регулярно	0	1	0	0	1	1	0
Время от времени	6	4	9	9	4	7	5
Редко	19	16	21	11	16	22	22
Не посещаете	12	13	10	10	18	10	10
Не ответили	63	66	60	70	61	60	63

Распределение ответов на вопросы «Какие из требований и обрядов своей религии Вы соблюдаете?» и «Как часто Вы посещаете храм?» показало, что молодежь чаще всего просто ограничивается причислением себя к верующим, не ставя свою «веру» в какую-либо зависимость от соблюдения формальных правил, свойственных той или иной конфессии. Религиозные нормы, заповеди, обряды практически не играют роли в реальной жизни молодежи и не соблюдаются. Молодежь не посещает регулярно храмы; большинство молодых людей, определивших себя как верующие, делает это редко или время от времени. Даже в старшей возрастной группе только 3 % воспитывают своих детей в духе своей религии. При этом небольшие колебания в зависимости от возраста, пола и иных признаков определяются общими различиями числа верующих в той или иной группе или некоторыми объективными факторами (например, отсутствие у членов младших возрастных групп детей, которых можно было бы воспитывать).

Таблица 3.19

**Распределение ответов на вопрос:
«Какие из требований и обрядов своей религии Вы соблюдаете?», 1998 г.,
% от каждой группы опрошенных**

Вариант ответа	Все	Мужчины	Женщины	15—17 лет	18—19 лет	20—24 года	25—29 лет
Соблюдаете посты и иные пищевые ограничения	2	1	4	4	1	2	2
Исповедуетесь и причащаетесь	2	1	3	3	0	3	1
Заключали церковный брак	3	2	4	0	1	5	3
Регулярно молитесь	3	2	4	1	4	4	1
Участвуете в коллективных акциях	1	2	0	1	0	2	1
Соблюдаете религиозные законы	5	5	5	5	7	4	4
Воспитываете своих детей в духе своей религии	1	1	1	0	0	1	3
Что-то другое	2	2	2	1	3	1	3
Не ответили или затруднились	86	88	84	89	86	85	85

Более того, не только религия почти не определяет жизнь молодежи, но прослеживается даже обратное влияние. Например, с ростом доходов растет число молодых людей, заключивших церковный брак (с 0 до 80 %), но снижается число тех, кто соблюдает посты и иные пищевые ограничения (с 2 % до 0) и соблюдает религиозные законы и заповеди (с 5 до 2 %). То есть принадлежность к той или иной социальной группе, социальный статус определяют роль религии в жизни человека, а не наоборот.

Большинство молодежи почти не придают значения вере своих друзей и часто даже не осведомлены об этом (90 % не сумели ответить, являются ли их друзья их единоверцами). Для половины опрошенных молодых людей (47 %) вера не имеет значения в межличностных отношениях, отноше-

ние к окружающим для них не определяется религиозными воззрениями. Кроме того, лишь 9 % молодых новосибирцев считает религиозные отношения важной сферой своей жизни (табл. 3.20 и 3.21).

Таблица 3.20

**Распределение ответов на вопрос:
«Большинство Ваших друзей являются Вашими единоверцами?», 1998 г.,
% от всех опрошенных**

Вариант ответа	Доля ответивших
В основном Вы общаетесь с единоверцами	8
Большинство не разделяют Ваших убеждений	3
Не ответили или затруднились	89

Таблица 3.21

**Распределение ответов на вопрос: «Изменится ли Ваше отношение
к человеку, если Вы узнаете, что у него иные религиозные убеждения?»,
% от всех опрошенных**

Вариант ответа	Доля ответивших
Да, сильно	9
Изменится, но не радикальным образом	22
Это не будет иметь никакого значения	47
Не ответили или затруднились	22

Таким образом, обобщая все вышесказанное, можно сделать следующие выводы. Более четверти молодежи считает себя верующими. По сравнению с 1995 г., число молодых людей, считающих себя верующими, сократилось. Это вызвано, прежде всего, затуханием моды на религию и связанную с ней внешнюю атрибутику. Несмотря на эти изменения, качественный уровень религиозности молодежи практически не изменился, т. е. превращения религии в реальный механизм регулирования взаимоотношений между молодыми людьми не произошло, что подтверждают результаты последнего социологического исследования молодежи. Религиозная сфера охватывает самоопределение молодежи (верующий — неверующий), но пока не оказывает существенного влияния ни на практическую жизнь (соблюдение обрядов, заповедей, предписаний, выбор определенной линии поведения), ни на отношение молодежи к окружающим.

3.2.3. Социальные девиации

Прежде чем перейти к описанию социальных девиаций, которые мы можем наблюдать при изучении социального мира молодежи, остановимся на понятиях «социальная девиация», «девиантное поведение».

Само слово «девиация» произошло от позднелатинского «*deviation*», что значит отклонение, поэтому иногда девиантное поведение в отечественной литературе называют отклоняющимся поведением. Под *социальной девиацией* обычно понимают отклонение от принятых в определенном обществе или группе социальных норм, где социальные нормы — мера допустимого или обязательного поведения. Такое понимание достаточно широко: оно может включать и относительно безобидное отсутствие привычки чистить зубы по утрам или переход улицы в непопозволенном месте, и совершение преступлений, самоубийства, употребление наркотиков, алкоголизм, проституцию, бродяжничество и другие подобные явления, которые традиционно относят к девиациям современного общества.

Научное изучение социальных девиаций началось в конце XIX в. Исследователей интересовал вопрос, какие причины лежат в основе девиаций, что толкает человека на совершение девиантных поступков. Исследования показали, что биологических и психологических характеристик индивида недостаточно для объяснения любого типа девиации. Первое социологическое объяснение девиации было предложено Эмилем Дюркгеймом в разработанной им теории аномии. Социальные нормы, сложившиеся в обществе, обычно усваиваются людьми и определяют их поведение. Но радикальные изменения, кризис в обществе приводят к разрушению сложившихся социальных норм. Это явление Дюркгейм называл аномией (от «*anomos*» — отсутствие закона, организации), что означает, по сути, дезорганизацию. На примере самоубийств⁵ Дюркгейм доказал, что основной причиной социальных девиаций является аномия. При разрушении системы социальных норм индивиды теряют ориентацию, что в значительной мере способствует девиантному поведению.

Роберт К. Мертон так же, как и Дюркгейм, признавал, что аномия лежит в основе девиантного поведения, понимая под аномией разрыв между культурными целями общества и социально допустимыми способами достижения этих целей. При этом девиант может: использовать социально недопустимые средства, принимая цели общества; не принимать цели общества, но использовать социально допустимые средства; либо отрицать и цели общества, и допустимые средства их достижения.

Учитывая специфику социальных девиаций молодежи, необходимо упомянуть о теориях, которые уделяют значительное место субкультуре. Представители подобных теорий утверждают, что девиация возникает, когда индивид относит себя к субкультуре, ценности которой противостоят ценностям доминирующей культуры. При этом влияние субкультуры референтной группы на молодежь особенно сильно.

Также хотелось бы отметить, что большинство теорий признают, что социальные девиации существуют в каждом обществе. Еще Дюркгейм отмечал, что каждое общество формирует свою систему норм и, соответственно, всегда будут отклонения от этих норм, хотя то, что относится к девиациям, может различаться от общества к обществу. Для каждого общества существует своя норма патологии или девиации. Пока девиация не нарушает функционирования общества и не приводит к его деградации и разрушению, она является нормой, а не патологией. Фактически социальные девиации являются одним из механизмов развития общества. Например, Я.И. Гилинский пишет⁶, что существуют следующие функции девиантного поведения:

- замена устаревших норм;
- интеграция сообщества;
- сигнализация о неизбежных социальных изменениях;
- средство социальных изменений;
- достижение и упрочнение самоидентификации.

Важную роль играет изучение не только девиаций, но и механизмов социального контроля как средства предотвращения девиантного поведения. Возможно следующее описание механизмов социального контроля:

- собственно контроль, осуществляемый извне, в том числе и различные виды наказаний;
- внутренний контроль, основанный на интериоризации ценностей и норм;
- косвенный контроль, связанный с идентификацией с родителями, друзьями, законопослушной референтной группой;
- контроль в виде обеспечения доступности различных способов достижения целей, удовлетворения потребностей⁷.

Таким образом, девиация — отклонение от принятых в обществе или социальной группе норм. Девиации существуют в любом обществе и могут являться одним из механизмов развития общества до тех пор, пока они не мешают функционированию общества, не приводят к его деградации.

Какими же социальными девиациями «больно» сегодняшнее российское общество? Какое место эти социальные девиации занимают в социальном мире молодежи?

Описывая облик современной молодежи, мы, к сожалению, не можем не остановиться на таком явлении, как распространение наркомании. Очевидно, что распространение наркомании в молодежной среде приобретает все более широкий размах. Об этой проблеме в последнее время говорится довольно много, но складывается впечатление, что мало кто воспринимает ее всерьез. А за грозными словами и страшными но кажущимися такими далекими цифрами на самом деле скрывается серьезная угроза.

По определению Всемирной организации здравоохранения, «наркомания является состоянием периодической или хронической интоксикации, вредной для человека и общества, вызванной употреблением наркотика естественного или синтетического происхождения»⁸. Сейчас в мире известно более 500 наркотических веществ. В западных странах распространение наркомании стало пониматься как серьезная проблема, угрожающая развитию личности и общества, в 60-х гг. XX в. Причем одной из тенденций развития этой проблемы являлось и является снижение возрастной границы наркомании. Несмотря на разнообразные меры, принимаемые организациями, начиная с местного уровня и заканчивая международным, наркомания продолжает оставаться социальной девиацией, несущей серьезную опасность для общества. Главная опасность наркомании — деградация личности, которая наступает в 10—20 раз быстрее, чем при алкоголизме. Причем, по мнению специалистов, каждый наркоман вовлекает в употребление наркотиков в течение года до 17 человек, а средняя продолжительность жизни после начала заболевания — 10—12 лет⁹.

Процесс распространения наркотиков в России начался позднее, чем на западе, 10—15 лет назад он стал бурно развиваться и характеризоваться теми тенденциями, что и мировые, в том числе и постоянным «омоложением». Ситуация усложняется слабой исследованностью наркомании как социальной девиации в России в целом. Социологическое исследование наркомании в нашей стране началось сравнительно недавно. Это вызвано тем, что употребление наркотиков — одна из разновидностей девиантного поведения, следствием чего является возникновение существенных сложностей при исследовании этого явления с помощью традиционных социологических методов и методик. На обычно применяемый прямой вопрос «Употребляете ли Вы наркотики?», или подобный, вероятность получить ответы, которые адекватно отражают сложившуюся ситуацию, достаточно низка. Часто социологические исследования, посвященные распростране-

нию наркомании, основываются на опросе лиц, состоящих на учете в наркологических диспансерах. Но тогда сужается сама проблема до рассмотрения только в отдельной специфической группе, что не отражает процессов, характерных для всего общества.

Исследование¹⁰, результаты которого легли в основу данной публикации, не ограничивалось опросом представителей каких-либо специфических групп и поэтому отражает проблему распространения наркотиков среди молодежи в целом. Кроме того, для оценки распространенности наркомании использовался косвенный вопрос — «Есть ли среди Ваших знакомых люди, употребляющие наркотики?». Ответы на него, конечно, не дают точной оценки количества молодых людей, употребляющих наркотики, но показывают, насколько употребление наркотиков распространено в среде, в которой общается молодежь, какая часть молодежи попадает под определенное воздействие субкультуры, элементом которой является употребление наркотиков. Это своего рода «условный уровень» употребления наркотиков.

Прежде всего, результаты исследования показывают, что только 48 % респондентов ответили, что среди их знакомых нет людей, употребляющих наркотики, 9 % затруднились ответить на этот вопрос, а 41 % ответили утвердительно. Таким образом, *от 40 до 50 % молодежи имеют окружение, в котором принятие наркотиков не является чем-то невозможным*. Эти цифры становятся еще более устрашающими, если принять во внимание, что именно молодежь является наиболее восприимчивой группой, т. е. группой, на которую «окружающая среда» оказывает наибольшее влияние. Причем самое сильное влияние оказывается на возрастную группу от 15 до 17 лет — самую младшую и, соответственно, самую неустойчивую — более 53 % из них имеют знакомых, которые употребляют наркотики. Среди 18—19-летних 46 % опрошенных имеют знакомых, употребляющих наркотики, среди 20—24-летних таких — 37 %, и среди 25—29-летних — 36 % (табл. 3.22).

Сама структура употребления наркотиков представляет не менее тревожную картину. Результаты опроса показали, что 34 % опрошенных имеют знакомых, которые курят «травку», 8 % — использующих наркотические медпрепараты, 10 % имеют знакомых, делающих себе наркотические инъекции, 5 % — применяющих ненаркотические средства (табл. 3.23). Кстати, на основе ответов на этот вопрос фактически проверялась достоверность ответа о наличии знакомых. И, очевидно, ответы подтвердили наличие такой широкой среды.

Таблица 3.22

**Распределение ответов на вопрос:
«Есть ли среди Ваших знакомых люди, употребляющие наркотики?»,
% от каждой группы опрошенных**

Вариант ответа	Все	Мужчины	Женщины	15—17 лет	18—19 лет	20—24 года	25—29 лет
Да	41	50	31	53	46	37	36
Нет	48	39	58	36	43	51	55
Затруднились ответить	11	11	11	11	11	12	9

Таблица 3.23

**Распределение ответов на вопрос: «Какого рода наркотики употребляют
Ваши знакомые?», % от каждой возрастной группы**

Вариант ответа	Все	15—17 лет	18—19 лет	20—24 года	25—29 лет
Покуривают «травку»	34	38	43	35	24
Используют наркотические медпрепараты	8	10	13	8	5
«Сидят на игле»	10	9	14	8	10
Применяют не наркотические средства	5	9	7	5	3
Затруднились ответить	16	22	16	14	15
Нет ответа	27	22	7	30	43

Правда, можно предположить, что оценка употребления наркотиков, полученная при опросе младшей возрастной группы, несколько завышена из-за желания показаться опытнее и «круче», чем есть на самом деле, которое характерно для пятнадцати-семнадцатилетних. Но даже по самым оптимистичным оценкам (основанным на ответах, полученных в группе от 25 до 29 лет), около 40 % знакомых употребляют наркотики, из которых 10 % — «сидят на игле», 24 % — «курят травку».

Достаточно ярко выражено отличие в оценке своей среды респондентами в зависимости от его пола. Если 50 % респондентов мужского пола признали, что имеют знакомых, употребляющих наркотики, то женского пола — 31 %. Это может быть вызвано целым рядом причин. Вероятно, де-

вушки менее «безрассудны» и предпочитают не иметь отношений с «дурными компаниями».

Однако это гипотеза вполне может быть поставлена под сомнение. Для молодежи не характерно создание «однополых» компаний, т. е. нельзя выделить только мужской или женский круг общения, и знакомые у девушек и юношей общие. Хотя можно предположить, что уровень мужской наркомании выше, а мужчины предпочитают делиться своими проблемами с друзьями, а не с подругами. Тогда девушки либо не замечают, либо предпочитают не замечать своих «несхороших знакомых» при ответе на соответствующий вопрос анкеты, в том числе и из-за существующего стереотипа, упомянутого выше, — что девушки должны общаться с «приличной компанией».

Кроме того, может не совпадать само понятие «знакомые» у юношей и девушек. Известно, что женщины чаще склонны к образованию замкнутых социальных микрогрупп и общению внутри них, в то время как мужчины ориентированы на менее персонифицированное и эмоциональное, но экстенсивное групповое общение, с более широким кругом лиц. Это может вызвать то, что для мужчин понятие «знакомые» шире, чем для женщин, и соответственно увеличивает вероятность того, что среди знакомых мужчин есть люди, употребляющие наркотики.

Очевидно, что на распространение наркомании оказывает большое влияние такой фактор, как доступность наркотиков. В пользу этого говорит, например, тот факт, что 53 % молодежи, проживающей в Новосибирске, имеют знакомых, употребляющих наркотики (по сравнению с проживающими в городах области — 39 %, в поселках городского типа — 16, в селах — 29 %).

Кроме того, наиболее распространена наркомания в верхней доходной группе (точнее среди их знакомых, но чаще всего круг общения складывается из людей с приблизительно равным уровнем доходов) — 63 %, наименее — в нижней — 33 % (в средних группах — от 41 до 45 %).

Конечно, это вызвано тем, что наркотики, хотя и сомнительное, но дорогое удовольствие, и, соответственно, они доступны не всем слоям населения. Но этим скорее обуславливается разрыв между употреблением наркотиков в нижней доходной группе и употреблением в других группах. Широкое распространение наркомании в верхней доходной группе связано с уровнем доходов косвенно — через определенный стиль жизни, субкультуру, одной из составных частей которой являются наркотики. Это подтверждает и структура употребления наркотиков в различных доходных группах (табл. 3.24).

Таблица 3.24

**Распределение ответов на вопрос:
«Какого рода наркотики употребляют Ваши знакомые?»,
% от каждого доходного класса**

Вариант ответа	I	II	III	IV	V
Покуривают «травку»	27	36	36	44	57
Используют наркотические медикаменты	4	11	5	9	13
«Сидят на игле»	5	15	11	11	11
Применяют ненаркотические средства	4	13	5	6	2
Затруднились ответить	16	11	6	4	11

До сих пор мы говорили только о фактической стороне распространения наркотиков в молодежной среде. Но не менее интересно и значимо отношение к наркомании, сформировавшееся среди молодежи, и то, как это отношение соотносится со сложившимся положением и влияет на употребление наркотиков. Анализируя отношение молодежи к наркотикам, подробнее остановимся на оценке их опасности.

Таблица 3.25

**Распределение ответов на вопрос:
«Наркотики так опасны, как это обычно утверждается?»,
% от каждой группы опрошенных**

Вариант ответа	Все	Мужчины	Женщины	15—17 лет	18—19 лет	20—24 года	25—29 лет
Да, очень	67	57	78	53	72	72	77
Только сильные	18	24	12	24	16	16	13
Вред преувеличен	6	9	2	8	5	5	5
Не ответили	9	10	8	15	7	7	5

Как видно из табл. 3.25, только 6 % опрошенных считают, что вред наркотиков сильно преувеличен, а 67 %, напротив, ответили, что наркотики очень опасны. Напомним, что около 50 % знакомых молодежи употребляют наркотики. Таким образом, сложилась такая ситуация, когда высокий уровень употребления наркотиков в молодежной среде сочетается с широким

признанием факта их опасности. То есть пропаганда опасности наркотиков, которая тем или иным образом проводилась или проводится в стране, регионе или на еще более низких уровнях (семья, школа и так далее), привела к формированию негативного общественного мнения о наркотиках. Это общественное мнение и представляет молодежь при ответе на вопрос об опасности наркотиков. Но это принятие мнения, сложившегося в обществе, эта конформность только внешние. То есть, признав употребление наркотиков опасным, определенная часть молодежи все равно их принимает.

Между тем существует некая зависимость между снижением употребления наркотиков в группе и повышением уровня признания наркотиков опасными (мы можем оценивать лишь некий условный уровень распространения наркотиков в той или иной социальной группе на основе распространения ответов на вопрос «Есть ли среди Ваших знакомых люди, употребляющие наркотики?»). Например, наркотики признали опасными 57 % мужчин и 79 % женщин. Причины того, что женщины реже отмечали, что среди их знакомых есть употребляющие наркотики, мы достаточно подробно рассмотрели выше. Но хотелось бы отметить, что, скорее всего, среди женщин более распространено мнение об опасности наркотиков из-за их больших, чем у мужчин, конформности и подверженности массовой внушаемости. Это явление есть одна из причин более низкого «условного» уровня распространения наркомании среди женщин. Но на основе имеющихся данных мы не можем определить реальный «условный» уровень.

Возраст также является одним из значимых факторов при оценке опасности наркотиков: чем старше возрастная группа, тем больше ее членов признают наркотики опасными. Причем для старших групп характерен достаточно заметный скачок: если среди 15—17-летних считают очень опасным употребление наркотиков 53 %, среди 18—19-летних — 57 % то среди 20—24-летних — 72 %, а среди 25—29-летних — 77 % (табл. 3.25). Отпечаток накладывают накопление жизненного опыта, взросление, переход к «серьезной» жизни.

Представления и взгляды, конечно, формируются под воздействием общественного мнения, но, как мы уже видели, признание наркотиков опасными не означает отказа от их употребления. Как уже отмечалось, с возрастом уменьшается число молодых людей, имеющих знакомых, употребляющих наркотики. Но это снижение идет медленнее, чем рост уровня признания наркотиков опасными, — если последний в верхней возрастной группе по сравнению с нижней вырос на 45 %, то «условный» уровень употребления наркотиков снизился лишь на 32 %.

Признавая наркотики опасными, общество признает и то, что с распространением наркомании необходимо бороться. Но существуют различные мнения о способах и методах этой борьбы. Пожалуй, для нас в этом смысле наиболее интересным является то, как молодежь сама оценивает необходимость вмешательства общества в борьбу с распространением наркотиков и наркомании (табл. 3.26).

Таблица 3.26

**Распределение ответов на вопрос
«Должно ли общество препятствовать распространению наркотиков?»,
% от каждой группы опрошенных**

Вариант ответа	Все	Мужчины	Женщины	15—17 лет	18—19 лет	20—24 года	25—29 лет
Нет	16	21	11	25	20	14	10
Да	71	62	81	55	64	73	82
Затруднились ответить	13	17	8	20	16	13	8

На основе распределения ответов на вопрос «Должно ли общество препятствовать распространению наркотиков?» можно сделать вывод о том, что около 70 % молодежи считают необходимым включение общества в борьбу с наркоманией. Данный факт может обуславливаться как минимум двумя причинами:

- реальным осознанием того, что наркомания — это серьезная проблема всего общества, что общество не может игнорировать ее и обязано предпринимать какие-то шаги, чтобы излечить себя от этой болезни;
- традиционным для нашего общества всецелым полаганием на государство, группу, коллектив, а не на личность, желанием избавить себя от личной ответственности.

Попробуем выявить соотношение этих двух факторов, рассмотрев, как в зависимости от возраста оценивается необходимость вмешательства общества в борьбу с распространением наркотиков. С возрастом увеличивается число молодых людей, которые видят одну из обязанностей общества в препятствовании распространения наркотиков: в нижней возрастной группе таких 55 %, а в верхней — 84 %. Причем этот рост происходит достаточно равномерно. Это тоже может быть вызвано двумя факторами:

- С возрастом происходит накопление жизненного опыта и знаний и проблема наркомании представляется все более серьезной и требующей общественного вмешательства.

- В связи с изменениями в нашем обществе, произошедшими в последние 10—15 лет, существенно изменились стереотипы и установки в обществе, а особенно у нового поколения, которое было воспитанно, уже, по сути, в новом обществе. Таким образом, представления о необходимости вмешательства общества в борьбу с наркоманией нынешних 15—17-летних и тех, кто ими был 10—15 лет назад, могут расходиться из-за различий в общих взглядах на роль общества и государства в жизни общества.

Но, к сожалению, определить, какова роль каждого из факторов, на основе существующих данных чрезвычайно сложно. Поэтому нам придется ограничиться вышеупомянутыми предположениями.

Различие оценок необходимой роли общества в борьбе с наркоманией в зависимости от принадлежности к гендерной группе также достаточно ярко выражено: 81 % женщин признает необходимым вмешательство общества, в то время как среди мужчин с последним согласны только 62 %. Это объясняется тем, что, как уже отмечалось выше, женщины «более серьезно» относятся к проблеме распространения наркомании, в значительной степени из-за своих больших внушаемости и конформности.

В целом мы видим, что одновременно с высоким уровнем наркомании в молодежной среде широко распространено мнение о том, что наркотики представляют очень серьезную опасность. При этом молодежь видит обязанность общества в том, чтобы бороться с наркоманией. Достаточно сложно оценить, чем это реально вызвано: пониманием проблемы распространения наркомании как очень серьезной или желанием переложить ответственность на общество и государство.

Таким образом, проблема распространения наркомании в молодежной среде на сегодняшний день представляет реальную угрозу. В то же время существующие методы пропаганды крайне неэффективны. В молодежной среде сложилось достаточно устойчивое мнение о том, что наркотики опасны, но это мнение мало влияет на их реальное потребление. Можно предположить, что формирование общественного мнения является лишь важным первым шагом в решении проблемы, что следующим шагом — при сохранении существующей линии борьбы с наркоманией — будет снижение ее уровня. Но реальность, к сожалению, говорит об обратном. Необходимы решительные шаги, в том числе и формирование такой стратегии пропаганды против наркотиков, которая реально могла бы изменить существующее критическое положение. Для этого необходимо более тщательное и разработанное изучение проблемы государственной молодежной политики.

3.3. Государственная молодежная политика в Республике Казахстан

Содержание и формы государственной молодежной политики во всех странах определяются целями и задачами государственной деятельности в данном направлении.

Как правило, они состоят в формировании благоприятных экономических и политических условий, правовых гарантий, способных улучшить качество жизни молодежной общности через решение двух взаимосвязанных задач:

- создание необходимой обстановки для социального становления и развития подрастающего поколения (как объекта социальной политики);
- создание благоприятных условий для самостоятельной инновационной деятельности молодежи в различных сферах общественной жизни и в интересах всего общества, для практической отработки новых общественных отношений и форм социальной жизнедеятельности молодежи (как субъекта политики).

Современное понимание такого направления государственной деятельности, как молодежная политика, предполагает создание правовых, экономических и организационных условий для самореализации личности молодого человека и развития молодежных объединений, движений и инициатив. Государственная молодежная политика включает разработку и реализацию стратегической линии государства на обеспечение социально-экономического, политического, культурного и интеллектуального развития молодого поколения, на формирование у молодых граждан патриотизма, гражданской зрелости.

Молодой человек, вступая в жизнь и приобретая права в обществе и обязанности перед ним, испытывает трудности, которые справедливо называют трудностями жизненного старта. Именно этим обстоятельством определяется необходимость проведения государственной молодежной политики, которая выделилась в специальную сферу государственной деятельности лишь в последнее десятилетие.

Сам термин «государственная молодежная политика» вошел в юридический обиход в 1991 г. с принятием закона СССР «Об общих началах государственной молодежной политики в СССР». Разумеется, отсутствие этого правового термина в предыдущие годы вовсе не означало, что такой деятельности государство не осуществляло. Напротив, стремление к регулированию вопросов, связанных с молодежью, всегда отличало советскую систему. Однако стержнем этой системы было не государство, а правящая партия,

и молодежная политика была государственной в той мере, в какой государство являлось инструментом политики КПСС. Характерно, что значительную часть нормативных правовых актов СССР по вопросам, затрагивающим воспитание, образование, обеспечение занятости и другие проблемы молодежи, составляли совместные постановления ЦК КПСС и Совета министров СССР. Инициатива наиболее существенных правоположений партийно-государственной молодежной политики в СССР исходила, прежде всего, от КПСС, а также от комсомола, представлявшего перед партией интересы молодого поколения. Согласно Конституции СССР 1977 г. ВЛКСМ в лице своего руководящего органа был наделен конституционным правом законодательной инициативы. Соответственно, законопроект «Об общих началах государственной молодежной политики в СССР» 1991 г. был разработан и внесен в Верховный Совет СССР именно комсомолом.

Становление нормативно-правовой базы молодежной политики суверенного Казахстана началось в 1991 г., когда был принят закон Казахской Советской Социалистической Республики от 28 июня 1991 г. № 722-ХII «О государственной молодежной политике в Казахской ССР».

В законе предусматривалось предоставление беспроцентных долгосрочных кредитов на строительство или приобретение жилья, 50-процентные льготы на проезд на всех видах государственного транспорта дважды в год в каникулярное время, долгосрочные беспроцентные ссуды молодым семьям при рождении ребенка, предприятиям со статусом «ученическое», «студенческое», «молодежное» предоставлялся ряд льгот по налогообложению.

Но за время, прошедшее с 1991 г., изменилась общественно-экономическая и политическая система государства, многие статьи закона вошли в противоречие с действующей Конституцией, современным законодательством и социально-экономическими реалиями, и в этой связи их действие было приостановлено. Так как закон имел очень высокую социальную направленность, наделял молодежь в отличие от других слоев населения большими социальными привилегиями и гарантиями, государству стало сложно и нецелесообразно брать на себя полное финансовое обеспечение целого ряда его положений. В связи с этим, согласно указу Президента Республики Казахстан от 12.04.1994 г. № 1652; закону Республики Казахстан от 14.07.1994 г. № 137-ХІІІ; указу Президента Республики Казахстан от 05.10.1995 г. № 2488; закону Республики Казахстан от 11.07.1997 г. № 154-І, были внесены соответствующие изменения и дополнения, которые приостановили или отменили большинство социальных норм закона «О государственной молодежной политике в Казахской ССР»¹¹.

Характерной чертой современного периода является планомерная работа по формированию новой нормативно-правовой базы молодежной политики. Важнейшим шагом в этом направлении стало принятие 30 августа 1995 г. Конституции Республики Казахстан, которая закрепила основные права и обязанности граждан республики, в том числе и молодежи, гарантии во всех сферах общественных отношений. Государственная молодежная политика основывается на признании за молодым человеком всей полноты социально-экономических, политических, личных прав и свобод, закрепленных Конституцией и другими законодательными актами, действующими на территории Казахстана.

28 августа 1999 г. распоряжением Президента Республики Казахстан № 73 была одобрена Концепция государственной молодежной политики Республики Казахстан, которая является основообразующим документом в области молодежной политики республики. Концепция определила новые приоритеты и стратегию государственной молодежной политики. Главной целью государственной молодежной политики Казахстана стало создание и укрепление правовых, экономических и организационных условий для гражданского становления и самореализации молодого поколения.

Финансирование мероприятий, предусмотренных основными положениями Концепции, производится в рамках средств, выделяемых на осуществление государственной молодежной политики республиканским и местными бюджетами. Реализация отдельных положений Концепции может предусматривать привлечение негосударственных источников финансирования. Одним из основных условий реализации Концепции является правовое обеспечение организационных и экономических механизмов государственной молодежной политики, в первую очередь предполагающих внесение изменений и дополнений в действующее законодательство Республики Казахстан, непосредственно регулирующее те или иные отношения с участием молодых граждан, молодежных организаций.

В Концепции закреплено, что государственное управление в области молодежной политики осуществляется соответствующими структурами в составе Правительства Республики Казахстан: Министерством культуры, информации и общественного согласия, Министерством труда и социальной защиты населения, Министерством образования и науки, Министерством внутренних дел, Министерством юстиции Республики Казахстан, которые в пределах своей компетенции обеспечивают реализацию молодежной политики.

Правительством Республики Казахстан в целях реализации Концепции принята и реализована отраслевая программа по ее осуществлению в 2001—2002 г. — «Молодежь Казахстана».

В целях эффективной координации и реализации государственной молодежной политики, повышения социально-политической активности молодежи по инициативе главы государства постановлением Правительства был создан Совет по делам молодежи как консультативно-совещательный орган при Правительстве Республики Казахстан.

Тем не менее, сложилась ситуация, когда правовое закрепление интересов молодежи осуществляется только в рамках отраслевого законодательства, представленного не связанными в систему правовыми актами, и в связи с этим не способствует полноценной их реализации. Из-за отсутствия базового правового акта многие статьи действующих законов в различных отраслях общественных отношений остаются недостаточно эффективными. Для достижения большей эффективности действующего законодательства и создания правовых предпосылок в части формирования новых норм, обеспечивающих интересы молодых граждан, необходимо формирование целостной системы молодежного законодательства. И здесь встал вопрос о принятии концептуального рамочного закона, своеобразной «молодежной конституции», который бы законодательно определял принципы, направления, задачи правового регулирования молодежной политики.

В настоящее время существует настоятельная необходимость завершения формирования правовой базы государственной молодежной политики, предусматривающая:

- законодательное закрепление концептуальных положений государственной молодежной политики и приведение в соответствие с ними норм различных отраслей права;
- формирование ювенальной юстиции;
- принятие подзаконных актов и актов управления по вопросам жизнедеятельности молодежи и осуществления государственной молодежной политики;
- отражение в принимаемых отраслевых нормативных правовых актах положений, учитывающих концептуальные основы молодежной политики, и внесение соответствующих дополнений и изменений в действующее законодательство.

В целом отсутствие системной нормативной правовой базы в области молодежной политики способствует накоплению молодежных проблем. Принимаемые государством отраслевые и региональные программы при отсутствии достаточных правовых механизмов молодежной политики не могут способствовать решению всего комплекса проблем.

Вместе с тем, опыт реализации закона «О государственной молодежной политике в Казахской ССР» показал, что попытка детальной законодательной регламентации мер по реализации молодежной политики при столкновении с меняющимися финансово-экономическими и правовыми реалиями в условиях транзитного характера экономики приводит к тому, что данные меры утрачивают устойчивость и свою актуальность.

Назрела необходимость в создании новой законодательной базы, которая не только устанавливала бы правоотношения в сфере государственной молодежной политики в соответствии с требованиями текущего исторического момента, но и обеспечивала бы их реализацию в перспективе.

3.4. Содержание и формы государственной молодежной политики России

Современная трактовка целей государственной молодежной политики в Российской Федерации базируется на правовых формулах закона «Об общих началах государственной молодежной политики в СССР», принятого в 1991 г. Он состоит из 19 статей, объединенных в пять разделов.

В первом раскрываются общие положения, во втором — правовая и социальная защищенность молодежи, в третьем — организационные основы осуществления государственной молодежной политики, в четвертом — основы правового статуса молодежных организаций, в пятом — гарантии осуществления данного закона.

Уже в первой статье раскрываются важнейшие принципы государственной молодежной политики:

- с одной стороны, привлечение молодежи к непосредственному участию в формировании и реализации политики и программ, касающихся всего общества, в особенности самих молодых людей;
- с другой, обеспечение правовой и социальной защищенности молодых граждан, необходимой для восполнения обусловленных возрастом недостатков их социального статуса.

Помимо того, констатируется важность предоставления молодому гражданину социальных услуг по обучению, воспитанию, духовному и физическому развитию, профессиональной подготовке, объем, виды, качество которых обеспечивают всестороннее развитие личности и подготовку к самостоятельной жизни.

Здесь же признается необходимость содействия инициативной деятельности в области социального, духовного и физического развития молодежи.

В статье 5 раскрываются гарантии правовой и социальной защищенности граждан. Речь идет о том, что особой защитой государства пользуются лица, не достигшие 18 лет.

Государство, исходя из того, что несовершеннолетние в силу своего возраста не могут в полной мере осознавать значение своих действий, ограничивает их способность своими действиями приобретать права, создавать для себя обязанности и нести юридическую ответственность, а также устанавливает особый порядок осуществления их прав.

Интересно содержание и статьи 13 закона СССР 1991 г., посвященной компенсационным молодежным фондам.

Здесь, в частности, речь идет о том, что для восполнения кредитным учреждениям неполученной прибыли (в связи с предоставлением льготных потребительских кредитов молодым гражданам и молодым семьям, индивидуальным и коллективным предприятиям молодых граждан), а также для обеспечения страхования финансовых рисков и выдачи гарантий (поручительств) молодым предпринимателям и финансирования других расходов создаются специализированные компенсационные фонды, порядок работы которых определяется решениями местных советов депутатов.

В статье 16 упомянутого закона, посвященной гарантиям деятельности молодежных организаций, однозначно говорится, что государственные органы оказывают молодежным организациям финансовую поддержку, прежде всего, в виде освобождения от налогообложения прибыли (дохода), полученной молодежными организациями от инвестиционной деятельности, в частности, направляемой на реализацию программ по социальной защите молодежи.

Оценивая в обобщенной форме закон СССР «Об общих началах государственной молодежной политики» и признавая, что им отражаются представления, имевшиеся в отечественной науке и практике на рубеже 1980—1990-х гг., тем не менее, нельзя не признать тем самым, что им были созданы важные составные части нормативно-правовой базы по работе с молодежью.

Этому советскому закону до сих пор нет полноценного аналога в российском законодательстве, хотя специальным указом президента России от 16 сентября 1992 г. молодежная политика провозглашена «приоритетной социально-экономической политикой государства». В последующем она осуществлялась на концептуальной базе, изложенной в «Основных направлениях государственной молодежной политики в Российской Федерации» (утвержденных постановлением Верховного Совета РФ 3 июня 1993 г.)

и в федеральном законе «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений» (1995 г.).

Исходной посылкой упомянутых документов было признание необходимости и важности проведения в Российской Федерации целостной и эффективной государственной молодежной политики, оказание молодежи как одной из социально уязвимых групп населения адресной и специализированной помощи, подчеркивание в ее структуре не только компенсаторных механизмов, но и активных инновационных компонентов, раскрывающих трудовой и творческий потенциал молодого поколения, что позволило бы рассматривать молодежную политику как часть политики экономического развития общества.

К середине 1990-х гг. в соответствии с федеральной программой «Молодежь России», одобренной указом президента Российской Федерации от 15.09.1994 г. № 1922, осуществление молодежной политики приобрело вполне очерченные организационно-правовые формы. Выполнение 14 подпрограмм федеральной программы было нацелено на достижение конкретных результатов по двум принципиальным позициям — обеспечение работы с молодежью в рамках приоритетных направлений и развитие инфраструктуры в работе с молодежью.

Серьезным ориентиром на этом пути было обеспечение молодежи информацией о правах и возможностях, чему должна была способствовать работа создаваемых 60 региональных и местных информационно-аналитических центров.

Уже в первый год их работы информационными услугами воспользовалось примерно 100 тыс. молодых людей.

Сегодня уже есть основания говорить о наличии многих важных элементов единой общероссийской системы информации для молодежи, создаваемой рядом федеральных ведомств совместно с органами по делам молодежи субъектов Российской Федерации и при участии молодежных и детских общественных объединений, научных коллективов.

В настоящее время активно ведется создание Федерального информационно-аналитического центра (на базе департамента молодежной политики Минобрнауки и Федерального агентства правительственной связи и информации), как для ведомственных целей, так и для граждан — молодых людей, их родителей, учителей, исследователей молодежных проблем и т. д.

С позиций расширения информированности молодежи представляют собой важными ежегодные подготовка и издание (в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 21 октября 1994 г.) государственных докладов о положении молодежи.

Цель докладов — представлять органам государственной власти и общественности систематизированную информацию о процессах в молодежной среде, социальном положении российской молодежи и ее проблемах и на этой основе вносить в Правительство РФ предложения по совершенствованию механизмов государственной молодежной политики. Тематика докладов раскрывает становление науки о молодежи и этапы развития молодежной политики: «Молодежь России: положение, тенденции, перспективы» (1994), «Молодежь России: воспитание жизнеспособных поколений» (1995), «Положение молодежи в Российской Федерации: 1995 год» (1996), «Положение молодежи в Российской Федерации и государственная молодежная политика» (1998).

В докладе, изданном в 1994 г., обосновывалась необходимость проведения целостной государственной молодежной политики. В 1995 г. основное внимание уделялось проблемам воспитания жизнеспособного молодого поколения. В докладе 1996 г. анализировались социальный статус молодежи, ее место и роль в различных сферах общественной жизни, а в 1998 г. акцентировалось внимание на роли государственной молодежной политики в решении острых проблем молодежи.

В 1999 г. в докладе «Молодежь Российской Федерации: положение, выбор пути», учитывая, что кризисное состояние российского общества стало долговременным фактором социально-экономической жизни и основные характеристики положения молодых россиян в главных чертах сохраняются, акцентировалось внимание на оценке молодежью своих потенциальных возможностей и обсуждался вопрос: «Насколько само общество использует потенциальные возможности молодого поколения как стратегического ресурса развития России?»

Во всех докладах использовались данные государственной статистики, официальная информация органов власти субъектов Федерации, выводы социологических, социально-психологических, социально-экономических, культурологических, исторических и других исследований, поэтому представленная информация являлась убедительной и достаточной для принятия важных политических решений.

В конце декабря 2005 г. постановлением Правительства России № 1015 была утверждена федеральная целевая программа «Молодежь России (2001—2005 гг.)», являющаяся продолжением программных мероприятий предыдущих лет по реализации государственной молодежной политики, направленной на создание правовых, экономических и организационных условий для развития личности и поддержку молодежных объединений.

В качестве непосредственных причин к ее разработке послужили негативные тенденции в молодежной среде — продолжающееся социальное расслоение, отсутствие у молодых граждан равных шансов на получение образования, достойной работы, медицинских, социально-бытовых и других услуг, ухудшение состояния здоровья основных групп молодежи, формирование целой совокупности социальных девиаций.

С учетом результатов выполнения предыдущей президентской программы «Молодежь России (1998—2000 гг.)» и реального положения молодежи в стране были определены шесть приоритетных направлений государственной молодежной политики, в числе которых была поддержка общественно значимых инициатив и общественно-полезной деятельности молодежных организаций; содействие обеспечению экономической самостоятельности молодых граждан и реализации их права на труд; государственная поддержка молодых семей; оказание социальных услуг для молодежи; обеспечение условий для охраны здоровья; формирование здорового образа жизни молодых граждан; их воспитание и образование.

Воплощение в жизнь принципов и установок молодежной политики обеспечивается реализацией определенных подходов и механизмов.

Содержание управления в сфере государственной молодежной политики в Российской Федерации включает в себя комплекс разнообразных мероприятий и действий: во-первых, разработку системы мер по совершенствованию нормативно-правовой базы государственной поддержки, защиты прав и интересов молодых российских граждан; во-вторых, постоянный анализ положения разных групп молодежи через систему социологических исследований и практику проведения общероссийских, межрегиональных и региональных научно-практических конференций, семинаров по проблемам реализации государственной молодежной политики; в-третьих, разработку и реализацию мер по улучшению кадрового потенциала для сферы государственной молодежной политики, обеспечение постоянной подготовки, переподготовки и повышения квалификации специалистов по направлениям и технологии реализации государственной молодежной политики; в-четвертых, формирование и развитие федеральной системы информационной помощи молодежи, организация работы информационно-аналитических и учебно-технических центров по вопросам государственной молодежной политики.

В странах с богатыми традициями молодежной политики механизм государственного управления этой деятельностью на национальном уровне имеет традиционную форму министерств (Министерство молодежи и спорта во Франции, Министерство по делам семьи, молодежи и защиты потребителей в Австрии).

В ряде стран молодежная политика реализуется крупными подразделениями министерств и ведомств, входя в последние на правах одного из направлений деятельности: департамент молодежной политики Министерства социального обеспечения, здравоохранения и культуры Нидерландов, молодежный отдел Министерства образования и культуры Израиля, федеральная молодежная комиссия при Федеральном бюро культуры Швейцарии, фонд поддержки молодежных организаций Министерства образования Португалии¹².

Как же формировался механизм управления молодежной политикой в России? Созданию конкретных органов сопутствовали острейшие дискуссии. В итоге в мае 1991 г. в соответствии с законом СССР «Об общих началах государственной молодежной политики в СССР» был создан Комитет по делам молодежи при Совете министров СССР.

К сожалению, из-за августовского путча данный Комитет в урезанном виде (в форме полномочного представителя президента РФ по делам молодежи) стал работать лишь с сентября 1991 г., хотя на местах процесс создания исполнительных структур (комитетов, управлений, отделов) по делам молодежи в составе администраций краев, областей, республик Российской Федерации проходил уже с весны 1990 г. (после формирования постоянных молодежных комиссий в Советах народных депутатов всех уровней).

Основными направлениями деятельности создаваемых подразделений по делам молодежи стали решение проблем занятости молодежи, в том числе выпускников учебных заведений и демобилизованных военнослужащих, включение молодежи в производительные формы деятельности (предпринимательство и фермерство), формирование системы социальных служб для индивидуальной работы с подростками и молодежью, профилактика преступности и безнадзорности среди несовершеннолетних.

Общее и особенное в работе вновь созданных комитетов и отделов по делам молодежи исполнительной власти можно зафиксировать на примере комитета по делам молодежи Новосибирского облисполкома.

В качестве его главной задачи закреплялась разработка и реализация молодежной политики в Новосибирской области с целью создания социально-экономических и правовых условий и гарантий для становления молодых граждан и реализации их творческого потенциала. В числе важных направлений деятельности комитета были определены:

- разработка и реализация программ в социальной сфере;
- содействие в развитии молодежного жилищного строительства;
- организация работы детских и юношеских клубов по месту жительства;
- организация службы информации в сфере занятости для молодежи;

- поддержка и развитие предпринимательской деятельности молодежи, молодежных предприятий, защита интересов молодежи на государственных и частных предприятиях области;
- работа по патриотическому воспитанию и содействие подготовке молодежи для службы в армии¹³.

Таким образом были заложены нормативно-правовые основы механизма государственной поддержки молодежи.

Благодаря указу президента РФ от 29 октября 1992 г. и соответствующему решению правительства Российской Федерации об образовании в структуре федеральных органов исполнительной власти комитета Российской Федерации по делам молодежи организационная основа молодежной политики в нашей стране была закреплена еще больше.

К концу 1993 г. в 84 из 89 субъектов Российской Федерации действовали комитеты или отделы по делам молодежи. В городах и районах количество данных подразделений, включая смешанные, уже приближалось к 3000. Расходы на государственную молодежную политику осуществлялись в основном из всех уровней бюджетов по отдельной статье.¹⁴

Стала планомерно разворачиваться работа по определению содержания деятельности государства в отношении молодежи, нормативно-правовому регулированию государственной молодежной политики, выделению приоритетных направлений работы с молодежью.

Таким образом, в течение 1993—1999 гг. в целом сложилась разветвленная система действий в отношении к молодежи.

Инициатором и организатором подобной работы в большинстве случаев выступал Государственный комитет Российской Федерации по делам молодежи, в составе которого оказалось много бывших комсомольских работников, обладающих организаторскими качествами, значительным опытом работы с молодежью, знанием технологии аппаратной деятельности, специфических стандартов профессиональной деятельности.

Задачи федерального центра состояли в следующем:

- в разработке целостных нормативных актов федерального уровня и универсального значения;
- в определении статуса социальных служб для молодежи и их персонала, специалистов подразделений по делам молодежи исполнительной власти республиканского, краевого и областного уровней;
- в постановке задач для проведения сопоставимых научных исследований по вопросам молодежи и молодежной политики;
- в организации профессионального обучения и повышения квалификации специалистов, работающих с молодежью;

- в планировании и реализации международного сотрудничества в сфере молодежной политики.

Нормативно-правовые документы определяли ответственность всех министерств и ведомств за реализацию тех или иных направлений государственной молодежной политики.

В качестве главного механизма участия федеральных структур в решении молодежных проблем являлась реализация ими государственных целевых программ, по которым они выступали генеральными заказчиками, включение в ведомственные (отраслевые) программы подпрограмм и разделов по работе с молодежью.

Тем не менее, несмотря на предпринимаемые усилия, работа по реализации молодежной политики на федеральном уровне значительно отставала от процессов, идущих в субъектах Федерации.

Обеспечению стабильности и устойчивости в реализации государственной молодежной политики (при периодической ликвидации или реорганизации федеральных структур по делам молодежи) служило принятие более чем в 40 регионах законов о государственной молодежной политике, о поддержке молодежных и детских общественных объединений. Подобные действия коренным образом изменили подходы к практическому решению молодежных проблем.

Благодаря активности субъектов Федерации общие положения государственной молодежной политики приобрели региональную специфику, преобразуясь в систему деятельности территориальных органов государственной власти и местного самоуправления.

Самостоятельный статус молодежной политики в определенной степени принимался в расчет при создании комитетов (или отделов) по делам молодежи исполнительной власти.

Как показывает статистика, две трети подразделений по делам молодежи субъектов Федерации в настоящее время занимаются только вопросами государственной молодежной политики, каждый пятый подобный орган объединяет вопросы реализации молодежной политики с решением таких важных проблем формирования жизнеспособного поколения, как спорт, физическая культура и туризм.

Помимо того действуют комитеты по делам молодежи, совмещающие вопросы молодежной политики и образования (в семи субъектах Федерации) или основанные по принципу работы с важнейшими категориями населения: женщины, молодежь, семья (в пяти субъектах Федерации).¹⁵

С учетом региональной специфики можно признать позитивным подобное разнообразие применяемых моделей организационных структур, хотя

все это усложняет процесс управления данной системой, затрудняет формирование целостного организма, единообразных стандартов деятельности, что в итоге приводит к повышенным материальным затратам для поддержания жизнедеятельности упомянутых структур.

Позитивным является и тот факт, что в регионах уделяется серьезное внимание межведомственной координации в области государственной молодежной политики. На федеральном уровне это удается реализовать с трудом. Во многих регионах (Санкт-Петербург, Новосибирская обл., Иркутская обл.) при губернаторе или одном из его заместителей созданы и работают координационные (межведомственные) или общественные советы по молодежной политике. Таким образом, это направление работы на уровне субъектов Федерации реализуется более динамично и творчески, чем на федеральном уровне.

Продолжением государственной молодежной политики является муниципальная молодежная политика, которую можно рассматривать как самостоятельную отрасль в системе местного самоуправления.

Задачи муниципальных образований состоят в следующем:

- обеспечение выполнения нормативно-правовых актов о труде, обучении, отдыхе молодежи;
- организация работы социальных служб для молодежи;
- осуществление на муниципальном уровне региональных молодежных программ и разработанных на их основе муниципальных программ.

На муниципальном уровне процесс формирования органов по делам молодежи шел не так интенсивно, как на региональном. В конце 1999 г. они были созданы в 54 % городов и районов страны. Сдерживающим фактором служил дефицит кадровых, информационно-аналитических, материально-технических ресурсов.

На муниципальном уровне (как на никаком другом) в большей степени сказывалось влияние личных взглядов руководителей на понимание необходимости разработки и реализации молодежной политики.

Специфика положения и роли молодежи нашла свое отражение в законах о молодежи, принятых в субъектах Федерации к 2005 г. Являясь организационно-правовыми инструментами широкого действия, эти законы играют серьезную роль в формировании законодательных условий молодежной политики в регионах.

Упомянутые законы наглядно отражают общее и особенное в региональном законодательстве о молодежи. На сегодняшний день примерно в 60 регионах из 89 такие законы уже приняты. Сущность и специфику этих нормативно-правовых актов можно проследить на примере трех по-

добных законов — Республики Бурятия, Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Во всех трех регионах упомянутые законы имеют как общее смысловое ядро, единую направленность, так и специфические особенности, определяемые составом молодежного населения, уровнем жизни и образования, а также неизбежными пристрастиями авторов законопроекта. Бурятский закон, называющийся «О государственной молодежной политике» и содержащий 21 статью, был принят в 1996 г., два других, содержащих, соответственно, 24 (закон Санкт-Петербурга «О молодежи и молодежной политике») и 26 (закон «О молодежи и государственной молодежной политике в Ленинградской области») статей, были приняты представительными органами этих субъектов Федерации в начале 1998 г.

Несмотря на несовпадающие названия, законы оказались похожими по своей исходной посылке (создание условий для успешной социализации молодых людей в условиях перехода к рынку), а также по своему содержанию и структуре: семь глав содержит закон Республики Бурятия, семь разделов — санкт-петербургский закон, пять разделов — закон Ленинградской области. Что же касается такого принципиального вопроса, как цели государственной молодежной политики, то сибиряки в своем законе о молодежи выделили пять целевых установок, раскрывающих суть с помощью понятий «содействие», «создание условий», «расширение возможностей», «реализация инновационного потенциала» и, что немаловажно, сравнительно редкой юридической формулы «недопущение дискриминации молодых людей по признакам возраста».

Авторы же из «северной столицы» дополнили список из пяти целевых установок еще четырьмя: «защита прав и интересов молодежи», «предоставление адресной социальной помощи особо нуждающимся категориям молодежи», «обеспечение правовых и социальных гарантий в области труда и занятости молодежи», «содействие предпринимательской деятельности молодых граждан».

Для реализации инновационного потенциала молодежи бурятские законодатели предусмотрели «финансирование обучения основам предпринимательской деятельности и содействие в разработке учредительных документов», «предоставление финансовой поддержки разработанным в интересах молодежи проектам и предложениям, носящим новаторский характер, а также направленным на расширение возможностей самообеспечения молодежи». Интересно, что в Улан-Удэ для обеспечения соблюдения прав молодых граждан в множество мероприятий включили «проведение научных исследований по вопросам молодежной политики».

В санкт-петербургском законе при описании механизма государственной поддержки указано, что «молодежные и детские общественные объединения, негосударственные организации, оказывающие поддержку молодежи... учитываются в обязательном порядке при составлении основных направлений молодежной политики, при разработке целевых программ в области молодежной политики»¹⁶.

В перечне разнообразных форм господдержки упомянутых структур называется социальный заказ на выполнение целевых программ в области молодежной политики, целевое финансирование отдельных общественно-полезных видов деятельности по заявкам некоммерческих негосударственных организаций, предоставление льгот по уплате налогов, иных сборов и платежей в пределах сумм, зачисляемых в бюджет Санкт-Петербурга, предоставление компенсаций по оплате коммунальных услуг, предоставление в аренду бесплатно или по ставкам арендной платы, установленным для государственных учреждений социальной сферы... помещений государственного нежилого фонда, а также предоставление в пользование имущества, находящегося в собственности Санкт-Петербурга.

Заслуживающим внимание (в рамках информационного, кадрового, научного, организационного обеспечения молодежной политики) представляется и то, что администрация Санкт-Петербурга определяет перечень проблем для научно-исследовательских работ в области молодежной политики и выполняет функции заказчика указанных работ.

В законе Ленинградской области достаточно полно прописано участие органов местного самоуправления, всех заинтересованных организаций и граждан в реализации государственной молодежной политики: в определении приоритетных направлений, в получении на договорной основе определенной доли материальных и финансовых средств, предусмотренных на реализацию молодежных программ.

Итак, государственная молодежная политика, как можно убедиться, многозначна, многообразна, состоит из различных элементов и направлений деятельности.

Ведущие принципы государственной деятельности в этой области выражаются формулой:

- обеспечение социальной защищенности молодежи;
- поддержка молодежной инициативы;
- поощрение деятельности любых общественных структур, участвующих в решении молодежных проблем.

Благодаря обозначенному подходу работа с молодежью наполняется смыслом, реализуясь во всем многообразии содержания и форм, с учетом

существенных различий в социальных проблемах молодежи разных групп и территорий.

Примечания к главе 3

¹ Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. — М.: Политиздат, 1992. — С. 302—303.

² Основой исследования процессов явились результаты репрезентативного, мониторингового, панельного исследования, проведенного в 1995, 1998, 2005 гг. в Новосибирской области — типичном российском регионе по основным показателям социально-экономического развития.

³ См.: Падалко В.С., Самойлович Е.В. Социальное самочувствие жителей российской глубинки // Социальное самочувствие населения: оценки и прогнозы. По итогам социологических исследований 1992 года. Сб. статей / СибАГС. — Новосибирск, 1993. — С. 7.

⁴ См.: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. — М., 1995.

⁵ См.: Дюркгейм Э. Самоубийство. — М., 1995.

⁶ См.: Гишинский Я.И. Девиантное поведение в России в XX веке: основные тенденции развития // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. — 1995. — № 2. — С. 158.

⁷ См.: Актуальные проблемы социологии девиантного поведения и социального контроля // Социологические исследования в России. Реферативный сборник. — 1993. — Вып. 2.

⁸ Болотонский И. Наркомания. Токсикомания // Антология социальной работы. Т. 2. Феноменология социальной патологии. — М., 1995.

⁹ См.: Человек в переходном обществе // Власть. — 1996. — № 6. — С. 62

¹⁰ 2005 г. Опрашивалась молодежь от 15 до 30 лет. 1500 единиц анализа, квотная выборка, Новосибирская обл.

¹¹ См.: Уразов Н.Н., Шойкин Г.Н. Государственная молодежная политика в Республике Казахстан // Государственная молодежная политика. Опыт и тенденции развития. Часть 1. — Астана, 2003. — С. 7.

¹² См.: Алещенок С.В., Луков В.А., Полыева Д.Р., Пугинский С.Б. Некоторые подходы к формированию государственной молодежной политики РСФСР. — М.: Социум, 1990. — С. 39.

¹³ См.: Перишуткин С.Н. Между отчаянием и надеждой (социализация молодежи в условиях кризиса). Ч. 2. — Новосибирск: СКЦ, 1994. — С. 50.

¹⁴ См.: Шаронов А.В. Государственная молодежная политика в Российской Федерации: некоторые аспекты // Ценностный мир современной молодежи: на пути к мировой интеграции. По материалам международной научной конференции. — М., Социум, 1994. — С. 21.

¹⁵ См.: Социальная политика государства. Учебное пособие. — Новосибирск: СибАГС, 2003. — С. 435.

¹⁶ Там же.

Глава 4. Тенденции социально-демографического развития в России: проблемы и семейная политика

4.1. Тенденции социально-демографического развития в России

Социальная политика государства определяется сутью и спецификой демографической ситуации, процессами рождаемости, смертности, миграции. Если говорить о нашей стране, то несоответствие общественным потребностям и национальным интересам объема и темпов воспроизводства населения составляет суть социально-демографических проблем современной России.

О политической и практической остроте обозначенных проблем свидетельствует реальная социально-экономическая угроза, определяемая непосредственно уменьшением численности населения рабочих возрастов и, соответственно, пополнения трудовых ресурсов Российской Федерации, возможным уменьшением контингента (обучаемого в общеобразовательных, профессиональных и высших учебных заведениях) и вполне реальным разрушением данной системы образования из-за отсутствия необходимого пополнения, поскольку уже сегодня численность принимаемых в высшие учебные заведения практически совпадает с численностью выпускников общеобразовательных учреждений.

Еще один фактор актуализации темы — усложнение комплектования вооруженных сил, правоохранительных органов и иных силовых структур, что представляет собой угрозу сохранению оборонного потенциала страны, охране государственных границ и проведению других мер, связанных с национальной безопасностью. (По сравнению с 2000 г. численность мужского населения в возрасте 17—19 лет сократится к 2016 г. с 3,46 млн человек до 1,99 млн человек.)

Сегодня есть основания утверждать, что общее сокращение численности населения, снижение его плотности до параметров почти в три раза меньше среднемировых создают опасность ослабления политического, экономического и военного влияния России в мире и вероятность притяза-

ний извне на территорию Российской Федерации. Об этом свидетельствует не только дефицит научных знаний (прежде всего, о негативных и позитивных факторах детерминации), но, самое главное, реальность — усиливающаяся депопуляция населения (начавшаяся в первой половине 1990-х гг. и совпавшая с экономическим кризисом в стране), отрицательная динамика численности и структуры населения, темпы их изменений, вызывающие беспокойство политиков и общественности, динамика рождаемости, смертности, семейного состава, расселения, внутренней и внешней миграции, качественных характеристик населения.

С 1986 г. происходит устойчивое сокращение общего прироста населения, который к 1991 г. уменьшился почти в 8 раз. С 1993 г. естественная убыль населения находится на стабильно высоком уровне (0,7—0,9 млн человек в год). Численность населения страны за 1992—2000 гг. сократилась на 3,5 млн человек и к началу 2001 г. составила около 145 млн человек¹.

За 1992—2000 гг. число жителей сократилось в 65 из 89 субъектов Российской Федерации. В 27 регионах страны, представляющих все территории Центрального федерального округа (кроме г. Москва), Вологодскую, Ленинградскую, Новгородскую, Псковскую, Кировскую, Нижегородскую, Пензенскую и Самарскую области, г. Санкт-Петербург, Республику Мордовия, число умерших в 2—3 раза превышает число родившихся. В 1999 г. превышение числа умерших над числом родившихся составило в целом по стране 930 тыс. человек, в 2000 г. — 958 тыс. человек. Депопуляция затронула (в разной степени) практически все территории Российской Федерации и почти все этнические группы.

Некоторое улучшение ситуации со смертностью в 1995—1998 гг. оказалось непродолжительным. С 1999 г. данные показатели вновь стали расти в 78 регионах России, причем динамика падения численности населения страны во многом определялась «сверхсмертностью» мужчин трудоспособного возраста (лишь 58 % мужчин доживают до пенсии).

Уровень мужской смертности в нашей стране в 4 раза выше уровня женской и в 2—4 раза выше, чем в развитых странах. (При сохранении современного уровня смертности в рабочих возрастах, из числа россиян, достигших в 2000 г. 16 лет, доживут до 60 лет лишь 58 % мужчин).

К сожалению, серьезной причиной возросших летальных исходов являются инфекционные и паразитарные болезни (в том числе туберкулез), болезни органов дыхания, системы кровообращения, несчастные случаи, отравления и травмы (в том числе случайные отравления алкоголем, автотранспортные травмы, убийства, самоубийства). Низкий уровень здоровья населения репродуктивного возраста, высокая распространенность абор-

тов, патология беременности и родов обуславливают высокие показатели материнской (44,2 случая на 100 тыс. родившихся), перинатальной смертности, мертворожденности (7,2 случаев на 1000 родившихся живыми и мертвыми).

Состояние здоровья и уровень смертности населения отражаются на показателях ожидаемой продолжительности жизни населения страны, которая в настоящее время составляет 65,9 лет (1992 г. — 68,8 лет). Ожидаемая продолжительность жизни мужчин на 12 лет ниже, чем женщин.

Снижение рождаемости и сокращение численности и доли детей в структуре населения ведет к демографическому старению нашей нации.

Если в 1998 г. (впервые по стране в целом) численность людей пенсионного возраста превысила численность детей и подростков в возрасте до 16 лет на 110 тыс. человек, то на 1 января 2000 г. лиц пенсионного возраста было больше, чем детей, на 1,1 млн человек (на 3,9 %). В 41 регионе страны на долю детей и подростков приходилось менее пятой части жителей.²

Естественный прирост населения в 2000 г. имел место только в 15 регионах, включающих северокавказские республики и Калмыкию, а также ряд субъектов Российской Федерации восточной части страны и северные автономные округа.

Начавшееся в СССР с конца 1960-х гг. падение рождаемости привело к настоящему времени к уровню, ниже необходимого даже для простого воспроизводства населения. Современная рождаемость в 2 раза меньше, чем требуется для замещения поколений, поскольку в Российской Федерации в среднем на 1 женщину сегодня приходится 1,2 рождений (для простого воспроизводства населения необходимы 2,15). Но в республиках Дагестан, Ингушетия и Тыва (благодаря традициям многодетности) ежегодное число родившихся обеспечивает замещение поколений.

В 2000 г. родилось 1260 тыс. человек, что на 730 тыс. человек, или в 1,6 раза, меньше чем в 1990 г., что наглядно свидетельствует о кризисной ситуации. Подобное сокращение произошло, несмотря на увеличившуюся за 1994—1999 гг. на 1,4 млн человек численность репродуктивных контингентов в возрасте 18—25 лет.

Несмотря на некоторое увеличение к 2005 г. числа родившихся (вследствие действия экстенсивных факторов) уровень рождаемости практически не изменился.

В ряде регионов европейской части страны, в Санкт-Петербурге, Ленинградской, Ивановской, Смоленской, Московской и Ярославской областях, суммарный коэффициент рождаемости составляет около 1,0 рождения на женщину.

Специфику воспроизводства населения в Российской Федерации определяют массовое распространение малодетности (1—2 ребенка), сближение параметров рождаемости городского и сельского населения, откладывание рождения первого ребенка, рост внебрачной рождаемости. Эти процессы разрушающе действуют на демографический потенциал страны.

Ситуация с рождаемостью осложнена ухудшением положения с брачностью. Как и в предыдущие годы, в 1998—1999 гг. низким оставалось количество браков и высоким — разводов, о чем убедительно свидетельствуют данные Госкомстата России. Если в 1995 г. на 1000 чел. населения приходилось 7,3 брака и 4,5 развода, то в 1998 г. — соответственно 5,8 и 3,4, в 1999 г. 5,2 и 3,5 (для сравнения: в 1979 г. — 11,1 брака и 4,3 развода на 1000 населения).

Возрастная структура браков, заключенных в молодежном возрасте, также претерпела существенные изменения. Прежде всего, обозначилась позитивная тенденция резкого сокращения браков, в которых жениху менее 18 лет, хотя в 1997 г. таких браков было заключено почти 6 тыс., а в 1999 г. — около 5 тыс. (т. е. в сравнении с началом 1990-х годов сокращение почти в 3 раза). За четырехлетний период сократилось, но меньше, и число браков, в которых невесте менее 18 лет (с 44 тыс. до 37 тыс.), что, судя по всему, является реакцией на ухудшение условий жизни и неизбежный рост материальных расходов по случаю бракосочетания.

На этом фоне, казалось бы, должен произойти рост числа вступающих в брак из другой — (более старшей) возрастной группы — 18—24 года (тем более что речь идет о сравнительно благоприятном возрасте для создания полноценной семьи). Однако реально проявилась противоположная тенденция. Например, доля мужчин, вступающих в брак в этом возрастном периоде, с 1990 г. по 1998 г. уменьшилась на 5 %, а в сопоставлении с 1970 г. — даже на 13 %.

Браки с возрастом невесты от 18 до 24 лет стали составлять в 1998 г. 58 % от всех браков, что едва на уровне 1990 г. и значительно ниже показателя 1970 г. (на 13 %).

По сравнению с 1990 г. общий коэффициент брачности в 2000 г. снизился почти на треть, отражая влияние большого числа экономических, политических и социально-психологических факторов.

Молодые пары все чаще отказываются от официальной регистрации брачных отношений, предпочитая добрачные сожительства и юридически не оформленные браки. Печальный итог — в 2000 г. каждый четвертый ребенок родился вне брака.

И, в этой связи, тема семьи становится актуальной во всех контекстах развития России. Именно с семьей связаны и удвоение ВПП, и реализация национальных проектов, и укрепление обороноспособности страны, и становление новой идеологии.

Что же представляет сегодня российская семья? Каковы тенденции ее развития?

Начнем с тенденций демографического развития.

Как известно, общей тенденцией в динамике народонаселения России является сокращение численности. Этот же процесс характерен и для развития Сибири. Однако, следует отметить, что если от переписи к переписи население России сократилось на 1,3 %, то Сибирь потеряла 4,8 % (!) своих жителей, что составило 1005000 чел. (табл. 4.1). Из 1857000 потерь всей страны между двумя переписями (РФ без Сибири потеряла только 852 тыс.), 54 % дала Сибирь!

Значимость и место Новосибирской области наиболее зримо предстают в сравнении с показателями по России (РФ) и Сибирскому федеральному округу (СФО). Население области по итогам переписи 2002 г. составило 2692,2 тыс. чел. или 1,9 % от численности населения РФ и 13,4 % от населения СФО. Наша область занимает по этому показателю 18-е место в России и третье в Сибири и на Дальнем Востоке (впереди Красноярский край и Кемеровская область). Как в целом в России, в области произошло сокращение населения: в РФ на 1,857 млн чел. или на 1,3 %, в СФО на 1 млн 5 тыс. чел., или на 4,8 %, в НСО на 27 тыс. чел., или на 1,0 %.

Важной характеристикой с точки зрения демографических процессов являются изменения численности городского и сельского населения. Население предпочитает жить в городах, но специалисты считают, что пик урбанизации пройден (см. табл. 4.1).

Фактически темпы сокращения численности жителей в Сибирском регионе в 4 раза выше, чем в стране в целом.

Сегодня в Сибирском федеральном округе 423 городских поселения, в НСО их — 32. Причем, в СФО и НСО большее количество горожан проживают в городах с численностью населения от 20 до 75 тыс. чел., в России же предпочтение отдано городам с населением от 100 до 250 тыс. чел.

В СФО находятся два города — миллионера (из 13 в РФ). Это Новосибирск (1425,5 тыс. чел.), занимающий 3-е место по численности населения после Москвы и Санкт-Петербурга, и Омск. Четыре города в СФО, где проживают более 500 тыс. чел.: Барнаул, Иркутск, Кемерово, Новокузнецк. В то же время имеются города, где проживают от 3 до 10 тыс. чел.

Таблица 4.1

Динамика народонаселения РФ и СФО: от переписи к переписи, тыс. чел.

Показатель	1989 г.	2002 г.	%	
			1989 г.	2002 г.
Российская Федерация				
Все население	147022	145165		
Городское	107959	106427	73,4	73,3
Сельское	39063	38737	26,6	26,7
Сибирский федеральный округ				
Все население	21068	20063		
Городское	15133	14273	71,8	71,1
Сельское	5935	5790	28,2	28,9
Новосибирская область				
Все население	2719	2692		
Городское	2071	2021	74,5	75,0
Сельское	708	671	25,5	25,0

Особого внимания заслуживают сельские поселения. В СФО сельских населенных пунктов насчитывается 11792, в Новосибирской области — 1566. Анализ группировки их по численности жителей должен привести к серьезной озабоченности и принятию конкретных мер по обеспечению минимальных условий жизни: 267 населенных пунктов в округе и 43 в области — уже покинуты жителями, а в 369 — в округе и 31 в НСО — проживают от 1 до 5 чел. Большое число поселений насчитывает от 6 до 25 человек (табл. 4.2).

Не случайно одним из национальных приоритетов является улучшение жизни на селе. Правда, эти слова, сказанные президентом РФ в сентябре 2005 г., почему-то трансформировались в лозунг подъема сельского хозяйства. Следует заметить, это не одно и то же, или точнее сказать: это не только подъем сельского хозяйства.

Следующей важной демографической характеристикой являются изменения возрастной структуры.

Таблица 4.2

Группировка сельских населенных пунктов по численности населения

Группировка	Количество жителей	0	1—5	6—10	11—25	26—100	101—500	501—2000	2001—5000	Свыше 5000
Сибирский федеральный округ										
Всего сельских населенных пунктов	11792	267	369	248	608	1848	5122	2940	274	116
В них жителей	5790061	—	1073	1959	10617	113746	1279435	2741339	814877	827015
Новосибирская область										
Всего сельских населенных пунктов	1566	43	31	26	65	239	741	385	22	14
В них жителей	670654	—	93	199	1228	14769	178545	326386	64090	85344

Какова же возрастная структура нашего населения?

Сравнение данных переписи 1989 и 2002 гг. говорит об ухудшении возрастной структуры. Резко сократилась численность детей и подростков (в России — на 27 %, в СФО — на 32 %, в НСО — на 33 %). Уменьшилась и доля лиц моложе трудоспособного возраста в общей численности населения. Увеличилась численность населения трудоспособного и старше трудоспособного возраста. Это отразилось непосредственно на величине среднего возраста, т. е. наблюдается старение населения. К слову, это характерно и для большинства европейских стран (табл. 4.3).

Не менее важной характеристикой считается распределение населения по полу.

По данным переписи 2002 г., сохранилось характерное как для России в целом, так и для сибирских регионов в частности, значительное превышение числа женщин над мужчинами, особенно это заметно в городах (табл. 4.4).

Таблица 4.3

Возрастная структура населения % к общей численности

Год	Население в возрасте			Средний возраст
	моложе трудоспособного	трудоспособном	старше трудоспособного	
	0—15 лет	М. 16—59 Ж. 16—54	М.60 и более Ж. 55 и более	
Российская Федерация				
1989	24,5	57	18,5	34,7
2002	18,1	61,2	20,5	37,1
Сибирский Федеральный округ				
1989	27,3	57,2	15,4	32,0
2002	19,5	62,3	18,1	35,1
Новосибирская область				
1989	24,9	57,3	17,7	34,3
2002	17,2	62,4	20,4	37,3

Таблица 4.4

Распределение населения по полу

Год	Все население	Тыс. чел.		В % к общей численности		Женщин на 1000 мужчин
		мужчины	женщины	мужчины	женщины	
Российская Федерация						
1989	147022	68714	78308	46,7	53,3	1140
2002	145164	67604	77560	46,6	53,4	1147
Сибирский федеральный округ						
1989	21068	10084	10984	50,2	49,8	1089
2002	20063	9400	10663	46,8	53,2	1134
Новосибирская область						
1989	2779	1298	1481	46,7	53,3	1141
2002	2692	1249	1443	46,3	53,7	1155

Анализ показателей численности по полу в укрупненных возрастных группах применительно к России в целом дает следующую картину: мужчины в возрасте моложе трудоспособного возраста составляют 78 %, в группе населения трудоспособного возраста (это мужчины 16—59 лет, женщины 16—54 лет) — 41 %, а в группе старше трудоспособного возраста (мужчины — старше 60 лет, женщины — старше 55 лет) — только 21 %. Причины такой демографии публиковались и публикуются в различных источниках и также требуют к себе пристального внимания. Все представленные тенденции демографического развития, несомненно, носят непозитивный характер.

Поэтому приятно говорить об уровне образования, здесь мы имеем позитивные результаты.

Таблица 4.5

**Уровень образования населения в возрасте 15 лет и более,
% к общей численности**

Год	Высшее профессиональное	Неполное высшее профессиональное	Среднее профессиональное	Среднее (полное)	Основное общее	Начальное общее	Или из 1000 чел. в возрасте 15 лет и более имели основное образование, чел.
Российская Федерация							
1989	11,3	1,7	19,2	27,4	21,0	12,9	806
2002	16	3,1	27,2	25,8	18,1	7,7	902
Сибирский федеральный округ							
1989	9,7	1,7	19,3	27,0	22,1	13,4	798
2002	14,0	2,9	27,4	26,1	19,6	8,7	900
Новосибирская область							
1989	11,7	1,9	19,3	24,4	22,2	13,5	795
2002	16,8	3,5	26,9	24,4	18,7	8,5	903

Уровень образования населения в возрасте 15 лет и более. За период между двумя переписями продолжился рост уровня образования населения страны. Если в 1989 г. в России из 1000 человек в возрасте старше 15 лет имели образование основное среднее и выше 806 чел., то в 2002 г. их стало 902. Правда, в СФО этот уровень был и остается ниже, хотя в Новосибирской области он стал выше, чем в целом по РФ. Но в СФО и Новосибирской области по сравнению с 1989 г. возросла численность лиц с высшим и средним профессиональным образованием и уменьшилось число лиц с основным средним и начальным образованием (табл. 4.5).

Впервые при переписи 2002 г. учтены лица, имеющие послевузовское образование (закончена аспирантура, докторантура, ординатура). В России их число составляет 369 тыс. чел., в СФО — 36 тыс., а в НСО — 8 тыс. чел., что является самым высоким показателем среди всех регионов Сибирского федерального округа.

Занятость населения. Важным фактором в анализе социально-экономического положения семьи является впервые полученная при переписи 2002 г. информация о статусе населения и его занятости. Из общего числа лиц в возрасте 15 лет и старше, занятых в экономике РФ, 95 % работают по найму, 1,5 % — являются работодателями, привлекающими для осуществления своей деятельности наемных работников, и 3 % — индивидуальные предприниматели. Несколько отличаются, но незначительно, показатели по Сибирскому федеральному округу и Новосибирской области (табл. 4.6).

Фактически хозяйствующих субъектов, организующих рыночный тип развития, и в России, и в Сибири мало — всего 5 %. Успех мы будем иметь, когда их будет 20 %, но если их формирование будет идти такими темпами, нам нужно еще 30 лет!

Источники средств существования. В ходе переписи 2002 г. население указывало все имеющиеся у них источники средств существования вместо двух учитываемых в ходе предыдущей переписи. Наряду с традиционными источниками впервые были указаны такие, как сбережения, доход от ценных бумаг, от сдачи внаем или аренду имущества. Таблица 4.7 дает представление о доле доходов из различных источников в общем количестве всех указанных источников средств существования.

Очевидно, следует признать, что трудовая деятельность не дает достаточных средств к существованию (в НСО это только 33,0 %), и реальный доход семьи формируется из нескольких источников.

Как в период предыдущей переписи, так и сегодня чрезвычайно велик уровень иждивенцев. И сегодня это фактически четверть населения. А это, как правило, нагрузка на семью.

Таблица 4.6

Занятое население в возрасте 15 лет и старше по положению в занятии

Категория	РФ		СФО		НСО	
	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%
Все занятое население	61602	100	8322	100	1193	100
в том числе:						
работающие по найму	58321	95	7865	94,5	1125	94,3
работающие не по найму	3227	5	456	5,4	69	5,8
из них:						
с привлечением наемных работников	925	1,5	144	1,7	23	1,9
без привлечения наемных работников	1925	3	271	3,3	41	3,4
Иное и не указавшие	377	0,6	42	0,5	5	0,4

Таблица 4.7

Источники средств существования, %

Источники средств существования	РФ	СФО	НСО
Все	100	100	100
В том числе:			
Доход от трудовой деятельности	33,4	30,1	33,0
Личное подсобное хозяйство	9,8	14,3	13,4
Стипендия	1,8	1,7	1,6
Пенсии (кроме пенсии по инвалидности)	17,1	15,0	16,2
Пенсия по инвалидности	2,5	2,4	2,2
Пособие (кроме пособия по безработице)	8,9	9,4	8,1
Пособие по безработице	0,6	0,7	0,3
Другой вид гос. обеспечения	1,0	1,2	1,1
Сбережения	0,2	0,1	0,1
Доход от сдачи внаем или аренду имущества	0,1	0,1	0,1
На иждивении отдельных лиц	23,3	23,9	23,0
Иной источник и не указавшие источника	2,0	1,2	0,8

Чрезвычайно высок удельный вес доходов социального типа: пенсий, стипендий, пособий и т. д.

Крайне низок доход, свидетельствующий о возможностях самодостаточного развития, — то, что характеризует уровень и тип так называемой рыночной экономики (табл. 4.6 и 4.7).

Национальный состав. Перепись 2002 г. вновь подтвердила многонациональный состав населения России, округа и области. В России с 17 до 23 увеличилось количество национальностей, численность населения которых превышает 400 тыс. чел. В эту группу дополнительно вошли азербайджанцы, кабардинцы, лезгины, якуты, но выбыли евреи.

В Новосибирской области, вместе с общим сокращением населения, снизилось число немцев — на 14,2 тыс. чел., украинцев — на 17,2 тыс. чел., белорусов — на 4,7 тыс. чел., татар — на 1,5 тыс. чел., евреев — на 4,1 тыс. чел. Но произошел рост населения некоторых национальностей (азербайджанцев — на 3,7 тыс. чел., или в 2 раза, армян — на 5,5 тыс. чел., или в 3,4 раза, таджиков — на 2 тыс. чел., или в 3,9 раза, корейцев — на 0,9 тыс. чел.).

Удельный вес русских в области составляет 92,02 %, немцев — 2,21 %, украинцев — 1,84, татар — 1,06, белорусов — 0,47, азербайджанцев — 0,13 %, других национальностей меньше.

Следует отметить, что основные тенденции демографического развития СФО и НСО, зафиксированные последней переписью, продолжают углубляться. В 2004 г. население округа составило 19901000, или 99,2 % от 2002 г. (т. е. за 2 года убыль составила 0,8 %, или 162000 человек!). Лидерами этого процесса являются по-прежнему: Кемеровская область и Красноярский край. Правда, начала расти рождаемость, но смертность по-прежнему остается высокой (табл. 4.8).

Наряду с анализом демографического развития округа, важно представить основные параметры социально-экономического положения (см. табл. 4.8). В округе высокий уровень реальной безработицы (10 %), вновь начал расти уровень регистрируемой безработицы, низкие среднедушевые доходы, высокая стоимость прожиточного минимума, что дает чрезвычайно низкую покупательную способность доходов населения (табл. 4.9).

До среднероссийского уровня, который сегодня равен 1995 г., в Сибири «дотягивают» лишь несколько субъектов Федерации: Красноярский край, Кемеровская и Томская области.

В совокупности характер демографического развития, показатели социально-экономического положения и определяют социальное самочувствие сибирской семьи.

Таблица 4.8.

**Основные показатели социально-экономического развития
Сибирского федерального округа**

Показатель	2000	2001	2002	2003	2004
численность населения, ис. чел.	20783	20675	20063	20031	19901
коэффициенты, 1000 чел. населения:					
рождаемости	9,5	10,0	10,7	11,5	11,6
смертности	14,4	14,7	15,5	16,2	15,9
естественного прироста, убыли (–)	–4,9	–4,7	–4,8	–4,7	–4,3
численность занятых в экономике, ис.чел.	8893	8763	9147	8905	8972
общая численность безработных, ис. чел.	1285	1111	1024	1178	1002
уровень общей безработицы, %	12,6	11,3	10,1	11,7	10,0
численность зарегистрированных безработных, тыс. чел.	180,6	228,8	275,9	298,4	338,0
уровень зарегистрированной безрабо- тицы, %	1,8	2,3	2,7	3,0	3,4
средние денежные доходы на душу населения, среднем за месяц, руб.	1901	2531	3310	4355	5230
средние денежные доходы населения, по сравнению с предыдущим годом	...	109	113	112	108,5

Таблица 4.9

Покупательная способность доходов* населения Сибири, 1996—2004 гг.

Регион	1996	1997	1998	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006
Россия в целом	2,01	1,68	1,58	1,74	1,62	1,72	2,0	2,2	2,3	2,4
Новосибирская область	1,3	1,36	0,88	1,19	1,17	1,4	1,6	1,9	2,0	2,2
Томская область	2,06	1,27	1,65	1,4	1,6	1,8	2,0	2,2	2,3	2,4

Окончание табл. 4.9

Регион	1996	1997	1998	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006
Кемеровская область	2,11	1,45	1,76	1,9	1,7	1,9	2,1	2,2	2,2	2,3
Алтайский край	1,25	0,9	1,03	1,17	1,4	1,5	1,6	1,6	1,7	1,8
Омская область	1,84	1,4	1,32	1,4	1,4	1,7	1,8	2,0	2,1	2,2
Красноярский край	2,48	1,76	1,85	2,0	2,0	2,2	2,3	2,5	2,6	2,7
Иркутская область	1,82	1,5	1,78	2,14	1,7	1,9	2,0	2,1	2,1	2,3
Республика Тыва	0,77	0,66	0,52	0,82	1,03	1,1	1,15	1,2	1,3	1,3
Читинская область	1,03	0,72	0,5	0,68	1,0	1,1	1,2	1,3	1,4	1,5
Республика Алтай	1,28	0,83	0,73	1,05	1,2	1,3	1,4	1,4	1,5	1,6
Республика Бурятия	1,37	0,97	1,27	1,33	1,4	1,4	1,5	1,6	1,7	1,8
Республика Хакасия	1,37	1,14	1,3	1,19	1,4	1,5	1,6	1,7	1,7	1,8

* Расчет покупательной способности доходов населения осуществлялся как отношение среднедушевого дохода к стоимости прожиточного минимума.

Вначале в целом о самочувствии населения СФО (результаты исследования 2003 г.) (табл. 4.10).

В крайнем социальном состоянии — бедствуют в общем-то немного — 6 % населения СФО, хотя по регионам этот показатель колеблется от 2 до 12 %.

Но если принять неблагополучным состояние «едва сводим концы с концами», то таких в Сибири — 36 %, т. е. каждый третий житель.

Трагично, но факт — семья не улучшает такого социального самочувствия, а еще более его усугубляет! И это противоречит всей истории этого социального института (табл. 4.11).

К примеру, среди семейных людей тех, кто бедствуют и едва сводят концы с концами, в Новосибирской области было в 2004 г. примерно 27 %, тогда как среди не состоящих в браке — только 19 %. Но что поразительно, такое социальное самочувствие определяет и политическое поведение этих групп (табл. 4.12).

Таблица 4.10

**Социальное самочувствие населения СФО, июль—август 2003 г.,
% от каждой совокупности опрошенных**

Основные характеристики (на основе самоидентификации респондентов)	Сибирский федеральный округ	Новосибирская область	Алтайский край	Кемеровская область	Омская область	Томская область	Иркутская область	Красноярский край	Читинская область
<i>1. Уровень доходов</i>									
до 1 ПМ	49	37	64	58	54	36	34	43	50
1—3 ПМ	44	52	31	36	45	56	54	48	44
более 3-х ПМ	7	11	3	6	1	8	11	8	6
<i>2. Социально-экономический статус</i>									
Группа с низкими доходами	57	51	69	66	65	41	41	50	60
Группа со средними доходами	40	40	31	33	34	56	53	46	38
Группа с высокими доходами	2	7	0	1	0	3	4	1	2
<i>3. Тип социального самочувствия</i>									
Бедствуем, едва сводим концы с концами	36	42	37	36	34	35	23	34	29
в том числе бедствуем	6	12	6	2	7	8	2	7	8
Живем более или менее нормально, так как на всем экономим	50	42	48	56	57	47	59	52	38
Живем без каких-либо материальных затруднений	13	15	14	8	7	18	17	12	33

Таблица 4.11

**Социальное самочувствие различных групп населения,
НСО, 2004 г., % от каждой совокупности опрошенных**

Характеристика	Состоящие в браке	Не состоящие в браке
Бедствуют	2,2	2,3
Едва сводят концы с концами	24,3	16,9
Живут нормально, так как на всем экономят	57,7	61,7
Живут без каких-либо материальных затруднений	15,0	18,1

Таблица 4.12

**Отношение к типу и характеру развития страны, НСО, 2004 г.,
% от каждой совокупности опрошенных**

Характеристика	Состоящие в браке	Не состоящие в браке
Развитие страны скорее идет в правильном направлении	53,5	59,0
Развитие страны скорее идет в неправильном направлении	29,5	20,4

Среди тех, кто состоит в браке, не согласных с типом современного развития России почти на 10 % больше, чем среди тех, кто в браке не состоит.

При этом надо учесть, что состоят сегодня в браке примерно 60 % жителей региона и страны в целом.

Наряду с деструктивными демографическими и социальными тенденциями, осложненным социальным самочувствием, отмечается трансформация семейно-брачных отношений и традиционных ценностей семьи и детей. Наиболее очевидны кризисные явления в современном состоянии института брака.

К примеру, в 2003 г. в России на 1000 жителей было 7,6 браков и 5,5 — разводов. В Сибири ситуация примерно такая же. Например, в НСО на 1000 чел. населения 7,6 браков — 6,1 разводов, Томской области — 5,1 браков и 5,0 разводов. Республике Тыва — 3,8 браков и 1,6 разводов и т. д.

Распадаются чаще всего семьи, в которых остались несовершеннолетние дети. Почти 10 % семей составляют так называемые неполные семьи, где дети воспитываются одним из родителей, как правило, матерью.

Сохраняется практически во всех регионах СФО тенденция роста количества детей, от которых отказались родители. К примеру, в НСО в 2003 г. таких было 213, а в 2004 г. уже — 261. Увеличивается число детей, рожденных вне брака.

Очевидно, следует признать, что семья как основополагающий институт в структуре общества оказалась наиболее чувствительным ко всем реформаторским изменениям, происходящим в России: касается ли это экономического положения или политических ориентаций. И именно поэтому позитивные изменения в положении семьи дадут необходимые ресурсы развитию и России, и региона.

Коснемся еще одного аспекта нашей темы — ухудшения миграционной ситуации в стране. Вследствие изменения внутренних миграционных

потоков в течение 1990-х гг. интенсивно сокращается численность населения северных и восточных регионов России. За 1992—1999 гг. только районы Севера потеряли за счет миграционного оттока более 1 млн чел., или 8,5 % населения.

Сохраняются острыми проблемы внутриперемещенных лиц, связанные с последствиями вооруженных конфликтов на Северном Кавказе. Общая численность граждан, временно покинувших места постоянного проживания и размещенных на территории Чечни и соседних субъектов Российской Федерации, в настоящее время составляет 402 тыс. чел. Неустроенность части вынужденных переселенцев, беженцев и внутриперемещенных лиц из-за отсутствия работы, жилья, средств существования создает социальную напряженность, ведет к возникновению межнациональных конфликтов.

Ограниченный миграционный потенциал этнических русских в государствах — участниках СНГ не позволяет рассчитывать на восполнение этими лицами убывающего населения России. Если в 1991—1995 гг. миграционный прирост населения нашей страны в обмене со странами СНГ и Балтии составлял 2541 тыс. чел., то в 1996—2000 гг. он снизился до 1739 тыс. чел.

Еще один аспект — эмиграция из России, представляющая определенную опасность для национальных интересов страны. Если до середины 1980-х гг. на постоянное жительство за границу ежегодно уезжало 3 тыс. чел., то в 1990 г. это показатель превысил 100 тыс. чел. и на этом уровне удерживается все последующие годы.

Особый ущерб для страны имеет отъезд лиц, имеющих высшее образование и научные степени, поскольку на их обучение и профессиональную подготовку затрачены значительные средства.

Анализ в региональном разрезе миграционной и демографической ситуации позволяет более глубоко представить специфические проблемы наводонаселения, требующие особого подхода к их решению.

Прежде всего, речь идет о районах Севера и приравненных к ним местностях, приграничных районах Дальнего Востока и некоторых субъектах Федерации южной части России. С этих территорий в последние годы происходит интенсивный миграционный отток, там сокращается численность населения, ухудшается его демографическая структура.

В настоящее время на территории Российской Федерации в пяти республиках, краях, 10 областях и восьми автономных округах проживают около 200 тыс. чел., относящихся к 30 коренным малочисленным народам Севера.

О тревожной тенденции в их существовании и развитии свидетельствуют те факты, что из 30 малочисленных народов Севера с 1995 г. сократилась численность 21, наблюдались резкое снижение рождаемости, значительный рост смертности, средняя продолжительность жизни на 10—15 лет ниже, чем в среднем по России. Обозначенные явления говорят об опасности полного исчезновения этих уникальных и самобытных этносов.

К остропроблемным регионам относится и Центральная Россия, где естественная убыль населения настолько велика, что положительный миграционный прирост не компенсирует естественных потерь населения. Демографический потенциал Центра России, особенно его сельских районов, в результате имевшего место многие десятилетия интенсивного оттока и старения населения в значительной мере подорван.

Сформировавшиеся тенденции в области естественного и миграционного движения населения свидетельствуют о неизбежном сокращении числа здесь живущих.

Согласно прогнозу Госкомстата России, население страны к 2016 г. сократится по сравнению с началом 2001 г. на 10,4 млн чел., или на 7,2 %, и составит 134,4 млн чел. Положительный миграционный прирост не компенсирует естественной убыли населения.

При условии сохранения существующих тенденций распределение населения по территории страны претерпит дальнейшие изменения.

Прежде всего, увеличится доля россиян, проживающих в европейской части страны (при сокращении населения северных и восточных территорий). За период с 2001 по 2016 г. численность населения Сибири и Дальнего Востока сократится на 7,6 %, северных и приравненных к ним территорий — на 12,0 %.

Географический сдвиг расселения населения в западном и южном направлении приведет к уменьшению плотности заселения азиатской части России, приграничных регионов, что крайне опасно с точки зрения национальной безопасности и территориальной целостности Российской Федерации.

Процесс геронтизации (старения) населения проявится в ухудшении соотношения возрастных групп моложе и старше трудоспособного возраста. Изменение соотношения в трудовой структуре населения приведет к тому, что численность выходящих за пределы трудоспособного возраста к 2015 г. будет почти в два раза превышать численность вступающих в трудоспособный возраст. В связи со старением населения возникнет опасность дефицита рабочей силы, увеличения социальной нагрузки на трудо-

способное население, повысится нагрузка на систему здравоохранения, обострятся проблемы с выплатами пенсий и социальных пособий.

Все эти демографические проблемы необходимо иметь в виду, когда речь идет о задачах социальной политики в России.

Суммируя же обозначенные вопросы демографического развития, нельзя не заметить, что корень их — в семье. Именно здесь закладываются и реализуются семейные ценности, отношение к здоровью, к детям и оптимальному их числу, к возможной траектории профессиональной и жизненной миграции. Казалось бы, обозначены индивидуальные проблемы, однако за ними просматриваются общественное содержание и роль государства.

4.2. Семейная политика в России: формирование понятия и содержания

Словосочетание «семейная политика» стало активно использоваться в нашей стране в общественно-политической и научной лексике с конца 1980-х гг., когда нарастающая острота демографических и семейно-бытовых проблем (как в Советском Союзе в целом, так и в РСФСР) потребовали новых подходов в работе с семьей.

Подобная работа была начата союзными и российскими структурами власти, попытавшимися отойти от единого стереотипа семейных отношений (не уместного в поликонфессиональном и полиэтническом обществе с разными традициями). В этот период в научных и политических дискуссиях впервые появились идея автономии семьи от государства, идея поддержки государством различных типов семей (независимо от числа детей), идея резкого улучшения условий труда и дифференциации режимов занятости, а также вероятных путей обеспечения равенства возможностей мужчин и женщин с учетом их гендерных ролей.

Одновременно, что очень важно, перед государством (а это было впервые) выдвигалась задача создания адекватной потребностям семьи инфраструктуры социальных учреждений (принципиально новой) с целью удовлетворения потребностей конкретной семьи в консультативной помощи, в деле гармонизации внутрисемейных отношений и воспитания детей.

Создание в 1991 г. Комитета по делам семьи, семейной и демографической политики при Совете министров РСФСР и многоплановая деятельность в нашей стране Национального совета по подготовке и проведению в 1994 г. Международного года семьи (девиз которого «Семья: ресурсы и ответственность в меняющемся мире») также в немалой степени способствовали формированию государственной семейной политики.

Начатая в этот период подготовка государственного доклада «О положении семей в Российской Федерации» (1994), предусматривающего специальный раздел «Государственная семейная политика», позволила привлечь внимание всех ветвей власти и широкой общественности к проблемам российской семьи и содействовала основательному и устойчивому внедрению словосочетания «семейная политика» в научный и политический лексикон.

Таким образом, формирование в России государственной семейной политики уместно датировать концом 1980-х—началом 1990-х гг., хотя предысторию нельзя не видеть в работе с семьей в советский период.

Материальной поддержке семей с детьми, регуляции брачно-семейных отношений, стимулированию рождаемости советским государством уделялось немало внимания.

В 1920-е—первой половине 1930-х гг. подобная политика концентрировалась в основном на помощи городским женщинам, сочетающим материнские обязанности с трудом в общественном производстве.

Со второй половины 1930-х гг. до 1970-х гг. повышенное внимание уделялось поощрению высокой рождаемости и многодетности (из-за необходимости восполнения огромных человеческих потерь в период войны).

В 1970-е—1980-е гг. советское государство прилагало серьезные усилия по преодолению малообеспеченности семей с детьми, поддержке родителей в воспитании детей, что призвано было создавать обстановку поощрения рождаемости.

Перечисленные меры сыграли важную роль в обеспечении социальной защиты материнства и детства, отвечая общественным потребностям и учитывая направленность социальной политики за рубежом (целенаправленность, комплексность и скоординированность семейной политики).

Резкое изменение ситуации в социальной сфере из-за распада Советского Союза и радикальных реформ объективно отодвинуло выработку основных направлений семейной политики, заставив исполнительную и законодательную власть сосредоточиться на оперативных мерах социальной защиты разных групп российского населения, в том числе семей с детьми, и фрагментарном изменении законодательства в социальной сфере вслед за экономическими и политическими изменениями.

В течение 1990-х гг. было немало сделано, чтобы наполнились содержанием новые подходы в работе с семьей, сформулированные в конце 1980—начале 1990-х гг. и доказавшие свою эффективность в зарубежных странах.

В изменившихся политических и экономических условиях в немалой степени произошла переоценка государственной политики в отношении семьи.

Государственное признание ценности семьи, ее роли в общественном развитии и воспитании грядущих поколений нашло свое отражение в Конституции Российской Федерации (ст. 7 и часть 1 ст. 38). Защита семьи, материнства, отцовства в соответствии со ст. 72 Конституции отнесена к совместному ведению Российской Федерации и субъектов Федерации.

Особое значение для формирования идеологии и практики нового понимания семейных отношений и государственной семейной политики имеет Семейный кодекс России, вступивший в действие с 1 марта 2001 г. Его разработка и внедрение в жизнь явилось ощутимым шагом вперед по пути создания правовой системы, поддерживающей российскую семью. Кодекс обеспечивает конкретизацию конституционных положений о семье и соответствие российского законодательства важнейшим международным документам, где сравнительно четко представлено отношение к семье со стороны общества и государства.

К числу новых подходов и особенностей, отражающих произошедшие изменения в обществе, являются:

- приоритет семейного воспитания;
- правовая защита детей от насилия в семье;
- изменения в имущественных правоотношениях супругов;
- введение правовых норм, делающих возможным брачный договор (контракт);
- усиление алиментной ответственности главы семьи;
- защита прав несовершеннолетних и др.

В 1990-е годы были приняты важные меры по законодательному закреплению семейных прав граждан, что проявилось в признании важности пособий на детей, налоговых и других льготах.

Заметно усилилось внимание к проблемам семьи в регионах. Формировались органы власти и сеть учреждений, занимающихся проблемами семьи, женщин, детей, получили развитие программы их социальной защиты, закрепляющие полезный опыт, накопленный в период подготовки и проведения в 1994 г. Международного года семьи.

Все перечисленное в совокупности привело в итоге к принятию в 1996 г. указа президента РФ № 712 «Об основных направлениях государственной семейной политики». Как провозглашено в этом документе, «содержание государственной семейной политики находится в прямой зависимости от социально-экономического положения в стране, ...необходимо

обеспечить преодоление негативных тенденций и стабилизацию положения семьи, а также создание предпосылок для улучшения ее жизнедеятельности в будущем». С учетом сказанного становится понятным, что данный документ включает в себя лишь неотложные мероприятия на переходный период. Поскольку переходный период далек от завершения, а в реформирование вовлекаются все новые сферы (здравоохранение, жилищно-коммунальное хозяйство), положения указа не утрачивают своей актуальности, хотя нуждаются в дополнении с учетом новых реалий и появления для семьи новых рисков — обострение жилищной проблемы, рост наркомании и алкоголизма.

Так что президентский указ от 14 мая 1996 г. остается стратегическим документом в области государственной семейной политики, положения которого конкретизируются в федеральных законах, постановлениях правительства, целевых программах всех уровней. Особое значение президентский указ № 712 имеет силу того, что впервые за последние десятилетия семейная политика получает конкретное правовое определение как «составная часть социальной политики Российской Федерации, представляющая собой целостную систему принципов, оценок и мер организационно-го, экономического и правового характера».

Тем самым словосочетание «семейная политика» наполняется политическим и юридическим смыслом, хотя о точной и окончательной дефиниции «семейной политики» пока говорить преждевременно. Сам характер употребления данного словосочетания, его контекст свидетельствуют о том, что *семейная политика* рассматривается одновременно как область социальной, так и демографической политики.

В зависимости от профессиональных интересов того или иного автора акцент делается на демографических, социальных, культурных, медицинских и других аспектах семейной политики. Из всего многообразия подходов к пониманию категории «семейная политика» правомерно выделить три самых распространенных.

В рамках первого из них речь идет об относительно узкой сфере воздействия на формирование определенных типов или моделей семьи, форм семейного поведения.

В рамках второго реализуется более широкая трактовка семейной политики, включающая условия жизни семей, уровень их благосостояния и социального самочувствия, конкретные типы, модели и формы семейного поведения.

В рамках третьего подхода «семейная политика» воспринимается еще более широко и объемно, включая последствия всех политических и эко-

номических решений, имеющих какое-либо (даже опосредованное) отношение к институту семьи, вольно или невольно оказывающих на него влияние в различных сферах социальной жизни.

Уместно признать, что уровень осмысления семейной тематики в российской науке таков, что большинство наших соотечественников искренне отождествляют семейную политику с социальной защитой семей, оказанием им материальной помощи, хотя это явно упрощенный подход. (См. трактовку семейной политики в энциклопедическом словаре «Народонаселение» (статья «социальная политика»)³.)

Обозначенный подход можно назвать компенсаторным, поскольку речь идет об определенных компенсациях социально уязвимого статуса каких-либо слоев населения.

К сожалению, компенсаторная модель семейной политики (с традиционными представлениями о сути семьи и семейной политики) находит широкое отражение в ряде серьезных политических документов, в частности, в Программе социальных реформ в Российской Федерации на период 1996 — 2000 гг., в плане мероприятий по реализации этой Программы, где все проблемы семейной политики сведены к социальной поддержке семьи, женщин, детей. Раздел же «семейной политики» в упомянутом плане, к сожалению, отсутствует.

Нельзя не признать и распространенность такого мнения, что «семейная политика» — это составная часть демографической или социально-демографической политики⁴, что необоснованно сужает рамки и содержание семейной политики как комплекса разносторонних мер, сводя ее к содействию репродуктивным функциям семьи.

Опираясь на новейшие публикации и прогрессивные изменения в общественной жизни, суть и содержание современной семейной политики, судя по всему, можно представить как систему целенаправленной деятельности российского государства с целью укрепления, развития, защиты институциональных прав и интересов семьи, активизации ее субъектной роли, обеспечения суверенитета и благополучия на основе правового регулирования ее отношений с государством.

Тем самым уместно констатировать, что современное понимание «семейной политики» далеко эволюционировало от имевших место трактовок почти десятилетней давности.

Целью семейной политики является благополучие семьи в широком смысле слова — как материальная обеспеченность и в целом счастливая жизнь.

Таким образом, можно уверенно говорить о социальном самочувствии, об удовлетворенности жизнью, о семейном благополучии как приоритетных критериях общественного развития, а соответственно, проводимых социальных преобразований, хотя иногда можно встретить точку зрения, что целью семейной политики является создание условий для выполнения семьей ее функций, что фактически отождествляет цель со средствами ее достижения.

Государственная семейная политика призвана системно решать задачи укрепления и развития социального института семьи, семейных ценностей, обеспечения прав семьи в процессе общественного развития.

Если говорить конкретно, то речь идет о возможном осуществлении экспертизы принимаемых органами власти решений (с точки зрения их соответствия целям и принципам семейной политики), о создании необходимых базисных условий для реализации семьей своих функций на основе собственной трудовой деятельности и с учетом возможностей формирующейся системы социального обслуживания уязвимых категорий семей.

Разумеется, представление семьи одним из важнейших социальных институтов отражает социологический подход. Государство, конституируя социальный институт семьи в качестве объекта специфической политики, интегрирует его в систему государственной деятельности, воздействуя не на конкретную семью, а на соответствующие общественные отношения, в которые она включена.

Понятно, что в рамках обозначенного подхода главным объектом государственной семейной политики выступает семья как социальный институт, включенный в систему социальных институтов общества.

Восприятие же семьи не как самостоятельного образования и многогранного объекта государственной деятельности, а, например, как малой группы приводит к несогласованности принимаемых мер, к снижению их эффективности, слабо отражая специфические институциональные интересы семьи.

Что касается предмета семейной политики, то приходится вести речь о специфических проблемах семьи, характеризующих ее как социальный институт.

Соответственно, в содержание семейной политики целесообразно включать лишь специфические, институциональные проблемы, которые следует четко отделять от общесоциальных проблем, свойственных всему населению страны, всем индивидуумам, независимо от их принадлежности к семье (поскольку эта масштабная задача решается всем арсеналом средств социальной политики).

Выступая против идентификации семейной политики как узко социальной или только экономической, целесообразно отталкиваться от неправомерности отождествления производственной и социальной сфер, социальной и семейной политики, поскольку семья является первичной ячейкой общества, причем как социальной, так и экономической. Опасность же подчинения социальной политики только экономическим критериям признана в важнейших документах мирового сообщества, в частности, в решениях «Всемирной встречи на высшем уровне в интересах социального развития» (Копенгаген, 1995).

Семейная политика по сравнению с социальной является более узкой, концентрированной на конкретном объекте — социальном институте семьи, защищающем его интересы и права в процессе общественного развития.

Именно семейная политика позволяет выявить специфические проблемы разных категорий семей, найдя им адекватное политическое решение. Исходя из сказанного, отождествление социальной и семейной политик неправомерно, поскольку приводит фактически к отрицанию последней.

Еще один аспект анализа — неуместность государственной монополии в разработке и реализации семейной политики, несмотря на активную роль государства.

Большим потенциалом воздействия обладают и другие субъекты семейной политики, в частности, общественные, благотворительные, религиозные организации и коммерческие структуры, но в этом случае проблемой выступает стимулирование их участия в семейной политике.

Соответственно, семейная политика интегрирует социальный, экономический, демографический аспекты в единое целое, без чего трудно представить развитие социального института семьи.

Его интересы должны максимально учитываться в процессе осуществления основных направлений государственной деятельности, поскольку благодаря семье все население охватывается элементарными ячейками, вбирающими весь спектр макроэкономических и макрополитических проблем.

Поскольку большинство решений властей (в той или иной мере) связаны с жизнедеятельностью семьи, оказывая на нее определенное воздействие, объективно необходим поворот общества и государства в сторону семьи, для постоянного и полного учета ее потребностей при планировании, разработке и реализации социально-экономических программ (как внутри отдельных регионов, так и в рамках всей страны).

Семье, а не только индивиду государство должно бы предоставить качественно новый социальный статус, реальные права, юридические гарантии полноценной жизни, чтобы, соблюдая суверенитет семьи и ее членов,

создать условия для максимально полной реализации ее прав, интересов, субъектной роли.

Семейная политика тем самым приобретет системный характер, наполнившись вполне определенным смыслом и охватывая основные сферы функционирования семьи в обществе.

Таковы суть и специфика широкого понимания семейной политики (в отличие от демографически понимаемой семейной политики, стимулирующей только рождаемость).

Специфика широкого восприятия семейной политики как комплексной и активной заключается в понимании взаимосвязи разных аспектов жизнедеятельности семьи, ее активной субъектной роли.

Тем самым «семейная политика» выступает разветвленным механизмом государственной поддержки семьи, создания условий для ее успешного функционирования и развития в обществе. Соответственно, формулируется задача «свести воедино различные аспекты социальной жизни семьи, зачастую рассматривающиеся порознь, вне связи друг с другом) в единую концепцию семейной политики».⁵

4.3. Тенденции социально-экономического развития русской семьи

Как известно, процессы, протекающие в социальной сфере, являются объектом целенаправленного воздействия всякого государства, т. е. объектом политики.

В центре ее находится семья — в силу индивидуальной и общественной значимости (для человеческого существования, для прочности и стабильности общественной жизни), в силу сложности процессов, протекающих в сфере семейных отношений.

Если на Западе изменения форм семейной жизни и роли семьи в обществе происходило постепенно, эволюционно, то в России — революционно. С 1980 по 1990 г., в частности, количество людей, состоящих в браке (в расчете на 1000 чел. населения) уменьшилось на 1,7 пункта, а с 1990 по 1992 г. — на 1,8, т. е. всего за 2 года сократилось больше, чем за предыдущие 10 лет, причем обозначенный процесс стремительно набирает скорость.⁶

Выступающая в качестве малой группы и социального института семья обеспечивает живущим в ее составе людям экономическую, социальную и физическую безопасность, заботу о малолетних, престарелых и больных, условия для социализации входящего в жизнь поколения,

объединяя всех близких людей чувством любви, семейной общности, эмоциональной близости.

Рассматривая современную российскую семью в качестве объекта социальной политики, сконцентрируемся, во-первых, на обсуждении разных типов семей, а во-вторых, на экономических проблемах семьи (что правомерно рассматривать одним из условий и следствий какой-либо типологизации).

В нашей стране насчитывается свыше 40 млн семей. Преобладающим сегодня типом семьи является простая нуклеарная (от лат. «нуклеус» — ядро) семья, состоящая из одной пары супругов с детьми или без детей. Такие семьи составляют 67 % семей в структуре населения Российской Федерации и делятся примерно поровну на три части:

- без детей (молодые семьи, еще не успевшие обзавестись потомством, или же пожилые семьи с уже отделившимися взрослыми детьми);
- с одним ребенком;
- с двумя детьми.

Преобладание нуклеарных семей является результатом достаточно устойчивого и длительного процесса, вызванного увеличением подвижности населения и массовой урбанизацией, развертыванием жилищного строительства и эмансипацией взрослых детей от традиционной власти родительского авторитета. Эти экономические и социальные изменения нескольких десятилетий привели к формированию устойчивой психологической установки на обустройство жизни отдельно от родителей, хотя помощь родителей взрослые дети принимают без душевного протеста и весьма приветствуют.

Второе по численности место занимают неполные семьи — один из родителей с детьми. Таких семей в общей структуре примерно 13 %. Неполная семья может возникнуть либо в результате развода, либо в результате овдовения, либо при рождении ребенка у одинокой женщины.

Если под одной крышей проживают две супружеские пары или более, например взрослые дети и внуки, то речь идет о расширенной (многопоколенной) семье. Их в нашей стране примерно 3 %. Еще 12 % супружеских пар живут с одним из родителей кого-либо из супругов или с другими родственниками, что тоже может считаться сложной семьей.

Представленная типология используется при подготовке и проведении всероссийских переписей населения. В ее основу положены такие критерии, как, во-первых, брачное состояние, во-вторых, родственные связи, в-третьих, наличие детей.

Для формирования и реализации государственной семейной политики типология семей выстраивается по иному основанию — риску социальной уязвимости и потребности в поддержке государства (в возможных ситуациях социального затруднения).

При таком подходе на первый план выдвигается семья работников бюджетной сферы с малолетними детьми в возрасте до 3-х лет.

Подобных семей к концу 1990-х гг. насчитывалось примерно 6 млн.

В трудных социально-экономических условиях находилась и семья с одним кормильцем, т. е. неполная семья, в абсолютном большинстве случаев представленная одинокими матерями. Таких семей в нашей стране насчитывалось около 2 млн.

Не меньшие трудности испытывали и многодетные семьи (7 %) с объективно ограниченными материальными возможностями. Несмотря на то, что в последнее десятилетие произошло уменьшение их числа примерно до 2 млн, они находятся в центре постоянного внимания российского государства.

Еще одна категория семей, объективно нуждающихся в государственной помощи, — это семьи с родителями-инвалидами и семьи с детьми-инвалидами. Причем, если в начале 1990-х гг. число подобных семей составляло примерно 300 тыс., то в начале XXI в. — уже около 500 тыс.

Нуждались в государственной поддержке и семьи, взявшие детей под опеку и попечительство. Сейчас в нашей стране их свыше 300 тыс.

В числе нуждающихся в помощи государства целесообразно указать и семьи, в которых один из родителей уклоняется от уплаты алиментов, а таких семей в стране более 1 млн.

В особом положении находятся студенческие семьи с детьми, из-за отсутствия должной государственной помощи являющиеся в большинстве случаев иждивенцами своих родителей.

Помимо того, к категории семей, нуждающихся в материальной помощи государства, приходится относить и семьи вынужденных переселенцев и беженцев. Число их составляет свыше 400 тыс. Еще одна категория семей, нуждающихся в поддержке, — это семьи безработных, имеющих несовершеннолетних детей. Особое беспокойство государственных органов и общественности вызывают девиантные семьи, включающие в себя алкоголиков, наркоманов, преступников.

Согласно данным МВД, в 30 % неблагополучных семей систематически злоупотребляют спиртными напитками, в 40 % устраивают скандалы, ведут антиобщественный образ жизни.

Выборочное криминологическое обследование показало, что 37 % подростков, имеющих приводы в милицию, — из неблагополучных семей, где уже есть судимые за совершенные преступления.⁷

Так можно кратко охарактеризовать основные типы российских семей, нуждающихся в государственной поддержке.

Помимо состава семей важным фактором типологизации выступает их экономический потенциал.

Как показывают результаты социологических и статистических исследований, в результате непродуманных реформ в российском обществе произошло фантастически резкое социально-экономическое расслоение, когда на одном полюсе стали находиться 35 % бедняков, включая 10 % нищих, а на другом — 10 % выигравших от проводимых экономических преобразований, в состав которых вошли примерно 3—5 % очень богатых людей.

Российское общество практически перешагнуло допустимый предел имущественной дифференциации, выраженной децильным разрывом, составляющим 27 единиц — при максимально допустимом значении показателя социальной стабильности, равном 10.

Дестабилизацию общества и огромную полярность характеризует тот факт, что за чертой бедности оказались не только традиционно уязвимые семьи (многодетные, неполные, семьи инвалидов), но и семьи, ранее считавшиеся благополучными, в частности, семьи с одним или двумя детьми и супругами, работающими в сферах образования, здравоохранения и других бюджетных отраслях.

Среди малообеспеченных (бедных) семей 41 % составляли семьи с пенсионерами, треть — семьи с относительно большим количеством иждивенцев, более пятой части — неполные семьи. Это принципиально различалось с ситуацией 1990-х гг., когда социально-экономический потенциал российской семьи характеризовался сближением материального положения абсолютного большинства семей на относительно невысоком уровне и дифференциация населения по уровню денежного душевого дохода к началу реформ не превышала среди крайних децильных групп 3—4 раз (вследствие проводимой в 1970—1980-е гг. государственной политики, направленной на повышение уровня жизни наименее обеспеченного населения, что привело к снижению доли расходов на питание в общих расходах населения: 1980 г. — 35 %, 1985 г. — 33 %, 1990 г. — 28 %).⁸ Этот показатель уровня жизни был вполне сопоставим с наиболее развитыми странами мира.

В результате фундаментальных преобразований, происшедших в 1990-е гг., отдельные тенденции в развитии института семьи усилились,

другие существенно замедлили свои темпы, третьи претерпели качественное изменение.

Тенденция сближения уровня жизни семей сменилась на диаметрально противоположную. Дифференциация семей по уровню материальной обеспеченности возросла с 3 до 13 раз и более. По данным бюджетного обследования Госкомстата России, в 2000 г. 10 % наиболее обеспеченного населения обладали 26,6 % всех располагаемых ресурсов, тогда как на долю 50 % населения, относящегося к 1—5 децилю, приходилось 25 % общего фонда располагаемых ресурсов.

Глубокое расслоение семей по уровню материальной обеспеченности привело к возникновению отдельных разнонаправленных тенденций развития среди мало- и высокообеспеченных групп семей.

Обвальное падение уровня жизни большинства населения предопределило возникновение тенденции укрепления родственных отношений вплоть до процесса ренуклеаризации семей. Именно семья стала тем социальным институтом, который позволил вступающему в жизнь новому поколению общества пережить негативные последствия радикальных преобразований и способствовал его более или менее приемлемой адаптации к качественно новым условиям жизни.

По переписи 1989 г., двухпоколенные (расширенные) семьи составляли 18 % всех семей, по микропереписи 1994 г., — 22 %. В наиболее развитых регионах (Москва, Санкт-Петербург, Московская область) доля расширенных семей, по оценкам, еще выше. Даже после образования собственной семьи многие из молодых людей вынуждены жить совместно с родителями. В этом случае, как правило, на удовлетворение жизненно важных потребностей такой расширенной семьи (питание, квартирная плата и т. д.) используются доходы родителей, а доходы молодоженов направляются на удовлетворение их личных потребностей.

Заметно усилилась и разнообразилась помощь со стороны родителей своим уже взрослым детям. На появившиеся в связи с процессами становления рынка труда проблемы трудоустройства молодежи семья отреагировала резким усилением направления своих окончивших школу детей в высшие и средние профессиональные учебные заведения, несмотря на весьма высокие материальные расходы, связанные с учебой. В 1990-е гг. численность студентов высших учебных заведений увеличилась в 1,4 раза.

Даже отделение молодой семьи от родительской во многих случаях не прекращает материальной помощи со стороны родителей. В проведенном ВЦУЖ в Москве социологическом опросе 88 % учащихся, 76,3 % работающих, 70 % ищущих работу молодых людей проживали совместно с роди-

телями. Каждый седьмой молодой человек, живущий отдельно от родителей, получал от них материальную помощь, в том числе каждый четвертый учащийся и каждый двадцатый работающий.

Проведенные нами социологические исследования дают основание утверждать о стремлении родителей обеспечить своим детям лучшие условия жизни даже за счет ограничения собственных потребностей. В ходе опросов выявилось, что молодые семьи лучше обеспечены товарами длительного пользования, чем семьи их родителей, несмотря на то, что доходы родителей, как правило, существенно выше доходов молодоженов.

Вместе с тем и многие молодые люди оказались вынужденными оставлять учебные заведения и начинать зарабатывать деньги намного раньше, чем это делали их сверстники в 1980-е гг., чтобы обеспечить более или менее приемлемый уровень и качество жизни, а нередко и саму возможность выжить себе и своим родителям.

Возможно, что тенденция ренуклеаризации сохранится в обозримом будущем для бедных и недостаточно обеспеченных семей, находящихся в так называемом базовом слое общества.

В 1990-е гг. реальные доходы населения снизились практически вдвое относительно дореформенного периода. За чертой прожиточного минимума на протяжении ушедшего десятилетия постоянно находилось от 30 до 50 млн чел. Сразу после «дефолта» 1998 г. даже по данным Госкомстата России численность бедных, которых вновь начали стыдливо называть малообеспеченными, составила 44 млн чел.

Несмотря на позитивную динамику экономических показателей в 2000 и 2001 гг. бедность по-прежнему остается масштабной. В 2000 г. за чертой бедности находилось 44 млн чел. В первом полугодии 2001 г. — 47,2 млн человек. Правда, к 2007 г., по данным официальной статистики, их число сократилось почти вдвое. Но в этой связи встает проблема, насколько устойчивой окажется эта динамика.

Доля бедных среди семей с детьми составляла в конце ушедшего десятилетия около 60 %, а четвертая часть таких семей находилась в состоянии крайней бедности, т. е. с доходами вдвое ниже величины прожиточного минимума. Сегодняшние данные позволяют утверждать, что число последних не сократилось, хотя общее число семей с детьми за порогом бедности уменьшилось до 50 %.

Среднедушевые доходы свыше половины семей, имеющих не более 2-х детей, в 1990-е годы не превышали прожиточного минимума, который по своему стоимостному выражению был вдвое меньше минимального потребительского бюджета дореформенного периода. Согласно бюджетным

обследованиям Госкомстата России, в 1999 году у 62,2 % семей, в 2000 г. — у 51,8 % таких семей доходы были ниже прожиточного минимума, а в 2005 — у 46,1 %.

Существенно ухудшилось как в количественном, так и в качественном отношении потребление продуктов питания. Общая калорийность питания сократилась с 3350 килокалорий в день в 1990 г. до 2400 килокалорий в день в 2000 г., что фактически соответствует ежедневной энергетической ценности продовольственной корзины нового прожиточного минимума — 2360 килокалорий в сутки.

Почти вдвое сократилось потребление молочных продуктов. Заметно сжалось потребление мясопродуктов, яиц, фруктов и ягод. Возросло потребление хлеба и хлебопродуктов, хотя обеспеченность населения предметами бытовой техники, теле-, радиоаппаратурой и транспортными средствами в 1990-е гг. и последующие росла более высокими темпами, чем в 1980-е (особенно престижными предметами — компьютерами и легковыми автомобилями).

Обеспеченность сельского населения предметами длительного пользования в 1980—2005 гг. росла более высокими темпами, чем городского. Относительно быстрее увеличивалось в сельских семьях количество автомобилей, магнитофонов, пылесосов.

Однако обеспеченность предметами длительного пользования в селе остается по-прежнему заметно ниже, чем в городах. Здесь в каждой второй семье нет магнитофона, в каждой третьей — электропылесоса. Легковых автомобилей в селе хотя и относительно больше, но, как правило, они по своему качеству существенно уступают автомобилям городских жителей. В 1990-е и последующие годы доля городских домохозяйств, имеющих легковые автомобили, растет более высокими темпами, чем в сельской местности, в связи с прекращением государственной политики их распределения и более низким уровнем жизни сельского населения.

Таким образом, переходный период оказал и оказывает на семью далеко не однозначное влияние. Несмотря на достигнутые в последние годы некоторые успехи в экономической сфере, отдельные негативные тенденции в изменении социально-экономического потенциала семьи, такие как масштабная бедность, состояние здоровья детей и родителей, криминализация части семей, продолжают нести в себе угрозу для устойчивого развития общества. Возобновившиеся или появившиеся новые положительные тенденции в укреплении потенциала семьи пока еще неустойчивы, противоречивы, недостаточно явственны.

Имеющийся социально-экономический потенциал семьи позволяет рассматривать перспективы этого основного социального института общества скорее в оптимистическом, нежели в пессимистическом плане. Однако не следует и преувеличивать этот потенциал.

Довольно высокий уровень образования экономически активного населения при наличии рабочих мест с низкой оплатой труда в целом ряде отраслей экономики, не требующих высокого уровня образования работников, вряд ли приведет к высокой эффективности и производительности труда работающих.

Взросшая обеспеченность семей предметами долговременного пользования во многих семьях в значительной степени достигнута не за счет высоких доходов, а в результате экономии на других, не менее важных расходах, в том числе на питание и здоровье, с целью достижения новых стандартов уровня жизни. Сохранение масштабной бедности в семьях с детьми и другими иждивенцами продолжает, хотя и в несколько ослабленной форме, таить в себе угрозу устойчивому социальному развитию общества.

Крайне негативным фактором является и криминализация части семей (количество осужденных за 1990-е гг. выросло в 1,6 раза). В условиях высокого уровня преступности и крайне слабой правовой защищенности человека многие люди уходят в семью как в единственно безопасное и надежное прибежище: неформальная экономика, в которую, по оценкам, в той или иной мере вовлечено почти половина занятого населения, во многих случаях является семейной.

Таким образом, социально-экономическое положение российской семьи, выступая серьезным фактором ее типологизации, задает необходимые ориентиры для государственной семейной политики.

4.4. Региональная семейная политика и проблемы ее реализации

Дифференциация российских регионов по уровню жизни, рождаемости, социокультурным традициям обуславливает специфичность содержания и форм государственной семейной политики.

Одним из первых субъектов Федерации в нашей стране, в рамках которого работа с семьей стала одним из главных политических приоритетов, оказалась в первой половине 1990-х гг. Псковская область.

В итоге выполненной в рамках объявленного в 1994 г. ООН Международного года «Семья: ресурсы и ответственность в изменяющемся мире» работы был создан необходимый творческий и организационный задел, вылившийся в итоге в крупную межрегиональную научно-практическую

конференцию, посвященную широкому кругу вопросов, раскрывающих механизм формирования и реализации региональной семейной политики.

На основе подготовленных и апробированных рекомендаций в Пскове была принята областная целевая программа «Семейная политика». Этот первый опыт был в дальнейшем активно использован, дополнен и обогащен в других российских территориях: Московской, Омской и Иркутской областях, Краснодарском и Алтайском краях.

В Санкт-Петербурге с учетом серьезных научных разработок и местной специфики пришли к целесообразности интеграции молодежной и семейной политики. В рамках единого подразделения мэрии Санкт-Петербурга — комитета по делам семьи, детства и молодежи в 1998 г. была разработана и принята городская целевая социальная программа «Семейная политика. Социальная защита семьи и детства в Санкт-Петербурге в 1998—1999 гг.».

Ее цели заключались в социальной поддержке здоровой семьи, в социальной помощи проблемной семье, социальной защите детей, оказавшихся в кризисной ситуации.

Исходя из этого, определялись и основные направления деятельности.

1. Укрепление семьи, профилактика деструктивных тенденций, социальная защита кризисных, неполных, многодетных и малообеспеченных семей.
2. Защита прав и интересов детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.
3. Развитие системы профилактики безнадзорности.
4. Правовое и научно-информационное обеспечение реализации программы.

Нельзя не отметить, что с учетом пограничного статуса Санкт-Петербурга важная роль в программе отводилась социальной работе с несовершеннолетними и их семьями, созданию правовой базы для активного вмешательства социальных служб в жизнь неблагополучных семей (в интересах детей), развитию сети центров педагогической реабилитации.

Из-за меняющейся структуры детской беспризорности и безнадзорности предусматривалось изменение характера работы сети медико-социальных учреждений, в частности, их интеграция в единое государственное учреждение «Городской центр по работе с детьми, подростками и молодежью» (с девятью межрайонными филиалами, тремя стационарными детскими оздоровительными лагерями, пятью специализированными службами массовых мероприятий по оздоровительной работе, работе со студентами, уличной социальной работе, а также опытно-экспериментальной лабо-

раторией, информационно-аналитическим отделом и отделом подростковых клубов). Подобное объединение способствовало рациональному использованию бюджетных средств, необходимой централизации в работе с данными категориями населения.

Не приходится отрицать, что санкт-петербургский опыт специфичен в силу многих известных причин, поэтому заслуживает внимания практика других, более типичных, российских регионов. Например, в работе с молодой семьей.

К настоящему времени в российских регионах только в рамках подразделений по делам молодежи действует более 500 центров и клубов «молодая семья», оказывающих разнообразные услуги молодым супругам.

В республиках Бурятия и Татарстан, в Кировской и Кемеровской областях проводилась определенная работа по оказанию экономической помощи молодым семьям (через возможности семейных бизнес-инкубаторов, содействие занятости, решение жилищных вопросов). В частности, популярностью молодых супругов пользовался в Кирове семейный бизнес-инкубатор «Домострой-2», где молодые супруги, готовящиеся к предпринимательской деятельности, могли получить разнообразную информацию и воспользоваться необходимым офисным оборудованием.⁹

В г. Казань много делается «службой семейного консультирования» (при столичном дворце бракосочетания) по подготовке юношей и девушек к семейной жизни.

Опыт перечисленных регионов представляется интересным, прежде всего, в силу возможного повторения апробированных технологий. Однако для понимания слагаемых успеха необходимо подробное рассмотрение формирующейся и реализующейся семейной политики на примере одного из типичных российских регионов. Обратимся к опыту работы с семьей в Новосибирской области.

Здесь проживает свыше 700 тыс. семей, 59 % которых составляли семьи с детьми (причем половина — с одним ребенком), 7 % — многодетные семьи, 55 % — неполные семьи. Согласно официальной статистике, в области ежегодно меняли свой семейный статус 1,1 % жителей (около 30 тыс. человек).¹⁰

Судя по всему, к достоинствам и специфике новосибирского опыта правомерно отнести важные элементы социально-управленческого механизма, позволяющего полно и компетентно осуществлять семейную политику.

Речь идет, во-первых, о создании областного координационного совета по вопросам семьи, женщин и детей при главе администрации Новосибирской области.

Во-вторых, о ежегодной подготовке и публикации комплексного и многоаспектного доклада «О положении детей в Новосибирской области».

В-третьих, о разработке проекта экспериментальной программы по внедрению системы микрокредитования семей, находящихся в состоянии крайней бедности. (С ориентацией на взаимную адаптацию семьи и экономики. Аналоги предполагаемой работы в других российских регионах пока отсутствуют.)

Нами обозначены лишь некоторые, но показательные особенности в работе с семьей в Новосибирской области. За всем этим — сложная и многогранная деятельность многих десятков и сотен людей, позволяющая постоянно вести работу с целями семейной политики, формами ее реализации. Благодаря проводимой с середины 1990-х гг. конкретной работе периодически анализируются цели и содержание семейной политики, вносятся необходимые коррективы в механизм ее реализации на уровне области и территориальных образований. Формой воплощения этой интеллектуальной деятельности выступают, в том числе, научно-практические конференции. Организованная в 1995 г. управлением социальной защиты населения администрации Новосибирской области межрегиональная конференция «Стратегия семейной политики: постановка проблемы и пути решения» всесторонне рассмотрела проект концепции и цели работы с семьей в транзитном социуме, представив (после обсуждения подготовленных рекомендаций представителями 14 российских регионов) их в федеральные органы власти, что в дальнейшем нашло отражение в соответствующих документах утвержденных президентом России в 1996 г.¹¹

С 1995 г. в основных направлениях социальной политики администрации Новосибирской области выделяется раздел «Семейная политика» для обеспечения целенаправленной деятельности органов власти и общественных организаций в работе с семьей. Отличительной особенностью семейной политики, реализуемой со второй половины 1990-х гг. в Новосибирской области, стал перенос центра тяжести (в системе социальной помощи семье) с денежных выплат на оказание прямых социальных услуг.

«Социальное обслуживание» как относительно новый для России вид семейной помощи стал серьезным направлением деятельности органов власти областного и муниципального уровней. К настоящему дню можно утверждать, что в области сформировалась двухуровневая сеть специализированных учреждений, оказывающих поддержку нуждающимся категориям семей (в том числе индивидуально) в решении социально-психологических, правовых, медицинских, и социально-бытовых проблем.

Что результаты работы в данном направлении заметны не только в самой области, но и за ее пределами, признавалось в ноябре 1997 г. участниками межрегиональной научно-практической конференции «Социальная работа: опыт, поиск, перспективы», проводившейся с участием Министерства труда и социального развития РФ, а также представителей 11 регионов страны.

Речь шла о том, что в Новосибирской области сформировалась система социальной защиты семьи, которая может быть отнесена к одной из самых развитых в России.¹² Как и во многих субъектах Федерации, в развитии сети учреждений социального обслуживания семьи и детей здесь осуществляется комплексный подход, поэтому получили развитие практически все типы социально-реабилитационных учреждений (кроме кризисных центров для мужчин). На областном уровне данная система была представлена 16 профилированными учреждениями, являющимися, кроме того, базой для отработки новых социальных технологий (центр срочной социальной помощи, геронтологический центр, дом милосердия, центр медико-социальной и психологической помощи семьям с детьми, реабилитационный центр для детей и подростков с ограниченными возможностями, два социальных приюта для детей и подростков и другие).

Рост потребности семьи и детей в профессиональной социальной помощи и увеличение расходов областного бюджета на содержание областных учреждений социального обслуживания семьи и детей системы социальной защиты населения явился главным фактором, определившим положительную динамику социального обслуживания (если в 1998 г. финансирование упомянутых учреждений составило 23,365 млн руб., в 1999 — 28,377 млн руб., то в 2000 г. — 32,0 млн руб.).¹³ Тем самым были заданы финансово-экономические условия для количественного и качественного улучшения деятельности данной сети учреждений.

К началу 2001 г. в Новосибирской области действовало 58 учреждений социального обслуживания (в том числе восемь областных, 50 районных, городских), что несколько превышало соответствующие показатели предыдущего года и характеризовало позитивную динамику второй половины 1990-х гг.: фактически в среднем за год возникало пять учреждений.

Примечательно, что в этот период все большее распространение получали учреждения и отделения социальной помощи семье и детям, способные оказывать комплекс различных социальных услуг (причем действующие на районном и городском уровнях).

На языке статистики обозначенные тенденции роста выглядят следующим образом:

За период с 1995 по 2002 г. число семей, обратившихся в учреждения социального обслуживания семьи и детей, увеличилось в 13,3 раза, детей — в 14 раз, совокупной численности клиентов — в 16,8 раза. Еще больший рост числа обслуженных (как по количеству человек и семей, так и по числу несовершеннолетних) произошел в 1998—2002 гг., что вызвано высоким спросом на помощи и услуги центра социального обслуживания, активным созданием (в городах областного подчинения и райцентрах Новосибирской области) подобных учреждений.

С увеличением сети социального обслуживания семьи и детей прослеживается тенденция роста объема предоставляемых социальных услуг. Характеризуя структуру оказанной социально-медицинской и психологической помощи, отметим значительный рост таких ее видов, как, социально-медицинская, психолого-педагогическая и особенно (в 7 раз) социально-правовая, что, судя по всему, отражает более полный учет потребностей социально уязвимых групп населения.

Примером конкурентных форм деятельности может служить работа двух медико-социальных учреждений: территориального центра социальной помощи семье и детям г. Бердск Новосибирской области и Новосибирского областного реабилитационного центра для детей и подростков с ограниченными возможностями.¹⁴

Отличительной особенностью работы первого из упомянутых учреждений являлось активное использование проектного метода деятельности в работе с семьями.

С учетом потребностей разных групп населения поиск источников финансирования осуществлялся далеко за рамками бюджетных ресурсов этого небольшого города (благо, что конкурсы сегодня организуют не только зарубежные благотворительные фонды, но и федеральные органы власти, например, Минсоцзащиты и департамент молодежной политики Минобрнауки).

На базе центра создан и регулярно действовал координационный совет по проблемам семьи, в состав которого вошли председатель профильного комитета территориального совета депутатов, руководители подразделений администрации города, представители некоммерческих негосударственных организаций. Благодаря активной и целенаправленной деятельности руководства центра за 1999—2002 гг. почти в 3 раза выросли обращаемость за консультациями к специалистам и посещаемость мероприятий, проводимых в данном центре. Существенно расширился перечень категорий населения, обращающихся за помощью (жены офицеров, проходящих службу в местном гарнизоне, солдатские матери, вдовы участников ло-

кальных военных конфликтов, женщины, подвергшиеся насилию в семье, и женщины в период развода, несовершеннолетние родители и др.).

Профилактика деструктивности семейных отношений через формирование здорового образа жизни, правовой культуры, взаимоуважения всех членов семьи, воспитания ответственного материнства и отцовства содействовали в итоге раскрытию потенциала семьи и гармонизации семейных отношений.

Переходя к опыту работы областного реабилитационного центра для детей и подростков с ограниченными возможностями, отметим, что одним из важных направлений в его деятельности было внедрение и апробация новых реабилитационных технологий (подобных использованию «сенсорной» комнаты, светолечения, метода кондуктивной терапии и восстановительного лечения с помощью динамической коррекции, включающих применение самых современных технических средств, магнито-инфракрасных, лазерных аппаратов и тренажеров, известных пока в кругу «светил медицинской науки и практики»).

Анализ результатов применения инновационных реабилитационных технологий показал, что, вне зависимости от тяжести основного заболевания, все дети после пребывания в центре получали навыки самообслуживания, умения ориентироваться в окружающей обстановке, т. е. обретали возможность полноценной интеграции в общество.

Интересной находкой специалистов центра являлась разработка социальных карт по организации социального патронирования семей с детьми-инвалидами. Для родителей детей, получивших реабилитационную карту, центром разработаны и переданы рекомендации по реабилитации в домашних условиях.

На базе данного центра регулярно бывали на практических занятиях студенты медицинского и педагогического университетов, преподаватели кафедры управления и основ экономики Новосибирского института повышения квалификации и переподготовки работников образования, при участии которой уже и реализовывалась инновационная программа комплексной социальной реабилитации ребенка-инвалида.

В течение многих лет центр подтверждал статус опорно-экспериментального учреждения Министерства труда и социального развития Российской Федерации. С 1999 г. на его базе были организованы курсы повышения квалификации руководителей и специалистов реабилитационных учреждений всего Сибирского региона.

Здесь уместно отметить, что благодаря активности медико-социальных центров начинает формироваться позитивное общественное мнение в отношении к людям, имеющим отклонения в физическом здоровье.

Этому способствуют, в том числе, проводимые при поддержке органов власти Новосибирской области спартакиады инвалидов, проживающих в психоневрологических интернатах, фестивали творчества детей-инвалидов.

В течение последних 10 лет упомянутые фестивали проводятся теперь уже департаментом труда и социального развития администрации области в рамках декады инвалидов. Обозначились качественно новые подходы к их организации. Фестиваль начинается в городах и селах, лучшие юные артисты направляются на зональные фестивали или творческие смены, проводимые в период школьных каникул в местных оздоровительных центрах.

Для победителей, прошедших строгий конкурсный отбор, организуются заезд в один из детских оздоровительных центров области во время новогодних каникул, они становятся участниками заключительного областного фестиваля и гала-концерта. Ежегодно растет круг участников фестиваля и профессионализм юных артистов.

Еще одной эффективной формой реабилитации является вовлечение детей с ограниченными возможностями в спортивную жизнь. С этой целью областные учреждения системы социальной защиты населения оснащаются спортивным инвентарем и оборудованием, ежегодно организуют зимние и летние спартакиады, в которых наряду со взрослыми инвалидами принимают участие дети.

Главный результат реабилитации — позитивные изменения в динамике развития детей с ограниченными возможностями и появление у родителей возможности выбора — отдать ребенка в интернат или продолжать воспитывать его в семье при поддержке специалистов, когда даже непродолжительный курс реабилитации дает ребенку толчок к интенсивному развитию навыков самостоятельной жизни, овладению основами самореабилитации в домашних условиях.

Еще одна отличительная особенность новосибирского опыта разработки и реализации семейной политики — это создание семейных воспитательных групп при специализированных учреждениях для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной реабилитации.

Семейная воспитательная группа как организационно-социализирующая модель нового типа ориентирована на обеспечение условий воспитания ребенка, оптимальных для его социальной адаптации и социально-психологической реабилитации. Несовершеннолетние, находящиеся в семейной группе, остаются воспитанниками медико-социального учреждения, но воспитываются в условиях семьи, получая примеры и навыки семейного поведения.

На начало 2000 г. в 16 семейных воспитательных группах областного центра помощи детям, оставшимся без попечения родителей, и областного комплексного центра социальной реабилитации несовершеннолетних «Надежда» проживало свыше трех десятков детей в возрасте от 4 до 14 лет, в основном по два-три ребенка в каждой.

При формировании групп учитывались родственные признаки и прежнее место жительства ребенка (город или село). При создании семейных воспитательных групп предполагалось, что воспитанники впоследствии будут определены под опеку или попечительство. Подбор воспитателей в семейные группы проводился с учетом соответствия личностных качеств кандидата определенным требованиям и его психологической совместимости с воспитанником. Передача ребенка (детей) в группу осуществлялась только с согласия ребенка. После открытия семейной группы с воспитателями заключался трудовой договор и выплачивалась заработная плата из расчета одна ставка при наличии в группе трех детей.

Воспитатель семейной группы отвечает за здоровье, развитие и обучение несовершеннолетнего. Дети из семейной группы обеспечивались питанием, медикаментами, одеждой, обувью и другими предметами вещевого довольствия в соответствии с нормами, установленными законодательством РФ для воспитанников учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Соответствующие специалисты систематически контролировали условия проживания, воспитания, развития и состояния здоровья воспитанника, а также выполнение воспитателем семейной группы рекомендаций специалистов и своих обязанностей по отношению к ребенку.

Экономический эффект при создании семейной воспитательной группы получается достаточно значительным: содержание воспитанника в учреждении интернатного типа составляло тогда 2,5—3 тысячи рублей в месяц, в условиях семейной воспитательной группы — 1,5 тысячи рублей в месяц. Кроме этого, новая форма организации жизнедеятельности детей оказывало положительное влияние на их психическое и эмоциональное развитие.

Таким образом, новосибирский опыт, включающий в себя как общее, так и особенное, крайне интересен и многообразен.

Изучение его (как и опыта других регионов) позволяет более объемно и рельефно представить тенденции развития российской семьи, направления и формы ее государственной поддержки.

4.5. Разработка семейной политики в новых условиях развития России

В разработке и реализации семейной политики первостепенное значение имеет наука. Учеными разрабатываются исходные представления об институте семьи, его статусе и специфике, назначении и роли в обществе. Выработанные наукой представления тиражируются системой образования через механизм учебного процесса в общественное сознание, обеспечивая, в частности, формирование профессиональной компетентности будущих и настоящих работников федеральных органов, региональных и местных администраций, персонала медико-социальных учреждений по работе с семьей и других категорий специалистов. Сформулированные теоретические концепции и модели становятся основой разработки и реализации государственных программ по работе с семьей и в целом государственной семейной политики.

Исследования общественного мнения, позволяющие учитывать сформированность семейных ценностей, структуру социальных потребностей разных категорий семей, позитивные и негативные факторы, влияющие на реализацию в разных регионах России семейной политики также имеют серьезное значение.

Опираясь на большую совокупность статистических и социологических исследований современной российской семьи, можно сделать некоторые обобщения.

Прежде всего, следует констатировать, что, несмотря на происшедшие в 1990-е гг. серьезные преобразования социальной сферы, удалось сохранить такой важный элемент государственной семейной политики, как учреждения дошкольного воспитания и охват их деятельностью детей в возрасте от года до 6 лет (54—56 % — на одном уровне в течение десятилетия). В немалой степени этому способствовал мораторий на приватизацию детских образовательных учреждений, действовавший в период массовой приватизации и предусматривавший их перевод в государственную или муниципальную собственность.

В 2000 г., по данным департамента по делам детей, женщин и семьи Минтруда России, работала 51 тыс. дошкольных образовательных учреждений (посещаемых 4 млн детей)¹⁵, 80 % которых находились в муниципальной собственности.

Действует норма, в соответствии с которой плата, взимаемая с родителей за содержание ребенка в детском образовательном учреждении, не мо-

жет превышать 20 % стоимости его содержания (независимо от ведомственной принадлежности учреждения).

Для семей с тремя и более детьми оплата не превышает 10 %, с семей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья, плата не взимается.

Несмотря на распространенное мнение о развале в 1990-е гг. досуговых учреждений для детей, на начало 2001 г. в стране действовало 18 тыс. учреждений дополнительного образования, находящихся в компетенции органов образования, культуры, спорта, органов по делам молодежи. Только по линии Министерства образования России в 9 тыс. таких учреждений занималось 8 млн детей художественным и техническим творчеством, туристской, краеведческой и эколого-биологической деятельностью, физкультурой и спортом. В целом же охват дополнительным образованием составил 46 % учащихся.

Заметный успех был достигнут к концу 1990-х гг. и в деле организации летнего отдыха детей. Начиная с 1999 г., таким отдыхом и оздоровлением было охвачено больше детей, чем в дореформенный период. Значительно возрос объем средств, ежегодно выделяемых из федерального бюджета на оздоровительную кампанию детей и подростков.

В 2001 г. при запланированных из федерального бюджета на эти цели 600 млн руб. фактически было выделено почти в 2 раза больше, что позволило включить в орбиту организованных форм досуга этой категории населения 10 млн человек, создало предпосылки для круглогодичного отдыха и оздоровления детей и подростков, сохранения на доступном для родителей уровне стоимости путевок.

Правительством ежегодно утверждается программа государственных гарантий обеспечения граждан медицинской помощью, предоставляемой населению бесплатно (за счет средств бюджетов разного уровня, средств обязательного социального страхования и других поступлений). В целях совершенствования медицинской помощи и обеспечения ее качества утверждены стандарты и протоколы оказания медицинской помощи детям, включающие при заболеваниях объемы помощи не только в поликлинике и стационаре, но и при диспансеризации здорового и больного ребенка. Разработаны и утверждены стандарты акушерско-гинекологической помощи женщинам.

В целях обеспечения доступности дорогостоящих (высокотехнологичных) видов медицинской помощи женщинам и детям Министерством здравоохранения и социального развития России ежегодно утверждается порядок приема больных в медицинские учреждения федерального подчинения.

Реализуется федеральная целевая программа «Предупреждение и борьба с заболеваниями социального характера 2001—2006 гг.», направленная на снижение заболеваемости, инвалидизации и смертности населения, стабилизацию эпидемиологической ситуации, вызываемой заболеваниями социального характера, такими как туберкулез, ВИЧ-СПИД-инфекция и другие. Благодаря последовательным мерам за последние годы несколько удалось улучшить основные качественные показатели состояния здоровья женщин и детей. Важнейшим результатом осуществления основных направлений семейной политики является создание за прошедшие годы принципиально новой (личностно-ориентированной) разветвленной системы социального обслуживания семьи и детей.

Если в 1995 г. в стране насчитывалось около 1000 подобных учреждений, включающих центры социальной помощи семье и детям, реабилитационные центры для детей и подростков с ограниченными возможностями, центры психолого-педагогической помощи населению, социальные приюты для детей и подростков и др., то 7 лет спустя их стало почти в 3 раза больше с охватом примерно 9 млн человек.

Перечень вероятно, можно было бы продолжить, но подобное перечисление успехов не может помешать главному выводу: реализуемая в настоящее время в России семейная политика пока слабо соответствует общественным потребностям.

Сохранение масштабной бедности в семьях с детьми и с другими иждивенцами продолжает, хоть и в несколько ослабленной форме, представлять собой угрозу устойчивому развитию российского общества.

Продолжается процесс старения и депопуляции населения. Рождаемость остается невысокой, а смертность значительной.

Несмотря на происшедшую десять лет назад переоценку государственной политики в отношении к семье, о полной сформированности этой политики говорить ПОКА не приходится.

По своему содержанию и результативности государственная семейная политика российского государства в настоящее время не адекватна общественным и семейным потребностям в широком смысле слова.

Основными сдерживающими факторами выступают неразработанность научных основ (теоретико-методологических прежде всего), неразвитость нормативно-правовой базы, нечеткость стратегии и системы ее реализации, непродуманное распределение полномочий центра и регионов в вопросах оказания помощи семье.

Другими словами, в стране пока не удалось выстроить систему государственной семейной политики, отвечающую направленности прогресс-

сивных изменений в зарубежных странах и стратегическим интересам нашего государства.

Можно констатировать, что сегодня в отношении к семье преобладает подход, отождествляющий ее общесоциальные и специфические проблемы, социальную и семейную политику.

Расширительное толкование ее предмета негативно влияет на социальную практику, приводя к подмене программ семейной политики мерами общесоциального характера.

Политика в отношении семьи деформирована и концентрируется преимущественно на брачно-семейных отношениях и социальной защите, слабо учитывая институциональные особенности семьи, игнорируя семью в качестве социального института, интегрирующего широкий спектр процессов адаптации семьи к общественным изменениям, что чрезвычайно важно при переходе к рыночной экономике.

Функции семейной политики остаются слабо определенными и недостаточно учитываемыми повседневной деятельностью органов власти.

При решении экономических, политических и других (перспективных и текущих задач) интересы семьи находятся на периферии внимания руководителей государственных органов и общественных структур.

В числе важных причин, затрудняющих восприятие общественным мнением семейной политики как целостного образования, уместно указать распространенность мнения, что семейная политика перекрывается широким кругом общесоциальных вопросов, из-за чего отсутствует необходимость отдельно планировать в федеральном бюджете расходы на семейную политику, что подобные расходы могут отражаться в рамках финансирования разных отраслей социальной политики — образования, культуры, здравоохранения, социальной защиты.

По сути, данный подход, отождествляющий семейную политику с социальной, отрицает первую из них в качестве самостоятельного направления государственной деятельности, что препятствует эффективному решению в российском обществе общественных проблем современной семьи.

К сожалению, отсутствует единая система государственной экспертизы, позволяющая отслеживать ход и реализацию принципов государственной семейной политики, а повседневная реальность свидетельствует о существовании многих проблем, возникших в переходный к рыночным отношениям период, — приватизация, налогообложение, семейное предпринимательство, кредитование и др.

В новых условиях не осмыслен и не учитывается накопленный в прошлые десятилетия опыт государственной поддержки разных категорий семей.

Таким образом, проводимая политика в стране не соответствует реальному состоянию семьи как социального института. Правом регулируются лишь брачно-семейные отношения, составляющие часть семейного законодательства. Семейные права граждан при этом неправомерно отождествляются с институциональными правами семьи.

Отсутствует понимание семьи как субъекта права, полноправного субъекта социальных отношений. Остается слабой материальная база поддержки семьи, без чего социальное обслуживание социально уязвимых категорий семей не может быть полноценным. Серьезно препятствуют развитию региональных служб социального обслуживания отставание правовой базы, неразработанность государственных стандартов и порядка лицензирования социальных услуг, слабость материально-технической базы учреждений, дефицит подготовленных специалистов, неразвитость технологии социальной работы.

Каковы перспективы семейной политики в нашей стране?

Вероятно, в качестве принципиального ориентира можно обозначить разработку и реализацию стратегии по развитию многогранного потенциала семьи, более полной реализации ее институциональных прав и потребностей (в итоге разнообразного взаимодействия семьи с государством и обществом).

Необходимыми условиями полноценной семейной политики все более широко осознаются, во-первых, разработка основ законодательства, регулирующего взаимоотношения семьи и государства, во-вторых, включение функций семейной политики в деятельность органов власти разных уровней, в-третьих, формирование социальной инфраструктуры семейной политики на федеральном и региональном уровнях, в-четвертых, обеспечение координации действий всех субъектов семейной политики, в-пятых, создание системы финансирования семейной политики из разных источников — государственных и негосударственных, в-шестых, проведение «семейной» экспертизы важнейших государственных решений.

Новое качество отношений государства и семьи должно базироваться на правовом регулировании (предусматривающем предоставление государством семье, а не только индивидууму реальных социальных прав и гарантий), на формировании партнерских отношений семьи с государством, достижении рационального баланса интересов семьи—личности—государства (при обеспечении семейного суверенитета и необходимых условий для реализации потенциала семьи в качестве субъекта социальных отношений), последовательном учете институциональных интересов семьи в процессе осуществления внутренней политики российско-

го государства, определения предмета семейной политики на основе дифференциации общесоциальных и специфических (институциональных) проблем семьи.

Резюмируя сказанное, целесообразно подчеркнуть — государство обязано законодательно признать семью правоспособной, наделив ее (а не только индивидуума) реальными правами, полноценным социальным статусом, обеспечивая правовое регулирование взаимоотношений государственных органов с семьей, адекватный учет ее интересов в процессе социально-экономического и культурного развития общества, осуществления федеральных и региональных программ.

По большому счету, речь идет об изменении традиционной концепции семейного законодательства, существенном расширении его предмета, принятии основ законодательства о семейной политике как комплекса правовых норм, определяющих взаимоотношения государства и семьи.

Принципиально важно не только закрепление их прав и взаимной ответственности, но и разработка соответствующих механизмов реализации, пока же в российском законодательстве правовые механизмы, гарантирующие защиту и полноценную реализацию прав и интересов семьи, отсутствуют. Назревшим же вопросом сегодня является предоставление семье статуса субъекта права, в частности, в рамках применения семейного налогообложения, регулирования взаимоотношений семьи и иных институтов государства, например, в области здравоохранения, образования, культуры.

Сегодня очевидно, что пока правом регулируется лишь узкая часть семейных отношений, но спектр этих взаимоотношений должен быть расширен, а государство, исходящее из идеалов правового общества, обязано взаимодействовать с семьей на основе партнерских отношений, обеспечивая баланс прав и взаимной ответственности.

Таковы основные концептуальные подходы, гарантирующие перспективы реализации в нашей стране государственной семейной политики.

Если же с концептуального уровня обсуждения перейти к организационно-управленческому, то уместно коснуться содержания разработанной в 2001 г. Правительственной концепции демографического развития Российской Федерации на период до 2015 г.

Определенные меры (обозначенные нами при рассмотрении концептуальных подходов) нашли свое отражение в этом важном документе.

Прежде всего, имеются в виду задачи улучшения репродуктивного здоровья, создания предпосылок для повышения рождаемости, обеспечения адресной социальной защиты семьи, включая предоставление материальной помощи при рождении ребенка.

В качестве приоритетных направлений стимулирования рождаемости в концепции определены: во-первых, формирование системы общественных и личностных ценностей, ориентированных на семью с двумя детьми и более; во-вторых, создание социально-экономических условий, благоприятных для рождения, содержания и воспитания нескольких детей (включая условия для самореализации молодежи, в том числе получение общего и профессионального образования, гарантирующего работу с достойной оплатой труда); в-третьих, возможность обеспечить семью необходимыми жилищными условиями, благоприятствующими сочетанию трудовой деятельности и выполнению семейных обязанностей, и другие меры.

В целях улучшения материального положения семей концепция предусматривает разработку и принятие мер по дальнейшей стабилизации ситуации на рынке труда, повышению уровня заработной платы, дальнейшему развитию законодательства, регламентирующего трудовые отношения, а также совершенствованию системы выплат пособий гражданам, имеющим детей, в том числе повышение размеров пособий и обеспечение их адресности.

При этом предусматривается дифференциация размеров пособий и налоговых выплат с учетом материальных условий семьи и ее социального положения.

Поддержка молодых семей в регионах предполагает улучшение их жилищных условий в случае рождения ребенка, выделение безвозмездных субсидий и использование механизма льготного кредитования в зависимости от числа детей в семье.

В целом же направления и механизмы семейной политики в рамках конкретного региона можно представить следующим образом.

Во-первых, нормативно-правовая поддержка семей (разработка проектов законодательных актов и поправок, касающихся:

- а) минимальных социальных стандартов жизни разных категорий семей;
- б) предоставления долгосрочных кредитов семьям (в первую очередь, социально уязвимым) на обустройство домашним хозяйством, приобретение товаров длительного пользования и иные нестолженные нужды;
- в) введения единой молодежной карточки (создания системы льготной оплаты путевок в дома отдыха, семейные санатории и другие подобные учреждения молодым супругам с детьми)).

Во-вторых, реализация комплекса мер в рамках программного направления «Молодой семье — доступное жилье».

В-третьих, информационно-социологическая поддержка молодых семей (имеются в виду мониторинг по изучению жизненных потребностей молодых супругов и содействие в расширении их информированности по

вопросам трудоустройства и занятости, продолжения обучения основам предпринимательства и т. д.).

В-четвертых, социально-психологическая поддержка молодых семей (расширение сети социальных-психологических центров по работе с подростками и молодыми семьями).

В-пятых, создание инфраструктуры, обеспечивающей комплекс мер по работе с семьями, в том числе по объединению финансовых ресурсов, что побуждает вспомнить опыт деятельности в 1980-х гг. в Новосибирске фонда молодежи.

Таким образом, можно обозначить основные подходы к разработке и реализации региональной семейной политики.

В рамках конкретного населенного пункта организационно-управленческой формой муниципальной семейной политики могла бы стать комплексная перспективная программа «Семья».

На первом этапе (с целью отработки конкретных механизмов) можно было бы разработать и принять целевую программу «Молодая семья», включающую три крупных раздела: «Жилье для молодой семьи», «Расширение деятельности медико-социальных центров» и «Пути обеспечения занятости и включения молодой семьи в процессы малого предпринимательства».

Таким образом может быть обеспечено реальное улучшение качества жизни российских семей.

В этом контексте особое значение приобретают заявленные президентом РФ национальные проекты.

Несомненно, принципиально важным сегодня является усиление позиций первичного медицинского звена в здравоохранении, доступность высоких медицинских технологий и модернизация этой отрасли.

Все большую актуализацию получают качество отечественного образования и оплата труда педагогов.

Пришло время кардинально решать жилищную проблему и улучшать жизнь на селе.

Но все это будет иметь смысл, а значит и результат, только в случае, если целью реализации национальных проектов будет изменение положения семьи. Фактически сегодня заявлены меры, но важно понять, на достижение какой цели они направлены и, самое главное, — какой результат должен быть получен.

Следует согласиться, что повышение благосостояния и качества жизни населения — продуктивные цели для современного российского общества. Но как должен выглядеть результат, итог реализации этих целей?!

Представляется, что наиболее значимым результатом реализации национальных проектов было бы качественное изменение в характере и положении российской семьи.

Если говорить о конкретных параметрах, то это, видимо, смена двух состояний в положении семьи, которая может быть зафиксирована в следующем лозунге: от социальной защиты семьи как ослабленного социального института к социальному развитию семьи как основного элемента в структуре российского общества.

Очевидно, для этого необходимо предусмотреть целую совокупность мер, которые и следует сделать частью национальных проектов.

Представляется, что наиболее важными в сложившихся условиях были бы следующие направления и меры.

1. Формирование экономического потенциала семьи.

1.1. Ввести показатель семейной бедности и на его основе строить семейную политику, что позволит осуществлять более эффективное расходование бюджетных средств и повышение экономического потенциала семей, не обладающих достаточными средствами для саморазвития.

1.2. Признать деятельность, связанную с воспитанием ребенка (до школы), общественно значимым трудом, закрепить это право за одним из родителей и ввести минимальную оплату этого труда. Это позволит создать реальный механизм ответственности семьи за воспитание детей и снизит нагрузку на институт общественного воспитания детей (к примеру, на дошкольные учреждения).

1.3. Содействовать формированию семейной занятости (к примеру, через механизмы микрокредитования), особенно это важно для села.

2. Формирование качества жизни семьи.

2.1. Обеспечить равенство доступа к качественному образованию.

2.2. Сформировать институт семейных врачей, отвечающих за здоровье.

2.3. Создать особые механизмы кредитования семей (имея в виду ипотеку, потребительское кредитование и другие формы кредитования).

3. Формирование социальной ответственности семьи.

3.1. Требовать соблюдения Семейного кодекса РФ всеми субъектами социальной жизни. (К примеру, фактически не исполняется статья 74 Семейного кодекса, которая гласит, что родители, лишенные своих прав, не освобождаются от обязанностей содержать своего ребенка, ибо сегодня существует фактически лишь один механизм реализации этих норм — в судебном порядке. Но это означает, что детские воспитательные учреждения, точнее его работники, должны сделать своим рабочим местом судебные инстанции.)

3.2. Формировать механизмы судебной защиты прав детей (возможно, это ювенальная юстиция либо иные формы).

3.3. Создавать формы общественного воздействия на формирование социальной ответственности семьи. (К примеру, принять законодательные нормы, позволяющие делать достоянием общества информацию о лишении родительских прав или их ограничении.)

4. Формирование новых форм брака (сегодня это лишь регистрация брака в органах записи актов гражданского состояния — гражданский брак; все иные формы семейных отношений — внебрачные, определяемые как сожитительство).

4.1. Наряду с брачным договором, который регулирует только имущественные отношения граждан, состоящих в гражданском браке, возможно, следует ввести брачный контракт как институт, регулирующий имущественные и неимущественные отношения граждан, не состоящих в гражданском браке.

4.2. Содействовать формированию негативного общественного мнения по поводу внебрачных семейных отношений.

5. Развитие общественного содействия семье, состоящей в браке.

5.1. Развивать формы морального поощрения семей, состоящих в браке (празднование золотого, серебряного юбилеев семейной жизни и др. формы).

5.2. Восстановить формы морального поощрения семей с детьми (например, присвоение званий «Мать-героиня» и др.).

5.3. Ввести новые формы поощрения институционально закрепленных семейных отношений (подумать о новых элементах в регистрации брака, например, объявление в СМИ).

5.4. Социальную поддержку неполных и других семей, не закрепленных нормами брака, осуществлять только через систему социальной защиты населения.

6. Создание и поддержка новых форм включения детей, находящихся на государственном обеспечении, в семейные отношения.

6.1. Создать дополнительные возможности развития института приемной семьи и семейно-воспитательных групп.

6.2. Оптимизировать порядок усыновления (удочерения) детей и установления опеки и попечительства.

6.3. Сформировать совокупность мер, содействующих поощрению граждан, общественных объединений, участвующих в воспитании детей, находящихся на государственном попечении.

Однако реализация этих направлений требует не только усиления позиций государства в этой сфере, но более всего изменения роли общества в семейной политике.

Каковы механизмы включения общества в социальное развитие семьи?

Конечно, необходимо использовать те формы, которые уже зафиксированы за общественностью в российском законодательстве. Прежде всего, это общественная экспертиза и общественный контроль за реализацией национальных проектов.

Следует принимать активное участие в осуществлении законодательной инициативы. Сегодня ей обладают лишь отдельные субъекты. Общественность может им помочь увидеть необходимость законодательных норм, связанных с семьей. Это могут быть законопроекты или проекты изменений законодательных актов.

Но пришло время других подходов. Прежде всего, необходимо усилить координацию и кооперацию самой общественности в реализации проектов. Возможно, следует разработать социальные проекты, исполнителем которых будут объединения общественных организаций. Это могут быть проекты, связанные с детьми, находящимися на государственном обеспечении, или проекты, направленные на молодую семью, институционально закрепленную государством. Эффективной будет единая программа борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью. Более того, это может быть целевая федеральная программа, но исполнителем которой являются общественные объединения.

Возможны и иные проекты. К примеру, очень остро стоит проблема равного доступа к образованию. В этом направлении нужна целая совокупность действий: от законодательной инициативы до формирования новой идеологии воспитания. Дополнительная плата за классное руководство это значимая мера, но чему воспитывать школьников — это вопрос, еще не имеющий конструктивного для всего общества ответа. И здесь общественность, несомненно, могла бы сказать свое слово. Та самая национальная идея только тогда возникнет и будет продуктивной, когда произойдет согласование интересов государства и общества, общества и семьи, семьи и государства.

И если она возникнет, то это и будет означать социальное развитие общества, имеющего собственный национальный контекст. Хотелось бы, чтобы реализация национальных проектов дала именно этот результат.

Примечания к главе 4

¹ См.: *О развитии демографических процессов в РФ в 1998 г.* // Статистическое обозрение: ежеквартальный журнал Госкомстата РФ. — 1999. — № 4. — С. 68—98; *Социальные проблемы молодежи. Демографическая ситуация* // Молодежь Российской Федерации: положение, выбор пути. Государственный доклад. — М., 2000. — С. 28—32.

² См.: *Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2015 года.* — М., 2001.

³ См.: *Народонаселение.* Энциклопедический словарь. — М.: Большая российская энциклопедия, 1994. — С. 466.

⁴ См.: *Семья в России.* — 1995. — № 1, 2. — С. 96.

⁵ *Семья в процессе развития.* Материалы Международной практической конференции. Москва, 18—19 ноября 1993 г. — М.: НИИсемьи, 1993.

⁶ См.: *Основы социальной работы.* Учебник / Отв. ред. П.Д. Павленок. — М.: ИНФРА-М, 1997. — С. 145.

⁷ См.: *Основы социальной работы.* — С. 147.

⁸ См.: *Маликов Н.С., Александрова В.П., Акимова С.В.* Основные тенденции изменения социально-экономического потенциала семьи // Мониторинг социально-экономического потенциала семей. — 2001. — № 4 — С. 4—5.

⁹ См.: *Молодежь Российской Федерации: положение, выбор пути.* Государственный доклад. — М., 2000. — С. 168.

¹⁰ См.: *Семья и женщина: реальность и тенденции.* Материалы межрегионального симпозиума «Семья и женщина как фактор стабильности в новых социально-экономических условиях». — Новосибирск, 19—20 мая 1998. — С. 97.

¹¹ См.: *Семья в России.* — 1996. — № 1, 2.

¹² См.: *Семья и женщина: реальность и тенденции.* — Новосибирск, 1998. — С. 103.

¹³ См.: *Дети Новосибирской области.* Доклад Новосибирского управления социальной защиты Администрации Новосибирская область. — Новосибирск, 2000

¹⁴ См.: *Социальная политика государства.* Учебное пособие. — Новосибирск: СИБАГС, 2003. — С. 493—497.

¹⁵ См.: *Курпьянова Е.И.* О семейной политике в Российской Федерации — некоторые итоги реализации // Мониторинг социально-экономического потенциала семей. — 2002. — № 1. — С. 8.

Глава 5. Бедность как социальное явление и социальная проблема и пути ее преодоления

5.1. Теории и модели бедности

Центральной проблемой исследований социальной политики является осуществление социологического анализа социальных изменений, происходящих в трансформирующемся российском обществе, динамики взаимодействия социально-структурных общностей, формирования различных аспектов социального неравенства. Многообразие изменений базируется на формирующейся системе социальных неравенств.

В общем виде социальное неравенство может быть определено как степень различия между людьми в получении ими социальных благ (доходов, образования, власти, престижа и т. д.). Социальное неравенство — антипод социальному равенству и неизбежно подразумевает такую социальную иерархию людей в зависимости от их доходов и положения в обществе, которая означает социальное расслоение. Хорошо известно, что ее несет капитализм, одних вознося наверх, а других превращая в эксплуатируемое первыми большинство.

Одним из основных результатов радикальных реформ 1990-х гг. явилось беспрецедентное углубление социально-экономического неравенства в российском обществе. Оно, можно сказать, «зашкало», намного превосходя все цивилизованные стандарты, и сравнимо лишь с показателями латиноамериканских, или даже африканских, стран. В этом — главная причина социальной напряженности и политической неустойчивости российского общества.

Наиболее чувствительной социальной проблемой является неравенство в доходах. Подчас проблема экономического неравенства вообще сводится к различиям в доходах, а борьба с неравенством — к уменьшению этих различий.

В последние годы в условиях оживления экономики и выхода из острой фазы кризиса доходы населения выросли, но они не достигли уровня

1990 г. Остается глубоким, резко отличающимся от развитых стран разрыв в доходах верхних и нижних слоев населения. Его сокращение и приведение к некоему значению, необходимому для сочетания сильных экономических стимулов с социальной стабильностью, остается главной проблемой социальной политики

В условиях экономической свободы смысл социальной справедливости, по нашему мнению, заключается в двух вещах:

1) в поддержке справедливых неравенств в конкретных условиях (комплексах условий) жизни между различными социальными группами (размах, источники возникновения и правовая обоснованность таких неравенств и их источников признаются и принимаются обществом);

2) в устранении несправедливых неравенств (чрезмерная глубина таких неравенств либо их источники или их неправомерный характер отвергаются и не принимаются обществом);

Основными задачами в рамках проблемы, на решение которой направлена социальная политика в целом и, конкретнее, механизмы социальной защиты необеспеченных слоев населения, являются выявление количественных и качественных изменений в социально-стратификационной структуре российского общества и определение в связи с этим факторов, причин, различных видов бедности в российском обществе.

Развитие научного подхода к изучению феномена бедности начинается с тех пор, когда индустриальное общество приходит на смену традиционному и когда бедность становится проблемой, связываемой с процессами индустриализации и социального реформирования.

Появление экономического человека и, соответственно, экономического сознания стали символами процесса индустриализации. На смену традиционному обществу пришло индустриальное: открытое и мобильное — и вместе с ним армия людей без земли, без сеньора, без куска хлеба, и с этими людьми что-то надо было делать.

Признание функциональной связи капитализма и бедности вело к рассмотрению явления либо через экономические факторы, сквозь призму экономических отношений, этики труда и некоего универсального эталона нужды, выраженного в количественных показателях (сумма дохода, стоимость средств существования и т. д.); либо через физиологические факторы, представленные в виде количества средств существования, необходимых для поддержания физической дееспособности; либо через социальные факторы, отражающие отношения зависимости, эксплуатации и неравенства.

Общим принципом было рассмотрение явления через парадигму причины, так как стратегия реформирования зависела от выявления корней яв-

ления и эффективности поиска «виновных». В зависимости от точек зрения по этому вопросу предлагалось привить нравственные принципы, изменить человека, самих бедных и их семьи, или реформировать общество и социальную структуру.

Качественное перерождение восприятия обездоленных происходит с середины XX в., когда оказались тщетными все попытки преодолеть бедность и экономическими, и политическими методами. Было признано, что бедность — это системное, многомерное явление, постоянно меняющаяся величина. Старое понятие «абсолютная» (материальная) бедность уступило место новому — «относительная» (символическая). Критериями ее определения признавались возможность и способность следовать преобладающим стандартам потребления и образу жизни большинства населения, а также удовлетворенность своим социальным положением.

Россия с точки зрения проблем бедности представляет особый интерес. Специфика, степень распространенности и длительность бедности населения советского государства придают этой проблеме свой оттенок. Это выражается, прежде всего, в том, что применительно к территории бывшего СССР ее нельзя рассматривать вне контекста особенностей сложившейся социально-политической системы. Для бывших социалистических стран проблема бедности в значительной степени не статистическая, не экономическая, а общественно-политическая.

В обществе, где все ресурсы принадлежали государству, именно оно создавало и контролировало систему жизнеобеспечения населения. Именно власть осуществляла распределительные, карательные, поощрительные и прочие функции по отношению к населению.

Была создана система, удовлетворяющая наиболее элементарные человеческие потребности — в пище, в одежде, в крыше над головой. Имея рабочие руки, определенные навыки и т. д., заработать себе на хлеб можно было, только включаясь в систему государственных связей, и столько, сколько эта система считала возможным выделить. А выделялось лишь на первоочередные потребности, все остальное считалось чуждым сложившемуся образу жизни и с пренебрежением относилось к предметам роскоши. По существу, ограничивались развитие самих потребностей, возможности выбора.

Прямо или косвенно создавались условия для консервации бедности и ее воспроизводства. Бедность широких слоев населения стала нормой и в конечном счете, несмотря на природные богатства и могущество бывшего СССР, заложила основы обеднения общества в целом. С этих позиций все широко пропагандировавшиеся атрибуты народного благосостоя-

ния (низкие цены на продукты питания, низкая плата за жилье, бесплатные медицина и образование) были всего лишь методами сохранения дешевизны рабочей силы.

Низкий уровень жизни широких слоев населения поддерживался не только минимальными уровнями доходов, но и уравнительной формой их распределения. Снижение дифференциации в оплате труда происходило в основном под влиянием централизованных государственных мероприятий, связанных, прежде всего, с повышением минимальной заработной платы и удержанием с помощью государственного регулирования достаточно низкого среднего уровня оплаты труда. Это стало причиной почти полного разрушения мотивационных механизмов, с одной стороны, и сформировало иждивенческие настроения — с другой.

Таким образом, сформировалось *особое понятие бедности*, адекватное системе власти и социальной структуре стран с коммунистической идеологией.

Суть его такова. В обществе, где низкий жизненный стандарт характерен для основной массы населения, бедность перестает быть просто явлением общественной жизни. Это состояние общества. Если же это состояние сохраняется на десятилетия, становится устойчивым и привычным (как в бывшем СССР), формируется общественная идеология бедности. Она находит проявление во всех важнейших сферах жизнедеятельности населения и начинает оказывать влияние на все развивающиеся в обществе процессы¹.

В этом случае сознательно воспитываемое негативное отношение к богатству и способам его достижения, обостренное восприятие расслоения общества по уровню благосостояния оказывают существенное влияние на потенциальные возможности общественных систем к трансформации. Они обуславливают специфические особенности становления новых экономических отношений, политических режимов, форм общественного взаимодействия.

В сфере экономической это проявляется в утрате «исторической памяти» в части владения и распоряжения собственностью, в отсутствии у населения рыночных установок. В страхе и дезориентации, связанными с крушением привычных атрибутов социалистического благосостояния. Все это делает становление новой модели поведения населения очень болезненной, а для некоторых социально-демографических групп просто невозможной. Формирование среднего класса, эффективного собственника идет медленно и противоречиво.

Идеологически привычка у значительной части населения к зависимости от государства в части жизнеобеспечения, отсутствие навыков легального и внеоценкатурного повышения собственного материального благосостояния формируют устойчивый стереотип социального иждивенчества. Установка на уравнилельные формы распределения, неприятие расслоения общества на богатых и бедных, ненависть к преуспевающим и наиболее обеспеченным членам общества, агрессивность оказываются достаточно прочными. Предрасположенность подавляющего большинства населения к обнищанию на фоне развивающегося экономического кризиса создает условия для массовой люмпенизации, усиления социальной напряженности, в том числе и на почве национальных конфликтов. Для большинства населения реформы ассоциируются с ухудшением собственного материального положения. Это становится причиной резко отрицательного отношения к проводимым преобразованиям. В искаженном виде воспринимаются многие общечеловеческие ценности, в том числе понятия «свобода», «равенство», «демократия», «социальная справедливость».

И, наконец, политически размытость социальной структуры, ее медленное оформление, невозможность отдельных социальных групп осознать свои интересы, социальная инертность ориентируют значительную часть населения не на идеи и цели реформирования общества, а на конкретного лидера. Харизматическое мышление, желание слепо верить «вождю» означают уход от личной ответственности за происходящее и пассивность. Это становится причиной кризиса и вульгаризации власти, препятствует становлению государственности.

Вышеизложенное свидетельствует, что в условиях серьезных трансформаций длительная массовая бедность или близкое к бедности положение населения становятся сначала индикатором, затем ограничителем, а при пренебрежительном к нему отношении, и препятствием для проведения реформ².

Таким образом, бедность — это состояние общества, которое, наряду с экономическими, социальными, психологическими характеристиками, имеет исторические традиции. Но, фиксируя это, далее необходимо представить теорию «перерастания» такого состояния в некую новую форму, например, бедности реформируемого общества.

Специалисты, изучающие уровень и качество жизни населения, обращают внимание на то, что в сознании самих россиян доминирует представление о бедности как относительном явлении. Ее уровень ассоциируется не столько с физиологическим, сколько с социальным минимумом.

Некоторые исследователи фиксируют ментальные различия в восприятии и оценке населением изменений жизненной ситуации. Принимая это во внимание, можно выделить две группы. Одна из них имеет высокую оценку своего положения (жизненной ситуации), но у большинства ее представителей невысокие притязания, неразвитые потребности. Они относят себя к среднему слою, но по объективным параметрам являются бедными. Для второй группы характерны заниженные самооценки. Их можно идентифицировать с так называемыми «новыми бедными»: они ориентируются на западный стандарт потребления, но не имеют возможности его достичь.

Л. Гордон, наряду с традиционным рассмотрением абсолютных и относительных разновидностей бедности, предлагает различать бедность «слабых» и «сильных» (подробнее см. ниже). Бедность «слабых» — это так называемая социальная бедность (нетрудоспособных, инвалидов, больных и т. д.), которая требует постоянного к себе внимания в любом обществе. Бедность «сильных» можно обозначить как производственно-трудовую, экономическую³. Выделение производственно-трудовой экономической и социальной бедности важно в связи с необходимостью решения задач социальной политики.

В социальной структуре бедных выделяют группы как традиционные (многодетные и неполные семьи, пенсионеры, инвалиды, безработные), так и нетрадиционные: семьи работников бюджетных отраслей народного хозяйства; семьи, имеющие двух и более детей; представители ряда профессий, которые не могут обеспечить необходимые жизненные средства за счет традиционной для них деятельности; семьи, оказавшиеся в ситуации нуждаемости вследствие систематической задержки в оплате труда. В основной своей массе — это работающие люди старше 28 лет, имеющие высшее или среднее специальное образование.

К наиболее типичным факторам, обуславливающим риски оказаться в той или иной группе бедных, относят: потерю здоровья; низкий уровень квалификации; вытеснение с рынка труда, низкий уровень среднестатистических реальных доходов и материальной обеспеченности; высокую семейную «нагрузку» (многодетные, неполные семьи и др.); индивидуальные особенности, связанные с образом жизни и ценностными ориентациями (не желающие трудиться, имеющие вредные привычки и т. п.).

Представляется чрезвычайно интересной попытка представить феномен бедности на модельном уровне. Наиболее известна модель, в которой в качестве основных элементов бедности в российском обществе выделяются следующие: признаки состояния (низкий жизненный стандарт, со-

храняемый в течение длительного времени; соответствующая ему идеология бедности; вытекающие отсюда формы общественного и индивидуального поведения); общие и специфические факторы, ее обуславливающие; механизмы ее воспроизводства и преодоления. Следует признать, что такой подход к моделированию данного социального феномена вряд ли является корректным и продуктивным.

Но, возможно, схематизм и статичность этой концепции можно преодолеть, если построить несколько иной категориальный ряд.

Очевидно, развитие любого общества связано с наличием определенных социальных ресурсов. Поэтому необходимо выявление элементов, составляющих такие ресурсы. Видимо, будет методологически верным начинать с определения фундаментальных факторов развития. Концептуальные возможности такого поиска невелики. Либеральная доктрина, например, основным фактором развития называет рынок. Социальная динамика будет производной от рынка и его развития. Марксистская теория во главу угла ставит диалектику производительных сил и производственных отношений. В этой парадигме рынок является частностью, лишь одной из форм производственных отношений.

Но обе теории подчеркивают особую роль интересов социальных групп. Именно интересы, будь это интересы богатого меньшинства или бедного большинства, являются основными факторами развития города, района, региона, государства, мирового сообщества. Вопрос только в том, чтобы они «работали» именно на развитие, а не стагнацию и тем более деградацию. Но это возможно в том случае, если интересы будут получать реализацию в институтах и политике власти, а также в практике руководителей государства. Политическая демократия позволяет государственной власти (если она этого захочет) гибко реагировать на факт преобладания в текущей экономической ситуации интересов то «богатеющего, взыскующего свободного рынка меньшинства, то беднеющего, чающего социально-ориентированного государства большинства»⁴.

Противостояние интересов создает возможности для выработки такой политики развития, которая бы позволяла согласовывать их между собой, ведь стремлением к преуспеванию охвачены все слои населения, независимо от их достатка. Однако утрата перспектив индивидуального экономического и социального развития вынуждает малоимущих противостоять государству и тем, кто уже стал состоятельным.

Индивидуальная бесперспективность свободы для достижения личного благосостояния формирует отказ от свободы у беднейших слоев населения, и тогда политическая воля большинства избирателей реализуется

в смене власти. Таким образом, интересы — один из основных ресурсов (и механизмов) развития. Поэтому, если та или иная группа или команда, придя к власти, начинает осуществлять только интересы своей партии или группы — либералистские, марксистские, национальные или интернациональные, — она обязательно деформирует осуществление интересов других групп, а фактически — большинства населения общества. К сожалению, каждой очередной политической элите, в том числе и ее региональным элементам, свойственны отсутствие самоограничения и неумение или нежелание выступать регулятором интересов различных групп населения, оформленных в идеологию своих движений и партий. И чем больше деформаций накапливается в обществе, тем резче и жестче последующая реакция масс, тем глубже последующий переворот в правящей элите и направлении развития общества.

Таким образом, очевидны особая роль интересов, необходимость их учета и регулирования.

Однако, это уже механизм развития и саморазвития общества в целом. А фактором и ресурсом в этом случае выступает личность как носитель и субъект тех или иных интересов. «Человеческий фактор» — совокупность социальных качеств личности — столь же важен, сколь и изначален. Он реализует себя во многих модусах — как индивид, как семья, как нация, как профессиональный социум, как народ и многое другое. Рассмотрим модель формирования этого фактора и возможности его развития и саморазвития (рис. 5.1).

Первичная институализация интересов и форм деятельности человека происходит в форме профессионального сообщества. А «пропуском» в то или иное профессиональное сообщество является образование в широком смысле этого слова. Образование выступает как определенный тип и уровень знаний, навыков и умений; как процесс формирования социальных норм и правил; как социализация — формирование индивидуальной совокупности социальных характеристик; как усвоение и реализация ментальных характеристик (типы и уровни индивидуального и общественного сознания).

При этом стремление сегодняшнего российского общества к развитию требует наличия «политико-экономического» человека⁵ как личности, ориентированной на стратегическую активность с учетом реальности, отражающей его личное достояние, ценности и цели, соизмеренные с национальным богатством, перспективами и опасностями регионального, государственного и мирового развития.

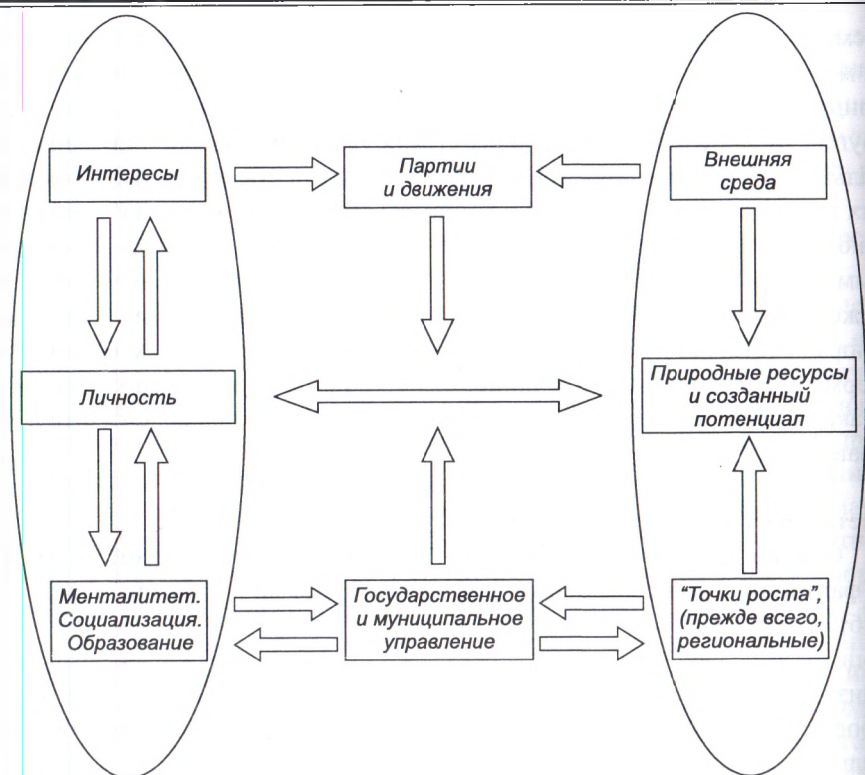

Рис. 5.1. Ресурсы развития и саморазвития общества

Природные ресурсы как фактор развития проявляют себя тогда, когда речь идет именно о развитии региона и государства, а не о проедании природных ресурсов волею тех или иных групп, проживающих на данной территории.

Созданные ресурсы — это заводы, товары, капиталы, информация. А также — правовые, социальные и экономические институты. Но и те, и другие ресурсы могут быть включены в развитие, а могут быть фактором деградации территории и государства.

В соответствии с концепцией общества как саморазвивающейся системы, как определенного социоэкономического и природного единства, искать факторы развития следует, прежде всего, среди субъектов экономических, правовых, социальных, политических отношений в политико-экономической организации общества. Следует признать, что при таком подходе основным фактором развития любого общества является человек.

Рис. 5.2. Модель бедности как социального явления

Представляется, что механизм развития общества может выглядеть следующим образом:

1. Опираясь на уровень образования, развивая его в соответствии с современными требованиями и т. д., власть должна влиять на формирование интересов личности во всех модусах: семья, группа и т. д.

2. Субъектам государственной власти необходимо определить и поддержать «точки роста», разрабатывая в соответствии с потребностями такого развития нормы права, идеологию общества и т. д.

3. Содействуя осознанию личности, ее интересов и оформлению их в идеологию «своих» партий, государственному управлению следует выступать регулятором интересов всех групп и элит в обществе, отказавшись от деформации интересов бедного большинства или богатого меньшинства.

Представленный выше подход базируется на представлении о том, что главным ресурсом и фактором социального развития любого общества является личность. В том случае, когда интересы личности деформируются, когда она не имеет возможности формировать собственное благосостояние, потому что не имеет доступа ко всей совокупности материальных и духовных благ, которыми располагает в данный момент общество, для нее наступает невозможность удовлетворения своих социальных интересов, а отсюда состояние социального дискомфорта. При этом последнее трансформируется вначале в чувство социальной несправедливости, а затем социальной напряженности (рис. 5.2).

Таким образом, бедность — это состояние, которое характеризуется отсутствием доступа личности к совокупности материальных, социальных и духовных благ, имеющихся в данном обществе в данное время, неудовлетворенностью социальных интересов и на основе (в рамках) которого формируются чувства социального дискомфорта, социальной несправедливости и социальной напряженности.

Таковы основные концепции и модели бедности.

В этом контексте, бедность — социально-психологическое состояние.

Если принять такой подход, то становятся вполне объяснимыми творение шедевров в условиях глубокой материальной нищеты и отнесение себя к бедным слоям при наличии среднего для данного сообщества дохода.

При этом представляются очевидными внешние формы такого социального явления как бедность. Основными проявлениями бедности как социально-психологического состояния будут являться: социальное самочувствие, социальные девиации, социальные эксклюзии и социальная напряженность личности во всех модусах — семья, социальная группа и т. д.

5.2. Факторы формирования и ловушки бедности

Теоретически бедным может быть любой человек. Однако, очевидно, что находятся в состоянии бедности далеко не все члены общества. К примеру, в обзоре исследований, посвященных американскому низшему классу, особо подчеркивается, что из числа рассматриваемых переменных основными факторами риска, которые могут привести человека в состав бедных, являются длительное нахождение в состоянии бедности, пожилой

возраст, нетрудоспособное состояние и нахождение во главе семьи женщины. Однако, бедность на протяжении всей жизни, уверяют авторы, случай довольно редкий⁶.

Развитие бедности в российском обществе на разных этапах определяли разные факторы. В советское время к бедным относился довольно узкий круг лиц, в основном по демографическим признакам: возрасту, здоровью, утрате кормильца, повышенной иждивенческой нагрузке на работающего. По социальным основаниям в формировании бедности определенную роль играла низкая квалификация, хотя это не обязательно сопровождалось низкими доходами. Некоторое значение имели территориальные различия в уровне жизни — из-за неравенства в экономическом развитии регионов, а также города и села и т. п. Тем не менее, социально-экономические факторы, идентифицирующие зону бедности, в тех весьма выравненных условиях явно уступали семейно-демографическим факторам⁷.

Принципиально иная ситуация сложилась в российском обществе в переходный период. Массовая бедность сегодняшних масштабов не идет ни в какое сравнение с ситуацией 1990 г. По оценкам различных групп экспертов, за порогом бедности в России сегодня находится от 25 до 40 % населения. Столь массовое социальное состояние формировалось в течение 10 лет, и это означает, что сегодня можно говорить о новой структуре факторов, определяющих бедность в российском обществе.

Очевидно, основной фактор, способствующий тому, чтобы стать бедным, — родиться бедным. Бедность в нашей стране, как и во всем мире, передается от поколения к поколению, в массе своей наследуется детьми от родителей (речь не идет о переломных моментах в жизни страны — революция, война, перестройка — когда вертикальная социальная мобильность, как восходящая, так и нисходящая, увеличивается).

Одной из причин бедности, характерных для нашей страны, стал пропагандировавшийся многие годы идеал аскетизма, отказ от жизненных благ во имя светлого будущего потомков. С этим связано и стремление к уравниловке — неотъемлемая часть общественной психологии — оказывающее (нередко на уровне подсознания) сдерживающее влияние на желание использовать объективные возможности для роста личных доходов.

На пребывание в бедности влияет плохое здоровье, связанное с генетическими факторами, тяжелыми заболеваниями или травмами, что не позволяет выполнять большой объем физической или умственной работы и ограничивает доступ к ряду высокооплачиваемых профессий. Плохое здоровье — нередко результат того, что человек родился в бедности, получал недостаточное и неполноценное питание, некачественное медицин-

ское обслуживание. На пребывание в бедности оказывает влияние и пристрастие к алкоголю и наркотикам.

Факторами бедности становятся низкие заработки, безработица, владение отмирающей профессией или занятость в отмирающей отрасли народного хозяйства. Отметим, что нельзя отождествлять малоимущих и низкооплачиваемых. Так, по данным специальных обследований условий жизни городского населения России, 90 % минимально оплачиваемых не являются основными кормильцами, т. е. они получают вторую или третью по величине зарплату в семье⁸.

Низкий уровень образования также ограничивает выбор профессии. Эта же причина может привести к тому, что в ряд неимущих попадают представители ранее благополучных групп населения, поскольку изменения в обществе, экономике могут потребовать более высокого уровня образования от работников.

Бедность может быть следствием личных решений, принятых в юности: уход из школы, ранний брак или ранняя беременность, наличие нескольких детей в раннем браке, а также неадекватная оценка соответствия своих способностей выбранной профессии или роду занятий.

Причиной бедности могут быть склад личности, черты характера. Отсутствие силы воли, трусость, боязнь риска, а также пассивность, лень, склонность к бродяжничеству нередко приводят к бедности. В свою очередь, и бедность влияет на личность человека. Как показывают результаты социологических исследований малоимущих в нашей стране, им свойственны невысокая самооценка, заниженные потребности. Они в значительно большей степени полагаются на стечение благоприятных внешних обстоятельств, удачу, нежели на собственные усилия осуществлять контроль за тем, как складывается их жизнь. С этим связана их повышенная агрессивность по отношению к обществу, властным структурам всех уровней. В целом же иерархия ценностей бедных достаточно близка к иерархии ценностей других слоев населения, за исключением отношения к своей работе, интерес к которой у бедных значительно ниже. В то же время образ жизни и сфера сознания слабо дифференцированы по величине среднедушевого дохода, хотя различия в уровне жизни между социально-экономическими группами населения страны возрастают с каждым днем.

Заниженные потребности, пассивность в производственной и общественной жизни, отсутствие стремления развивать свой интеллектуальный потенциал обуславливают роль и место бедных в обществе. Они есть среди рабочих, крестьян, интеллигенции. Бедные из разных социальных групп

имеют много общего. Как правило, они занимаются физическим трудом или малоквалифицированным умственным, исполнительским.

Рассматривая явление бедности с точки зрения ее объективных предпосылок, к числу детерминирующих факторов следует отнести иждивение. Ранее традиционно выделялись три группы иждивенцев: иждивенцы семьи, которые не получали от государства никаких денежных пособий и пенсий (в основном дети, неработающие взрослые); иждивенцы государства (проживающие отдельно пенсионеры, студенты); смешанные иждивенцы государства и семьи. Положительным моментом проводимой в настоящее время социальной политики является то, что исчезли «чистые» иждивенцы семьи, поскольку каждому неработающему жителю России выплачивается какое-либо пособие или пенсия. Но, несмотря на качественные изменения в составе иждивенцев, сам фактор иждивения продолжает оставаться мощным индикатором бедности. В частности, структура бедных семей с этой точки зрения противоположна структуре семей с высоким уровнем доходов. В первом случае преобладают семьи без работников (пенсионеры, студенческие семьи) и семейные образования, где число работников меньше числа иждивенцев. В высокодоходной группе подавляющее большинство — это семьи с высоким удельным весом работников и семьи без иждивенцев вообще.

Рассматривая проблему неработающих членов домохозяйства, нельзя оставить без внимания степень влияния на материальную обеспеченность семьи различных по своей природе причин иждивения. При одинаковом коэффициенте иждивения потенциальные возможности у семьи с детьми, где работают оба родителя, намного выше таковых в семье, где не работает один из родителей.

Исследование комплексного влияния факторов, выталкивающих за черту бедности, показало, что уровень денежных душевых доходов значительно снижается в тех семьях, где есть неработающий взрослый (табл. 5.1). Практически две трети бедных нуклеарных малодетных семей — это семьи, где один из родителей — иждивенец. Прежде всего, к таковым относятся женщины, находящиеся в отпуске по уходу за ребенком. Их социальная незащищенность — это просчеты в концепции социальной политики, в соответствии с которой основная тяжесть иждивения семьи такого типа ложится на ее работников, поскольку выплачиваемые пособия не обеспечивают персонального дохода их получателей на уровне прожиточного минимума.

Большое количество детей-иждивенцев также выступает как прямая причина бедности. В многодетных семьях ситуация существенно усугуб-

ляется, если один из родителей не работает. Здесь пересекаются два фактора малообеспеченности — многодетность и наличие взрослого иждивенца.

К числу объективных факторов, определяющих низкий доход, следует отнести отсутствие одного из родителей. В числе малообеспеченных оказались 25 % неполных семей с одним — двумя детьми. Что касается неполных семей с тремя и более детьми, то они жизнеспособны исключительно при условии совместного бюджета с другими работающими родственниками. Все последние семьи, являясь по своему демографическому типу сложными, вошли в число наиболее бедных семей.

Таблица 5.1⁹

**Факторы, приводящие к бедности в различных типах семей,
% от каждой группы**

Тип семьи	Всего семей	В том числе:		
		Малообес- печенные	Среднеобес- печенные	Высокообес- печенные
«Чистые» пенсионеры	100	72	27	1
Пенсионеры с иждивенцами	100	55	45	—
Прочие — без работающих	100	100	—	—
Супружеские пары без детей (без семей пенсионеров)	100	12,5	50	37,5
Простые — с 1—2 детьми	100	13	60	27
В том числе:				
с одним работником	100	41	34	25
с двумя работниками	100	7	65	28
Простые — с 3 и более детьми	100	25	75	—
В том числе:			3	
с одним работником	100	66	4	—
с двумя и более работниками	100	24	67	—
Неполные — с 1—2 детьми	100	25	58	17
Неполные — с 3 и более детьми	100	100	—	—
Студенческие	100	—	100	—
Сложные	100	18	71	11
Итого	100	21	54	24

В группе абсолютно бедных оказались все неполные семьи без работников. В них неработающие одинокие матери находятся в отпуске по уходу за ребенком и получают пособие. Но его размеры не позволяют даже приблизиться к черте бедности.

Конечно, большой риск сегодня стать бедным связан с потерей работы. Но в текущей российской ситуации широкого распространения скрытой безработицы, когда на большом числе предприятий используется занятость неполное время, устанавливаются вынужденные отпуска работников без оплаты, группы риска — с точки зрения «попадания» в бедность — составляют также те люди, которые заняты на участках с низким заработком или на гигантских предприятиях, не обладающих гибкой приспособленностью к условиям рынка. Часто последние принадлежат к военно-промышленному комплексу.

Таковы основные факторы, способствующие формированию бедности в России. Однако представляется чрезвычайно интересным выявление мнения самого населения о факторах, сопровождающих бедность и усугубляющих ее.

В России за период реформ было проведено два крупных исследования, посвященных проблемам социальной справедливости, где одной из важнейших задач ставилось изучение представлений населения о причинах бедности. Первое международное исследование было выполнено в 1990—1992 гг., и его результаты были опубликованы в монографии «Социальная справедливость и политические перемены: общественное мнение в капиталистических и посткоммунистических странах»¹⁰. А для того чтобы оценить характер и масштабы изменений, произошедших в массовом сознании, в 1996 г. было проведено второе исследование¹¹.

Авторы данного исследования все факторы бедности подразделили на две группы. Одна группа была связана, в соответствии с предложенным исследователями названием, с общественной системой, другая — с самим человеком, свойствами его характера, природными способностями.

Как в 1991—1992 гг., так и в 1996 гг., наиболее распространенными причинами бедности, в общественном мнении России, являются недостатки общественного устройства и, прежде всего, система распределения доходов, затем «плохая экономическая система, отсутствие равных возможностей и др.».

Причем на группу социально-экономических причин возникновения и воспроизводства бедности чаще указывают те респонденты, которые оценивают свое материальное положение крайне низко.

Группа причин, связанных со свойствами характера человека, куда включились такие характеристики:

- некоторым людям не хватает способностей, целеустремленности;
- некоторые люди не умеют жить;
- некоторые люди ленивы и т. п.,

находилась на втором месте. На эту группу причин бедности чаще указывали представители из высокообеспеченных семей.

В целом, следует признать, люди значительно чаще склонны считать факторами бедности характеристики системы, реже — личные качества.

Возможно, представления населения в последующем претерпели некоторые изменения по сравнению с 1996 г. Хотя 5 лет между исследованиями, как показали результаты исследований, не внесли принципиальных новшеств. События последних лет показывают, что население в трудных ситуациях по-прежнему апеллирует к государству, а значит, и в качестве причин своего неблагополучия оно склонно считать его действия. Видимо, в общественном мнении социально-экономические условия деятельности до сих пор являются главными факторами бедности населения.

Исследования, проведенные нами, позволяют проанализировать влияние ряда факторов на формирование бедности. Мы представим здесь влияние базовых условий формирования бедности, и среди них будут социальные и демографические факторы, но касающиеся развития любого члена общества.

Общеизвестным является факт бедности российских граждан, проживающих в сельской местности. Да и в мировой практике признано, что население более урбанизированных социальных сообществ имеет большие возможности для своего развития и характеризуется, как правило, меньшим удельным весом бедных. В России сегодня это связано с глубоким кризисом сельскохозяйственного производства, сменой форм собственности и другими перестроечными процессами. Однако исследования 1998 и 1999 гг.¹² показали наличие некоторых новых явлений, а возможно и тенденций, в социальном развитии некоторых территориальных «сельских» групп. Отрадно отметить, что с 1998 по 1999 г. на селе значительно снизился удельный вес населения, находящегося за порогом бедности. (За порог бедности в данном случае взят бюджет прожиточного минимума для Новосибирской области, где шло исследование). Если в 1997 г. эта группа составляла 81 %, то в 1998 г. — 63 %. В то же время следует отметить, что вырос удельный вес группы «бедных», проживающих в городах областного подчинения. В 1997 г. здесь эта группа составляла 60 %, а в 1998 г. она выросла до 67 %. Еще более серьезные отрицательные сдви-

ги произошли с населением в городах районного подчинения. Здесь группа «бедных» увеличилась более чем в два раза. В 1997 г. она составляла 28 %, а в 1998 г. выросла до 58 %. Самым серьезным образом выросла бедность в мегаполисе — г. Новосибирск. Здесь она за год увеличилась с 26 до 52 %. С другой стороны, положительная тенденция снижения бедности нами зафиксирована для населения поселков городского типа. Здесь удельный вес населения с низкими доходами в 1997 г. составлял 68 %, а в 1998 г. он снизился до 53 %.

В целом анализ уровня бедности различных территориальных групп показывает, что наступила некоторая адаптация и возникли возможности самозащиты для собственно сельских групп, а именно для населения, проживающего в сельской местности и поселках городского типа. В то же время, очевидно, усугубилось положение населения, проживающего в городах районного и областного подчинения и областного значения. Исследование 1999 г. подтвердило эту тенденцию. Представляется необходимым далее принять особые меры по борьбе с бедностью именно этих групп населения.

Возможно, это следует сделать в рамках целевых программ, разработанных с учетом специфики социального развития различного типа территорий (рис. 5.3).

Фактически перед нами новое социальное явление — рост бедности города, что при отсутствии радикальных управленческих действий может привести к формированию гетто нового типа — российского гетто XXI в.

Очевидно, уровень бедности сегодня, как и ранее, связан также с принадлежностью к той или иной социальной группе. Полученные нами данные показывают, на первый взгляд, парадоксальный факт. Фактически равным является удельный вес группы с низкими доходами в двух социальных группах: рабочие и безработные. Таких в той и другой группах насчитывается 64 %. Это означает, что сегодня занятость такой социальной группы, как рабочие, не приносит возможности нормального удовлетворения социальных потребностей. В России сегодня «выгодно» быть безработным. Это влечет за собой такой же уровень материального обеспечения, что и работа. Перед нами пример типичной «ловушки» бедности (рис. 5.4).

Под «ловушкой» бедности в социологии бедности понимается состояние, когда быть бедным является более «выгодным», чем преодолеть это положение. В России сегодня быть безработным выгоднее, поскольку, при той же бедности, что и у рабочих, им не приходится тратить значительные ресурсы на свою работу, получая при этом крайне низкую заработную плату или не получая ее месяцами и годами.

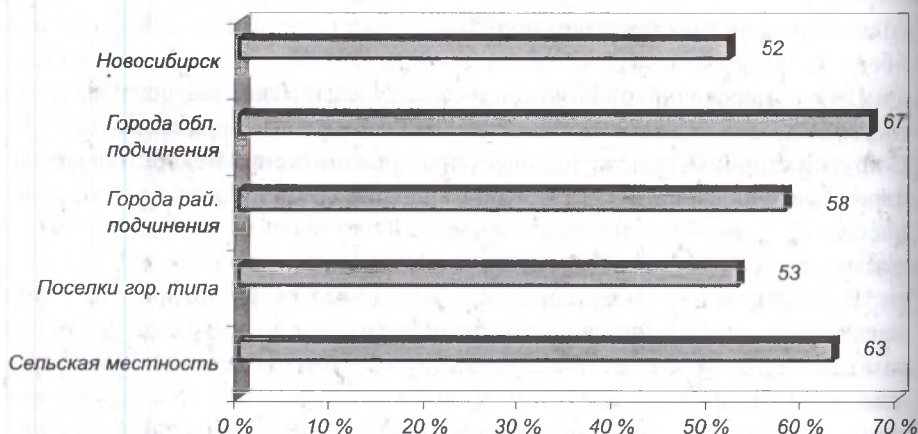

Рис. 5.3. Уровень бедности в различных населенных пунктах Новосибирской обл. (декабрь 2000 г., 2500 единиц анализа — домохозяйств), % от всей совокупности

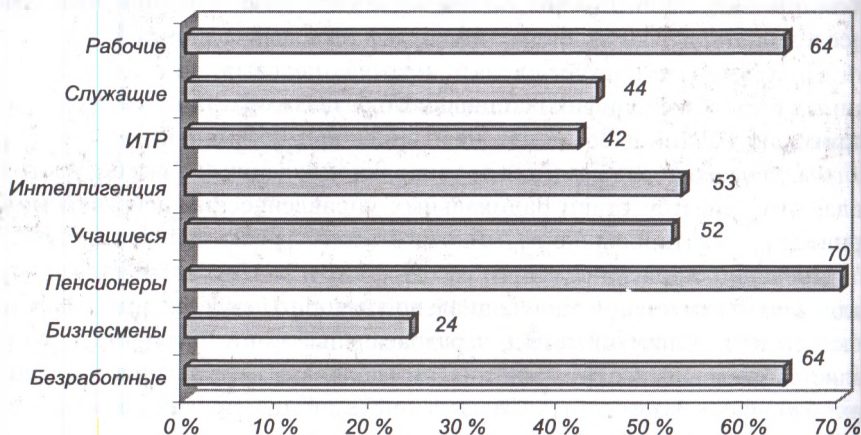

Рис. 5.4. Уровень бедности в различных социальных группах Новосибирской обл. (декабрь 2000 г., 2500 единиц анализа — домохозяйств), % от всей совокупности

Представленные нами данные показывают, что самыми «бедными» сегодня являются пенсионеры. Здесь группа лиц с низкими доходами составляет 70 %. Как правило, именно упрощенный подход к таким данным ведет к тому, что сегодня эта группа в России относится к наиболее социально ослабленным группам общества и в соответствии с такой оценкой по отношению к этой группе осуществляется самая большая совокупность мероприятий в области социальной защиты. Данные наших исследований по-

казали, что, к примеру, на территории Новосибирской области 85 % пенсионеров пользуются различными социальными льготами.

Следует также признать неправомерность использования одного и того же «порога бедности» для анализа материального положения всех социальных групп. Как известно, существенно различаются нормативные показатели прожиточного минимума для различных половозрастных групп. К примеру, прожиточный минимум пенсионеров составляет 70 % среднедушевого прожиточного минимума работающего населения. Если учесть наличие именно для группы пенсионеров большой совокупности социальных льгот, то следует предположить, что «порогом бедности» для пенсионеров следует считать сумму, равную половине прожиточного минимума. И расчеты, сделанные на основе такого подхода, позволяют утверждать, что реальный уровень бедности в этой группе тогда составлял бы 28 %. Очевидно, положение этой группы сегодня следует признать более благополучным, чем положение других социально ослабленных групп. Правда, эта возможность наступает только тогда, когда выплата пенсий осуществляется строго вовремя.

Значимым фактором формирования бедности населения России является уровень образования (рис. 5.5).

Анализ данных исследований, проведенных в Новосибирской области, показывает, что высокий уровень бедности характерен для групп с низким уровнем образования. Самый низкий уровень образования дает самый высокий уровень бедности. В данном случае результаты исследования подтверждают классическую тенденцию социального развития стран с рыноч-

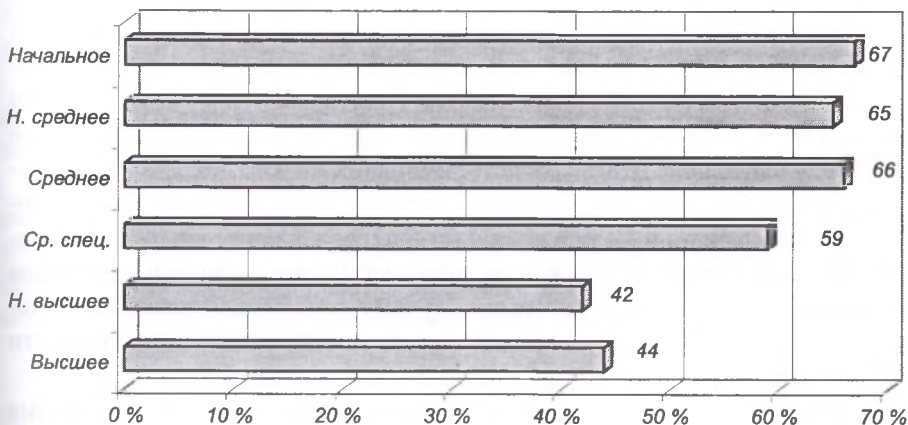

Рис. 5.5. Уровень бедности в зависимости от образования (Новосибирская обл. декабрь 2000 г., 2500 единиц анализа — домохозяйств), % от всей совокупности

ной экономикой. Как известно, именно образование, точнее сказать, его высокий уровень во всем мире является уходом от бедности.

Правда, «российский вариант» действия этого фактора имеет на первый взгляд парадоксальный характер. Как показывают представленные данные, сегодня одинаково бедны люди, имеющие в трудоспособном возрасте (расчеты, на основе которых построена диаграмма, включают опрошенных лишь 18 лет и старше) начальное, неполное среднее и среднее образование. Видимо, следует признать, что современное среднее образование в России не дает необходимых качеств, позволяющих члену общества занимать социальные позиции, исключающие или хотя бы снижающие вероятность пребывания в бедности. Скорее всего, это связано с тем, что, в сложившихся российских условиях среднее образование не дает значимых навыков и умений конкурирования на рынке труда. Возможно, сегодня стоит вопрос не о реформировании среднего образования по пути увеличения лет обучения (как известно, принято решение о переходе в ближайшие 10 лет к 12-летнему среднему образованию), а о профессионализации средней школы в соответствии с уровнями обучения и запросами рынка труда, на региональном уровне, прежде всего. Итак, среднее образование, с точки зрения «вклада» этого фактора в формирование российской бедности, требует изменения его функционирования, а его реформирование, видимо, должно идти по пути профессионализации и регионализации.

Столь же классическим признаком бедности является и структура семьи. Многодетные семьи, как правило, являются бедными. Это не зависит от типов экономического развития или политического режима. Однако в современных условиях развития России значительная бедность характерна уже для семей, насчитывающих всего 4 человека. Более того, для групп населения, в семейной структуре которых насчитывается 5, 6, 7 членов и более, удельный вес домохозяйств, имеющих низкие доходы, фактически одинаков. Это означает, что семья будет бедной, если в ней 7—8 человек и столь же бедной, если в ней будет 5 членов. Скорее всего, это «сглаживание» социального положения наступает за счет значительного числа социальных трансфертов, которые получают семьи, насчитывающие 7 человек и более. Такое положение многодетных семей может привести к формированию еще одной «ловушки бедности» (рис. 5.6).

Правда, следует учесть, что число многодетных семей сегодня весьма незначительно. Например, семьи, насчитывающие 5 человек и более, составляют всего около 10 % всех домохозяйств Новосибирской области. На наш взгляд, все целевые программы, посвященные многодетным семьям,

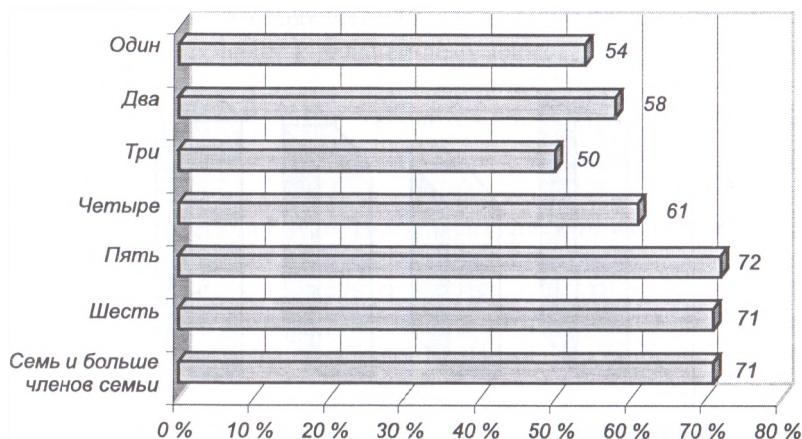

Рис. 5.6. Уровень бедности и число членов семьи (Новосибирская обл., декабрь 2000 г., 2500 единиц анализа — домохозяйств), % от всей совокупности

которые реализуются на территории России, должны быть пересмотрены. А их дальнейшая реализация должна соответствовать двум требованиям:

1. Совокупность социальных трансфертов, предоставляемых этой группе населения, не должна формировать патерналистских настроений и усугублять «ловушки бедности».

2. Любая мера в области защиты этой категории населения должна быть направлена на формирование у нее мотивации к самостоятельности и самозащите.

Совершенно нетрадиционное влияние на формирование бедности в России сегодня оказывает форма собственности предприятий (учреждений), на которых трудятся члены общества (рис. 5.7).

Как показывают представленные данные, наиболее бедными оказались работники государственных учреждений и предприятий с акционерной формой собственности. Если государство достаточно часто выступает неэффективным собственником и не только в России, то неэффективный акционерный собственник — это явление только российское.

Последнее может иметь два варианта объяснений.

Вариант 1. Возможно, значительный уровень бедности работников акционерных предприятий связан с тем, что основным (решающим) собственником этих предприятий по-прежнему является государство, имеющее контрольный пакет акций и т. д. И, в силу общего кризиса экономики, оно не располагает достаточными ресурсами для развития этих предприя-

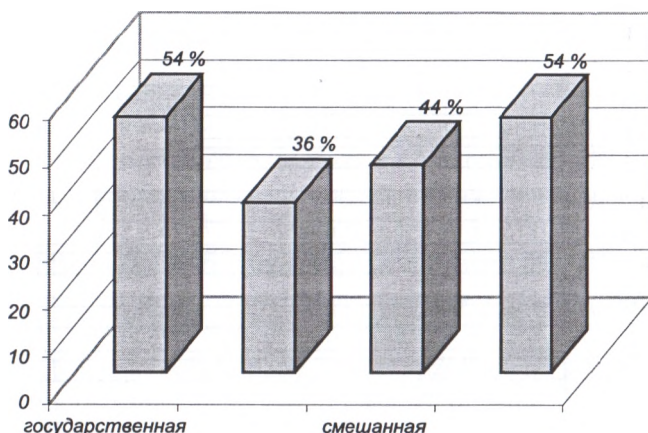

Рис. 5.7. Уровень бедности и форма собственности предприятий (Новосибирская обл., декабрь 2000г., 2500 единиц анализа — домохозяйств), % от всей совокупности
1 — государственная; 2 — частная; 3 — смешанная, с иностранным капиталом; 4 — акционерная.

тий. Но тогда следует убрать государство из этой сферы и передать его часть собственности более эффективному собственнику.

Вариант 2. Данными предприятиями владеет в большей степени «частно-коллективный» собственник — акционеры без государства, но он занижает стоимость труда работников, не выплачивает заработную плату и фактически не несет ответственности за содержание той рабочей силы, которая им используется, усугубляя рост бедности, выступая фактором бедности, что не известно мировой практике. В этом случае следует усилить роль государства в защите интересов работников через ужесточение контроля за оплатой труда, через институт социального партнерства.

Скорее всего, в реальном развитии России имеют место оба варианта, но это лишь подтверждает необходимость изменения политики государства для преодоления негативного развития этой формы собственности и снижения уровня бедности.

В целом анализ действия базовых факторов формирования бедности в России показывает, что более других на усиление этого состояния влияют социально-экономические факторы: принадлежность к этой или иной социальной или территориальной группе, уровень образования, структура и состав семьи, форма собственности предприятия (учреждения), где трудятся члена общества. В большинстве случаев действие базовых факторов на формирование бедности носит классический характер, уже известный мировой практике и зафиксированный в социологии бедности. Однако

в ряде случаев мы имеем зарождение так называемых «ловушек бедности», сохранение которых ведет к дальнейшему нарастанию бедности и, самое главное, признанию ее удобнее, чем предпринимать усилия по ее преодолению. В России быть бедным становится в ряде случаев более выгодно, чем бороться с нею.

5.3. Структура бедности и структура бедных в России

Влияние различных по характеру, интенсивности и степени воздействия на положение тех или иных групп факторов ведет к формированию в обществе различных типов бедности. Пожалуй, наиболее интересную (и продуктивную) классификацию типов бедности предложил Л.А. Гордон¹³. Автор указывает, что «...ядро проблемы бедности — присутствие в обществе людей, семей, социальных групп и категорий населения, чьи доходы не достигают определенной минимальной величины и чье потребление поэтому находится ниже некоторых минимальных нормативов». Конечно, эти нормативы меняются со временем и различаются в пространстве (региональном и социальном). Однако на протяжении довольно значительных периодов наборы потребительских благ, на основе которых складываются такие нормативы, остаются постоянными. В каждый данный момент их содержание и стоимость могут быть представлены в виде более или менее четко определенных и в этом смысле абсолютных показателей. Соответственно, тип бедности, выражающийся в том, что доходы той или иной семьи, группы, слоя не достигают данной величины, можно рассматривать в качестве бедности абсолютной.

Показатели, сравнение с которыми позволяет выделить абсолютно бедную часть общества, связаны с физиологическими, социальными, культурно обусловленными качественными порогами потребления. В сложных современных обществах практически всегда существуют несколько таких порогов. Поэтому при выделении людей и групп, находящихся в ситуации абсолютной бедности, целесообразно одновременно принимать в расчет ее степень.

В нынешней России отчетливо выделяются, указывает Л.А. Гордон, — три степени абсолютной бедности: нищета, наиболее глубокая острая бедность; нужда, средняя бедность; необеспеченность, или недостаточная обеспеченность, умеренная бедность. Конечно, количественные, выражаемые в деньгах, границы подобных категорий довольно условны, до некоторой степени расплывчаты. Но в качественном и социальном смысле они совершенно определены.

В положении абсолютной нищеты, наиболее глубокой бедности, считает автор, находятся люди, не имеющие физиологического минимума средств к жизни. Это те, кто стоит на грани постоянного недоедания, если не голода, или за этой гранью. В сегодняшней российской обстановке условным показателем такой грани можно считать стоимость простейшего набора продуктов питания, входящих в официальный прожиточный минимум.

Нужда, средний уровень бедности, охватывает группы населения, которым хватает средств на удовлетворение простейших физиологических потребностей, но кто не может удовлетворить социальные потребности, даже самые элементарные. В этих группах обычно нет регулярного недоедания, но не обновляются одежда и обувь, нет средств на лечение, отдых и т. п. В сегодняшней ситуации верхнюю границу нужды образует официальный прожиточный минимум, рассчитываемый Министерством труда и социального развития и фактически являющийся у нас показателем именно социального минимума (в отличие от стоимости одного лишь продуктового набора, указывающего примерные пределы чисто физиологического минимума). Таким образом, в состоянии нужды оказываются люди, доходы которых меньше официального прожиточного минимума, но больше его половины или двух третей.

Наконец, необеспеченностью, умеренной бедностью, указывает Л.А. Гордон, переходом от бедности к «небедности» можно считать уровень жизни, при котором удовлетворяются элементарные потребности — как физиологические, так и социальные, но остаются не удовлетворенными потребности более сложные и высокие. В таких условиях люди более или менее сытно едят (хотя их рацион отнюдь не сбалансирован и их питание нельзя считать здоровым), как-то обновляют одежду, лечатся, отдыхают. Однако все это делается на уровне и в формах, не достигающих образцов, считающихся в рамках данной культуры нормальными и достойными. Иными словами, здесь обеспечен прожиточный минимум, но нет достатка.

Развернутых расчетов, характеризующих критерии этого последнего уровня, сейчас не ведется. Однако в качестве показателя его примерной границы можно использовать удвоенную величину официального прожиточного минимума, которая, по мнению ряда специалистов (в частности, Центра по изучению уровня жизни при Минздравсоцразвития РФ), в среднем достаточна, чтобы удовлетворить нормальные (а не только элементарные) нужды человека — как они, эти нужды, понимаются большинством населения в нашей стране и в наше время. Некоторые авторы используют в этих целях душевой доход, равный средней заработной плате. Похоже, что грань между достатком и необеспеченностью показывает также оценка прожиточ-

ного минимума самим населением и экспертами в опросах ВЦИОМ. В противоположность официальному истолкованию около 70 % опрошенных склонно считать таким минимумом сумму, «которая обеспечивает человеку не просто выживание, но приличное, хотя и скромное существование».

Реальное ощущение бедности вызывается не одним лишь соотношением уровня жизни с некоторым абсолютным нормативом или образом потребления и жизненной обстановки. Не меньшее значение имеет сравнение положения человека или социальной группы, слоя населения с доходами и жизненными обстоятельствами других людей или со своим собственным положением в прошлом, пишет Л.А. Гордон. Сравнение это не всегда четко отрефлексировано, но как полуосознанное чувство, как фон мировосприятия оно присутствует почти у каждого человека.

Проблемы, вызываемые ощущением бедности сравнительно с другими людьми или прошлым, практически не отделимы от проблем социальной справедливости. Если в обществе существуют массовые группы, считающие свой уровень жизни существенно и неоправданно более низким, чем у иных социальных категорий или в иное время, на иной территории, то такие группы будут чувствовать и вести себя как находящиеся в ситуации бедности, независимо от абсолютной величины их доходов и потребления. В этом смысле уместно говорить (в отличие от абсолютной) об *относительной* бедности.

Различение абсолютной и относительной бедности — не просто классификационное ухищрение, считает этот автор. Эти формы бедности имеют неодинаковую перспективу, и для их преодоления нужно использовать различные методы. Абсолютная бедность ликвидируется по преимуществу развитием производства, наращиванием валового продукта, того «общественного пирога», величина которого, в конечном счете, определяет уровень потребления. В противостоянии абсолютной бедности вмешательство в разделение этого «пирога» играет второстепенную роль — оно нужно лишь для того, чтобы предотвратить крайние формы социальной обделенности. Применительно же к относительной бедности дело обстоит иначе. Здесь как раз большее значение имеет раздел «общественного пирога», создание механизмов, предотвращающих чрезмерное неравенство. Соответственно идеальная цель борьбы с абсолютной бедностью — ее абсолютное преодоление: в здоровом обществе, и тем более в социальном государстве, не должно быть людей, не имеющих прожиточного минимума. Напротив, задача борьбы с относительной бедностью — не полное устранение неравенства, но его оптимизация, приведение к уровню, не выходящему за приемлемые в данном обществе пределы и, вместе с тем, не подрывающему стимулы социально-экономической активности.

Природа относительной бедности делает ее границы и внутреннюю структуру особенно многообразными, подвижными и переменчивыми. Их выражение в критериях и цифрах отличаются у Л.А. Гордона еще большей приблизительностью и условностью, чем в случаях определения общего порога и отдельных категорий абсолютной бедности.

Простейший и, в некотором смысле, наиболее надежный способ определения групп, пишет автор, находящихся в ситуации относительной бедности, — выделить категории населения, чьи доходы и потребление заметно ниже, чем у основной, наиболее многочисленной части общества.

Нередко хуже всего живущие группы выделяют на простой количественной основе. Берутся 25, 20 или 10 % населения с наименьшими доходами (т. е. нижний квартиль, квантиль и дециль распределения домохозяйств по доходам) или люди, чей доход не достигает половины среднестатистического дохода. Это выявляет тенденции, отличающие жизнь и потребление относительно самых бедных групп от более благополучных.

Более обоснованным, считает Л.А. Гордон, является использование в качестве точки отсчета не средней величины дохода, но его модального значения. Уже простое выделение той части населения, чьи доходы ниже модальных, дает возможность вычленировать категорию, живущую хуже именно основных, наиболее массовых слоев данного общества.

Следует, однако, подчеркнуть, что, хотя с формально-статистической точки зрения общество или его части всегда могут быть разбиты на категории с доходами ниже модальных, от модальных до средних и т. д., такая разбивка имеет серьезный социальный смысл главным образом в богатых и стабильных обществах. Что же касается бедных и кризисных стран, таких как Россия, где основная масса населения едва обеспечивает себе прожиточный минимум, то здесь категории, чье положение хуже групп, находящихся в модальных и даже средних условиях, по большей части совпадают с населением, живущим на уровне абсолютной нищеты или нужды. Различение их оказывается не слишком продуктивным.

Иными словами, проявления относительной бедности, возникающие в итоге того, что часть населения живет заметно хуже основной его массы (т. е. то, что можно называть относительной нищетой и относительной нуждой), затрагивает практически те же категории, которые охватываются абсолютной нищетой и нуждой.

Отсюда, тем не менее, не следует, что относительные формы нужды, нищеты, необеспеченности вообще не заслуживают внимания в современной России. Ситуация может довольно быстро измениться.

В этом случае сохранение длительное время разрыва между большинством общества, живущим в абсолютной бедности или на уровне самого минимального достатка, и той его частью, которую можно отнести к богатым или действительно зажиточным, меняет сознание бедных. Это может вызывать и обострять ощущение относительной ущемленности. Признаки подобной ситуации уже сейчас есть в России.

Но если детальная классификация разновидностей обеднения не слишком необходима при анализе проблем сегодняшней российской бедности, самый факт обеднения, охват этим процессом огромной части общества, явно имеет первостепенное значение. Поэтому в рамках первичной типологии разновидностей бедности, характерных для современной России, целесообразно отразить явления резкого снижения уровня жизни, условно рассматривая обеднение как особую диахронную форму относительной бедности.

Социальную напряженность вызывает, считает Л.А. Гордон, не только то, что нынешний жизненный стандарт миллионов людей не обеспечивает прожиточный минимум и тем более достаток. Напряжение возникает и потому, что материально-имущественные и социальные условия стали хуже, чем были у тех же людей всего несколько лет назад. Социально-психологическое соотнесение тут происходит не с другими группами, как бывает в классических разновидностях синхронной относительной бедности, но с собственной жизнью, какой ее помнят (и ощущают как норму) сам человек, его дети и близкие.

Вычленив диахронную относительную бедность (обеднение) стоит еще и потому, что в современной России она действительно играет самостоятельную роль. Обеднение охватывает более широкий круг населения, чем абсолютная бедность: в первом случае это по меньшей мере две трети, если не три четверти населения, во втором — треть или половина¹⁴. Еще важнее, что наиболее острые разновидности диахронной относительной бедности и наиболее глубокая абсолютная бедность характерны не для одних и тех же, но для разных общественных слоев. Абсолютно беднее всех сегодня те же, что были и раньше бедными, относительно обеднели больше всех совсем другие люди, принадлежавшие прежде к средним и средневысоким общественным группам. Соответственно по отношению к ним необходимы другие меры социальной политики. В этом стоит согласиться с Л.А. Гордоном.

Другую классификацию бедности предложила Н.М. Римашевская¹⁵.

К настоящему времени, пишет автор, — в России сложились две формы бедности: «устойчивая» и «плавающая». Первая связана с тем, что бед-

ность, как правило, рождает бедность. Низкий уровень материальной обеспеченности ведет к ухудшению здоровья, деqualификации, депрофессионализации, а в конечном счете, — к деградации. Бедные родители воспроизводят потенциально бедных детей, что определяется уже их здоровьем, образованием, квалификацией. Вторая, более редкая, связана с тем, что бедные, предпринимая усилия, выскакивают из замкнутого круга и, адаптируясь к новым условиям, отстаивают право на лучшую жизнь. Разумеется, для такого прыжка нужны не только субъективные, но и объективные условия, создаваемые обществом.

Институт экономического развития Всемирного банка¹⁶, который имеет значительный опыт исследования проблем бедности и разработки программ борьбы с бедностью, считает, что «отправной точкой при выборе стратегии борьбы с бедностью, является четкое уяснение природы бедности». При этом, говоря о природе бедности, специалисты Всемирного банка подразделяют бедность на хроническую и временную¹⁷. Под хронической бедностью они понимают «постоянную, структурную бедность», т. е. состояние определенных групп населения, характер развития которых не позволяет им в течение длительного времени преодолеть «черту бедности». Хроническая бедность прежде всего связана с хронической нетрудоспособностью, которая обычно наступает в результате физической инвалидности, умственной неполноценности, длительной болезни или преклонного возраста. К снижению трудоспособности приводят: 1) неполная предсказуемость событий жизненного цикла, например, рождение двойни или внезапная смерть кормильца; 2) резкое падение совокупного спроса или дисбаланс структуры расходов как результат экономического спада, переходного процесса, неизбежного урезания государственных расходов или спада производства в тех отраслях, из которых затруднен отток рабочей силы; 3) неурожаи (вызванные засухами, наводнениями или вредителями), особенно если они влияют на уровни цен и объемы производства на обширной территории, что лишает бедное население сельской местности обычных источников защиты своих доходов через традиционные каналы (традиционные механизмы взаимопомощи, система социальной защиты, общественные работы и т. д., и т. п.)¹⁸. В отличие от хронической бедности, временная бедность свидетельствует об опускании части домохозяйств за черту бедности в силу некоторых причин, устранение которых позволит им вновь преодолеть порог бедности.

Наряду с делением бедности на хроническую и временную, что связано с природой этого состояния, эксперты Всемирного банка считают необходимым различать глубокую и острую бедность. Эта классификация, по

мнению авторов, связана с характером проявления этого состояния. При этом понятие «проявление» ими относится к количеству бедных, т. е. лиц, доход которых ниже уровня бедности. «Глубина» бедности относится к «отставанию» от черты бедности среднего дохода бедных. «Острота» бедности относится к тому, насколько доход беднейших лиц оказывается ниже черты бедности. Бедность считается неглубокой («мелкой»), когда большинство неимущих сосредоточены около черты бедности: в данном случае острота бедности невелика. Наглядно эти виды бедности представлены на рис. 5.8.

Авторы отмечают, что при определенных характеристиках развития возможны неглубокая, но острая бедность и глубокая, но не острая бедность.

Неглубокая, но острая бедность представлена тогда, когда средний доход бедных незначительно отстает от черты бедности, но таких бедных имеется значительное количество.

Глубокая, но не острая бедность свидетельствует о наличии в обществе группы людей, доход которых значительно ниже черты бедности, например, в 2—3 раза, но эта группа является весьма немногочисленной.

Следует согласиться с авторами такого подхода, что деление бедности на хроническую и временную, а также определение ее остроты и глубины чрезвычайно полезны при выборе типа программы преодоления бедности, хотя определенные возможности данная классификация предоставляет и в контексте научных исследований этого состояния. По крайней мере, ее

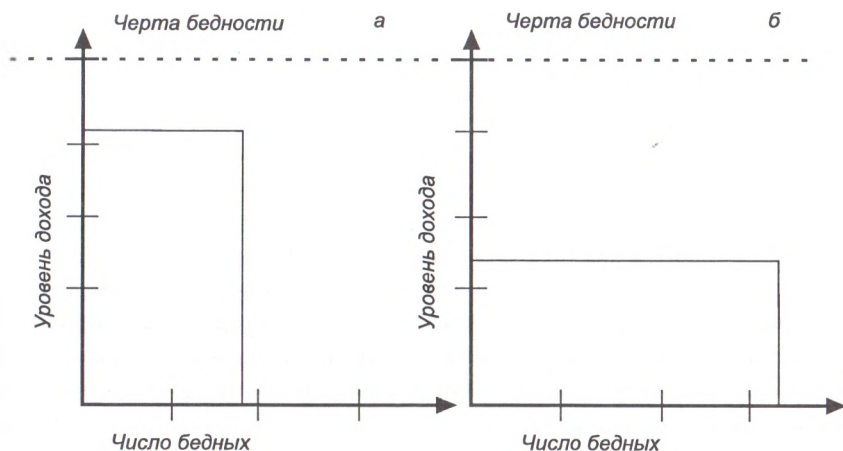

Рис. 5.8. Виды бедности:

а — неглубокая и неострая бедность; б — глубокая и острая бедность

использование позволяет определить природу бедности и ее масштаб в той или иной стране. А, в конечном счете, типологизировать сами «бедные страны».

Европейские исследователи в лице, прежде всего, видных итальянских социологов А. Ардиги, Дж. Пьеретти и других рассматривали структуру бедности в двух «измерениях». С одной стороны, они выделяли в ней абсолютную и относительную бедность, с другой, они анализировали материальную или «старую» форму бедности и символическую или «новую», причем утверждали, что между ними имеется связь¹⁹.

Следует согласиться с утверждением европейских авторов, что сегодня бедность не существует в единственной форме, речь должна идти о многообразии, и внутри каждой из форм бедность дифференцируется.

Еще один подход к определению структуры бедности использует российская статистика. В мониторинге социально-экономического потенциала семей, осуществляемом Государственным комитетом РФ по статистике и Министерством социальной защиты населения РФ (сейчас Минздравсоцразвития) с 1995 г., используется другой подход к определению структуры бедности. Здесь бедность подразделяется на две формы: крайняя и постоянная бедность.

К крайней форме бедности относятся семьи, имеющие среднедушевые денежные доходы в 2 раза и более ниже прожиточного минимума, а к постоянной бедности — семьи со среднедушевыми денежными доходами ниже прожиточного минимума постоянно в течение наблюдаемого времени (не менее одного квартала)²⁰.

При всей значимости представленных подходов к определению структуры бедности, очевидно, все они базируются на характеристиках того состояния, которое возникает у индивидов, семей или групп населения в случае «отставания» их от абсолютного или относительного денежного или иного типа порога, черты, уровня дохода. Отсюда, бедность либо «плавающая», устойчивая, острая, глубокая, крайняя, постоянная, хроническая, временная, либо — нищета, нужда, необеспеченность и т. д.

Лишь в одном случае, когда авторы предлагают делить ее на хроническую и временную, структура бедности позволяет увидеть ее природу. Но для этого исследователям пришлось ввести понятие «хроническая нетрудоспособность» и определить три типа факторов, формирующих или определяющих это состояние. Однако ни один из предложенных подходов к структуре бедности не позволяет показать роль, влияние и место, занимаемое той или иной формой бедности или явлением в целом в развитии общества.

Представляется, в этой связи, что было бы продуктивным предложить еще один подход к определению структуры бедности. Одним из оснований классификации бедности может выступать, как нам кажется, характер использования индивидом, семьей или социальной группой ресурсов для своего жизнеобеспечения. Согласно этому основанию можно выделить два типа жизнеобеспечения человека: это использование преимущественно своих ресурсов либо опора и расчет в основном на чужие ресурсы. Очевидно, для любого общества принципиально важно, какими способами составляющие его члены обеспечивают себя: за счет своих ресурсов (труда, собственности и т. п.) или за счет ресурсов общества, других людей, государства и т. д. В контексте развития общества независимое жизнеобеспечение представляет его «позитивную» форму, предполагающую самореализацию индивида, его участие в общественном производстве, создании материальных и духовных ценностей. Использование же чужих ресурсов предполагает развитие общества в «негативной» форме, деструктивной для личности и сообщества в целом²¹.

Такой подход позволяет нам выделить в структуре бедности три формы:

- «паразитическая» бедность;
- «пассивная» бедность;
- «активная» бедность.

«Паразитическая» бедность — это состояние, при котором индивид, семья, группа имеют крайне низкие доходы, как правило, нерегулярные. Но, самое главное при этом, их основная часть предоставляется им либо обществом, либо другими людьми, либо совместно тем и другими. Фактически в данном случае мы имеем социальное потребление чужих ресурсов. Несомненно — это крайняя форма бедности, но когда для такого существования избирается форма использования чужих ресурсов — это «паразитическая» бедность. В российском обществе сегодня достаточно распространенным явлением является бродяжничество, попрошайничество, «профессиональное нищенство» и т. п., что подтверждает необходимость выделения такой формы бедности, поскольку это позволяет говорить об особой субкультуре целой группы населения²², а значит и формах ее преодоления.

Следующая форма бедности, которую мы предложили называть «пассивной» бедностью, имеет другой характер потребления ресурсов. Очевидно, и в этом случае количество ресурсов, которое потребляется для жизнеобеспечения, крайне незначительно, но в данной форме речь идет об использовании собственных ресурсов. А ограничение ресурсов связано с некоторыми — объективно заданными условиям существования индивида или семьи: врожденная или приобретенная инвалидность, проживание

на территории, относящейся к экономически депрессивным районам, либо территории, перенесшей природные, техногенные и социальные катаклизмы (например, события в Чечне и т. п.).

И, наконец, третья форма бедности, которая получила название «активная» бедность, также базируется на потреблении в основном собственных ресурсов. Но для этой группы населения характерна совокупность действий, позволяющих расширить количество этих ресурсов, а значит, существует возможность преодолеть состояние бедности. Индивиды или семьи этого типа, несмотря на ограниченные ресурсы, стремятся к повышению своего образования или образования своих детей, приобретению новой специальности, они идут на переезд в другие территории и т. д.

Очевидно, предложенный подход к определению структуры бедности позволяет более продуктивно решать проблемы преодоления бедности. В данном случае учитывается не только природа бедности, но и тип связей бедных с обществом, возникающих у различных групп индивидов и семей в состоянии бедности. Следует признать, что во всех случаях бедность — это состояние, которое ведет к осложнению, а иногда и разрыву социальных связей. И лишь регулирование социальных связей позволяет преодолеть бедность. Именно в случае восстановления или строительства новых социальных связей с учетом типа развития или трансформации общества возникает возможность формирования необходимого количества ресурсов, — например дохода, — для преодоления бедности. Современное представление о бедности большей частью идет от обратного. Если дать возможность индивидам или группам людей повысить свой доход, то бедность будет преодолена. Однако факты свидетельствуют об обратном. К примеру, известно о значительном состоянии некоторых профессиональных нищих, но это не привело к развитию их личности. Как правило, наоборот, углубление социального паразитизма подобных индивидов ведет к их стремительной личностной и общественной деградации.

Более того, представления о «паразитической», «пассивной» и «активной» бедности позволяют различать и корректно выстраивать стратегии борьбы с бедностью и паразитизмом и принимать меры по оказанию помощи и преодолению бедности индивидов, семей и социальных групп.

Еще один подход к определению структуры бедности позволяет, как нам кажется, установить причины возникновения в обществе этого явления. В этом смысле представляется возможным деление бедности на «институциональную» бедность и «фоновую» бедность.

Причины институциональной бедности связаны с невозможностью выполнения индивидом функций занятости и создания необходимых ре-

сурсов. Это может иметь как объективные, так и субъективные основания: болезнь, инвалидность, старость, нежелание работать, склонность к алкоголизму и т. д.

Фоновая бедность связана с проблемами развития «внешнего мира». В основе такой бедности лежат процессы экономической и политической трансформации общества: смена форм собственности, изменение приоритетов экономического развития, политические и социальные конфликты, природные и техногенные катаклизмы и т. д.

Большинство специалистов и управленцев сходятся сегодня в том, что основной «поток» бедности в России обусловлен социально-экономической трансформацией общества. В этом смысле мы имеем, прежде всего, дело с фоновой бедностью. Но длительное воздействие причин внешнего порядка, отсутствие государственного регулирования в сфере занятости приводят к усилению институциональной бедности.

Нерешенность проблем военно-промышленного комплекса, сферы научного производства, сельского хозяйства и других отраслей привело к появлению в обществе значительной группы людей, «разучившихся» работать и просто опустившихся до бродяжничества, алкоголизма, тунеядства и преступности.

Очевидно, эти две формы бедности взаимообусловлены и взаимосвязаны, но следует согласиться, что сегодня определяющей в этой взаимосвязи является в российском обществе фоновая бедность.

В целом все представленные подходы к определению структуры бедности, сложившиеся в социологии, экономике и статистике, позволяют осуществлять «многофакторный» и многоуровневый анализ этого явления и предлагать корректные подходы к решению этой социальной проблемы.

Подход, предложенный Л.А. Гордоном, дает возможности структурирования и измерения абсолютной и относительной бедности, что, в свою очередь, позволяет прогнозировать развитие этого состояния и определять перспективы его преодоления.

На основе идей Н.М. Римашиевской возможно определение «корней» современной российской бедности. «Измерительный подход» Всемирного банка и Роскомстата позволяет представлять масштабы бедности в «трехмерном пространстве» и видеть совокупность необходимых ресурсов и усилий для преодоления бедности.

И, наконец, варианты, предложенные нами, дают возможности увидеть результаты этого состояния, формы воздействия бедности на общество и участие общества в ее развитии, а значит, выстроить программы действия общества в преодолении этого состояния, т. е. увидеть бедность как

социальное явление и социальную проблему одновременно и понять роль общества, без чего невозможна эффективная реализация социальной политики.

При всей важности выделения разновидностей бедности их недостаточно, чтобы передать своеобразие ее структуры в современной России. Применительно к практическим нуждам социальной политики решающее значение имеет изучение структуры бедных.

Каковы характеристики людей, представляющих ту или иную форму бедности? Кто является бедным?

Определить социальный состав бедных в России достаточно сложно, поскольку фактически отсутствуют корректные данные статистики. И поэтому в большинстве своем исследователи опираются на результаты социологических исследований.

В методологии изучения структуры бедных можно выделить два подхода. Часть исследователей делит бедных в России на две группы — традиционные бедные и новые бедные. К примеру, Дж. Брейтвейт в книге «Бедность в России» предлагает деление на «старых бедных» и «новых бедных», при этом в основу деления она кладет хронологию развития общества. Бедность советского времени, т. е. 50—80-х гг. — старые бедные, а бедность переходного периода, т. е. 1990-х гг. — новые бедные²³.

К старым бедным она относит семьи с детьми (с тремя и более), неполные семьи с детьми (матери-одиночки и др.), одиноких пенсионеров. Третий тип бедных семей составляли люди, занятые на низкооплачиваемой работе, по большей части женщины, работающие в отраслях экономики, где использовался в основном женский труд²⁴. Малочисленная группа — бездомные и лица, недавно вышедшие из исправительных и специальных лечебных учреждений. Главным отличием постпереходного периода от допереходного, указывает автор, является появление значительно большего числа новых бедных. Новые бедные составляли те же социально уязвимые группы, что и старые бедные, но одновременно сильно пополнились ряды работающих бедных. Впрочем, — пишет исследователь, — появилось одно существенное дополнение: увеличилось число семей, затронутых безработицей, которые заметно пополнили ряды новых бедных в России.

Несколько иначе структуру бедных представляет Н.М. Римашевская. В рамках переходного периода она выделяет две структуры бедных.

Наряду с *традиционной* бедностью (одинокие матери и многодетные семьи), сегодня появились так называемые «новые бедные», подобно «новым русским». В группу новых бедных²⁵ вошли те слои населения, которые по своему образованию и квалификации, социальному статусу и демографи-

ческому положению никогда ранее не относились к низшим слоям общества. Их низкие доходы сегодня обусловлены небольшой зарплатой на государственных предприятиях (минимальный заработок здесь не превышает 15 % от прожиточного минимума), полной безработицей и частичной занятостью, которая охватывает, по экспертным оценкам, около 15 % экономически активного населения, а также невыплатой зарплаты и пенсий.

Бедность, безработица, экономическая и социальная нестабильность, несбыточность надежд, крушение планов интенсивно раскручивают процесс маргинализации населения, в результате которого появляется устойчивый слой социальных пауперов — следствие нарастания нисходящей социальной мобильности. Так формируется и укрепляется «социальное дно», которое включает нищих, просящих подаяние; бомжей, лишившихся жилья; беспризорных детей, потерявших родителей либо убежавших из дома; алкоголиков, наркоманов и проституток (включая детей), ведущих антисоциальный образ жизни. Разумеется, эти группы населения были в российском обществе и до перестройки, но масштабы явления были иными, к тому же власти стремились их как-то минимизировать.

По оценкам Н.М. Римашевской и других исследователей, численность маргиналов превышает 10 % населения. Особенность процесса маргинализации в России состоит в том, что выпадающие на «социальное дно» группы имеют весьма незначительную вероятность возвратиться к нормальной жизни, встроиться в рыночные отношения. Кроме того, наблюдается появление некоего социального «преддонья», включающего те слои населения, у которых высок риск скатиться на «дно». Они как бы балансируют на краю бездны.

Таким образом, структура бедных в России у Н.М. Римашевской фактически состоит из трех элементов. Это — традиционные и новые бедные, формирующие значительное «социальное дно».

Принципиально иной подход к структуре бедных развивает Л.А.Гордон. Он предлагает различать бедность «слабых» и бедность «сильных»²⁶.

Бедность «слабых» — это бедность нетрудоспособных и малотрудоспособных людей, инвалидов, больных, физически и психологически неустойчивых, а также работников, вынужденных нести непомерно большую нагрузку (кормильцы многодетных семей и т. п.). Ее можно назвать социальной бедностью, непосредственно обусловленной социально-демографическими свойствами определенных категорий населения. Те или иные проявления бедности «слабых» практически неизбежны в современных обществах. Социальная бедность, по крайней мере ее относительная форма, есть постоянная черта общественной жизни.

В отличие от бедности «слабых», бедность «сильных» возникает в чрезвычайных условиях, когда полноценные (а то и выдающиеся) работники, обычно способные получать доход, дающий «нормальный» жизненный стандарт, попадают в ситуацию, в которой не могут своим средненизменным трудом обеспечить принятый в данное время и в данном обществе уровень благосостояния. С этой точки зрения бедность «сильных» можно обозначить как *производственно-трудовую* или *экономическую* бедность, подчеркивая тем самым ее непосредственную обусловленность кризисной ситуацией в экономике, когда работник не получает заработка обычного масштаба.

В связи с задачами социальной политики различения производственно-трудовой и социальной бедности особенно важно потому, считает Л.А. Гордон, что из неодинаковой природы данных категорий вытекает необходимость разнот стратегии разрешения порождаемых ими проблем. Преодоление или хотя бы смягчение социальной бедности требует по преимуществу прямой помощи — предоставления «слабым» группам дополнительных денежных выплат или натуральных благ. Напротив, производственно-трудовая, экономическая бедность устраняется главным образом косвенной помощью, созданием условий, стимулирующих и развивающих их собственную трудовую активность (что, в конечном счете, увеличивает богатство общества в целом).

Различение бедности «сильных» и бедности «слабых» существенно еще и потому, считает Л.А. Гордон, что оно как бы обобщает, синтезирует все другие срезы этого сложного социального явления. Постоянная и абсолютная бедность чаще обрушивается на «слабых»; у «сильных» она обычно имеет временно-переменный (ситуативный) и относительный характер.

Очень важно также, что социальная бедность затрагивает меньшинство населения, не играющее, как правило, решающей роли в общественной жизни. Острой социальной и тем более политической проблемой она становится тогда, когда приобретает формы глубокой нищеты, представляющей социальную и нравственную угрозу для общества. Что же касается «сильных», то их обеднение может стать серьезнейшей проблемой и при меньшем снижении благосостояния. Его социально-политические последствия вообще мало зависят от того, до какого абсолютного уровня бедности (нищеты, нужды, недостаточной обеспеченности) дошел этот процесс. Здесь гораздо важнее глубина, контрастность, несоответствие привычным образцам и сопутствующие обстоятельства: большая или меньшая быстрота обеднения (и значит, большая или меньшая возможность приспособить-

ся к нему), относительная величина разрыва с прошлым или с другими группами.

Повышенная социальная опасность бедности «сильных» требует специального внимания к уточнению ее места в социальном и территориальном пространстве российского общества. Степень приспособляемости (или неприспособляемости) работников к меняющейся общественно-экономической системе обуславливают два ряда факторов. Во-первых, индивидуально-личностные свойства, потенциал самого работника на рынке труда. Во-вторых, рыночный потенциал предприятий, организаций, отраслей, региональных общностей, сфер экономики — т. е. общностно-коллективная конкурентоспособность на рынке труда.

Под воздействием индивидуальных факторов, как указывает Л.А. Гордон, в категории риска по отношению к производственно-трудоустройству (особенно на уровне нужды и нищеты) попадают по преимуществу плохо образованные работники среднего и старшего возраста, узкой или не слишком высокой квалификации, не привыкшие к смене занятий. Зачастую это представители тех самых трудовых династий, которые десятилетиями трудились на одном и том же рабочем месте. Психология и ценности кадровых работников, прежде облегчавшие им жизнь, становятся препятствием их адаптации в новых условиях.

В том же направлении при прочих равных действуют общепсихологическая склонность к консерватизму, конформность, боязнь новизны, не говоря уже о физической слабости, отсутствии характера, неготовности к соревнованию и конкуренции на рынке труда.

Однако, если бы формирование производственно-трудоустройства происходило только в соответствии с индивидуально-личностным потенциалом работников, вся ситуация по своим социально-политическим последствиям явилась бы количественно (не качественно) усиленным продолжением бедности «слабых». Но то обстоятельство, что обеднение полноценных работников зависит также от рыночного потенциала организаций и общностей, к которым они принадлежат, резко меняет и усложняет проблему определения уязвимых групп. По сочетанию индивидуально-личностных и коллективных потенциалов работники дифференцируются на четыре категории, в разной степени подверженных риску бедности. Две из них заслуживают наибольшего внимания применительно к локализации процессов обеднения.

Первая — менее квалифицированные и менее образованные работники, занятые на производствах, в отраслях, регионах, особенно тяжело входящих в рынок (ВПК, гиганты тяжелой промышленности, отстающие произ-

водства, хиреющие регионы). Обе группы факторов риска действуют тут в одном направлении, и потому вероятность возникновения производственно-трудовой бедности крайне велика. Сама бедность в данном случае вполне может достичь уровня глубокой нужды и даже абсолютной нищеты, мало отличной от социальной бедности нетрудоспособных. Совершенно реальной опасность обнищания станет, если в отраслях и регионах, трудно входящих в рынок, появится массовая безработица. Менее квалифицированные и психологически более слабые люди будут явно обречены на весьма длительные поиски работы; возможно, часть из них попадет в ситуацию застойной безработицы и без принятия специальных мер вообще не сумеет вернуться в народное хозяйство. Скорее всего, бедность в этой среде достигнет наибольшей глубины, но вряд ли активность данной группы сама по себе станет наибольшей угрозой социальной стабильности.

Вторая категория — квалифицированные, хорошо образованные молодые и сильные работники того же ВПК, гигантов промышленности, хиреющих регионов. Факторы риска бедности действуют здесь в разных направлениях, отчасти компенсируя друг друга. Повышенные тяготы перехода к рынку предприятий, где такие работники трудятся, и регионов, где они живут, снижают их благосостояние. Но высокий индивидуальный потенциал помогает им частично облегчить свое положение: сохранить оплачиваемую работу, если производство сокращается, получить дополнительные заработки, сравнительно быстро обрести новую работу или профессию в случае безработицы. Обеднение выливается здесь по большей части в нужду или недостаточную обеспеченность, а не в абсолютную нищету. Однако социальная опасность, связанная с обеднением молодых и квалифицированных работников, несравнимо серьезнее, нежели возможные последствия нищеты малоквалифицированных ветеранов производства. Автор считает, что диахронное относительное обеднение квалифицированных работников именно в отраслях типа ВПК достигает наибольшего масштаба. В сочетании со стремительным понижением реальных доходов контраст с прежним статусом способен вызвать интенсивное и устойчивое недовольство — тем более опасное для общества, что квалифицированные и образованные работники могут стать силой, объединяющей другие, менее активные слои недовольных, не способных к самореализации.

В социально-политическом смысле именно в среде квалифицированных работников ВПК, тяжелой промышленности, прикладной науки локализуется фокус, центральная точка современной российской бедности. Вместе с тем сейчас и еще не менее 10—20 лет (пока ныне живущие поколения останутся основным ядром населения) квалифицированные работ-

ники данных отраслей есть и будут лучшей частью трудовых ресурсов России. Так что и в экономическом отношении преодоление их бедности и активизация тем самым трудового потенциала имеют первостепенное значение.

Что касается работников, занятых на предприятиях и живущих в регионах, имеющих высокий рыночный потенциал, то менее квалифицированные, психологически слабые (третья категория) также подвергаются известному риску обеднения; для людей, обладающих высокими квалификацией, образованием, здоровьем (четвертая категория) проблемы бедности вообще не приобретут остроту.

В отличие от социальной бедности нетрудоспособных и многодетных, бедность полноценных работников сравнительно быстро перемещается от одной их категории к другой. Разумеется, пишет Л.А. Гордон, общее утверждение относительно ее концентрации главным образом в средах, тяжело приспособляющихся к рынку, остается верным на протяжении всего переходного периода. Но конкретный перечень групп и категорий, испытывающих наибольшие сложности вхождения в рынок, их признаки, условия, вызывающие эти сложности, меняются достаточно быстро. Поэтому и задачу локализации трудовой бедности, разработки мер борьбы с ней нельзя решить раз и навсегда.

Очевидно, подход к изучению структуры бедных, предложенный Л.А. Гордоном, обладает значительно большими диагностическими возможностями, чем все другие представленные в данной работе. Но именно диагностическими и прогностическими возможностями.

Однако, в оценках цитированного автора представляются неверными источники формирования группы, которую Н.М. Римашевская называет «социальное дно», а действия по локализации и преодолению производственно-трудовой бедности. Фактически источником «глубокой нищеты, представляющей социальную и нравственную угрозу для общества», у Л.А. Гордона является социальная бедность, т. е. «слабые» бедные, которые и формируют «социальное дно». «Сильные» бедные у данного автора очень часто представляют высокую или умеренную «социальную опасность»²⁷, но при этом под последней понимается социальная напряженность, готовность к «возмущению» и социальным действиям. Однако наши исследования и исследования ряда психологов свидетельствуют, что «обрыв» «сильных» бедных на дно социального бытия — явление столь же распространенное, что и бродяжничество или нищенство инвалидов и детей из многодетных семей.

В этой связи видимо, будет более продуктивным представление о структуре бедных, включающей три основных элемента: традиционные бедные, «трансформационные» бедные и «социальное дно» (рис. 5.9).

Группа 1	Группа 2	Группа 3
Традиционные бедные	«Трансформационные» бедные	«Социальное дно»
Многодетные семьи	Работники бюджетных сфер	Бездомные
Неполные семьи	Пенсионеры	Бывшие заключенные
Одиноким пенсионеры	Дети	«Бомжи»
Низкооплачиваемые работники	Безработные	Работники ВПК
Нищие	Неработающие взрослые	Инвалиды
Узкоквалифицированные работники	Алкоголики	Работники низкой квалификации
Кадровые рабочие	Сельские жители	Наркоманы
Мигранты	Вынужденные переселенцы	Беспорядочные дети Проститутки

Рис. 5.9. Структура бедных в России

Следует учесть, что название «трансформационные» бедные употребляется в данном случае достаточно условно. Оно лишь подчеркивает возникновение этой группы бедных как результат трансформации российского общества, возможно, вследствие не адекватной этим изменениям социальной политики, проводимой государством.

Мониторинговые исследования, проводимые с апреля 1992 по декабрь 1999 г. позволяют увидеть динамику в различных группах бедных²⁸.

Изучение демографических характеристик²⁹ бедных позволяет зафиксировать несколько важных тенденций. Преобладают по удельному весу все эти годы в группах бедных женщины. Хотя, если учесть соотношение мужчин и женщин в структуре всего населения региона (47 и 53 % соответственно), то следует признать, что бедность среди женщин незначительно превосходит бедность среди мужчин (табл. 5.2).

Принципиальные изменения за эти годы произошли в возрастной структуре бедных. Если в 1992 г. за порогом бедности в основном находились

люди младших и средних возрастных групп (от 18 до 50 лет — 77 %), то в конце 1999 г. среди всех бедных 50 % составляли те, кому было больше 50 лет. Но особенно разительные перемены произошли в группе старше 60 лет. Если в 1992 г. таких в группе бедных было лишь 8 %, то в 1999 г. они уже составляли 36 %. Бедными, как подтверждают наши исследования, стали пенсионеры, а не одинокие пожилые люди, как было раньше (табл. 5.2).

Практически неизменной осталась территориальная структура региона. Но следует отметить, что в середине 90-х годов были заметные изменения и в территориальной структуре бедности. Значительно уменьшилась доля бедных, проживающих в центре региона — в г. Новосибирске.

Очевидно, высоко урбанизированные образования (в Новосибирске более 1,3 млн жителей) давали большие возможности адаптации к рыночным преобразованиям. Однако нарастание деформаций в рамках реформирования и особенно события второй половины 1998 г. вновь привели к обеднению значительной части жителей Новосибирска (см. табл. 5.2). С другой стороны, в середине 1990-х гг. наблюдался катастрофический рост бедности сельских жителей, но к концу 1990-х гг. он заметно снизился. Видимо, у этой группы населения возникли некие новые возможности для преодоления порога бедности. Может быть, это связано с новыми для данной территории «точками роста» или другими ресурсами, что будет исследовано далее.

Заметно изменилась структура образования бедных. Снизился удельный вес лиц с высоким уровнем образования. Основным «поставщиком» бедных остается система среднего и среднего специального образования (см. табл. 5.2).

Традиционно остаются бедными многодетные семьи, независимо от характера преобразований, осуществляемых в России, что подтверждает вывод, сделанный нами выше.

Особый интерес представляет социальная структура бедных. На первый взгляд, произошло резкое сокращение числа бедных среди рабочих. Однако реально снизился удельный вес этой группы в структуре населения. Если в 1992 г. к рабочим себя относили 35 % респондентов, то в 1999 — лишь 21 %, но они по-прежнему оставались одной из самых многочисленных групп (см. табл. 5.2). Однако основная масса бедных в результате реформирования 90-х гг. была представлена пенсионерами. Именно в эти годы сформировалась совершенно новая для России группа бедных — безработные, которая была слабо представлена в 1992 г. — 3 %, но стала составлять 13 % бедных в 2000 г. Заметно снизился удельный вес бедных среди интеллигенции, служащих, студентов и учащихся.

Таблица 5.2

**Социально-демографические характеристики бедных,
% от каждой совокупности опрошенных**

Социально-демографические характеристики	1992 г., апрель	1993 г., февраль	1994 г., ноябрь	1996 г., май	1997 г., декабрь	1998 г., декабрь	1999 г., ноябрь	2000 г., декабрь
--	--------------------	---------------------	--------------------	-----------------	---------------------	---------------------	--------------------	---------------------

Пол:

мужчины	45	40	44	39	43	41	44	43
женщины	53	57	55	61	57	59	56	57

Возраст:

до 30 лет	28	23	19	16	18	23	14	12
30—49 лет	49	58	46	42	41	38	35	31
50—59 лет	14	10	8	14	14	13	14	13
старше 60 лет	8	5	25	28	26	26	36	44

Место жительства:

г. Новосибирск	39	Н/Д	16	22	27	Н/Д	37	32
другие города области	23	Н/Д	21	23	28	Н/Д	28	32
сельская местность	39	Н/Д	63	55	45	Н/Д	35	36

Уровень образования:

начальное	3	4	3	4	14	10	5	7
неполное среднее	15	11	17	27	15	10	13	14
среднее	46	57	19	36	25	24	30	35
среднее специальное	17	Н/Д	29	23	27	34	33	35
неполное высшее	17	8	7	2	4	4	4	2
высшее	19	19	23	8	12	17	13	7

Окончание табл. 5.2

Социально-демографические характеристики	1992 г., апрель	1993 г., февраль	1994 г., ноябрь	1996 г., май	1997 г., декабрь	1998 г., декабрь	1999 г., ноябрь	2000 г., декабрь
--	-----------------	------------------	-----------------	--------------	------------------	------------------	-----------------	------------------

Структура семьи:

1 человек	6	Н/Д	10	Н/Д	8	Н/Д	Н/Д	12
2 человека	16	Н/Д	22	Н/Д	24	Н/Д	Н/Д	20
3—5 человек	70	Н/Д	47	Н/Д	57	Н/Д	Н/Д	50
более 5 человек	8	Н/Д	16	Н/Д	10	Н/Д	Н/Д	18

Социальные группы:

рабочие	52	42	27	17	32	25	22	20
крестьяне	Н/Д	Н/Д	Н/Д	7	Н/Д	Н/Д	3	10
фермеры	Н/Д	Н/Д	Н/Д	2	Н/Д	Н/Д	0	1
служащие	19	18	13	11	11	12	11	10
ИТР	7	15	6	4	4	4	3	3
интеллигенция	Н/Д	11	13	Н/Д	5	8	5	3
учащиеся	7	6	9	2	4	9	1	0
студенты	Н/Д						3	2
пенсионеры	Н/Д	7	27	35	30	27	37	38
бизнесмены	Н/Д	0	1	1	1	1	1	0
безработные	3	0	1	10	10	10	11	13
военнослужащие	Н/Д	Н/Д	2	1	1	1	1	0

Примечание. Н/Д — нет данных

Анализ данных наших исследований в основном подтверждает выводы о структуре бедных в России.

В целом изучение бедности как социального явления позволяет сделать следующие выводы.

Феномен бедности стал предметом исследования в современной отечественной социологии в начале 90-х гг., поскольку именно в эти годы бед-

ность как социальное явление приобретает в России значимые и, возможно, уникальные черты.

Бедность — это обобщенное наименование множества разнородных последствий, вызванных как определенными, так и не определенными еще силами, условиями, природа которых в разных теориях трактуется по-разному. Есть совокупность факторов, которые касаются развития отдельного человека и отдельного хозяйства. С другой стороны, есть факторы и последствия, касающиеся положения сообществ и всего общества в целом.

В российской социологии алгоритм смены научных представлений о бедности определяется двумя факторами: признанием некоторых исходных и универсальных характеристик этого социального явления, положенных в основу его определения и измерения; уровнем развития страны и изменениями внутри категорий бедных. Сочетание и развитие этих двух факторов реализуется исследователями в разных системах показателей бедности.

В отечественной социологии бедности присутствует несколько методов измерения бедности:

- нормативный;
- статистический;
- стратификационный;
- эвристический;
- экономический.

Ряд исследователей использует сочетание нескольких методов измерения, например, «нормативно-эвристический метод с эндогенным компонентом», разработанный под руководством Т.И. Заславской. Предложенный нами подход к измерению бедности включает два типа показателей: статистическо-нормативные показатели и субъективные оценки материального положения семьи (домохозяйства).

К наиболее типичным факторам, обуславливающим возможность оказаться бедным, большинство социологов относят низкий стартовый уровень среднестатистических реальных доходов и материальной обеспеченности («родиться бедным»), низкий уровень квалификации и образования, плохое здоровье, высокую семейную «нагрузку», вытеснение с рынка труда, индивидуальные особенности, связанные с образом жизни, ценностными ориентациями и т. д.

Наряду с «классическими» проявлениями этих факторов бедности, в России сформировалась целая совокупность «ловушек» бедности, что означает, что определенным группам населения сегодня «выгоднее» быть бедными, чем предпринимать усилия по ее преодолению.

Определяя структуру бедности, различные авторы выделяют традиционную (материальную) бедность и новую (символическую); либо абсолютную и относительную бедность, в рамках которых различают социальную и производственно-трудовую бедность. Однако для преодоления бедности в России, как представляется, необходимо выделение в структуре бедности и таких форм как:

- «паразитическая»;
- пассивная;
- активная;
- институциональная;
- фоновая.

В социальной структуре бедных выделяют как традиционные, так и нетрадиционные группы. Однако в административном управлении при разработке государственной социальной политики, законов, направленных на социальную защиту населения, программ борьбы с бедностью следует исходить, как нам видится, из представлений о структуре бедных в России, включающей три основных элемента: традиционные группы бедных, «трансформационные» группы бедных (имея в виду связь в возникновении этих групп с процессами реформирования общества) и «социальное дно».

Представленные данные показали, что для преодоления бедности как «российского» социального явления необходимо, в первую очередь, воздействовать на причины, порожденные экономическим и социально-политическим развитием, а не бороться с ее последствиями. Прежде всего, нужно устранить условия и механизмы «расширенного воспроизводства» бедности.

5.4. Измерение и диагностика бедности

В мировой практике существует несколько методов измерения бедности:

- нормативный — по нормам питания и иным стандартам минимального потребительского набора, иначе — минимальной потребительской корзины;
- статистический, когда в качестве бедных рассматриваются либо 10—15 % в общем ряду распределения населения по размерам получаемых душевых доходов, либо часть этого ряда;
- стратификационный, когда к бедным относятся люди, априорно ограниченные в возможностях самообеспечения (старики, инвалиды, неполные и многодетные семьи, дети без родителей, безработные, мигранты и т. п.);

- эвристический, определяющий, исходя из оценок общественного мнения или с позиций самого респондента, достаточный или недостаточный уровень жизни;
- экономический, который определяет категорию бедных возможностями государства в поддержании их материальной обеспеченности.

В России в качестве государственного подхода принят нормативный метод, т. е. к бедным относят население, живущее за чертой прожиточного минимума, или стоимости минимального набора продуктов питания, самых необходимых промышленных товаров и очень низкого потребления услуг.

Исходя из этого многие российские исследователи «исповедуют» нормативный подход в определении показателей бедности. Более того, это базируется на традициях мировых исследований бедности. Так называемые основные потребности как критерий измерения бедности восходят к работе английского экономиста XIX в. Роунтри. Оставляя в стороне значительные трудности, связанные с определением хотя бы минимального набора необходимых продуктов питания (не говоря уже о потребностях в непродовольственных товарах), следует отметить, что нормативный «порог» бедности может быть использован для измерения бедности, только если денежный доход отражает реальное потребление.

Очевидно, поэтому определения порога бедности никогда не бывают объективными и непредвзятыми. Оценочные суждения вносятся экспертами или (и) политическими деятелями, принимающими решения по поводу метода определения минимальных нормативов потребления и подсчета соответствующей стоимости. Субъективные суждения, политика, борьба различных групп и личные политические пристрастия, таким образом, влияют на определение черты бедности, и когда последняя поднимается или опускается, хотя бы незначительно, большое число россиян попадает в разряд бедных либо перестает считаться таковыми.

Более того, использование стоимостных показателей в случае, когда необходимо измерение уровня благосостояния за определенное время и при разных экономических отношениях, вызывает большие трудности в связи с уровнем инфляции, изменением систем распределения и т. д. Учитывая эти трудности, ряд исследователей предлагают для изучения реального потребления людей анализировать расходы, а не доходы.

Следует согласиться, что учет расходов — лучшее отражение постоянного дохода. Люди могут скрывать доходы, например, чтобы избежать налогов или для сохранения возможности получения тех или иных социальных трансфертов. Более того, определение расходов, используемое при

оценке бедности, ближе к реальному потреблению, поскольку включает условную стоимость натуральных товаров и услуг, произведенных дома или полученных от других, например, работодателей, родственников или социальных служб.

Однако, и при использовании показателей расходов, как и доходов, остается неразрешенной проблема бедности как социального состояния индивида, семьи, группы и т. д., т. е. ощущения и признания себя бедными. Все это требует поиска новых подходов к измерению бедности.

В последние годы была реализована идея определения бедности на основе оценки потребления (или недопотребления), что вполне допустимо, поскольку реально категория бедности связана с потреблением, а доход лишь фиксирует размер и динамику того или иного потребления.

Предлагаемый метод оценки уровня бедности через измерение лишений (деприваций) исходит из прямого анализа степени удовлетворения потребностей. Семьи могут быть отнесены к бедным, если их ресурсы недостаточны для обеспечения питания, условий жизни и деятельности, являющихся привычными либо общепринятыми в обществе.

Конечно, использование критерия лишений (деприваций) для определения доли бедных семей позволяет в какой-то мере снять проблему действительно процветающей в России бесконтрольности в распределении доходов. В то же время принятый метод отбора бедных на основе испытываемых лишений не устраняет характеристики уровня доходов как важнейшего фактора, влияющего на лишения, испытываемые семьей.

Эта ситуация, по нашему мнению, существенно связана с изменениями в жизненном стандарте россиян в пореформенные годы. У части семей произошло «привыкание к бедности», и они не считают низкие стандарты потребления лишениями. Другие сравнивают свое нынешнее положение со стандартами 1990 г. и испытывают лишения при доходах, превышающих официальную черту бедности.

Понимание этой специфически российской характеристики привело к появлению попытки соединения нормативного и эвристического подходов в разработке показателей бедности. Исследования, проводимые ВЦИОМ по проблемам бедности в России, базируются на пяти типах показателей³⁰. Это: а) сумма основного и дополнительного доходов (зарботков) респондентов в месяце, предшествовавшем опросу; б) средний душевой доход семей респондентов в том же месяце; в) представление респондентов о минимально необходимом уровне зарплаты работников; г) их представление о стоимости душевого прожиточного минимума в период опроса; д) пред-

ставление об уровне душевого дохода семей, требуемого, «чтобы жить нормально»

Однако, измерения на базе этого подхода на основе репрезентативной общероссийской выборки для получения необходимых эмпирических данных, да еще с определенной периодичностью (хотя бы один раз в квартал), требуют колоссальных финансовых ресурсов, вследствие известной дороговизны подобных работ.

Учитывая все недостатки предложенных авторами показателей, дороговизну получения первичной эмпирической информации, но, в то же время, большую продуктивность подхода по сравнению с другими методами, возможно, следует избрать лишь два основных показателя разной этимологии, не соотносимых друг с другом, но имеющих между собой отношения. Таковыми показателями нам представляются:

- 1) среднедушевой доход на одного члена домохозяйства;
- 2) субъективная оценка членами домохозяйства материального положения семьи.

В мониторинговых исследованиях, проводившихся нами с 1992 по 2004 г. в рамках такого подхода, использовались два типа показателей для изучения проблем бедности населения.

На первом этапе — с 1992 по 1996 г. — определялись:

- а) сумма основного и дополнительного доходов (зарботков) респондентов в месяце, предшествовавшем опросу;
- б) субъективные оценки респондентов материального положения семьи.

На втором этапе — с 1996 по 2004 г. — учитывая переход государственной статистики к новой единице анализа домохозяйству, определялись:

- а) сумма основного и дополнительного денежных доходов, включая все трансферты домохозяйства в месяце, предшествующем опросу;
- б) средний душевой денежный доход на одного члена домохозяйства в том же месяце;
- в) субъективные оценки респондентов материального положения семьи (домохозяйства).

Измерение материального положения семьи осуществлялось на основе номинальной шкалы, включающей признаки, полученные эмпирическим путем в ходе многолетних исследований. В 1992—1993 гг. эта шкала включала 10 признаков. Однако исследования показали, что ряд показателей шкалы «не работают», и, таким образом, эмпирическим путем были установлены признаки материального положения семьи, которые могли быть использованы для оценки в ходе опросов. Далее эта шкала включала лишь пять показателей, а именно:

живем без особых материальных затруднений;
живем более менее нормально, так как на всем экономим;
едва сводим концы с концами;
бедствуем;
затрудняюсь ответить.

При этом порогом бедности на всех этапах мониторингового исследования выступал душевой прожиточный минимум в период опроса, определяемый государственными органами. Фактически перед нами вновь «нормативно-эвристический» подход в определении бедности.

Возможности интерпретации полученных таким образом данных позволяли дать характеристику бедности как социального состояния всех возможных социально-демографических групп населения и всех типов домохозяйств. Но поскольку бедность в России есть социально-психологическое состояние, а не только экономическое положение, то для измерения показателей психологического состояния бедности использовалась номинальная шкала оценки респондентами своего будущего. Эта шкала была также сконструирована на основе полевой апробации и включала пять основных признаков, крайние точки которых определялись оптимистической и пессимистической оценками будущего.

Очевидно, измерение на основе таких трех заданных показателей позволяет, в конечном счете, описать социально-психологическое состояние различных социально-демографических групп населения и различных типов семей (домохозяйств). Но более того, такой подход к исследованию состояния бедности дает возможность получить «сконструированные» типы групп. Например, «бедные — оптимисты», «бедные — пессимисты», «бедствующие — богатые», «нищие — процветающие» и т. д.

Опыт также показал, что простота инструментария в этом исследовании позволяет получать более корректные результаты определения доходов домохозяйств и респондентов, а наличие субъективных оценок состояния, связанного с уровнем дохода, дает возможность увидеть, с одной стороны, размеры занижения этих доходов, а с другой, уровень завышения государством размера бюджета прожиточного минимума. Определение последнего, как известно, является прерогативой органов государственной власти субъектов Федерации. При этом размер предоставляемых из федерального бюджета трансфертов рассчитывается на основе региональных потребностей населения, определяемых уровнем бюджета прожиточного минимума, и напрямую увязывается с последним.

Мониторинговый характер такого исследования позволяет зафиксировать не только динамику бедности, но и ее характеристики как соци-

ально-психологического состояния различных групп населения, определить профиль бедности для различных этапов развития общества, показать зоны бедности, обосновать тенденции и прогнозы развития этого явления в России.

Представляется, что только на основе такого подхода может быть сегодня выстроена корректная государственная политика преодоления бедности.

5.5. Государственная политика борьбы с бедностью

Общей целью всех экономических реформ является достижение более высокого уровня жизни населения и большей индивидуальной свободы граждан. Рынок, как известно, только тогда приводит к желаемым социальным изменениям, когда государство выступает одним из агентов рынка, стимулирующим своих партнеров к определенным действиям. Государство способствует формированию демократического гражданского общества путем создания системы институтов, которые являются партнерами государства по «социальной игре», и определяет правила последней. «Социальная игра», ее основные принципы, как было показано выше, в условиях развития рыночной экономики базируются на модели социальной субсидиарной политики. Неотъемлемым компонентом правил этой игры является борьба государства с бедностью населения.

В борьбе с бедностью перед государством могут стоять две задачи: устранить бедность, подтягивая доходы всех неимущих до определенной черты (политика «А»), или (и) улучшить положение тех, кто находится непосредственно ниже черты бедности, повышая их доход, но не обязательно сокращая глубину бедности до нуля (политика «Б»). Реально это — борьба с бедностью для одних стран, профилактика ее для других — крупнейшая стратегическая задача любой национально ориентированной политики. Для этого мировая практика выработала два главных способа.

Первый используется в развитых странах с высоким уровнем жизни и социальных гарантий: обеспечение основных минимальных доходов (заработной платы и пенсий), достаточных для действующих в обществе стандартов потребления. И второй — система адресной социальной помощи тем, кто находится в худшем относительно других положении. Последняя применяется в развитых странах как дополнительная, исключительно для узкого круга лиц, попадающих в экстремальную жизненную ситуацию: Но для развивающихся стран, где доходы основной массы людей низки, распределение социальной помощи, в том числе продовольственной,

лекарственной, коммунально-бытовой и т. п., является по сути основным методом поддержки миллионов бедствующих.

К примеру, во Франции, где достаточно высока роль государства, широко социальные завоевания трудящихся, в основе системы профилактики бедности лежит установление обязательной для всех работодателей минимальной ставки заработной платы, достаточной для удовлетворения основных потребностей работающего, которая систематически индексируется. Кроме того, здесь действует мощнейшее обязательное социальное страхование, включающее достойные трудовые пенсии, качественное медицинское обслуживание, пособия по безработице; велика роль французской системы пособий и льгот на детей.

Важную роль во Франции играют социальные службы при муниципалитетах. Так, если у человека нет страхового стажа (молодежь, женщины с детьми) или по иным жизненным обстоятельствам (потеря кормильца, одиночество, недееспособность) он не имеет возможность удовлетворять свои наиболее необходимые потребности, после рассмотрения в муниципалитете заявления нуждающегося и проверки доходов и состава семьи он получает направление в соответствующую государственную (или иную) организацию, включенную в систему социального обслуживания, которая окажет необходимую помощь — денежную, натуральную, консультационную, психологическую, правозащитную и пр.

В постсоциалистических странах гарантированный прожиточный минимум (с выплатой пособия в случае его отсутствия) удалось установить только в Чехии — на уровне минимальной пенсии. В Болгарии действует специальное Положение о социальной помощи. Получить ее могут те, кто доказывает отсутствие так называемого минимального гарантированного дохода (он ниже социального минимума и ниже физиологического). При этом в сфере социальной помощи и поддержки усиливается ориентация на принцип нуждаемости, осуществляется переход от групповой нуждаемости к индивидуальной. Для получения весьма ограниченного пособия человек должен доказать отсутствие источников дохода, включая сбережения, не иметь своего бизнеса, излишков жилплощади. Кроме того, одиноким людям старше 70 лет и инвалидам первой группы, имеющим доходы ниже установленного минимума, предоставляются бесплатные купоны на питание и оплачивается половина расходов на коммунальные услуги. Инвалиды и дети с тяжелыми заболеваниями, не имеющие автомобиля, пользуются бесплатным проездом на городском пассажирском и пригородном транспорте; предусмотрены и иные формы обслуживания инвалидов и пожилых. Социально незащищенным группам до шести раз в год оказывает-

ся материальная помощь на удовлетворение потребностей в сезонной одежде, покупку учебных пособий, дорогостоящих лекарств. При этом после предоставления помощи социальный работник периодически посещает клиента. Общее число отказов в помощи, как правило, небольшое.

Стоит вспомнить, что в СССР методы предупреждения бедности принципиально базировались не столько на индивидуальной организации помощи семье и личности, сколько на макрорегуляторах. В их числе сбалансированность низкой заработной платы и низких потребительских цен, особенно на продукты питания, лекарства, доступность социокультурных (образование, здравоохранение, отдых) и социобытовых (дешевое жилье и транспорт) услуг, базирующаяся на развитых общественных фондах потребления, как централизованных, так и на уровне предприятия. Однако действовали и социально-групповые инструменты социального обеспечения (для инвалидов, одиноких пожилых людей, детей-сирот и т. п.).

Систему социальной ориентации распределения в СССР вряд ли можно рассматривать как идеальную. Социальная нагрузка была непосильна для экономики, она ложилась в основном на достаточно ограниченное число высококвалифицированных кадров, вела к уравниловке и во многом явилась причиной снижения экономической активности в обществе.

Борьба с бедностью в России сегодня — задача самая приоритетная и актуальная в социальном отношении. Как, впрочем, и в большинстве стран мира. В материалах Копенгагенской встречи на высшем уровне по социальному развитию (март 1995 г.) было высказано намерение объявить международные Год и Десятилетие борьбы с бедностью, в первую очередь, с нищетой, отсутствием удовлетворения первоочередных потребностей: в питании, санитарии и гигиене, базовом образовании, с бездомностью и беспризорностью, безработицей, неадекватной оплатой труда. В связи с этим вырабатываются соответствующие процедуры для стран-членов ООН, включая разработку ими соответствующих правительственных программ.

Таким образом, в современных условиях борьба с бедностью — это не только внутренний долг, но и международная обязанность России,

Содержание и направленность программ борьбы с бедностью во многом будут зависеть от выбора стратегии.

Первая стратегия основывается на том, что эффективная борьба с бедностью, исходя из мирового опыта, возможна только в условиях оживления национального производства и роста источников самообеспечения: труда и предпринимательства. Все экономические, финансовые и иные инструменты политики должны быть направлены на это оживление, вклю-

чая использование регулируемой инфляции и других механизмов тонкой социально-экономической настройки.

Альтернативная стратегия борьбы с бедностью — введение пособий по нуждаемости для всех, не имеющих прожиточного минимума.

Но возможен третий вариант — открыть бедным доступ к активам (например, к земле) как источнику их экономического роста, основанного на их абсолютном достоянии — рабочей силе.

Хотя отвлечение дефицитных ресурсов на непосредственную помощь бедным сдерживает экономический рост в краткосрочном периоде, невосполнимые издержки, связанные с невниманием к проблеме бедных, становятся препятствием для экономического роста в отдаленной экономической перспективе. Чтобы выжить, бедные могут: а) постараться свести до минимума риск в области дохода и (или) потребления; б) вынужденно смириться с крайней нестабильностью положения и серьезным риском для жизни; в) заняться преступной или полуполюгальной деятельностью. В демократических обществах отсутствие внимания к бедным, особенно в период реформ, чревато также политической нестабильностью.

Конфликт между программами, непосредственно ориентированными на борьбу с бедностью, и мерами, способствующими экономическому росту, в той или иной степени неизбежен в большинстве стран. Однако видимая дихотомия между прямыми и непрямыми методами борьбы с бедностью может быть сглажена, если страна принимает ориентированную на экономический рост адаптационную программу, достаточно всеобъемлющую, чтобы вовлечь все социально-экономические категории населения, в особенности бедных, в производительную деятельность. В конечном счете, путь, выбранный конкретной страной, и относительный вес программ борьбы с бедностью будут зависеть от уровня институционального и административного потенциала, а также от количества (и качества) наличного человеческого капитала. Если в расчет принимается такой важный фактор, как невосполнимые издержки вследствие игнорирования бедных — и, прежде всего, усугубление социального неравенства в ближайшей перспективе, — система социальной защиты по необходимости будет одним из компонентов стратегии, направленной на сокращение бедности.

Очевидно, стратегия российского государства в борьбе с бедностью должна состоять в принятии курса, ориентированного на экономический рост, но при условии вовлечения в производственную деятельность всех социально-экономических категорий населения и, прежде всего, бедных. Такая программа также должна включать механизмы и источники, ориентированные на повышение качества главного ресурса общества — челове-

ка, а далее иметь своим компонентом развитие системы социальной защиты, но направленной на сокращение бедности, т. е. базирующейся на принципах субсидиарной социальной политики. Фактически речь идет об одновременном осуществлении политики А и политики Б, опираясь при этом на экономический рост государства. Следует отметить, что в мировой практике опыта такого «совмещенного» варианта стратегии борьбы с бедностью нет.

Рассмотрим отдельно каждый из элементов такой стратегии.

И в политике А, и в политике Б (см. выше) борьба с бедностью связывается с уровнем доходов. В одном случае (А) речь идет о повышении доходов всех граждан, «стоящих» ниже определенной черты (в России — это прожиточный минимум), в другом (Б) об увеличении доходов самых бедных и подтягивании этих доходов хотя бы до установленной черты. При этом увеличение доходов бедных может быть достигнуто двумя путями: регулированием оплаты труда; выплатой пособий.

Наибольшую актуальность, как представляется, имеет сегодня проблема регулирования оплаты труда и в целом политика доходов населения.

Очевидно, здесь следует предпринять целую совокупность первоочередных мер. В этой связи представляется правомерным подход, предложенный известным специалистом по проблемам бедности в России — Л.С. Ржаницыной. Она считает, что, с учетом осложняющих обстановку обстоятельств, выход из теперешнего кризиса для населения растянется и необходима особая антикризисная социальная политика, способная максимально сконцентрировать ресурсы на наиболее острых проблемах и в наиболее кризисных зонах.

Первоочередные меры антикризисной политики в области заработной платы предполагают, считает Л.С. Ржаницына, восстановление порядка резервирования заработной платы на предприятиях, имеющих задолженность; введение одинаковой правоспособности двух кредиторов — работников и бюджета; установление гражданской (коммерческой) ответственности за задержку выплат; отрыв уровня минимальной заработной платы от уровня социальных пособий. Требуется решительное ограничение излишеств в оплате директорского корпуса и поголовная его аттестация, нормативное регулирование заработков основных профессий по региональному тарифному соглашению, имеющему обязательный характер для всех предприятий на территории, освобождение зарплат в размере прожиточного минимума от налогов, индексация ставок подоходного налога в связи с инфляцией, введение дополнительных страховых платежей для средне-

и высокооплачиваемых категорий на пенсионное и медицинское страхование с вариантом преобразования фондов в страховые кассы.

Вместе с тем, пишет Л.С. Ржаницына, антикризисная социальная программа должна быть направлена не только на латание дыр. Не менее важно найти те аспекты в социальных отношениях, которые, подобно точкам роста в экономике, способны дать среднесрочный и долгосрочный эффекты.

В этом смысле основной стратегический приоритет политики доходов на предстоящий период заключается во всеобщем обеспечении занятости (наемной, предпринимательской, семейной, индивидуально-трудовой и пр.) как фундамента решения собственно социальных проблем, в центре которых на период кризиса стоит поддержание условий выживания населения, в том числе бедного и нетрудоспособного.

Естественно, что наличие рабочих мест и получение доходов за работу напрямую зависят от мер по оживлению общественного производства, уменьшения налогов с производителей, направления инвестиций — государственных, частных и личных — в реальный сектор, организации разумной таможенной защиты, осуществления активных промышленных и аграрных программ, поощрения малого и среднего бизнеса. Все это в конечном счете обеспечит в стране оплаченную занятость экономически активного населения, тогда и работник, и предприниматель действительно будут способны платить разумные налоги на нужды государства и социальной сферы и содержать систему коллективного социального страхования как испытанного способа самозащиты от рыночных рисков.

Но эффективная политика доходов, утверждает Л.С. Ржаницына, невозможна вне курса на повышение цены рабочей силы как источника потребительских расходов в условиях рыночных отношений. Рост заработной платы — объективная неизбежность при планируемой ликвидации остатков массовой бесплатности распределения в нашей экономике. Если начинаются введение накопительной пенсионной системы с более высокими взносами, расширение доли солидарного участия работников в медицинском страховании и по безработице (на Западе работник вносит от трети до половины страховых средств), если жилищная реформа предписывает нам полноплатность жилья с тройным увеличением квартплаты, а образование и медицина движутся по пути платности, то цена рабочей силы должна быть по величине и структуре адекватна модели потребления с указанными элементами, не говоря уж о таких безусловных требованиях к размерам заработной платы, как способность обеспечить своего ребенка и соблюдать физиологический минимум содержания собственно самого работника.

Все это делает неизбежным серьезную реформу оплаты труда. И, как показывают дискуссии, реформирование можно осуществить двумя путями:

- резкое номинальное повышение при одновременном увеличении налогов и страховых платежей с возросшей заработной платы с тем, чтобы переложить основную налоговую тяжесть с предприятия на физические лица;
- последовательное повышение доходов на основе развития производства, снижения себестоимости продукции, тарифов на энергию и транспорт, налогов, ограничения доли предпринимателя в пользу работника.

Модель номинальной переструктуризации начали в 1997 г. широко пропагандировать академик А. Аганбегян и предприниматель В. Брынцалов. Схема их рассуждений такова:

Переструктуризация заработной платы.*

А. Трехэтапный рост в 2—2,5 раза (вариант акад. А. Аганбегяна)

Заработная плата после проведения трех этапов повышения.

Всего заработок, тыс. руб.	2,30
из него расходы:	
налоги (22 %)	0,50
жилье (22 %),	
что соответствует 2000 г. по Правительственной программе	0,50
пенсии (накопительная система)	0,15
фонды обязательного медицинского и социального страхования	0,15

Б. Единовременный рост в 3—4 раза (вариант В. Брынцалова)

Единовременно, сроки отсутствуют

Всего заработок, тыс. руб.	3,20
в том числе налоги (33 %)	1,10
пенсионный взнос (12 %)	0,40
социальное, медицинское страхование, страхование занятости	
(4,3 % из фактических 10,5 %)	0,15

*В ценах 1997 г.

В расчете А. Аганбегяна сохраняются действующие расходы на потребление, однако академик считает возможным все же некоторый рост реальных доходов, особенно для категорий, несущих основные потери по жилищно-коммунальной реформе. В то же время в его модели расширятся стимулы к производству и росту производительности труда, а значит, про-

изойдет неизбежный всплеск массовой безработицы. Чтобы не увеличить инфляцию, предлагает автор, прирост заработков может выдаваться в целевых чеках на жилье, использоваться как безналичный расчет и т. п. Но бюджет будет ограничен, перестанет быть дефицитным и сможет помочь производству.

Заботой о производстве продиктован и вариант В. Брынцалова, который представляет определенные предпринимательские круги. Он утверждает, что предприниматели — «за большое повышение заработной платы, если на нее будут перенесены налоги (включая НДС) и страховые платежи, ныне уплачиваемые предпринимателем». Тем самым высокая заработная плата является продуктом предлагаемой налоговой реформы, в центр которой ставится работник в качестве налогоплательщика. Аргумент этого автора состоит в том, что заработную плату работодатель вынужден платить, тогда как судьба прибыли (дохода) предприятия неопределенна. Для покрытия потребности по заработной плате при ее повышении предлагается кредит, который будет приветствоваться как хозяевами, так и работниками, что означает общую заинтересованность в выдвигаемом предложении.

Однако эта идея формальной переструктуризации заработной платы с выходом на нулевой рост потребления не может быть, видимо, полностью поддержана профсоюзами. Хотя многим специалистам ясно, что определенные моменты такой переструктуризации нужны, но хотелось бы выполнить их с одновременным повышением реального потребительского содержания заработной платы.

Конечно, вариант, ориентированный на повышение роли и размеров заработной платы за счет создания определенных производственных условий представляется более желательным. Тем не менее, некоторая переструктуризация оплаты труда неизбежна в ходе либерализации сферы социальных услуг и изменения характера налогообложения и страхования.

В этой связи, возможно, более радикальными и эффективными были бы следующие шаги:

Во-первых, объективно назрела необходимость немедленного определения цены рабочей силы в России и ее законодательного утверждения.

Во-вторых, размер минимального уровня заработной платы следует определить на основе нового социального стандарта — минимальной почасовой оплаты. Именно эти шаги позволят обеспечить значительный рост доходов населения.

В-третьих, на основе новой политики формирования доходов и определения цены рабочей силы осуществить реформирование налоговой системы в России. При этом, реформирование налоговой системы дол-

жно быть продуктом новой политики доходов. Тяжесть роста доходов населения для работодателей должна быть компенсирована снижением бремени налоговой нагрузки.

В-четвертых, рост доходов позволит увеличить долю солидарного участия работников наряду с работодателями в осуществлении страхования социальных рисков. Более того, это позволит расширить набор страхуемых рисков. В частности, законодатель сможет ввести обязательное страхование по бедности. Расширение участия работников в медицинском страховании и страховании по безработице позволит повысить личную заинтересованность, что даст возможность более эффективно решать задачи этих видов социального страхования.

В-пятых, рост доходов на основе новой политики и нового налогообложения позволит населению приобретать самостоятельно часть услуг и товаров для удовлетворения своих социальных интересов. Это позволит расширить инфраструктуру, производящую и предоставляющую эти товары и услуги. Рост доходов ведет к росту покупательской способности. Рост покупательской способности, как известно, ведет к росту производства и экономики в целом.

Очевидно, реализации такой совокупности шагов позволят соединить стратегию борьбы с бедностью (политика типа А) с экономическим ростом.

Следует, однако, признать, что, как только расширятся стимулы к производству и росту производительности труда (на основе новой системы оплаты труда, прежде всего), может произойти всплеск массовой безработицы. Предупредить и преодолеть подобные последствия можно на основе двух следующих стратегий.

Первая стратегия. Для предупреждения возможного роста безработицы следует на основе российского законодательства о социальном партнерстве предпринять всю совокупность мер для осуществления регулирования трудовых отношений.

Имеется в виду, что в Генеральном соглашении между общероссийскими объединениями профсоюзов, общероссийскими объединениями работодателей и Правительством РФ определяются общие принципы и минимальные гарантии оплаты труда, а также рекомендуются соотношения минимальных ставок заработной платы между отраслями с учетом сложности и условий выполняемых работ и цены рабочей силы.

Через соглашения на отраслевом уровне следует вводить с учетом отраслевых особенностей рекомендуемые минимальные ставки, межразрядные тарифные коэффициенты, основные условия дополнительного

стимулирования, виды и минимальные размеры компенсационных доплат и добавок.

В региональных (территориальных) соглашениях, исходя из условий жизни на конкретной территории, следует устанавливать размер тарифной ставки первого разряда основной профессии базовой отрасли, тарифные ставки и оклады для оплаты труда работников сквозных (межотраслевых) профессий и должностей. Это будет способствовать межрегиональной мобильности рынка труда, перетоку освобождающейся рабочей силы и созданию равных условий для социального развития населения всех регионов.

Вторая стратегия. Усиление доли и роли работника в социальном страховании, в том числе страховании по безработице, позволит более эффективно организовывать деятельность службы занятости всех уровней.

В этом направлении должны быть созданы программы диагностики конъюнктуры рынка труда и программы подготовки, повышения квалификации и пересобучения безработных. Следует создать систему «бизнес-инкубаторов» и изменить политику поддержки малого бизнеса, имея в виду обязательность субсидиарного характера любых программ в области малого предпринимательства.

Как представляется, это минимально необходимые подходы и программы, сопровождающие реализацию стратегии преодоления бедности (политика А) с экономическим ростом.

Однако обязательным компонентом стратегии борьбы с бедностью, как было показано выше, является развитие системы социальной защиты. В рамках этой системы увеличение доходов бедных осуществляется, прежде всего, на основе выплаты пособий.

Система выплаты пособий, ориентированных на борьбу с бедностью, сегодня вызывает ожесточенную критику всех без исключения политических сил. Одних не устраивает «набор» пособий, других их размер и т. д. Наиболее значимыми в современных условиях являются пособия по безработице, по инвалидности и пособия на детей.

Фактически все пособия подразделяются по *характеру их выплат* на три вида:

- пособия по социальному страхованию предоставляются на основе информации о взносах данного лица в систему социального страхования либо факта наступления особо оговоренного события, как то: потери работы или достижения определенного возраста. Сущность социального страхования состоит в том, что оно должно обеспечивать защиту от рисков, являющихся страхуемыми: болезнь, старость, инвалидность, бедность и т. д.;

- универсальные пособия предоставляются в связи с определенным событием, безотносительно к уровню личного дохода и произведенным взносам. Примеры такого рода пособий: пособия на детей и бесплатное медицинское обслуживание;

- социальная помощь предоставляется на основе оценки доходов и факта наступления определенного события.

Среди первого вида пособий в России отсутствует пособие по бедности, хотя риск стать бедным, как и стать инвалидом, может быть в принципе страхуемым. Очевидно, законодатель может ввести обязательное страхование по бедности, а органы управления в этом случае смогут обеспечить выплату пособий по бедности.

Выплата пособий малоимущим в форме социальной помощи, как это делается сегодня, имеет серьезные ограничения. Выплаты этого вида могут быть осуществлены при наличии бюджетных средств, что в условиях бюджетного дефицита является проблематичным, и финансирование таких пособий, как правило, прекращается.

Более того, выплата пособий всех видов сегодня осуществляется на основе механизма, имеющего существенные недостатки:

- недостаточная адресность пособий;
- определение размера пособий на основе размера минимальной оплаты труда;
- чрезмерная доступность некоторых пособий;
- пропуски в охвате;
- отрицательное влияние на трудовую мотивацию;
- отсутствие связей между личным вкладом и размером получаемого пособия («оплата третьей стороной»);
- распределение части пособий через предприятия, другой — через органы социального обеспечения и т. д.;
- отсутствие связей между ведомствами, обеспечивающими выплаты пособий, и др.

Изменение в системе выплаты пособий как одном из каналов борьбы с бедностью населения следует осуществлять в следующих направлениях:

- уменьшение отчислений от фонда заработной платы и упрощение их структуры;
- изменение механизма распределения затрат на осуществление выплат и расширение доли граждан в выплатах;
- ужесточение порядка начисления пенсий (прекращение практики предоставления пенсий по инвалидности лицам, чей потенциальный зара-

боток не уменьшился вследствие инвалидности, с выплатой компенсации в форме единовременного пособия);

- введение нового механизма выплаты пенсий работающим пенсионерам (снижение размера пенсий для тех, чей заработок выше определенного уровня);
- введение адресного пересчета размера пособий на основе связи между страховыми взносами и выплатой пособий.

Все перечисленные меры требуют развития соответствующей правовой базы и в этом смысле должны быть отнесены на уровень федеральной социальной политики, реализуемой в среднесрочной перспективе.

Субъекты Федерации для решения проблем бедности населения эффективно могут использовать два канала: пособия по безработице и пособия на детей. Оценка бедности, в случаях выплаты этих пособий, осуществляется на основе показателей бедности, а не через оценку дохода. Последнее, как известно, требует больших административных затрат и, как правило, уменьшает стимулы к трудовой деятельности. Именно потому следует сохранить пособие на детей как универсальное пособие, поскольку оно обладает высокой степенью адресности и не требует дополнительных административных затрат на оценку дохода.

Минимальные ставки всех основных пособий должны постоянно пересматриваться. Целью этого должно быть установление пособий по безработице и других пособий социального страхования на уровне, равном или выше индивидуальной черты бедности; пособия социальной помощи должны устанавливаться по отношению к семейной черте бедности, рассчитываемой на основе доходов домохозяйства. Минимальное пособие должно быть защищено от инфляции.

Механизмы реализации этих подходов могут быть следующими:

- формирование полной и достоверной информации об уровне доходов населения;
- нормативное определение уровня индивидуальной черты бедности и уровня семейной бедности;
- централизация выплат различных видов пособий (сокращение числа ведомств, обеспечивающих выплаты);
- развитие системы социальной помощи;
- административная реформа и создание дополнительных административных ресурсов;
- принятие мер против уклонений от уплаты страховых взносов.

При этом политика, осуществляемая государством в области выплаты пособий, особенно в форме социальной помощи, должна исключать форми-

рование патерналистского поведения и ожиданий граждан и быть направлена на поддержку самозащиты, частной инициативы и формирование экономического потенциала гражданина и его домохозяйства. Следует признать, что программы борьбы с бедностью, реализуемые сегодня российским государством, как правило, носят патерналистский характер. Все программы борьбы с бедностью населения, реализуемые в настоящее время в России, могут быть представлены в следующей схеме (рис. 5.10).

Из представленной схемы очевидно, что большинство осуществляемых сегодня программ борьбы с бедностью реализуются без требования трудиться. Это закономерно, поскольку чиновнику «удобнее» выполнять программы, связанные с предоставлением трансфертов: либо денежных, либо натуральных. А в случае недостатка или ограничения нужных для

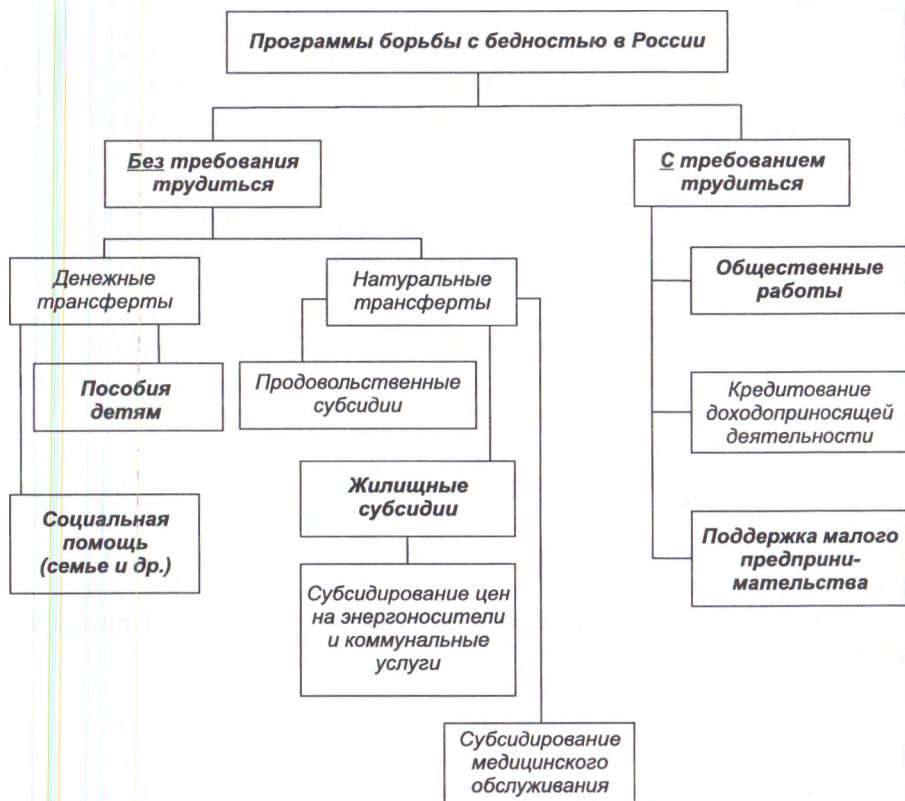

Рис. 5.10. Программы борьбы с бедностью в России

этого ресурсов возникает возможность невыполнения своих функций при передаче вины и ответственности другим субъектам социальной политики.

Очевидно, принципы субсидиарной социальной политики требуют перехода к программам с требованием трудиться. Это так называемые программы обеспечения дохода.

В отличие от денежных и натуральных трансфертов, программы обеспечения дохода требуют от участника обмена его труда на доход. Широко распространены два типа таких программ: трудоемкие общественные работы и программы samozанятости (обеспечения дохода) на основании кредитов. Общественные работы могут применяться в качестве временной меры сглаживания уровней потребления в периоды экономических или природных потрясений (например, засухи) либо в качестве годичных программ борьбы с бедностью; программы кредитования для обеспечения дохода направлены на создание дохода в среднесрочной перспективе. Оба типа программ в той или иной степени требуют субсидирования.

Наиболее перспективными сегодня представляются программы микрокредитования доходоприносящей деятельности. При этом микрокредитование может быть предоставлено: для развития личного подсобного хозяйства; получения конкурентного образования; приобретения оборудования для швейной или другой мастерской и т. д., т. е. всего того, что явится основой для доходоприносящей деятельности и повышения экономического потенциала гражданина и его домохозяйства. Одним из примеров реализации такой программы является «Экспериментальная программа по разработке и внедрению системы микрокредитования семей, находящихся в состоянии крайней бедности в Новосибирской области».

Однако при реализации подобных программ государство неизбежно столкнется с рядом трудностей. И это будет связано не только с отсутствием необходимых для этого ресурсов. Пожалуй, более всего трудности вызовут, с одной стороны, критерии предоставления кредитов, как впрочем, и любых других трансфертов в форме социальной помощи. С другой стороны, готовность самого населения к участию в таких программах.

Следует признать, что проблема критериев в рамках стратегии борьбы с бедностью связана с диагностикой нуждаемости населения. Рассмотрим эту проблему в контексте социального развития современного российского общества.

В настоящее время в России происходят существенные изменения в экономической и социальной сфере. Это влечет за собой заметные перемены в образе жизни и занятиях людей. Любые активные процессы модернизации, подобные тем, что происходят сегодня в нашей стране, неизбежно

но влекут за собой резкое увеличение социальной мобильности. Множество людей теряют свое привычное место в социальной структуре и пытаются в меру своих сил и возможностей приспособиться к меняющимся условиям социальной среды

Несомненно, что роль государства в этих обстоятельствах заключается в оказании поддержки гражданам, оказавшимся в затруднительных условиях, в элиминации или, по крайней мере, сглаживании наиболее негативных в социальном плане аспектов быстрой модернизации общества. Эффективная социальная помощь нуждающимся, дезаптированным слоям населения совершенно необходима для нормального функционирования общественного механизма, поддержания социальной стабильности. Таким образом, роль государства и органов социальной защиты, прежде всего, оказывается в настоящих условиях ключевой в деле интеграции общества, предотвращения массовой депривации населения, формирования в обществе климата общественного согласия, необходимого для успешного реформирования экономики.

Однако в нынешних условиях редистрибутивные возможности государства сильно ограничиваются имеющимися бюджетными ресурсами. В особенности это проявляется на местном уровне (а именно из местных бюджетов в основном финансируется предоставление материальной помощи). С другой стороны, по тем же самым причинам, по которым бюджеты всех уровней испытывают заметный дефицит финансовых средств, растет и количество лиц, по своему материальному положению могущих претендовать на получение государственной помощи. Поэтому сегодня, как никогда, при формировании государственной политики в области борьбы с бедностью первостепенное значение имеет адресность предоставления материальной помощи. Имеющиеся средства должны быть выделены для поддержки именно тех граждан, которые более всего нуждаются в такой поддержке.

Вместе с тем применяемая сегодня схема предоставления материальной помощи имеет в этом плане существенные недостатки. «Основным условием для предоставления материальной помощи является отсутствие дохода, обеспечивающего установленный для области прожиточный минимум» («Положение о порядке предоставления материальной помощи гражданам» — Новосибирск, 1997; аналогичные постановления, разработанные на основании рекомендаций правительства РФ, приняты в большинстве других регионов России). Основные проблемы группируются вокруг двух моментов связанных с подходом, постулируемым в процитирован-

ном положении: а) определение дохода претендента, б) определение размера прожиточного минимума.

Проблемы первого типа связаны с тем, что доходы семей заявителей оцениваются исходя из размера заработной платы каждого члена семьи, а также других «официальных» источников дохода (пенсии, стипендии и т. п.).

При этом практически не учитываются доходы, связанные с неполной и временной занятостью, разовой работой по договорам, индивидуальной трудовой деятельностью. Однако, как показывают данные многочисленных исследований, в условиях переходной экономики и развитого теневого сектора именно эти источники средств являются для большинства россиян основными.

Кроме того, существуют определенные трудности, связанные с оценкой объема доходов, получаемых домохозяйствами в натуральной (не денежной) форме. Имеющиеся методики расчетов носят достаточно произвольный характер. При этом зажиточность одних хозяйств систематически преуменьшается (например, на многих сибирских национальных территориях), тогда как значительная часть беднейшего сельского населения России исключается из числа претендентов на получение материальной помощи на основании того, что их хозяйства «должны» обеспечивать нормальный уровень жизни.

Проблемы иного рода связаны с определением размера прожиточного минимума. В основу унаследованной от советской эпохи методики расчета минимального потребительского бюджета (МПБ), применявшейся до 1992 г., и сменившей ее методики определения бюджета прожиточного минимума (БПМ) положено вычисление стоимости минимальной потребительской корзины. Иными словами, граница между бедными и не бедными домохозяйствами проводится на основании того, могут ли они на свои доходы приобрести товары и услуги, входящие в определенный перечень. Однако, такие абсолютные «определения порога бедности никогда не бывают объективными и непредвзятыми. Оценочные суждения выносятся экспертами и политическими деятелями, принимающими решения по поводу метода определения минимальных нормативов потребления»³¹.

Дело осложняется еще и тем, что хотя стоимостные параметры БПМ рассчитываются для каждого региона отдельно, перечень товаров и услуг, входящих в потребительскую корзину, един для всей страны и не учитывает региональных потребительских стандартов. Кроме того, региональные БПМ исчисляются на основании данных официальных органов государственной статистики, которые в большинстве областей совершенно не со-

ответствуют действительности (что в той или иной степени признается даже самими представителями Госкомстата).

Таким образом, все вышеотмеченные проблемы приводят, с одной стороны, к тому, что оценка нуждаемости не соответствует реальному положению вещей, а с другой — к тому, что в число потенциальных претендентов на получение материальной помощи попадает чуть ли не половина населения (из-за претенциозного определения БПМ). Поэтому вопрос о предоставлении или не предоставлении материальной помощи конкретному лицу фактически отдается на усмотрение сотрудников органов социальной защиты, вынужденных руководствоваться иногда чисто субъективными соображениями. Понятно, что все это приводит, в конечном итоге, к чрезвычайно низкой адресности предоставляемой материальной помощи.

Совершенствование методики определения нуждаемости возможно в нескольких направлениях. Во-первых, предлагается непосредственное определение доходов домохозяйств заменить определением расходов. Как показывают многочисленные исследования, объем заявленных расходов в России обычно в полтора-два раза превышает объем заявленных доходов. Это позволит существенно повысить объективность оценки нуждаемости.

При этом предполагается замерять расходы и доходы заявителей не на основании разового предоставления документов (как это делается сейчас), а на основании ежедневного заполнения так называемых потребительских дневников. Естественно, что такой подход может применяться только в случае предоставления долгосрочной (более месяца) материальной помощи, а не разовых субсидий. Однако, именно долгосрочные пособия должны сегодня составлять основу материальной поддержки бедных, поскольку они дают возможность содействовать развитию их экономического потенциала.

Перечень категорий, включаемых в потребительские дневники, и характер информации, фиксируемой в них человеком, представляют собой достаточно хорошо разработанную в прикладной социологии тему. Поэтому необходимые документы могут быть легко разработаны на основании адаптации какой-либо из существующих методик (например, той, которая применялась в ходе российского лонгитюдного мониторинга, проводившегося в 1992—1997 гг. Всемирным банком).

Далее, предлагается отказаться от ориентации на данные, предоставляемые нынешними органами государственной статистики. Вместо этого региональные службы социальной защиты должны организовать собственные мониторинговые исследования, основанные на заполнении тех же самых потребительских дневников. Ориентация на ту же методику, что и при

определении нуждаемости конкретных претендентов на получение материальной помощи, будет иметь еще и дополнительный положительный результат, помимо повышения качества собираемой информации. Дело в том, что идентичность методики обеспечит высокую сопоставимость результатов. Другими словами, неточности в определении уровня доходов отдельных групп будут теми же самыми, что и неточности в расчете уровня доходов для населения региона в целом. Таким образом, влияние этих ошибок на решение о предоставлении материальной помощи будет минимальным.

И, наконец, предлагается от определения абсолютного уровня бедности (на основании потребительской корзины) перейти к расчету относительной планки бедности. Этот подход достаточно распространен в мире и хорошо себя зарекомендовал, так как позволяет избежать субъективности в определении границы между бедными и зажиточными домохозяйствами. При этом в число бедных автоматически попадают все домохозяйства, среднедушевой доход в которых ниже определенной доли среднедушевого (медианного) дохода для данного региона (обычно 40 % для развитых стран и 60 % для развивающихся).

Локальный среднедушевой доход должен рассчитываться, исходя из данных описанного выше регионального мониторинга доходов и расходов населения. Поскольку по социальной структуре и стандартам потребления российское общество все же ближе к развитым странам Запада, чем к развивающимся странам, в качестве планки бедности предлагается ориентироваться на цифру в 40 % от текущего локального среднедушевого дохода. Кроме того, в целях повышения адресности социальной поддержки предлагается в качестве целевой группы для оказания материальной помощи брать не всех бедных, а только домохозяйства, находящиеся в крайней бедности. Последняя же обычно определяется как наличие дохода ниже половины прожиточного минимума.

Другая трудность в реализации программ обеспечения доходов связана с готовностью самих бедных к участию в них. Бедность в России является не только и не столько экономическим явлением, сколько социально-психологическим состоянием. И в этом смысле преодоление бедности не может быть осуществлено только экономическими мерами. Преодоление бедности потребует от государства целой совокупности социально-психологических мер, реализуемых через множество целевых программ. В качестве обязательных элементов таких программ могут быть:

- участие самих бедных в принятии решений, связанных с преодолением состояния бедности;

- организация взаимодействия всех участников борьбы с бедностью, особенно государственных и частных субъектов таких программ;
- создание системы общественного участия и контроля за ходом и выполнением программ борьбы с бедностью;
- формирование благоприятного общественного мнения для содействия таким программам;
- содействие созданию ассоциированных структур не только заинтересованных сторон, но и участников программ преодоления бедности;
- поддержка законодательных инициатив и деятельности любых групп и сил, направленных на содействие бедным.

Таким образом, стратегия российского государства в борьбе с бедностью должна состоять в принятии курса, ориентированного на экономический рост, но при условии вовлечения в производственную деятельность всех социально-экономических категорий населения и, прежде всего, бедных. Такая стратегия должна включать механизмы и источники, ориентированные на повышение качества главного ресурса общества — человека, иметь своим компонентом развитие системы социальной защиты, но направленной на сокращение бедности, т. е. базирующейся на принципах субсидиарной социальной политики.

Фактически речь идет об одновременном осуществлении политики А и политики Б, опираясь при этом на экономический рост государства.

Такая стратегия включает следующую совокупность элементов:

- изменение политики доходов населения на основе определения цены рабочей силы в России и введения нового социального стандарта оплаты труда — минимальной почасовой оплаты;
- введение на этой основе системы налогообложения, которое должно быть продуктом новой политики доходов;
- создание развитой системы социального страхования, включая страхование риска быть бедным;
- регулирование занятости населения на основе социального партнерства;
- развитие системы социальной помощи, в основном, через программы с требованием трудиться, особенно программы микрокредитования доходоприносящей деятельности, направленные на усиление экономического и социального потенциала индивида и его домохозяйства;
- утверждение новых критериев нуждаемости населения;
- формирование готовности населения к преодолению бедности на условиях самозащиты, самодеятельности и частной инициативы.

Очевидно, переход к такой стратегии борьбы с бедностью способствовал бы развитию в России субсидиарной социальной политики, соответствующей характеру и типу современного развития общества.

Примечания к главе 5

¹ См.: *Ярыгина Т.В.* Бедность в богатой России. // Общественные науки и современность. — 1994. — № 2. — С. 26.

² Там же.

³ См.: *Гордон Л.* Четыре рода бедности в современной России // Социологический журнал. — 1994. — № 4. — С. 25.

⁴ *Регион: ресурсы местного самоуправления.* — М.: РАГС, 1999. — С. 182.

⁵ Там же. — С. 186.

⁶ См.: *Ricketts E.R., Sawhill I.V.* Defining and measuring the underclass // J. of Policy Analysis and Management. — 1988. — V 7, N 2. — P. 316—325.

⁷ С этой точкой зрения согласны большинство российских исследователей. Например, Н.В.Чернина пишет, что «бедность до 90-х годов определялась, главным образом, семейно-демографическими факторами или инвалидностью». См.: *Чернина Н.В.* Бедность как социальный феномен российского общества // СОЦИС. — 1994. — № 3. — С. 57.

⁸ См.: *Можина М.* Бедные: где проходит черта? // Свободная мысль. — 1992. — № 4. — С. 17.

⁹ *Овчарова Л.Н.* Социальная структура бедных и факторы, приведшие к бедности // Демография и социология. Бедность: взгляд ученых на проблему. — 1994. — Вып. 10. — С. 230.

¹⁰ См.: *Social Justice and Political Change: Public opinion in Capitalist and Post-Communist States/* Ed. J. Kluegee, D. Mason, D. Wegentr, A. Irueter. — N.Y., 1992.

¹¹ См.: *Хахулина Л.А., Саар А., Стивенсон С.А.* Представление о социальной справедливости в России и Эстонии: сравнительный анализ // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. — 1996. № 6. — С. 19—25.

¹² Впервые эта тенденция была зафиксирована в рамках мониторингового исследования, которое идет с 1992 г., в 1998 г. Исследования 1998 г. осуществлялись на основе квотной выборки, где квотировались: тип населенного пункта, пол, возраст и сфера занятости. Обследовалось 2500 домохозяйств, размер погрешности равен $\pm 2\%$.

¹³ *Гордон Л.А.* Четыре рода бедности в современной России // Социологический журнал. — 1994. — № 4. — С. 18—35.

¹⁴ Даже в 1994 г., когда процесс обеднения застопорился сравнительно с тем, что было раньше, число тех, кто ощутил ухудшения своего положения, превосходило долю населения, считавшего свое материальное положение плохим или очень плохим: 55 % в первом случае, 40—45 % — во втором

¹⁵ См.: *Римашевская Н.М.* Социальные исследования экономических трансформаций в России // СОЦИС. — 1997. — № 6. — С. 56.

¹⁶ В настоящее время (с 1999 г.) — Институт Всемирного банка.

¹⁷ См.: *Социальная помощь и программы, направленные на борьбу с бедностью* / К. Суббарао, Ж. Брейтвейт, С. Карвальо и др. — Вашингтон, 1996. — С. 3.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Цит. по: *Быкова С.Н., Любин В.П.* Бедность по-русски и по-итальянски // СОЦИС. — 1993. — № 2. — С. 133.

²⁰ См.: *Мониторинг социально-экономического потенциала семей.* — М., 1996. — С. 56, 65.

²¹ Данной классификации жизнеобеспечения придерживается Е.С. Балабанова, рассматривая способы социально-экономической адаптации. См.: *Балабанова Е.С.* Социально-экономическая зависимость и социальный паразитизм: стратегия «негативной» адаптации // СОЦИС. — 1999. — № 4. — С. 46.

²² В последнее время в российской социологии появились исследования, посвященные проблемам нищенства. Правда, они носят скорее историко-социологический характер. См.: *Голосенко И.А.* Нищенство как социальная проблема (Из истории дореволюционной социологии бедности) // СОЦИС. — 1996. — № 7, — С. 28—40; — № 8, — С. 24—39.

²³ См.: *Бедность в России.* Государственная политика и реакция населения / Под ред. Дж. Кругман. Всемирный Банк. — Вашингтон, 1998. — С. 37—73.

²⁴ См.: *Бедность в России.* — С. 61.

²⁵ См.: *Римашевская Н.М.* Социальные последствия экономических трансформаций в России // СОЦИС. — 1997. — № 6. — С. 56—57.

²⁶ См.: *Гордон Л.А.* Четыре рода бедности в современной России // Социологический журнал. — 1994. — № 4.

²⁷ *Гордон Л.А.* Четыре рода бедности в современной России // Социологический журнал. — 1994. — № 4. — С. 28—29.

²⁸ Правда, эти многолетние исследования шли на территории одного из субъектов РФ — Новосибирской области. Но основные социально-экономические преобразования касались в равной степени всего общества, и в этом смысле результаты их будут одинаковыми для всех участников. Возможны лишь колебания, как правило незначительные, в «размерах» (величине) тех или иных характеристик.

²⁹ Данные расчеты осуществлены по группам населения, находящимся за порогом бедности, в качестве которого взят прожиточный минимум для соответствующего года.

³⁰ См.: *Заславская Т.И.* Доходы социальных групп и слоев: уровень и динамика // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. — 1996. — № 2. — С. 7.

³¹ *Бедность в России* / Всемирный банк. — Вашингтон; М., 1998. — С. 11—12.

Глава 6. Социально-трудовые отношения и социальное партнерство: тенденции развития

6.1. Институализация социального партнерства. Формирование корпоративистской политической системы

Политическая история современного Запада — есть история постепенного превращения объединений наемных работников (и, прежде всего, профсоюзов) в интегрированные составные части политической и экономической институциональных систем капиталистического общества. Начало этому процессу положил отказ от насильственного подавления классовых конфликтов и борьбы с ними со стороны работодателей. Было признано, что противоречие между трудом и капиталом должно рассматриваться как индустриальный конфликт.

Единственным же позитивным способом разрешения такого конфликта идеология либеральной демократии предложила признать его институционализацию. Последовавшее за этим его взаимное признание профсоюзами, рабочими партиями, союзами предпринимателей и государством привело к существенным, качественным изменениям отношений основных сторон социального партнерства. Вместе с тем, как профсоюзы, так и организации работодателей, политические организации и государство обрели в ходе указанного процесса большую стабильность и добились неплохих результатов в реализации намеченных целей.

Главным достижением современного социального государства, понимаемого как институт регулирования социальных конфликтов, является интеграция рабочего движения в возглавляемую и созданную этим государством систему «кооперативного разрешения конфликтов». Создание такой системы является результатом исторического компромисса. Институционализация системы стала возможна лишь в результате сближения, а затем тесного союза государственной бюрократии и общественных организаций (в том числе, разумеется, и профсоюзов). Этот союз способствовал тому, что поте-

ряли свое былое значение традиционные различия между государством и обществом, публичной и частной сферами, законом и договором.

Характерные для современного общества взаимоотношения государства и общественных организаций сравниваются с политико-организационными формами корпоративизма, а некоторыми исследователями порой и уподобляются им. Основанием такого уподобления является то, что в социальном государстве, как и в корпоративистском, фактически отсутствуют политические конфликты интересов. Кроме того, в отличие от традиционно плюралистического общества, организованные представители труда и капитала, будучи компонентами институциональной системы, в настоящее время обладают публичной властью. Они не только представляют интересы своих «клиентов», но и совместно с государством и представителями других союзов и организаций участвуют в принятии и осуществлении решений.

Корпоративистской политической системе присущи три определяющих свойства: 1) тесное сотрудничество между государством и функциональными группами интересов; 2) институционализированные формы прямого сотрудничества между самими группами интересов; 3) государственный контроль над деятельностью групп интересов, ограничивающий их автономию и превращающий их отчасти в «агентов мобилизации» в деле осуществления политики государства.

Важнейшее различие между корпоративизмом и плюрализмом заключается в следующем. В плюралистической политической системе представители общественных организаций независимы от государства. В корпоративистской же — их деятельность протекает в рамках, установленных государством, и тем самым в какой-то мере изначально ориентирована на определенные цели. Демократическое социальное государство ближе к корпоративистской политической системе, поскольку общественные организации в своем функционировании в большой степени зависимы от этого государства, в том числе и юридически.

Исторический переход от традиционного либерального государства к корпоративистскому, планово-директивному социальному государству сопровождается изменением значения понятия «автономия». Так, в отличие от власти лассеферистского либерального государства, социальному государству не могут быть безразличны взаимоотношения сторон индустриального конфликта. Автономия контролируется и направляется государством; она приобретает функциональный характер и цель — социальное сотрудничество, партнерство.

Политическая система современного развитого западного общества возникла не через разрушение либеральной демократии, а в процессе по-

степенной трансформации в демократическое социальное государство всеобщего благосостояния. Это и наложило соответствующий отпечаток на характер и функции корпоративистских элементов, присущих данной системе. Корпоративистские элементы современной модернизированной либеральной демократии не имеют своей целью подавление классовой борьбы. Напротив, классовая борьба регулируется, вводится в русло «сотрудничества», «взаимной ответственности», консенсуса. Цель подобного регулирования — достижение равновесия интересов.

Роль государства в поддержании политической стабильности заключается в том, чтобы убедить конфликтующие организации, что правовые средства наилучшим образом соответствуют реализации их интересов и что применение силы неэффективно. Однако данная задача может быть успешно выполнена при соблюдении двух условий. Во-первых, политическая стабильность обеспечивается сильным и гибким аппаратом насилия и принуждения. Но государство должно использовать этот аппарат лишь в рамках существующих законов.

Во-вторых, для поддержания политической стабильности необходимо, чтобы государство обеспечило общественные организации и союзы самыми широкими правами. Только такой подход способен обеспечить социально-конструктивное сотрудничество организаций друг с другом и государством. Следовательно, политическая стабильность возможна как результат взаимодействия сильного государства и имеющих широкие права организаций.

В развитии социального партнерства прослеживается определенная историческая тенденция. Объективные и субъективные предпосылки для его возникновения зародились в конце XIX в., когда прочно вошли в жизнь профессиональные и предпринимательские союзы, а государство вынуждено было стать арбитром в конфликтах между трудом и капиталом. Но само партнерство, порой и под другими названиями, утвердилось идеологически и практически, прежде всего, под влиянием катастрофических социальных потрясений: экономических кризисов и депрессий, мировых войн, обострения классовой борьбы.

Теория социального партнерства — теория «классового сотрудничества» получила широкое распространение после Второй мировой войны в ФРГ, Австрии, Швеции, Бельгии, Франции, Великобритании. В 1960—1970 гг. это была официальная доктрина буржуазных и социал-демократических правительств большинства капиталистических стран.

Идеи «классового сотрудничества» были выдвинуты в трудах основоположника буржуазного реформизма Дж.С. Милля и вульгарных буржуазных экономистов Ж. Сея, Ф. Бастио и др.

Проповедь «социальной гармонии» классовых интересов основывалась на теории факторов производства, согласно которой в создании стоимости, общественного богатства в равной мере участвуют труд и капитал. Между тем примечательно в этой связи замечание К. Маркса: «Утверждение, что интересы капитала и интересы труда одни и те же, на деле означает лишь следующее: капитал и наемный труд — это две стороны одного и того же отношения. Одна сторона обуславливает другую, как взаимно обуславливают друг друга ростовщик и мот.

Пока наемный рабочий остается наемным рабочим, судьба его зависит от капитала. Это и есть пресловутая общность интересов рабочего и капиталиста».

Дальнейшее развитие идея сотрудничества труда и капитала получила в трудах Э. Бернштейна.

Теоретическая основа «социального диалога» между классами получила свое дальнейшее развитие в доктрине «индустриального общества», выдвинутой буржуазными идеологами в 1950-е гг. — Р. Ароном, Дж. Голбрейтом, Д. Перру, Р. Дарендорфом, согласно которой в условиях научно-технической революции капитализм уступает место «индустриальному обществу», «смешанной экономике», а рабочий класс превращается в силу, заинтересованную в укреплении существующего общественного строя.

6.2. Социальное партнерство: понятие и составляющие

Рыночная экономика нуждается в механизмах согласования интересов, разрешения возможных конфликтов и социальных институтах, обеспечивающих, с одной стороны, признание и государственную защиту всех видов собственности, с другой — социальную защиту работника.

Одной из важнейших частей названных механизмов выступает социальное партнерство, ибо именно оно выполняет весьма существенные функции защиты интересов обеих сторон общественных отношений — работодателей и работников, а также организации (упорядочения) трудовых отношений, обеспечения их стабильности.

Социальное партнерство — проверенный опытом большинства стран метод решения социально-экономических, в том числе и социально-трудовых проблем, а точнее, противоречий, возникающих между наемными работниками, работодателями и государством.

В нынешней политической и экономической ситуации в России распространение и закрепление принципов сотрудничества и компромисса,

недопущение того, чтобы разные социальные группы истощали свои силы во взаимной борьбе, приобретают принципиальное значение.

Если говорить об идеологии социального партнерства, то оно отражает исторически обусловленный компромисс интересов главных субъектов современных экономических процессов и выражает общественную необходимость социального мира как одного из основных условий политической и экономической стабильности и на этой основе прогресса.

Через сотрудничество и взаимные уступки двух основных социальных групп в обществе — работодателей и наемных работников обеспечивается их взаимодействие.

Идеологию партнерства характеризуют:

- преимущественно переговорный характер разрешения разногласий;
- согласование социально-экономической политики и, в первую очередь, политики доходов;
- согласование ряда критериев и показателей социальной справедливости и установление мер гарантированной защиты интересов субъектов социального партнерства;
- утверждение системы общечеловеческих ценностей в производстве и других сферах общественного труда;
- участие наемных работников в управлении.

Перечисленные слагаемые системы социального партнерства, как свидетельствует практика развитых стран, помогают обеспечить: взаимную заинтересованность наемных работников и предпринимателей в эффективном экономическом росте, в повышении конкурентоспособности производства (в том числе и в общегосударственном масштабе) в социальном мире и в укреплении демократии; рост трудовой и социальной активности; оздоровление процесса конкуренции; улучшение условий труда и жизни; снижение уровня и смягчение остроты социальных конфликтов, перевод конфликтов в конструктивные предложения.

Для России такие подходы стали актуальными в связи с отказом от государственно-директивных методов управления общественными отношениями к рыночным методам.

В условиях развития рыночных механизмов помимо социального партнерства существует еще одна форма согласования классовых интересов — патернализм. Патернализм — форма социальной политики, сводящейся к показной предпринимательской благотворительности, «заботе» собственника — капиталиста или управленческой администрации о нуждах трудящихся. В ответ на эту «заботу» от рабочих требуются безусловная преданность фирме и лояльность по отношению к администрации, лю-

бой акт протеста против произвола предпринимателя рассматривается как нарушение «долга» и грозит увольнением.

Патернализм — одно из главных средств обеспечения промышленного мира, призван убедить трудящихся в том, что действенное улучшение условий труда может быть достигнуто путем «сотрудничества» с предпринимателями. Стремясь дополнить экономическое принуждение рабочего к труду его многосторонней личной зависимостью, предприниматели предоставляют рабочему те или иные материальные и социальные льготы, не предусмотренные коллективным договором. Так, по некоторым данным, в ФРГ на этой основе в конце 1960-х—начале 70-х гг. осуществлялось до 50 % социальных выплат. Получили распространение различные программы «благополучия рабочих» (дополнительные материальные выплаты, создание премиальных и пенсионных фондов, осуществление жилищного строительства, организация медицинской помощи, различных культурно-просветительных мероприятий и др.).

Во многих буржуазных государствах патернализм, ранее характерный лишь для мелких предприятий, активно используется крупными компаниями и носит антипрофсоюзную направленность. Формы патернализма зависят от специфики национальных условий в различных странах: в Италии патернализм связан с католицизмом, в Японии — с традициями иерархического подчинения во всем общественном укладе, в ФРГ — сочетается с проповедью «диффузии капиталистической собственности» и «социального партнерства», в США — с программами «благополучия рабочих», «участия в производственном управлении» и т. д.

Однако патернализм, пропаганда которого широко распространена в современном мире, на практике широко сочетается с социальным партнерством, которое в целом получает относительно большее распространение как идеологическое течение и метод управления и разрешения социальных конфликтов.

Социальное партнерство в области трудовых отношений можно рассматривать как способ взаимодействия самостоятельных и организационно оформленных социальных групп. Партнерство — это своего рода компромисс между этими группами.

В нашей литературе социальное партнерство понимается нередко слишком узко. Мало того, что о нем говорят, как правило, лишь применительно к трудовым отношениям, но даже и здесь его сводят к соглашениям и коллективным договорам. Между тем механизмы и методы социального партнерства могут применяться не только в трудовых отношениях, но и в иных областях, где интересы различных социальных групп пересекаются.

Предметом социального партнерства могут стать (и действительно являются в разных странах): социально-экономические консультации по широкому кругу вопросов между различными субъектами, включая государство; соглашения между потребителями и производителями (прежде всего монопольными, особенно в случае, если это «естественные монополии») об уровне цен и условиях обслуживания; взаимоотношения между государственными органами социального обеспечения и социальной поддержки, бюджетными и внебюджетными фондами и организациями обслуживаемых ими групп населения; решение экологических и межнациональных проблем и т. д.

В трудовой сфере основными направлениями социального партнерства являются:

- 1) заключение коллективных договоров (как правило, на уровне предприятия) и соглашений (на уровне выше предприятия);
- 2) участие в управлении производством, определяемое как законами или иными государственными актами, так и соглашениями;
- 3) финансовое участие (участие в собственности и доходах), включая передачу трудящимся на льготных условиях акций предприятий, участие в прибылях и т. д.;
- 4) осуществление примирительных процедур при разрешении коллективных трудовых конфликтов, формирование примирительных и арбитражных органов на трехсторонней основе (работодатели, работники, посредники — независимые или представители государственных органов);
- 5) участие представителей работников, работодателей и государства в управлении фондами социального обеспечения и страхования.

6.3. Основные субъекты трудовых отношений — социальные партнеры

Сегодня уже общепризнанно, что соединение рыночных реформ с демократическими общественно-политическими преобразованиями открывает путь к социальной рыночной экономике. В рамках возникающей при этом социально ориентированной демократии высоко вероятным становится развитие состязательно-партнерских трудовых отношений. В таких отношениях столкновения, компромиссы, соглашения участников производства становятся трехсторонним взаимодействием (а то и сотрудничеством) профсоюзов с работодателями при посредничестве государства.

Рабочих и других работников наемного труда представляют профсоюзы. Причем важно подчеркнуть, что речь идет не о псевдопрофсоюзах,

бывших частью государственной машины, управлявшейся партийными органами, а о реальных профессиональных союзах, защищающих интересы работников наемного труда и охватывающих (объединяющих) их по принципу профессиональной принадлежности.

Профсоюз (профессиональный союз) — это добровольное общественное образование граждан, связанных общими производственными, профессиональными интересами по роду их деятельности, создаваемое в целях представительства и защиты их социально-трудовых прав и интересов.

Первые профсоюзы как массовые общественные организации возникли во второй половине XVIII столетия в Великобритании в форме ассоциации высококвалифицированных рабочих, объединявшихся для защиты своих профессиональных интересов и сохранения своего социального статуса. Вначале профсоюзы носили локальный характер. В конце XIX в. возникают отраслевые производственные профсоюзы и национальные профсоюзные центры (один из старейших — Британский конгресс тред-юнионов, организованный в 1868 г.). Расширяется социальная база профсоюзов, создаются организации, объединяющие также полуквалифицированных и неквалифицированных работников.

В основном профсоюзы возникали в отраслях материального производства и объединяли работников физического труда. В начале XX в. появляются международные производственные секретариаты — международные федерации и профсоюзы рабочих одной отрасли хозяйства. В России первые профсоюзы организуются на рубеже XIX—XX вв., а их массовое развитие приходится на годы первой русской революции (1905—1907 гг.). В странах Азии и Африки широкое развитие профсоюзного движения в целом относится к периоду после окончания Второй мировой войны. На первом этапе становление профсоюзов проходило нелегально, существовало уголовное наказание за членство в «заговорческих организациях», т. е. профсоюзах. Впервые профсоюзы были легализованы в Великобритании в 1824 г.

В современной России в соответствии с действующим законодательством каждый гражданин, достигший возраста 14 лет и осуществляющий трудовую (профессиональную) деятельность, имеет право по своему выбору создавать профсоюз для защиты своих интересов, вступать в него, заниматься профсоюзной деятельностью и выходить из профсоюза. Право граждан на объединение в профсоюзы, включая право создавать профессиональные союзы для защиты своих интересов, закреплено в Конституции Российской Федерации (ст. 30). Профсоюзы в нашей стране имеют право создавать свои объединения (ассоциации) по отраслевому, территориаль-

ному или иному учитывающему профессиональную специфику признаку — общероссийские объединения (ассоциации) профсоюзов, межрегиональные объединения (ассоциации) профсоюзов, территориальные объединения (ассоциации) организаций профсоюзов

Все профсоюзы в России пользуются равными правами. Правовые основы создания профсоюзов, их права и гарантии деятельности, отношения с органами государственной власти, местного самоуправления, работодателями (объединениями работодателей), другими общественными объединениями, юридическими лицами и гражданами регулирует федеральный закон Российской Федерации «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» от 12 января 1996 г.

В советской системе существовали профсоюзы, которые являлись составной частью административного аппарата предприятий. Их объединял Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов (ВЦСПС). В условиях перестройки общественно-политической и социально-экономической жизни, развития плюрализма и демократии возникли так называемые «новые профсоюзы» — самостоятельные профессиональные объединения трудящихся. Возникли они в результате разрушения монополии ВЦСПС, появления предприятий различных форм собственности, заметной ориентации так называемых «традиционных» профсоюзов, объединяемых Федерацией независимых профсоюзов России (ФНПР), на профобслуживание работников государственных предприятий, учреждений и организаций, а также в условиях неудовлетворенной общественной потребности в действительно сплоченной организации.

Становление множества абсолютно самостоятельных и не связанных между собой профсоюзных объединений шло двумя путями: возникновение новых, не зависящих от «традиционных» профсоюзных объединений и образование новых профобъединений внутри существующих с последующим выходом из них. Новые профсоюзы формировались на основе собственных концепций и представлений о роли и задачах профсоюзов, принципах их организации, месте в обществе, характере взаимодействия друг с другом и другими элементами политической системы общества; на собственной социальной базе, пользуясь поддержкой тех или иных слоев трудящихся и руководствуясь своими программами деятельности и уставами.

Новые профсоюзы насчитывают более 200 объединений. Наиболее известные из них (объединяющие только наемных работников): Независимый профсоюз горняков России (НГПР), созданный в октябре 1990 г.; Федерация профсоюзов летного состава гражданской авиации (ФПЛСГА), учреждена 4 октября 1991 г.; Федерация профсоюзов авиадиспетчеров

России (ФПАДР), создана 1 ноября 1991 г.; Конфедерация свободных профсоюзов России (КСПР), образована 22 июля 1990 г.; Российская конфедерация свободных профсоюзов (РКСП), образована 9 февраля 1991 г.; Объединение независимых рабочих профсоюзов «Защита», учреждено 6 декабря 1990 г.; Российский профсоюз локомотивных бригад железнодорожников (РПЛБЖ), основан 27 января 1992 г.; Объединение социальных профсоюзов России (СОЦПРОФ), создано в мае 1989 г. (строится на широкой неотраслевой и межотраслевой основе. Входящие в него профсоюзы объединяют от нескольких человек из одного цеха до сотен рабочих и инженерно-технических работников крупных предприятий и тысяч рабочих и представителей интеллигенции в регионах).

Главная функция профсоюзов в условиях рыночных реформ, проводимых в России по шоковому варианту, когда к минимуму сведены социальные гарантии в области труда, его условий, занятости, жилищного и социального обеспечения, когда стали повсеместными длительные задержки выплаты заработной платы, остановка предприятий, резко обострились противоречия между трудом и капиталом, — защитная. Профсоюзы как организация социального предназначения на первое место в своей работе ставят исполнение традиционной для них функции — обеспечение наиболее выгодных для работников условий продажи рабочей силы (работа по способностям, личным склонностям, общественным потребностям); заработной платы, адекватной затраченным усилиям; здоровых и безопасных условий труда. Их позиция, в частности Федерации независимых профсоюзов России, крупнейшего в стране профобъединения, состоит в том, чтобы добиться соответствия заработной платы работников прожиточному минимуму (минимальной сумме денежных средств, дохода, достаточных для удовлетворения объективно необходимых потребностей в пище, одежде, культурно-бытовых и других услугах при сложившемся уровне розничных цен и тарифов). Профсоюзные комитеты предприятий должны использовать свои права и по просьбе работников (или по собственной инициативе) обращаться в суд с иском в защиту трудовых прав работников.

Ключевой задачей профсоюзов является защита работников от безработицы при переходе России к рыночной экономике, когда работодатель и работник свободно договариваются по вопросам найма, исходя из своих экономических интересов, учитывая собственные «силовые» возможности и опираясь на законодательство о занятости. В условиях непрекращающегося спада производства профсоюзы предлагают сдерживать массовую безработицу, одновременно решая три взаимосвязанные задачи: оптимально ограничить процессы высвобождения работников для недопущения об-

вального перехода скрытой безработицы в открытую; придать скрытой безработице форму накопления профессионального потенциала (переобучение, переквалификация) для перспектив экономического развития; начать ускоренную реорганизацию производств для выпуска конкурентоспособной продукции.

Кроме профсоюзов, интересы работников могут представлять, и в ряде случаев представляют, многофункциональные общественно-политические движения и организации трудящихся. Союз трудовых коллективов, объединенный фронт трудящихся по существу — движение рабочих советов, претендующее на всероссийское значение. Подчеркивая несомненный факт, что общественно-политические движения рабочих отличаются от профсоюзов, стоит, однако, заметить, что на начальных стадиях постсоциалистического развития разница между ними не абсолютна. Следовательно, пока можно говорить об определенном плюрализме организаций работников.

Работодатели и их организации как субъекты трудовых отношений представлены директорами (предприятий), частными предпринимателями и союзами работодателей. Именно они вступают в переговорный процесс с союзами и организациями лиц наемного труда.

Превращение директорского корпуса (прежде всего государственных предприятий) в независимого работодателя представляет собой трансформацию старых, уже действовавших в обществе социальных фигур. Этот сектор пока еще дает работу 70—75 % всех занятых.

Директорский корпус в результате разгосударствления и приватизации собственности стал если не юридическим, то фактическим собственником. Если приватизация практически не отразилась на положении наемного работника, то права и реальные возможности директората она существенно расширила. Особенно в области оплаты труда, по опросам общественного мнения, 79 % управленческого персонала и 77 % рабочих акционерных обществ считают, что именно директор — реальный владелец предприятия.

Разрыв между фактическим и юридическим статусом большинства директоров обусловил их позиции в трудовых отношениях. Они определяются тем, что и как реально происходит: с кем себя идентифицирует директор — с реальным собственником или трудовым коллективом. В зависимости от этого его позиция может тяготеть либо к бюрократизму (единоличному распоряжению), либо к патернализму.

Итак, директорский корпус сегодня представляет прежде всего работодателей. Однако идет формирование новых работодателей рыночного типа: работодателей в частном негосударственном секторе российской экономики.

Необходимость объединения работодателей возникает в тех случаях, когда речь идет о политике на региональном, отраслевом или национальном уровне. Чтобы вести переговоры с правительством, местными властями или отраслевым профсоюзом, работодатели должны объединиться. Поэтому становление работодателей как независимых субъектов рыночной экономики сопровождается формированием российского «патроната» — союзов и организаций работодателей и предпринимателей.

Еще в конце 1980-х годов был образован Научно-промышленный союз, который объединял крупнейшие государственные предприятия. В начале 1992 г. он был преобразован в Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП), в который входят как государственные, так и негосударственные фирмы. РСПП — неправительственная организация, созданная с целью объединения и координации усилий для решения общих задач. В РСПП входят 56 региональных и свыше 100 отраслевых объединений промышленников и предпринимателей. Союз участвует в разработке и заключении генеральных, региональных и отраслевых соглашений по социальному партнерству. Несмотря на растущий общественный авторитет, его влияние непосредственно в сфере трудовых отношений пока незначительно. Он успешнее действует в качестве лоббистской структуры, а не как коллективный выразитель интересов работодателей в их отношении с наемным трудом.

Представители РСПП выдвинули программу переориентации российской экономической реформы, предусматривающую отход от ряда деструктивных, болезненных для широких слоев населения установок и предлагающую в качестве базисных два принципа: 1) сочетание макроэкономических перемен с микроэкономическими преобразованиями, охватывающими непосредственно производственную сферу и ставящими в центр внимания именно предприятия; 2) дифференцированный подход к развитию государственного и негосударственного секторов экономики, допуск на определенный период двухсекторной модели развития народного хозяйства России, т. е. сохранение и модернизация государственной промышленности, ее выведение на современный технический уровень с освобождением от вериг устаревшего производства, параллельное активное развитие частнопредпринимательского сектора с постепенным повышением удельного веса последнего в экономике страны и использованием практики государственного регулирования рыночных отношений. Кроме этой организации существуют и другие: Российский союз товаропроизводителей, Ассоциация приватизируемых и частных предприятий и др.

Органы государства в совокупности участников трудовых отношений меняют свою роль в связи с формированием самостоятельных участников трудовых отношений со стороны работодателей. Создаются предпосылки (а скорее, даже неизбежность) для превращения государственных институтов в их третьего нейтрального субъекта.

Государство выступает уже не в роли монопольного работодателя, а в роли регулятора-посредника отношений в социально-трудовой сфере.

Обретение предпринимателями подлинной хозяйственной самостоятельности, даже если они остаются государственными, ведет к тому, что государственная власть перестает нести прямую ответственность за их деятельность. Органы государственного управления как бы выходят из непосредственного участия в производственном процессе и могут стать нейтральными по отношению к другим субъектам такого процесса: работникам и работодателям. В этом смысле процесс превращения директоров и самостоятельных руководителей, играющих независимую роль в трудовых отношениях, их разгосударствление, есть одновременно процесс перехода государственных институтов из позиции работодателей в позицию нейтральных участников этих отношений.

Государство как субъект социального партнерства выступает в качестве разработчика соответствующего трудового законодательства, создателя правовой инфраструктуры, арбитра, стоящего на страже интересов общества. При этом вмешательство государства может происходить только в тех случаях, когда та или иная сторона трудовых отношений нарушает трудовое законодательство; когда обе конфликтующие стороны не могут выработать компромиссного решения; когда достигнутый компромисс наносит ущерб государственным интересам. Без конституирующей роли государства невозможно само социальное партнерство. Однако чрезмерное государственное вмешательство настораживает. Исторический опыт России и международная практика показывают, что государственная опека, а тем более административный диктат в области трудовых отношений — явление вредное.

Ради налаживания эффективного социального партнерства государство должно пойти на серьезные самоограничения (это рекомендуют эксперты Международной организации труда), занять твердую позицию добровольного и узаконенного невмешательства правительственных органов в коммерческо-административную самостоятельность предприятий и самостоятельность профессиональных союзов. Без такого самоограничения социальное партнерство носит формально-бюрократический характер. Для государства как представителя общественных интересов социальное партнерство — это социальный мир и сплоченность общества, условие его политической

стабильности, экономического прогресса, роста доходов населения, экологической безопасности, общей конкурентоспособности национальной экономики; инструмент выживания и расширения социальной базы.

Итак, к числу субъектов трудовых отношений могут быть отнесены:

Со стороны работников:

- профсоюзы, постепенно перестающие быть особой частью партийно-государственного механизма, какими они были раньше;
- новые профсоюзы, возникающие из независимого рабочего движения и не связанные с прежними профсоюзными структурами даже происхождением и традициями;
- полупрофсоюзные (псевдопрофсоюзные) образования, фактически выполняющие роль социальных отделов администрации предприятий;
- многофункциональные общественные движения рабочих рыночно-демократической ориентации (СТК, рабочие советы и т. п.);
- многофункциональные общественные движения антирыночной ориентации.

Со стороны работодателей:

- директора и руководители государственных предприятий, обретающие в процессе коммерциализации, приватизации, акционирования все большую самостоятельность и независимость;
- собственники и управляющие частных предприятий, изначально действующие независимо от государственных структур;
- общественно-политические организации хозяйственных руководителей, промышленников и предпринимателей.

Со стороны государства:

- общесоциальные и общеполитические органы государственного управления, не вовлеченные непосредственно в производство и прямо не связанные ни с работниками, ни с работодателями;
- хозяйственные министерства и ведомства, еще несущие непосредственную ответственность за ход производства, а потому являющиеся одновременно и органами государства, и работодателями.

6.4. Типы профсоюзов и основные модели социального партнерства

Политическая стратегия современного государства, направленная на экономическую модернизацию, с одной стороны, предполагает нейтрализацию профсоюзов — частично дисциплинарно-насиловыми мерами, частично средствами кооперативно-компенсаторного характера, с дру-

гой стороны, — подключение профсоюзов к осуществлению стратегического курса государства. Таким образом, задачей государства является сочетание одновременного ограничения власти и требований профсоюзов с приспособлением их деятельности к собственному политическому курсу.

Дисциплинарно-насильственные меры с целью ограничения экспансии профсоюзов нередко ведут к обострению социального конфликта, что неблагоприятно сказывается на реализации фундаментальных целей государства по реорганизации и оживлению экономики. Политические последствия этого конфликта могут быть весьма опасны. Вместе с тем за сотрудничество с государством ради реализации задач, стоящих перед ним, профсоюзы требуют определенной компенсации. Она, в свою очередь, возможна в ограниченных размерах, т. е. в тех, которые позволяют наличные экономические средства.

Фундаментальные противоречия между различными социальными силами не устраняются полностью и периодически обостряются, и профсоюзы потенциально являются как раз той силой, которая может взяться за их насильственное разрешение. Профсоюзы в последнее время стремятся действовать на макроэкономическом уровне, что усиливает угрозу их насильственных акций по отношению к социальной и экономической системе. Предвидя эту возможность, государство прилагает максимум усилий для нейтрализации деструктивной, антисистемной «энергии» профсоюзов.

В Западной Европе имеется два типа профсоюзов: а) профсоюзы, ориентированные на сотрудничество с государством и системой в целом; б) профсоюзы, ориентированные на конфликт. Как правило, профсоюзы первого типа существуют в тех странах, где рабочее движение издавна обладает преимущественно реформистским характером. К таким странам относятся ФРГ, Австрия, Швейцария, Нидерланды, Швеция, Норвегия и Дания.

В Италии, Франции и Великобритании профсоюзы преимущественно ориентированы на конфликт с системой, они относятся ко второму типу.

Тип профсоюза обусловлен разными факторами. Существенное значение имеют «организационный статус» и организационные структуры профсоюзов. Единое, политически независимое, созданное по производственному принципу, с жесткой иерархической структурой и всевластием руководящей верхушки — такое профсоюзное движение обычно нацелено на социальный конфликт. Подобные профсоюзы представляют собой прежде всего социально-политическую оппозиционную силу. И напротив, профсоюзы, тесно связанные с какой-либо реформистской партией, являющейся конституирующей частью status quo, с гибкой либерально-синдикалистской структурой, которая до определенной степени нейтрализует «абсо-

лютизм» лидеров и учитывает интересы низов и т. п., чаще всего нацелены на сотрудничество с государством и предпринимателями.

Еще один важный показатель для определения типа, к которому принадлежат те или иные профсоюзы, — это «выбор» системы регулирования трудовых отношений. Если в ходе регулирования трудовых отношений, при заключении коллективных соглашений (договоров) профсоюзы делают упор на надпроизводственный, макроэкономический (отраслевой, региональный или общенациональный) уровень, пытаются проводить свой курс «сверху», то тем самым они проявляют свою ориентацию на социальное сотрудничество. Помимо прочего на этих высоких, надпроизводственных уровнях действуют правовые нормы, побуждающие к классовому компромиссу, политике интеграции и кооперации.

Профсоюзы же, в деятельности которых в центре внимания стоит предприятие, непосредственно производство, т. е. профсоюзы, предпочитающие низовой уровень, как правило, социально более конфликтны. Они отдают предпочтение работе «снизу» еще и потому, что там они меньше связаны институциональными и правовыми нормами

В Западной Европе известны три модели модернизации, каждая из которых опирается на три различные типа взаимодействия государства и профсоюзов. Причем все эти три модели обладают рядом таких свойств, которые в целом исключают возможность их конвергенции.

Упрощенно можно выделить следующие модели модернизации: английскую — консервативную, западногерманскую — социал-демократическую, французскую — социалистическую. Английская и французская модели исторически обеспечивали меньшую степень стабильности, чаще приводя к конфликтам и провалам согласительных процессов.

В Великобритании консервативное правительство очень жестко и последовательно проводит в сфере экономики неолассеферистскую политику, ущемляющую интересы трудящихся и совершенно очевидно направленную против профсоюзов. Подобные дисциплинарно-насильственные меры подрывают социальный консенсус, отвращают профсоюзы от попыток достичь с правительством компромисс и, в конечном счете, мобилизуют их на борьбу со *status quo*.

Во Франции, напротив, социалистическое правительство, тесно связанное с рабочим классом и профсоюзами, стремится осуществить модернизацию экономики, далеко не в достаточной степени учитывая интересы предпринимателей, их социальную роль и реальные позиции в обществе. Если английское консервативное правительство своей политикой пускало модернизацию фактически на самотек, полностью передоверяя ее бизнесу,

то французские социалисты нередко впадали в другую крайность — они хотят единолично и во всем объеме руководить экономическим, технологическим и социальным развитием страны. Таким образом, английская и французская модели модернизации — односторонне-радикальные и поэтому довольно ущербные, не принимающие во внимание плюралистической природы западного социума.

Глубокие перемены в национальном организме, связанные с перестройками экономики, не могут успешно проводиться, если тяготы данных перемен будут взвалены на плечи только одной группы — не важно, работодателей или наемных работников. Следует признать в равной степени ошибочной абсолютизацию как неолассеферизма, так и этатистского дирижизма.

Наибольшие шансы на успех имеет западногерманская модель модернизации. Она представляет собой как бы третий путь, «золотую середину» между крайностями английского и французского вариантов.

До начала 1980-х гг. успехи профсоюзов обеспечивались устойчивым экономическим ростом и полной занятостью, а также активно функционирующей системой соучастия наемных работников в управлении экономикой (*Mitbestimmung*). В изменившихся политических и экономических условиях западногерманское профсоюзное движение приобрело новый характер и иные формы.

Ныне профсоюзы вынуждены подстраиваться под новую стратегию государства, которое стоит перед необходимостью модернизации хозяйственного комплекса, накопления ресурсов для новой экспансии в мировом хозяйстве и подготовки фундамента для экономического подъема после освоения Восточных земель и возможностей единого рынка. Ныне профсоюзы как ответственный, солидарный социальный партнер, обязаны уступить инициативу государству и частному капиталу, не требуя при этом никакой немедленной компенсации. Иначе говоря, профсоюзы должны идти на уступки, должны потуже затянуть пояс.

В течение всего периода после 1960-х гг. ФРГ проходит все экономические кризисы и спады с меньшими потерями, нежели другие индустриально развитые страны Запада (за исключением, пожалуй, скандинавских государств). Дело в том, что, хотя социал-демократы потеряли власть и кейнсианские опоры не выдержали тяжести кризиса, в ФРГ существуют в неизменном виде гибкие институциональные формы, в рамках которых постоянно ведется диалог государства и профсоюзов, бизнеса и профсоюзов, государства и бизнеса. Причем ни одна из ведущих политических сил

страны, включая партийный блок ХДС/ХСС, и не пытается оспорить или радикально модифицировать эти институциональные формы.

Но не только гибкие институциональные формы взаимодействия государства и профсоюзов позволяют ФРГ переживать кризисные моменты относительно безболезненно. Социально ответственные, ориентированные на сотрудничество и компромисс, западногерманские профсоюзы в условиях экономического спада, как правило, проводят стратегию, которая в целом направлена на поддержку мероприятий государства и частного капитала по модернизации хозяйственного комплекса.

Новая экономическая политика государства и бизнеса, направленная на осовременивание, оздоровление хозяйственной жизни общества, в конечном счете, полагают лидеры и теоретики профсоюзов, заложит фундамент подъема экономики, создаст дополнительные рабочие места (в том числе в Восточной Германии) и тем самым в обозримом будущем компенсирует наемным работникам сегодняшние трудности. Поэтому профсоюзы в общем готовы не выступать против государства, не мешать ему сейчас, а ждать и по мере сил сотрудничать и помогать.

Имеется еще ряд факторов, заставляющих профсоюзы ФРГ поддерживать новый курс государства. Во-первых, как известно, германская промышленность в значительной степени ориентирована на экспорт. Следовательно, продукция должна обладать высокой конкурентоспособностью. Для этого же необходимо поддерживать соответствующий уровень технологического развития, необходимы постоянные рационализация и модернизация производства. Выполнение данных задач и берут на себя государство и частный капитал.

Во-вторых, судьбы германской демократии тесно связаны и во многом «обеспечены» длительным послевоенным экономическим ростом. Политическая стабильность, устойчивость демократических институтов и процедур в ФРГ больше, чем в других ведущих державах Запада, зависит от благоприятной экономической конъюнктуры и нормального хода развития хозяйственного комплекса. Это объясняется отчасти тем, что демократия имеет в немецкой истории относительно недавние традиции, поскольку Германия пережила в двадцатом столетии два сокрушительных поражения в мировых войнах, неудачный демократический эксперимент (Веймарская республика), двенадцатилетнее господство тоталитаризма и военную оккупацию.

Иными словами, утверждение демократии в Западной Германии, в самосознании ее населения потребовало и продолжает требовать дополнительных «средств» и, прежде всего, успехов экономики. Но экономика

не может долговременно успешно функционировать там, где отсутствует социальная гармония. Поэтому профсоюзы Германии вынуждены сознательно идти на уступки государству и бизнесу, на социальное партнерство, ибо только это обеспечивает необходимые условия для экономического подъема, помогает избегать политической нестабильности, укреплять демократию. Скорее всего, именно эту модель следует избрать как адекватную современному развитию России.

6.5. Основные объекты (предмет) трудовых соглашений (партнерских отношений), факторы, определяющие трудовые конфликты

Среди основных проблем, составляющих предмет трудовых соглашений, ведущее место занимают вопросы оплаты труда. Такие ее аспекты, как общий размер заработной платы, ее соответствие величине прожиточного минимума, низкий уровень индивидуальных заработков относительно стоимости воспроизводства рабочей силы, ставшие широко распространенными задержки выплаты заработной платы оказывают весьма существенное влияние на возникновение трудовых конфликтов. Отсюда содержание трудовых соглашений в области оплаты труда составляют гарантии систематического повышения абсолютных размеров заработков, особенно в связи с ростом цен на потребительские товары и услуги, принципиальное изменение их удельного веса в составе вновь создаваемой стоимости.

Другими актуальными вопросами оплаты труда, составляющими предмет трудовых соглашений, являются компенсации лицам наемного труда потерь в заработках и доходах вследствие перехода от плановой экономики к развитому рыночному хозяйству на основе либерализации цен (единовременной), а также преодоление отраслевых и межпрофессиональных диспропорций в оплате труда.

Вторая проблема — занятость и угроза безработицы. Высвобождение работников и безработица в России связаны, как правило, с конверсией оборонной промышленности, приватизацией, ориентацией в производстве потребительских товаров на зарубежных производителей. Это неизбежно привело к обострению проблемы занятости и безработицы, необходимости изменения структуры занятости.

Сегодня многим руководителям предприятий удается избежать открытой безработицы с помощью перевода работника на укороченную рабочую неделю, отправки работников в принудительные отпуска по инициативе администрации. Повышение цен на продукцию и аккумуляция в этих усло-

виях дополнительных средств позволяет содержать на предприятиях численность работников, не соответствующую объемам производства.

Но все это до поры до времени. Следовательно, проблемы в области занятости — важный элемент трудовых отношений и коллективных переговоров.

Наконец, третья проблема — участие и соучастие работников в управлении. В процессе создания новых трудовых отношений, базирующихся на разных формах собственности, необходимо считаться с тем, что за десятилетия господства социалистической идеологии у нескольких поколений рабочих сложилась определенная система ценностных представлений. В этих представлениях важное место продолжает занимать ценность права участия в управлении, права оказывать влияние на социальную сторону развития производства. Тот факт, что влияние и участие работников раньше были иллюзорными, лишь усиливает стремление работников реализовывать такое право сегодня, когда провозглашено построение правового государства. И хотя, очевидно, что пропагандистский миф о рабочем — хозяине производства имел в прошлом мало общего с реальностью, сегодняшняя ситуация воспринимается как ущемление прав наемных работников, как лишение их того, что они когда-то имели. Поэтому успешное становление системы социального партнерства немыслимо без обеспечения представительства рабочих на всех уровнях иерархии управления предприятием, акционерным обществом, фирмой.

Для развития соучастия работников в управлении недостаточно просто изменить нынешнюю структуру администрации предприятий, законодательно предусмотрев в каждом ее звене представительство рабочих. Речь идет о том, чтобы создать такую процедуру формирования этого представительства, которая отбирала бы работников, действительно желающих и способных участвовать в принятии решений.

В условиях современной России можно выделить следующие виды конфликтных ситуаций и вообще трудовых отношений.

Во-первых, классические трудовые отношения и конфликты по поводу благ, создание и распределение которых прямо зависит от работников и их непосредственных работодателей. Прежде всего, это касается трудовых отношений внутри предприятий, в особенности связанных с заработной платой, условиями труда и т. п. (в той мере, в какой они формируются на предприятии).

Во-вторых, отношения и конфликты по поводу тех благ, создание и распределение которых не зависит прямо от работников и их непосредственных работодателей или зависят не только от них. Сюда относятся, например, выделение бюджетных ассигнований, лимитов и других средств

из государственных источников, предоставление льгот, преференций, кредитов, лицензий, права на бартерный обмен, обеспечение иных преимуществ. К предмету таких отношений и конфликтов относятся также установление минимальных уровней заработной платы и некоторые соотношения в оплате труда работников разных профессий.

Соответственно здесь больше распространены трудовые отношения, в которых работники противостоят не своим нанимателям, работодателям, а структурам, стоящим над ними.

В-третьих, отношения и конфликты, вытекающие из разгосударствления и приватизации производства. Огромные масштабы преобразований и короткие сроки осуществления делают их значение просто не сопоставимым с аналогичными явлениями, имеющими место в странах Запада. В рыночной экономике денационализация и приватизация означают переход от рыночно-государственной к рыночно-частной организации производства. У нас же делается попытка преобразовать нерыночные государственные предприятия в свободных агентов рынка. Соответственно, современная российская приватизация гораздо сильнее связана с тем, что противостояние работник—работодатель дополняется противостоянием каждого из них (и обоих вместе) государству.

В-четвертых, особую категорию социально-трудовых отношений образуют те из них, которые слиты с политическими проблемами. Здесь противостояния вообще определяются не оппозициями работников, работодателей, государства, а общественными ориентациями отдельных групп, слоев, представителей. Конфликты, начинающиеся вокруг оплаты, условий труда или вокруг приватизации, быстро перерастают в борьбу за определенную социально-экономическую организацию общества и производства — за разгосударствление, передачу предприятий частным собственникам, акционерам, трудовым коллективам, наоборот, за восстановление директивного управления, государственных дотаций и т. п.

Важнейшее преимущество коллективно-договорного регулирования перед системой директивного установления условий труда заключается в том, что механизм регулирования трудовых отношений в социально-рыночной экономике реализуется в мирном разрешении противоречий, последовательном согласовании интересов сторон. Важно, что при переходе к коллективно-договорной системе централизм принятия решений по основным вопросам трудовых отношений не утрачивается. Суть изменений в регулировании трудовых отношений заключается не в децентрализации, а в смене форм принятия решений.

Большое влияние на формирование системы коллективно-договорного регулирования трудовых отношений оказывает деятельность Международной организации труда. Конвенции и рекомендации МОТ установили уровень социальной защищенности работников, в них также определены права и обязанности второй стороны трудовых отношений — работодателей. В 1991 г. Генеральная Конференция МОТ приняла Рекомендацию № 163 о коллективных договорах, в которой определила возможность проведения коллективных переговоров на любом уровне (учреждения, предприятия, отрасли, региональном или национальном) и необходимость обеспечения их координации. В Рекомендации отмечаются правомерность требования сторон о предоставлении полной информации для ведения переговоров и желательность самостоятельного разрешения конфликтов между сторонами переговорного процесса.

Четкое распределение функций, определение круга проблем, решаемых на государственном, региональном, отраслевом уровнях и непосредственно на предприятиях, должны обеспечивать слаженные действия звеньев единой системы договорного регулирования трудовых отношений без дублирования и противоречий.

Взаимосвязь соглашений по уровням должна означать не только их увязку по предмету договора, но и по срокам, периодичности и последовательности их заключения. Генеральное соглашение, определяющее основные подходы к решению социально-экономических проблем в тот или иной промежуток времени, логически закономерно должно возглавлять (с определенным опережением) компанию договорного регулирования на других уровнях. Вопрос согласования сроков заключения соглашений, как показывает практика, важен, прежде всего, с точки зрения создания преемственности принимаемых на разных уровнях социального партнерства решений.

Одновременно необходимо урегулирование вопроса формы ответственности, законодательного ее закрепления в принимаемых нормативных актах. Отсутствие четкого перечня мер ответственности сторон и механизмов, позволяющих реализовать формы ответственности, в значительной мере снижают качество социального партнерства на всех уровнях.

Особое значение форма коллективно-договорного регулирования приобретает на предприятиях негосударственных форм собственности — частных, акционерных и других.

Применительно к вопросам оплаты труда может быть рассмотрена следующая принципиальная схема их регулирования на разных ступенях коллективно-договорного процесса.

Генеральное тарифное соглашение определяет:

а) размер минимальной оплаты труда в процентах к величине минимальной потребительской корзины (ежеквартально) с целью их постепенного сближения. Возможно, следует предусмотреть определение величины минимальной заработной платы Генеральным соглашением. Опыт определения минимальной заработной платы в национальных соглашениях имеется в некоторых европейских странах;

б) порядок компенсации работодателем падения покупательной способности заработной платы в связи с ростом цен, если не принят специальный закон об индексации (в европейских странах по закону рост инфляции более 0,4 % в течение года предусматривает определенную индексацию заработной платы);

в) соотношение в оплате по квалификационно-должностным группам: 1) в виде единой тарифной сетки по всему народному хозяйству, 2) в виде набора основных соотношений, например, квалифицированного рабочего и неквалифицированного рабочего, квалифицированного рабочего и инженера без категории, руководителя подразделения и специалиста и т. п.;

г) соотношения в оплате рабочих средней квалификации и специалистов по профессиям, наиболее характерным для той или иной отрасли (шахтер для угольной промышленности, станочник для машиностроения, каменщик для строительства, механизатор для сельского хозяйства, водитель для автотранспорта, медсестра для здравоохранения, воспитатель для образования и т. п.);

д) перечень сквозных профессий и должностей, требующих единых условий оплаты независимо от отраслевой принадлежности.

Отраслевые тарифные соглашения определяют:

а) размеры или соотношения в оплате труда по основным профессионально-должностным группам (например, в строительстве могут быть выделены рабочие, занятые на строительно-монтажных и ремонтно-строительных работах, с одной стороны, занятые на верхолазных работах и рабочие по проходке горных склонов, — с другой, среди специалистов и руководителей в строительстве могут быть выделены специалисты и руководители основных и специальных подразделений, основных, обслуживающих и хозяйственных участков);

б) особенности оплаты отдельных групп работников (например, реставраторов в составе строительных организаций, станочников в машиностроении и т. п.);

в) условия оплаты за тяжелые и вредные условия труда.

Территориальные тарифные соглашения определяют:

а) тот же круг вопросов оплаты, что и Генеральное соглашение, в случае если имеется возможность и необходимость установить более высокие гарантии по оплате труда, т. е. корректируют условия оплаты, определенные Генеральным соглашением в сторону их повышения (всех вместе или только отдельных условий оплаты);

б) условия оплаты по сквозным профессиям и должностям: в виде тарифных ставок (окладов), в виде рекомендуемых размеров средней заработной платы;

в) перечень предприятий и организаций, которым рекомендуется в интересах сбалансированного развития территории замедлить (или ускорить) темпы роста заработной платы вплоть до установления регламентируемых темпов роста (замедления);

г) размеры надбавок и условия их выплаты, стимулирующие приток рабочей силы на данную территорию и длительность стажа работы на ней.

Коллективный договор предприятия определяет:

а) конкретные размеры тарифных условий оплаты с учетом отраслевых и территориальных соглашений (минимальные тарифные ставки, их дифференциацию по сложности, условиям труда, формам оплаты, значимости той или иной профессионально-должностной группы в производственном процессе и т. д.);

б) конкретные размеры гарантий и компенсационных выплат;

в) основные размеры и условия получения стимулирующих выплат (доплат, надбавок, премий, вознаграждений);

г) круг работников, по которым условия оплаты будут устанавливаться индивидуально;

д) сроки выплаты заработной платы.

Наряду с преобладающей коллективно-договорной системой и прямым регулированием трудовых отношений со стороны государства, отношения работника и работодателя могут определяться и в индивидуально-договорном порядке на основе заключения индивидуальных трудовых контрактов. В этом случае имеют место прямые отношения между работодателем и работником.

Функционирование рынков труда в развитых странах с рыночной экономикой в последнее десятилетие характеризуется активным внедрением индивидуально-договорных механизмов, сузивших сферу действия коллективных отношений. Однако, если рынки развитых стран имеют сложившуюся инфраструктуру, отлаженные механизмы переквалификации и перераспределения рабочей силы, позволяющие работнику в любое вре-

мя «встроиться» в систему трудовых отношений, то в условиях рынка в современной России работник лишен подобной возможности. Другим «отягчающим» обстоятельством нельзя не признать относительную неразвитость практики государственной поддержки отдельных социальных слоев и категорий работников.

В этой связи в настоящее время уровень развития законодательной базы и инфраструктуры социальной защиты работников определяет предпочтительность коллективно-договорной системы регулирования трудовых отношений в сравнении с индивидуально-договорным регулированием взаимоотношений работников и работодателей. Отсюда, за формирующимися в России формами социального партнерства — будущее, которое должно быть глубоко осмыслено всеми участниками переговорных процессов на разных уровнях. В противном случае неизбежно нарастание социальной нестабильности в обществе взамен интересующих всех процессов разрешения и согласования противоречивых устремлений социальных групп населения России.

Сведения об авторах

Шмаков Владимир Сергеевич — доктор философских наук, зав. сектором Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (гл. 2).

Вавилина Надежда Дмитриевна — доктор социологических наук, ректор Нового Сибирского Института (гл. 3—6).

Дунаев Владимир Юрьевич — кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии и политологии Министерства образования и науки Республики Казахстан (гл. 1).

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
Глава 1. Социальная политика как конструирование «хорошего общества»: принципы и технологии	9
1.1. Социальная реальность как предметная область социальной политики	9
1.2. Идеологическое кодирование социальной онтологии	24
1.3. Логико-семантическая матрица онтологических парадигм	37
1.4. Принципы трансформации социальной онтологии	47
1.5. Информационно-коммуникативные модели оптимизации взаимодействия государства и гражданского общества	57
1.6. Особенности современного этапа эволюции технологий власти и социального управления	73
1.7. Технология использования идеологических схем в управлении массовым сознанием	89
Примечания к главе 1	109
Глава 2. Теоретические основания исследования социальной политики	123
2.1. Определение понятия «социальная политика». Сущность социальной политики	123
2.2. Концептуализация социальных проблем	129
2.3. Государство как субъект социальной политики. Основные модели государственной социальной политики	146
2.4. Механизм реализации государственной социальной политики	156
2.5. Социальная политика российского государства в современных условиях	166
2.6. Социальное государство в условиях глобализации	188

2.7. Институты гражданского общества как субъекты социальной политики	208
Примечания к главе 2	225
Глава 3. Социальный портрет молодежи и государственная молодежная политика	236
3.1. Социальный портрет молодежи	236
3.1.1. Социальная стратификация	237
3.1.2. Социальное самочувствие	246
3.1.3. Социальная самоидентификация	252
3.2. Социальный мир молодежи	258
3.2.1. Отношение молодежи к семье	259
3.2.2. Место религии в социальном мире молодежи	263
3.2.3. Социальные девиации	269
3.3. Государственная молодежная политика в Республике Казахстан	279
3.4. Содержание и формы государственной молодежной политики России	283
Примечания к главе 3	294
Глава 4. Тенденции социально-демографического развития в России: проблемы и семейная политика	295
4.1. Тенденции социально-демографического развития в России	295
4.2. Семейная политика в России: формирование понятия и содержания	313
4.3. Тенденции социально-экономического развития российской семьи	320
4.4. Региональная семейная политика и проблемы ее реализации	327
4.5. Разработка семейной политики в новых условиях развития России ..	336
Примечания к главе 4	347
Глава 5. Бедность как социальное явление и социальная проблема и пути ее преодоления	348
5.1. Теории и модели бедности	348
5.2. Факторы формирования и ловушки бедности	358
5.3. Структура бедности и структура бедных в России	371

5.4. Измерение и диагностика бедности	393
5.5. Государственная политика борьбы с бедностью	398
Примечания к главе 5	417
Глава 6. Социально-трудовые отношения и социальное партнерство: тенденции развития	419
6.1. Институализация социального партнерства. Формирование корпоративистской политической системы	419
6.2. Социальное партнерство: понятие и составляющие	422
6.3. Основные субъекты трудовых отношений — социальные партнеры ..	425
6.4. Типы профсоюзов и основные модели социального партнерства	432
6.5. Основные объекты (предмет) трудовых соглашений (партнерских отношений), факторы, определяющие трудовые конфликты	437

Тематический план выпуска изданий СО РАН

Научное издание

Шмаков Владимир Сергеевич
Вавилина Надежда Дмитриевна
Дунаев Владимир Юрьевич

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА: МОДЕЛИ И СТРАТЕГИИ

*Утверждено к печати Ученым советом
Института философии и права СО РАН*

Монография

Редактор *Н.А. Лившиц*

Дизайн и верстка *Н.В. Черепановой, Т.Г. Чуевой*

Подписано к печати 24.09.2007. Формат бумаги 60×90 $\frac{1}{8}$.
Офсетная печать. Гарнитура Times New Roman CYR.
Усл. печ. л. 28. Уч.-изд. л. 22,4. Тираж 500 экз. Заказ № 0924.
Отпечатано в типографии ООО «Параллель».
630090, г. Новосибирск, ул. Институтская, 4/1, тел. (383) 330-26-98.